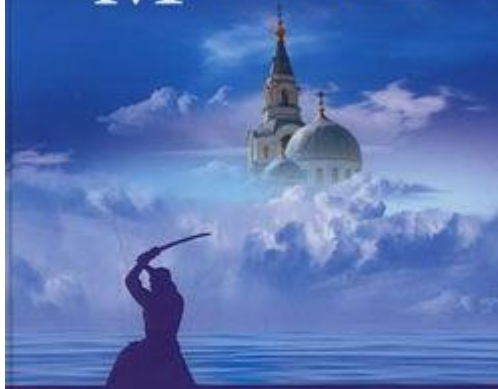

ДЭН
МИЛЛМЭН

Путешествие
Сократа

Annotation

"Путешествие Сократа" – вроде, звучит банально. О путешествиях уже писали неоднократно, о Сократе все всем известно с третьего класса. Но эта книга, поверьте, не пересказ избитых истин и не воспоминания о старине, а описание жизни самого настоящего современного Мудреца, чья жизнь – реальный пример духовной борьбы и победы в самосовершенствовании. Хоть автор и американец, события происходят в России...

Дэн Миллмэн

Путешествие Сократа

Посвящаю эту книгу человеку, которого я звал Сократесом, и вам, мои читатели, просившие меня рассказать его историю.

Знай я раньше об испытаниях, что выпали на долю моего наставника, обо всех тех муках, которые довелось претерпеть старику, я бы внимательней слушал его рассказ, ценил бы каждый миг, что мне случилось провести с ним вместе.

Надеюсь, я воздал ему должное, став его попутчиком в этом путешествии, которое привело его к жизни любящего мудреца, к душе мирного воина.

Дэн Миллмэн

Каждое странствие ведет к своей тайной цели, скрытой от самого странника.

Мартин Бубер

ПРОЛОГ

Я убил Дмитрия Закольева.

Эта мысль, оглушительная в своей реальности, снова и снова взрывалась в голове Сергея. Он плашмя лежал на плывущем мшистом бревне, загребая руками воду и стараясь как можно меньше шуметь. Студеные воды озера Круглое, в двадцати пяти километрах к северу от Москвы, были его единственным путем к спасению. Сергей бежал, из Невской военной школы и от своего прошлого. Но можно ли было спастись бегством от того, что он стал убийцей Закольева?

Стараясь не удаляться слишком далеко от берега, Сергей вглядывался в темноту, чтобы не потерять из виду далекие холмы, которые то проглядывали сквозь туман, то снова исчезали в холодной мгле. Черная холодная вода озера, лишь только он снова начинал грести, тут же вспыхивала бликами в бледном свете луны. Плеск воды и пронизывающий холод на какое-то мгновение отвлекли Сергея, но снова и снова перед его глазами возникало мертвое тело Закольева, лежащее в грязи.

Закоченевшие руки и ноги уже отказывались повиноваться. Пора было выбираться на берег, пока и без того подтопленное бревно не пошло ко дну. Еще немного, подумал он, еще один километр, и – к берегу.

Этот способ побега был медленным и далеко не самым безопасным. Но у него было одно неоспоримое преимущество – вода скрывает все следы беглеца.

Наконец Сергей повернул к берегу. Соскользнув с бревна, он оказался по пояс в топком прибрежном иле. С трудом пробравшись через камышовые заросли, вышел на песчаный берег и бросился в лес.

Пятнадцатилетнего беглеца бил озноб, и не только от холода. Он понимал, что этому поступку суждено определить и его дальнейшую судьбу. Но вся его молодая жизнь, вся череда ее событий словно бы подводили его к этому решению и к этому выбору. Пробираясь сквозь лесную чащобу, он вспоминал пророческие слова своего деда, вспоминал, с чего все это началось...

В ту осень 1872 года ледяные ветры рвались на запад, через покрытую мхом сибирскую тундру, насквозь продувая Уральские горы и северную тайгу, бескрайние сосновые и березовые леса, окружавшие город Санкт-Петербург, ценнейший из бриллиантов в короне Матушки-России.

Ледяной ветер растекается по улицам города от стен Зимнего дворца, вдоль Невы, вдоль девяти сотен каналов, перекрытых восьмью сотнями мостов, чтобы затем разбиться в стенах небольших особняков, в куполах увенчанных православными крестами церквей. Рядом с рекой, в городских парках, бронзовые Петр Великий, Екатерина и Пушкин – царь, царица и поэт – словно караульные, заняли свой пост в бледном свете недавно зажженных уличных фонарей.

Колючий ветер срывает последнюю порыжелую листву с голых веток, раздувает теплые юбки гимназисток и треплет волосы двух мальчишек, затеявших бороться во внутреннем дворике небольшого двухэтажного особняка неподалеку от Невского проспекта. Ветер шевелит занавеси в открытом окне второго этажа. В окне – женский силуэт.

Наталья Иванова кутается в теплую шаль, приоткрывает окно, глядя во дворик, где ее малыш, Саша, затеял кучу малу со своим другом Анатодем. Он обхватил Сашу и пытался было подножкой свалить его с ног. Но не тут-то было. Саша едва заметным движением увернулся и сам бросил Анатоля через бедро – этому приему научил его отец. Довольный собой, Саша радостно закричал петушиным голосом. «Какой, однако, он сильный мальчик, – подумала Наталья, – весь в отца». Хотела бы она иметь столько энергии, особенно сейчас, когда она ждала второго ребенка. Свинцовая усталость не отпускала ее ни на минуту. «Чего же удивляться, милочка, – все повторяла повивальная бабка, с некоторых пор находившаяся при ней почти неотлучно. – Женщине такого хрупкого сложения заводить второе дитя не следует». Но Наталья верила, что способна дать жизнь второму их с Сергеем ребенку, и только молилась, чтобы у нее хватило сил выносить полный срок.

Наталья еще сильнее закуталась в теплую шаль. Надо же, а мальчишкам все нипочем. Такой холодный ветер, а они знай себе играют.

– Саша! Анатолий! Ну-ка живее в дом, пока дождь вас не застал!

Но порыв ветра отнес звук ее слабого голоса прочь от детских ушей, да и сами-то уши в таком возрасте готовы слышать лишь то, что хочется слышать, и только.

Наталья закрыла окно и вернулась к своей кушетке.

Повитуха, все так же мерно работая спицами, о чем-то рассказывала ей, и Наталья, присев рядом, лишь вздохнула и принялась расчесывать свои длинные черные волосы. Она хотела выглядеть как можно привлекательнее, ведь Сергей вот-вот должен вернуться домой.

– Ты отдохни, пожалуй, – тем временем сказала повитуха, – а я выйду, приструню мальчишек.

Еще не утихли ее шаги на лестнице, как Наталья услышала: застучали дождевые капли по подоконнику. А вместе с ними появился и новый звук, на этот раз уже где-то над головой – топот маленьких ножек и озорной визг. «Они снова по шпалере залезли на крышу», – подумала с раздражением и тревогой, так знакомой матерям всех сорванцов.

– Немедленно слезайте! – закричала она в окно. – Только осторожнее, слышите меня?

Снова смех и возня, теперь уже точно на крыше, мальчишки все-таки забрались туда.

– Сию же минуту вернитесь, иначе обо всем станет известно отцу!

– Не волнуйся, мамочка, – послышался Сашин голосок. – Мы уже спускаемся. Только отцу ничего не говори.

И опять смешки и возня.

Не успела Наталья отойти от окна, как вдруг послышался ужасающий скрежет, и раскатистый смех сменился пронзительным криком, который резко оборвался где-то внизу. А потом наступила тишина.

Наталья настежь распахнула окно. Ужасная картина открылась ей. Внизу лежали два неподвижных тела.

Наталья и сама не заметила, как оказалась внизу. В отчаянии она склонилась над двумя распростертыми на мокрой траве телами, не замечая ни холода, ни начавшегося дождя. Внезапно липкая тошнотворная чернота обрушилась на нее, потащив за собой куда-то вниз, в темную пропасть...

Но внезапная боль внизу живота, словно вспышка, вернула ее назад из бездны, и Наталья, словно сквозь пелену, увидела повитуху и мужчину, стоявшего рядом с ней. Они стали поднимать ее, но Наталья сама рванулась, когда послышался слабый детский стон. Она бросилась было к Саше, но это был другой мальчик, Анатолий. У него была сломана нога.

Наталью тем временем взяли под руки, повели в дом, но не успели они и порога переступить, как внезапная боль снова переломила ее пополам. Ее колени подкосились, и она, прямо у порога, так и села на землю. «Где же Саша? – билась мысль в ее голове. – Пора бы ему домой. Ведь так холодно... ах, как холодно...»

Она пришла в себя уже в кровати, рядом хлопотала акушерка. Но она сразу же поняла все сама: ребенок уже родился... не доносила... целых два месяца. А может, просто время так незаметно летит, подумала она. Где я? Где Сергей? Вот сейчас он подойдет, улыбнется, потреплет мой локон и скажет: это тебе приснилось, с Сашей все хорошо... скажет, что все хорошо...

Ах! Как больно! Что случилось? Где Саша? И где Сергей? Сергей Иванов, возвращаясь домой, увидел, что соседи, несмотря на дождь, толпятся у порога его дома. Одного взгляда на их лица было довольно, чтобы он со всех ног бросился в дом. О том, что произошло, он узнал от акушерки: Саша мертв, упал с крыши. У Натальи начались схватки... Кровотечение остановить не удалось... Их больше нет.

А младенец родился живым. Едва ли ему хватит сил выжить, покачала головой акушерка, не раз ей приходилось присутствовать и при рождении, и при смерти. «Душа от тела отходит легко, – подумала она, – куда тяжелей той душе, которой суждено здесь скорбеть об ушедшем». Ждали священника, чтобы исполнить последние приготовления по Наталье и Саше. И по младенцу, видимо, тоже.

Акушерка подала отцу, словно ослепшему от горя, его маленького сына.

– Ребенок слишком слаб, чтобы кормить его грудью, – сказала она. – Но, если смочить тряпицу козьим молоком, он сможет сосать ее. Если, конечно, проживет эту ночь.

Сергей смотрел на новорожденного мальчика, плотно закутанного в одеяльце, едва улавливая смысл того, о чем говорила ему акушерка: «Последняя воля Натальи... ее последние слова... она любит вас всем сердцем, вот что она сказала, прежде чем отойти... и просила, чтобы отдали сына на попечение ее родителей».

Даже в предсмертный час Наталья продолжала заботиться о своем ребенке... и своем муже. Разве сможет ее Сергей, один из офицеров царской гвардии, выходить в одиночку их маленького сына? Или она понимала, что Сергей, всякий раз, глядя на мальчика, будет вспоминать этот черный день?

Тем временем прибыл священник.

Новорожденного окрестили – для спасения его души на случай, если эта ночь станет для него и последней. Священник спросил у Сергея, как звать младенца. Сергей же, словно спросонок, назвал свое имя, решив, что священник обращается к нему.

Вот так и вышло, что ребенок получил имя отца.

Акушерка вызвалась присмотреть за ребенком в эту ночь.

Сергей вяло кивнул в ответ.

– Если он будет жив к утру... позаботьтесь, прошу вас, чтобы его передали родителям Натальи.

Он назвал их адрес и имена – Гершль и Эстер Рабиновичи. Евреи. Сергею не хотелось расставаться с сыном, но старики будут любить ребенка и позаботятся о его воспитании. Он исполнил волю Натальи – никогда и ни в чем он не мог отказать ей, ни в жизни, ни в смерти. Для Сергея Иванова этот августовский день тоже стал первым днем

постепенного угасания, а его маленький сын тем временем ни за что не хотел уступать смерти.

Прошло восемь лет. Темной октябрьской ночью Гершль Рабинович сидел один в вагоне третьего класса. Поезд направлялся в Москву. Гершль то задумчиво поглядывал в окно, то по-стариковски клевал носом, пока едва заметные в предрассветный час бревенчатые избушки мелькали за окном. Гершль засыпал, просыпался, смотрел в окно и снова проваливался в сон. Воспоминания проносились перед его внутренним взором, как серые тени за невымытым вагонным окном: вот его дочь Наталья в красном платье, ее лицо сияет. внук Саша на фотографии... самого мальчика он никогда не видел... и прекрасное даже в преклонные годы лицо его любимой Эстер. Никого из них уже нет на этом свете... никого.

Гершль зажмурился, словно стараясь не видеть всего того, что показывало ему его прошлое. Затем опустил руку, улыбнувшись другому видению – вот лицо трехлетнего мальчика с огромными глазами, слишком огромными для такого маленького личика...

Гершль вздрогнул. Голос кондуктора, который объявил о прибытии поезда, окончательно спугнул его видения. Старик зевнул, встал с лавки, с натугой потягиваясь. Стариковские суставы отчаянно болели после долгого пути. Он долго застегивал на все пуговицы свое старое пальто, потом нахлобучил шапку на голову, прошелся пару раз пальцами по белой, как снег, бороде и водрузил на свой огромный нос очки в проволочной оправе. Толпа, повалившая из вагона к выходу, увлекла за собой и старого еврея, но тот, казалось, даже не замечал, что его теснят со всех сторон, лишь крепче прижимал к груди свой потертый саквояж. Все также прижимая его к груди, словно малого ребенка, Гершль спустился на перрон и шаркающей походкой двинулся к выходу в город. Все вокруг было покрыто густым утренним туманом. Он посмотрел на небо. Похоже, сегодня выпадет первый снег.

Гершль поправил шапку. Впереди его еще ждала дорога, примерно полдня езды от города. Кто-нибудь да найдется ему в попутчики, какой-нибудь крестьянин подсадит на свою телегу.

Поездка, впрочем, уже порядочно измотала его. Бесконечные часы за верстаком выгнули Гершлю спину, подобно тем скрипкам, которые его руки вырезали из отборных чушек клена, ели и черного дерева. А еще Гершль был часовым мастером. Оба эти ремесла перешли ему по наследству, одно от отца, другое от деда. И Гершль, который так и не смог предпочесть одно другому, так и мастерил поочередно – сначала часы, потом скрипку, чтобы потом снова взяться за часы. И даже на склоне лет, несмотря на то, что суставы натруженных пальцев ныли все сильнее, он работал с прежним тщанием, и каждая скрипка, что выходила из-под его резца, была для него как первая, а часы – словно последние в его жизни.

Мастерская тоже досталась ему от отца. Убедившись, что юный Гершль в состоянии прокормить себя сам, он отправился на Восток, чтобы заняться более прибыльной ювелирной торговлей. Богатство и щедрость отца позволили Гершлю, еврею, выправить необходимые бумаги и дальше жить в Санкт-Петербурге. Женившись, он переехал со своей женой Эстер в отдельную квартиру.

Несколько часов спустя он, устроившись на мешках с картошкой в тряской крестьянской телеге, ехал по разбитой грязной дороге. А дальше уже было рукой подать

до школы, что стояла у самого берега озера Круглое, среди холмов, на север от Москвы, где учился внук.

Осторожно спускаясь по скользкой тропе в лощину, Гершль лишь покачал головой, вспомнив, сколько писем он написал туда за последние пять лет. И все напрасно. На каждое его прошение повидаться с внуком ему приходил ответ, обязательно на гербовой бумаге и со столь же обязательным отказом. Наконец, несколько недель назад он написал письмо директору школы Владимиру Иванову: «Я не видел Сергея с той поры, как он был отдан в школу. Моя жена умерла. У меня не осталось никого. Это моя последняя возможность увидеть внука».

Получив письмо директора Иванова с согласием на свидание, Гершль немедленно стал собираться в дорогу.

С неба начинал понемногу сыпать снежок, и он, зябко поежившись, поднял воротник пальто. Всего-то два дня, подумал он, успеет ли он за эти два дня влить свою жизнь в восьмилетнего мальчика? Неожиданно в памяти всплыли слова рабби Гилеля: «Дети – не сосуды, которые следует заполнять, но свечи, которые нужно зажечь».

– Моему огню уже недолго осталось гореть, – словно отвечая кому-то невидимому, пробормотал он, пробираясь едва приметной тропкой через сосновый лес, затем по каменистому склону, уже присыпанному снегом. Боль в суставах вернула его к действительности и к мыслям о том, что позвало его в дорогу. Прошло уже пять лет с той поры, когда в дверь его дома постучал молодой солдат с письмом от отца его маленького Сережи. «Моего сына, – было в этом письме, – следует немедленно отправить в Невскую военную школу».

Прошло еще где-то около часа, и Гершль уже стоял у школьной ограды. Остановившись перед массивными решетчатыми воротами, он постарался сквозь прутья решетки рассмотреть получше само здание. Сурового вида школа была обнесена, словно замок, почти четырехметровой стеной. За ней виднелось несколько каменных строений, там-то, предположил Гершль, и выковывают из молодых людей смелых и умелых солдат. На самом же школьном дворе не на чем было глазу остановиться, никаких украшений, никаких живых изгородей, повсюду царили строгость и спартанская простота.

Кадет-караульный повел его через просторный двор к главному корпусу, затем по длинному коридору к двери, на которой была табличка «В.И. Иванов. Директор школы». Гершль снял шапку, пригладил свои редеющие волосы и открыл дверь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Горькое и сладкое

Есть у меня для вас две истории, одна с грустным концом, а другая со счастливым. Может быть, вы скажете мне, что это была одна и та же история, когда услышите обе. Ибо и горькому есть своя пора, и сладкому – своя, И чередуются они, как день и ночь... даже теперь, Когда для меня наступил час сумерек...

Из дневников Сократа

В тот октябрьский день, когда его вызвали в дядин кабинет, Сергей не на шутку встревожился. Подобный вызов, редкость для любого кадета, как правило, означал плохие известия или же наказание. Поэтому он не особенно торопился предстать перед суровым взглядом господина директора и шел по двору школы совсем не строевым шагом.

Он уже успел привыкнуть к тому, что Владимир Иванов ему не просто дядя, а господин директор школы. Не велено было и обращаться к нему с личными вопросами, хотя их накопилось у Сергея изрядное множество: и о родителях, и о его прошлом. Директор, и без того немногословный, предпочитал не распространяться ни на ту, ни на другую тему. Исключением был лишь один день. Тогда он сообщил Сергею, что умер его отец.

Каждый уголок школьного двора, по которому сейчас шел Сергей, отзывался в нем воспоминаниями о годах, проведенных в школе. Вот тут он впервые ездил верхом, с трудом держась в седле и судорожно вцепившись в поводья. А здесь был бит, ввязавшись в драку из-за своего горячего характера, а бит был из-за хрупкого сложения...

Вот лазарет и маленькая комнатка Галины, старушки – медсестры которая взяла его на попечение, когда малыша только-только привезли в школу. Она утирала ему нос, когда ему случалось простудиться, и водила в столовую, пока он сам не научился находить дорогу. Он был слишком мал, чтобы жить в казарме, и ночью спал на раскладной кровати в приемном покое школьного лазарета, пока ему не исполнилось пять лет. Все остальное время он был предоставлен сам себе, не зная ни своего угла, ни чем себя занять в школе. Для кадетов же он был словно игрушка или собачонка: могли поиграть, а могли и прибить.

Почти всех мальчишек дома ждали матери или отцы, Сергей же знал только своего дядю и поэтому отчаянно старался заслужить его расположение – господина директора. Усилия эти привели лишь к тому, что старшие кадеты при каждом удобном случае старались толкнуть, стукнуть или подставить подножку «любимчику дядюшки Влада». Чуть зазевался – и получишь шишку или ссадину. Впрочем, всем младшим кадетам доставалось от старших, и мордобой был словно вторым, негласным школьным уставом. Школьные же воспитатели на существование этого устава закрывали глаза, пока кому-то из их подопечных не доставалось уж слишком сурово. Пусть младшие приучаются работать кулаками, считали они, так быстрее научатся стоять за себя. В конце концов, ведь в школе готовят будущих солдат.

Когда к Сергею впервые пристал один из старших, он принялся яростно размахивать кулаками, инстинктивно почувствовав, что отступать нельзя, иначе побои станут бесконечными. Ему здорово досталось от старшего мальчишки, но и тот пропустил парочку крепких ударов и после этого уже старался не задираться. В следующий раз он сам бросился на двух кадетов, решивших задать трепку одному новичку. Оружием Сергея были скорее ярость, чем умение. Те от неожиданности попятнулись, предпочтя представить все как шутку. Но новичок, которого звали Андрей, был рад неожиданному заступнику, и с той поры он был единственным, кого Сергей мог назвать своим другом.

Едва ему исполнилось пять лет, как он уже оказался в одной казарме с семи и десятилетками. Кадеты постарше жили этажом выше, а все те, кому исполнилось шестнадцать, в другом корпусе. В казарме всем заправляли «старики», но и те сами тряслись от страха от одной только мысли, что придет их черед переселяться этажом выше и заново проходить казарменную науку. За это время Сергей и Андрей сблизились еще больше, научившись защищать не только себя, но и своего товарища.

О своей жизни до школы у Сергея были лишь самые смутные представления, словно все те годы прошли для него в каком-то коконе, только для того, чтобы однажды проснуться здесь. Но иногда, пытаясь хоть что-то откопать в своем прошлом, он находил в своей памяти образы пышнотелой старушки с мягкими, словно тесто, руками, и мужчины с нимбом белых волос. Кто же, кто это мог быть? Это не давало Сергею покоя. Слишком много вопросов беспокоили его.

Вплоть до того самого октябрьского дня 1880 года его мир был заключен в каменные стены казарм, классных комнат и тренировочных площадок Невской военной школы. Сергей не выбирал свою жизнь, он просто жил, едва отличая один день от другого. В его жизни классные занятия чередовались с боевой подготовкой, военная история, стратегия и география – с верховой ездой, бегом, плаванием и гимнастикой.

Все время, когда кадеты были не на занятиях или в наряде, они занимались боевой подготовкой. Не раз Сергею доводилось плыть под водой холодного даже летом озера Круглое, дыша через соломинку, отрабатывать деревянной саблей приемы сабельного боя и стрелять из лука, который он едва-едва мог натянуть. Когда он станет старше, придет черед упражняться в стрельбе из пистолета и карабина.

Перед тем как войти в главный корпус школы, Сергей старательно поправил под ремнем свою темно-синюю гимнастерку над такого же цвета форменными брюками и еще раз взглянул на сапоги, чистые ли они. На мгновение он подумал, что еще не поздно, пожалуй, вернуться и надеть форменный мундир и перчатки, но потом передумал. Старших мальчиков форма делала только стройнее, но на нем все смотрелось мешком. Когда он вырос из своей старой формы, ему снова выдали форму не по размеру, такую же мешковатую, как и та, старая.

Вновь погрузившись в свои мысли, он не спеша направился по длинному коридору, который упирался в кабинет директора. Последний раз его вызывали сюда четыре года назад. Сергею вспомнилось, как тогда он едва смог вскарабкаться на стул. Наконец, усевшись, почти не доставая ногами до пола, он едва мог рассмотреть над массивным столом самого дядю, но вот взгляд его строгих глаз запомнил хорошо. Как и те несколько слов, навсегда отпечатавшихся в его памяти. «Твой отец, Сергей Борисович Иванов, умер. Он входил в гвардию нашего Государя. Твой отец был казак и достойный человек. Тебе следует старательно учиться, чтобы ты мог быть похожим на него».

Сергей лишь кивнул в ответ. Он не знал, что следует чувствовать и как следует отвечать на такие слова.

«Есть вопросы?» – спросил директор. «А почему он... отец умер?»

Дядя лишь вздохнул в ответ. «Допился он до смерти, вот почему. – Затем его голос вновь стал строгим:

– Ступайте, кадет Иванов». Сергей снова оказался в коридоре, не зная, что и думать. Это, наверное, плохо, что умер отец, и в то же время он был горд, что в его жилах течет казацкая кровь. И этот день также стал первым, когда он поверил, что придет день и он станет сильным. Таким же сильным, как отец, тот отец, которого ему так и не довелось увидеть.

Уже стоя перед самой дверью кабинета и занеся руку, чтобы постучать, Сергей услышал приглушенный дядин голос внутри:

– Я не против вашего свидания...хотя не все здесь согласны с моим решением. С жидов-хриstopродавцев, сами знаете, спрос особый...

– Мне тоже мало симпатичны юдофобствующие солдафоны, – ответил на это незнакомый Сергею стариковский голос.

– Не все солдаты ненавидят евреев.

– А вы? – спросил тот же голос.

– Мне ненавистна лишь слабость.

– А мне – невежество.

– Я не настолько невежествен, чтобы попасться на ваши жидовские штучки, – сказал директор.

– А я не настолько слаб, чтобы струсить перед вашей казацкой бравадой, – не уступал старик.

Сергей воспользовался минутным молчанием и трижды постучал в тяжелую дубовую дверь.

Она открылась, и Сергей увидел своего дядю с незнакомым стариком.

– Знакомьтесь, кадет Иванов, – резко бросил дядя. – Этот человек – ваш дед.

Белоголовый старик поднялся навстречу Сергею. Его лицо лучилось счастьем, а губы мягко шептали, словно приветствовали его каким-то незнакомым именем:

– Сократес... мы все-таки свиделись... мой Сократес...

2.

Гершль протянул руки, чтобы поскорее обнять своего внука. Когда же увидел, что мальчик не узнает его, сжал его руку в своих старческих ладонях:

– Здравствуй... Сережа. Вот мы и встретились. Я так давно собирался навестить тебя, вот только... ну вот, теперь ты знаешь, кто я.

Директор оборвал его на полуслове:

– Отправляйтесь в казарму, кадет Иванов, и соберите все, что вам может понадобиться в увольнении. Вы идете в увольнение на два дня.

– Что же касается вас, – обратился он к Гершлю, – то вы отвечаете за то, чтобы в воскресенье пополудни мальчик был в школе. Ему нужно готовиться к занятиям. Я не хочу, чтобы он вырос... как вы говорите... невежей.

– Конечно, конечно, – сказал Гершль, не выпуская из рук ладошку мальчика. – Нам всем нужно учиться, много чему учиться...

Директор только рукой махнул, давая понять, что не задерживает их. Сергей что было духу бросился в казарму собирать свои вещи. А потом началось его увольнение. Они с дедом бок о бок шли по долгому темному коридору, вышли через железные ворота, и через поле, по заснеженной дороге – к поросшему леском холму.

Восьмидесятилетний Гершль – на самом деле он перестал считать свои годы после того, как умерла Эстер, – двигался шаткой походкой, зато Сергей летел, как на крыльях. Он то забегал далеко вперед, то снова останавливался, чтобы дед мог догнать его, сбивал снег с веток и, словно опьяненный неожиданной свободой, жадно вдыхал морозный воздух. Он не знал слов, которыми можно было выразить его восторг. Ведь он, оказывается, был ничуть не хуже тех, других кадетов, что оставались сейчас в школе. У него тоже есть в этом мире свои близкие люди. У него тоже есть семья.

Они петляли между деревьями, пока тропа не вывела их к внушительного вида валуну, возвышавшемуся как раз у основания каменистого, поросшего лесом холма. Гершль вытащил карту из внутреннего кармана своего потертого пальто и показал ее мальчику:

– Вот твоя школа, видишь? А вот этот валун, он тоже отмечен на карте. А вот сюда мы с тобой направляемся, – Гершль постучал согнутым пальцем по крестику, который сам же он нарисовал на карте темными чернилами. Сергей, который уже знал основы ориентирования по карте, понимающе кивнул головой и запомнил указанное место.

Сложив карту и спрятав ее на прежнее место, Гершль, прищурившись, посмотрел на заснеженную тропу. Затем вытащил карманные часы, нахмурился.

– Нам нужно оказаться на месте до того, как начнет темнеть, – сказал он. И они снова тронулись в путь, вверх по пологому склону.

Сергей уже был приучен следовать приказам, не задавая вопросов. Но детское любопытство понемногу брало верх, и он не выдержал.

– А мы идем к вам домой? – спросил он.

– До моего дома отсюда ой как далеко, – стараясь не потерять дыхание на подъеме, ответил Гершль. – Те два дня и две ночи, что у нас с тобой есть, мы проведем у Беньямина и Сары Абрамовичей. Мы с Беньямином друзья уже много-много лет.

– А у них есть дети?

Гершль улыбнулся. Он ждал этого вопроса.

– Есть, двое. Авраам, двенадцати лет от роду, и маленькая Лия, ей всего пять.

– Их имена такие... Никогда прежде не слышал, чтобы детей звали такими именами!

– Это еврейские имена. А сегодня мы празднуем Субботу.

– А как это – праздновать субботу? – спросил мальчик.

– Суббота – священный день, отведенный для отдыха и памяти.

– Как воскресенье?

– Да. Но наша Суббота, мы зовем ее Шабат, она начинается пятничным вечером, когда на небе появляются первые три звезды.

Тем временем они все выше забирались вверх по лесистому склону, пробираясь между валунами. Старик ставил ногу осторожно, стараясь не споткнуться, пока его восьмилетний внук проворно скакал с камня на камень. Сергей услышал, как его дед, с трудом переводя дыхание, предостерегающе окликнул его:

– Смотри, осторожней, Сократес... камни такие скользкие, не упади!

Опять это имя.

– Почему вы зовете меня таким именем – Сократес?

– Так мы звали тебя когда-то, еще в ту пору, когда тебя привезли к нам совсем младенцем.

– А что это за имя такое?

Взгляд Гершля затуманился, прошлое снова встало перед ним.

– Когда твоя мать, Наталья, была еще девочкой, я часто читал ей вслух из наших еврейских книг, Талмуда и Торы, и из других мудрых книг, где говорилось, как жили когда-то в древние времена великие философы. Ей больше всего нравился один грек, его-то и звали Сократ. Жил он давным-давно... и был мудрейшим и достойнейшим из людей.

Невидящий взгляд Гершля был обращен куда-то вдаль, к небу, или холмам, едва различимым в свинцовой дымке.

– А когда у нас появился ты, мы с твоей бабушкой стали звать тебя нашим маленьким Сократесом... словно наша дочь, а твоя мать, была снова с нами.

– А чем моей матери понравился этот Сократ? Своей мудростью?

– Да, но не только. Он был смелым и обладал сильным характером.

– А что он такого сделал?

– Сократ учил молодежь в Афинах – есть такой город в одной далекой стране – жить достойно и ценить мир превыше всего. Он говорил о себе, что ничего не знает, но умел задавать такие умные вопросы, которые сразу открывали, кто перед ним – лжец или правдивый человек. Он был мыслителем и одновременно человеком действия. В молодости он был борцом и храбрым солдатом, но потом возненавидел войну. Он был... как бы это сказать... мирным воином, вот как.

На время удовлетворив свое любопытство, Сергей остановился, чтобы лучше рассмотреть открывавшийся внизу заснеженный ландшафт. Лучи закатного солнца играли на белой равнине, переливаясь на деревьях, на серебристых мхах. Разгоряченный свежим морозным воздухом, прогулкой и предвкушением того, что еще готовит ему этот удивительный день, Сергей просто не мог устоять на месте. Он бросился вперед, затем

все-таки заставил себя остановиться. Нетерпеливо приплясывая на месте, он решил дождаться деда.

Глядя на старика, который с трудом пробирался между камнями, Сергею вдруг припомнилось это слово, «еврей». Время от времени оно всплывало в школьных разговорах, вот и дядя упомянул его в своем кабинете.

– Эй, дедушка, – Сергей помахал ему рукой, – скажите, а вы еврей?

– Да, – стараясь отдышаться, ответил Гершль. – И я, и ты тоже... Твоя мать была еврейка, а твой отец... ну и что из того, что он не был евреем... в тебе ведь течет еврейская кровь.

Сергей посмотрел на свои ладони, пунцовые на морозном воздухе. Вот оно как получается... в нем течет и казацкая кровь, и еврейская.

– Скажите, дедушка...

– Лучше зови меня дедуля и на «ты», хорошо? Ты ведь мой маленький внучек! – Гершль наконец-то поравнялся со своим внуком и присел на заснеженный валун, чтобы немного перевести дыхание.

– Дедуля... мне так хочется узнать, какой была моя мать... и мой отец.

В ответ Гершль смахнул снег с соседнего валуна, жестом приглашая Сергея сесть рядом с ним. Он поведал Сергею историю его рождения, все то, что стало ему известно от акушерки, которая была при Наталье в тот роковой день.

– Ты был словно светлый лучик в ненастный день, Сократес, – закончил он свой рассказ. – И у тебя тоже были мать и отец, которые тебя любили.

Сергей увидел, что старик вытирает слезы, покотившиеся по его щекам.

– Ты плачешь, дедуля?

– Это ничего, мой маленький Сократес, ничего – видишь, я уже не плачу... Мне просто вспомнилась твоя мать... наша Наталья.

– А она была красивая? – спросил Сергей.

Гершль умолк, отрешенно кивая головой, затем поднял задумчивый взгляд на внука:

– Для отца нет никого красивее, чем его дочь. Но с твоей матерью мало кто мог сравниться и смышленостью, и мягким характером. Она могла бы украсить жизнь любого мужчины-еврея, достойного ее... если, конечно, он не возражает, что у жены на каждое его слово есть своих два... – взгляд Гершля на мгновение смягчился, затем старик снова погрузился в раздумья. – Не могу тебе точно сказать, где и как она познакомилась с твоим отцом. Помню, что я испытал, когда она привела его в наш дом, знакомиться. Надо ж было, найти такого... мало того что не еврей, так еще и казак, гонитель нашего народа...

– Но ведь ты сам рассказывал, какая у них была хорошая семья, что он любил ее! Разве не так?

– Да, да... дело в том... дело вот в чем: чтобы выйти замуж за твоего отца, ей пришлось отречься от нашей иудейской веры и принять... христианство.

Гершль на мгновение умолк, чтобы его внук мог осознать всю чудовищность этого поступка.

– Ты хочешь сказать, что она больше с тобой не разговаривала?

– Нет. – Гершль осекся, и по его лицу внезапно побежала судорога.

– Дедуля... что с тобой? Тебе нехорошо? Гершль жестом успокоил его:

– Нет, Сережа, это я перестал с ней разговаривать. Я сказал себе – для меня моя дочь все равно что умерла.

Он вдруг снова залился слезами, и в этот раз уже был не в силах сдерживать ни слез, ни слов.

– Разве сможешь понять ты, мой маленький Сократес, как я мог решиться на такое, – ведь я и сам этого не понимаю. Но жестокие слова вырвались из моих уст. Я повернулся к ней спиной, раз уж она сама, так я говорил себе, повернулась спиной к своему народу. Я не знал и не хотел знать, как с ней можно поступить по другому. А Эстер, твоей бабушке, не оставалось ничего, лишь только принять мою волю, хотя это сделало ее несчастной до конца ее дней.

Гершль едва находил в себе силы, чтобы продолжать рассказ.

– Бедняжка, она так хотела поговорить со своей дочерью... обнять ее, хотя бы разок. А мне... разве мне этого не хотелось? – словно продолжая невидимый спор с прошлым, укоризненно пробормотал он. На какое-то время он опять замолчал.

Когда он открыл глаза, его голос звучал устало:

– Помню, мы с Эстер так жестоко поругались... Наталья написала нам в письме, что у нас уже есть внук, Саша – Эстер умоляла меня, чтобы позволил ей встретиться с дочерью, увидеть внука. Но я запретил... запретил моей дорогой Эстер даже отвечать на письма дочери.

– Нам так и не довелось увидеть маленького Сашу, – продолжал он. – Мы узнавали о нем, о том, как он рос, из писем Натальи. Я не хотел даже писем ее читать... но твоя бабушка Эстер, она все равно рассказывала мне, что в них написано. Мы так и не свиделись с твоей матерью ни разу, не поговорили с ней... А потом она умерла.

Гершль шумно высморкался, вытирая холодные мокрые щеки рукавом пальто.

Тем временем посыпал легкий снежок. Они встали и продолжили свой подъем. Гершель взял Сергея за руку и мягко произнес:

– Но ты вот о чем должен думать, Сократес... повитуха, что принесла тебя... Она сказала, что твоя мать видела тебя и успела поддержать тебя на руках, прежде чем умереть.

Сергей задумчиво помолчал, затем спросил:

– А зачем ей было умирать, дедуля?

– А зачем все люди умирают? Нам об этом знать не дано.

Гершель обнял внука за плечи, и они так и пошли дальше. Старик молчал, а Сергей представлял себе, как он был на руках у матери незадолго до ее смерти. Он даже не замечал, как холодно вокруг.

Теперь ему было известно, как он появился на свет и что рождение идет рука об руку со смертью. Он чувствовал, насколько такое может почувствовать восьмилетний мальчик, что его деду суждено нести скорбный груз воспоминаний, подобно тому как он нес сейчас свой саквояж, до самой смерти, которая одна только и может освободить от всякого бремени. И все же он видел, что деду стало легче на душе после этого разговора, и он был рад этому.

И Гершель тоже, словно проснувшись от тяжелого сна, обратился к внуку:

– Вот такова наша с тобой жизнь, мой маленький Сократес. У меня больше нет дочери и жены, а у тебя отца и матери. Мы остались с тобой одни в этом мире. Пусть и жестокая это правда, но все-таки правда. А в этой жизни, мой дорогой, одна только правда делает человека свободным.

3.

Холодное солнце, и без того едва видимое за завесой облаков, уже успело спрятаться за деревьями. Наступала ночь, и, словно приветствуя ее, где-то в черном лесу завывали волки. Но уже между темневшими деревьями показалась поляна, а затем на ней стал различим и небольшой деревянный домик. Его оконца лучились мягким светом, словно приглашая путника разделить с хозяевами тепло и гостеприимство их дома. Снежинки, которые в сумерках казались серыми, в лучах этого света вспыхивали радостными серебристыми огоньками, прежде чем опуститься на землю.

Домик этот при ближайшем рассмотрении оказался не таким уж маленьким, из крепких бревен с тесовой крышей. Из каменной трубы вился легкий дымок. Гершель взошел на крыльцо, снял шапку и смахнул ею снег со своих сапог. Сергей последовал его примеру, а Гершель тем временем стал громко стучать в крепкую дубовую дверь.

Гостей радушно приветствовали. Умывшись и отогревшись, Гершель и Сергей заняли свои места за семейным столом – это была первая на Сергеевой памяти настоящая семейная трапеза. Хозяйка стала подавать еду на стол. Сергей исподтишка поглядывал на хозяев дома. Мать, Сара, была маленькой худощавой женщиной с темными каштановыми волосами, едва выглядывавшими из-под белого платка, завязанного под подбородком. Авраам, высокий худощавый мальчик лет двенадцати, вел себя сдержанно, но

дружелюбно. Лия, милая пятилетняя девочка с густыми медными волосами и застенчивой улыбкой, тоже поглядывала на Сергея.

А Сергей в этот миг словно впитывал в себя все, что окружало его в этом уютном и опрятном жилище. Он чувствовал себя таким неуклюжим рядом с Авраамом с его курточкой и аккуратными брючками, и Лией, одетой, как мать, в темное платье и с волосами, подвязанными косынкой.

Их отец, Беньямин Абрамович, тем временем обратился к своему маленькому гостю:

– Знай же, дорогой Сережа, когда приходит наша Суббота, мы откладываем все наши повседневные дела и заботы и посвящаем это время литературе, поэзии и музыке. Этот день служит нам напоминанием, что мы не рабы, чтобы вечно работать. В Субботу мы свободны от мира.

Сара зажгла на столе две свечи и прочитала молитву благословения. Затем Беньямин прочитал молитву над вином и предложил Гершлю произнести молитву над двумя хлебами, скрученными наподобие веревки, которые они называли «хала». Сергей же в изумлении смотрел на все те кушанья, что Сара выставила на стол: густая ячменная похлебка, рубленые крутые яйца, аппетитный свекольный салат, сахарные коржи, нарезанные свежие фрукты, картофельные зразы, рис и медовик с печеными яблоками на десерт.

Все с аппетитом набросились на еду, только Сара продолжала смущенно хлопотать:

– Ах, в такую погоду годилось бы встречать гостей горячим бульоном с курочкой... вот только курочка, сами знаете...

Вот, значит, что такое мать, думал тем временем Сергей, не отводя от нее взгляда. Он невольно почувствовал зависть к этим детям, ведь они могут видеть свою мать каждый день. А моя мама, подумал он, какой она была?. Наверное, похожей на Сару Абрамович...

Это был самый вкусный обед в его жизни. И самый прекрасный вечер, наполненный смехом, непринужденной беседой – вечер, светившийся особым светом, который шел не только от свечей, зажженных повсюду в доме, но и из сердец всех собравшихся за субботним столом. В этом доме его приняли как члена семьи. И он тоже будет считать, что в этот день нашел свою семью.

А следующий день пролетел совсем незаметно. Авраам взялся учить его играть в шашки. Склонившись над доской, Сергей вдруг заметил, что у Авраама на лбу, как раз над правой бровью, краснеет шрам. Авраам перехватил его взгляд и засмеялся:

– Это ветка меня так стукнула, на дерево лез и упал. Мама меня наругала, говорила, больше лазь по деревьям, вообще без глаза останешься.

После обеда, когда небо прояснилось, всей семьей они вышли на прогулку в лес. Беньямин между делом показывал Гершлю те деревья, которые он отобрал на древесину для его часов и скрипок.

Вернувшись домой, Беньямин принялся было беседовать о чем-то с Гершлем, но тот, разморенный прогулкой и теплом, сразу же задремал, прямо на полуслове, а когда проснулся, то не сразу смог понять, где находится. Сара налила ему горячего чаю, и он понемногу стал приходить в себя.

Как только на небе выглянули три звезды, пришло время провожать Шабат. И снова читались молитвы над вином и зажигались свечи. Пока Беньямин разводил огонь в печке, Гершль полез в свой саквояж и вытащил оттуда подарки – пряности и свечи для взрослых и сладости для детей. А потом Беньямин подал Гершлю скрипку, сделанную руками старого мастера, и старик заиграл.

Сергей даже рот открыл от изумления. Не успел он привыкнуть к тому, что у него есть дед, – и вот перед ним уже стоял не простой смертный, а Музыкант. Скрипка пела о том, что было на душе и у старого мастера, и у них самих, о невысказанных печалях и радостных надеждах. Маленькая Лия кружилась в танце, Авраам и Сергей прихлопывали ей, когда мелодия становилась веселой.

Когда старик опустил смычок, Сергей уже спал, пристроившись у теплой печки. Впечатлений этих двух дней оказалось слишком много, и он заснул, согретый теплом своей новой семьи, и ему снилась музыка.

В воскресенье, когда на дворе рассвело, Гершль и Сергей стали прощаться. Сергей старался всё получше запомнить, чтобы в школе в своей памяти вернуться к этим мгновениям. Лицо и голос Сары... смех Беньямина... Авраам, уже успевший уткнуться в книгу... Лия... вот она сидит у огня...

Может быть, подумал Сергей, придет тот день, когда он сам станет таким, как Беньямин Абрамович, у него будет жена, такая же, как Сара, свои дети.

У самого порога Сара присела и заключила Сергея в объятия. Маленькая Лия тоже обняла его. Авраам и Беньямин, прощаясь, пожали ему руку.

– Приходи, когда сможешь, – сказал отец.

– Мы ведь ненадолго прощаемся? – спросил сын.

Старик Гершль только крикнул смущенно, обняв внука за плечи. Сергей взглянул на него и каким-то неясным чутьем понял, что его дед, этот добрый старик, коротавший свои дни в пустом одиноком доме, тоже нашел свою частичку тепла в этом доме. Выйдя во двор, они еще раз помахали хозяевам на прощанье и направились по тропе в лес.

Людям свойственно забывать телесные ощущения. Всего несколько минут у теплого очага – и мы уже и не вспоминаем, что провели на холоде часы или дни. То ли дело с переживаниями, которые врезаются в память навечно и воскресают при каждом удобном случае. Эти два дня в семье, треск огня в печурке, запах свежееиспеченного хлеба, Авраам и Лия – не кадеты, а самые обычные дети – эти воспоминания не раз потом помогали Сергею продержаться в те трудные дни и годы, которые вскоре наступили для него.

Сергей отстоял немало воскресных служб в школьной часовне. Отец Георгий говорил о райском блаженстве, но Сергей слушал его вполуха – он слабо представлял

себе, что такое рай. Эти два дня, проведенные в лесной избушке, стали для него настоящим раем.

Обратно они возвращались в полном молчании, лишь только снег размеренно хрустел у них под ногами, да иногда, словно выстрел, раздавался треск сухой ветки, уже не видной под выпавшим за ночь снегом. Каждому из них хотелось сбегать от случайных слов отложившиеся за эти дни мысли и чувства. Да и под ноги тоже приходилось смотреть – спускаться с пригорка стало вдвойне рискованней. Когда Сергею случилось поскользнуться и он уцепился за рукав деда, Гершель сказал:

– Мне так хорошо с тобою, Сократес.

– И мне с тобой тоже хорошо, дедуля, – отвечал ему Сергей.

Скоро уже и школа показалась в виду – ах, слишком скоро, невольно вздохнул каждый из них. Сергей взглянул на деда – казалось, щеки на его лице еще запали от усталости. А старику ведь предстоял нелегкий путь домой, в пустой дом, где жили только воспоминания. Сергей вдруг почувствовал непреодолимое желание уехать с дедулей Гершлем к нему, в Санкт-Петербург, но у него не хватило духу признаться в этом. Тем более, вздохнул он, его все равно никто не отпустит.

Они подошли к школьному двору и остановились у ворот.

Никто из них не решался первым сказать прощальные слова. Наконец Гершель, прокашлявшись, опустил свою ладонь на внукову:

– Мой маленький Сократес, что бы ни уготовили тебе грядущие годы, какие бы тебя ни ждали трудности, помни: ты не один на этом свете. Души твоих родителей и твоей бабушки Эстер и дедушки Гершля будут всегда рядом с тобой...

Не в силах оторвать взгляда от носков своих сапог, Сергей почувствовал, как его плечи опустились под тяжестью расставания. Он понял, что еще одной встречи с дедом, скорее всего, уже не будет.

Гершель, не в силах сдержать чувств, присел перед мальчиком, суетливо отряхивая его шинельку, затем притянул внука к себе. Сергей вздрогнул, ожидая, что дед вот-вот отстранится и зашагает прочь, но вместо этого Гершель улыбнулся и пробормотал:

– А вот у меня что есть...это будет тебе подарок...от мамы с папой.

Он засунул руку в карман пальто и вытащил оттуда серебряную цепочку с овальным медальоном. Мальчик только мигнул, когда случайный лучик осеннего солнца отразился на блестящем серебре.

– Мне его дала повитуха в тот день, когда тебя передали на попечение нам с Эстер, – продолжал тем временем Гершель, – Этот медальон принадлежал твоей матери. Ее воля, чтобы этот медальон передали тебе, когда ты подрастешь. Вижу, ты уже достаточно взрослый.

Гершель вложил медальон и цепочку в ладошку Сергея.

– Открой его.

Сергей непонимающе взглянул на него.

– Смотри сюда... видишь, он открывается.. – Гершель нажал сухими стариковскими пальцами на створки, и медальон со щелчком раскрылся. Сергей с удивлением увидел на внутренней стороне створок две крохотные фотографии: женщину с темными курчавыми волосами и широкоскулого мужчину с черной бородой.

– Это мои... мои родители? – спросил он у деда. Тот кивнул.

– Для твоей матери этот медальон был ценней всего на свете, так что и ты береги его. Ведь теперь ты его хозяин.

– Сберегу... – потрясенный Сергей никак не мог отвести взгляда от фотографии.

– Мой малыш... мой дорогой Сократес! – вдруг сбивчиво забормотал старик, – но это еще не все, я должен еще кое-что тебе сказать... слушай меня и запоминай, что я буду говорить, – обещаешь? Твой дедуля тоже приготовил тебе подарок, только не время его отдавать, понимаешь? Но я его спрятал, очень, очень хорошо, в одном леске, недалеко от моего дома в Петербурге. Вот, смотри сюда... видишь? – он вытащил из внутреннего кармана пальто сложенную карту и развернул ее прямо на своей груди, чтобы мальчик смог увидеть все детали. – Вот это дерево... с трех сторон лес... напротив – река... не ошибешься... ты не ошибешься – я знаю...

4.

Поглубже спрятав карту, Сергей прошмыгнул в школьные ворота.

На воскресную службу он уже опоздал. Сергей со всех ног помчался по пустым коридорам в казарму, швырнул вещмешок в свою тумбочку. Может, он еще успеет к концу службы. Сергей уже было повернулся идти в часовню, как вдруг ему на глаза попался дорожный мешок у соседней с ним койки, которая несколько недель как пустовала. Похоже на то, что к ним привезли новенького.

Он торопливо засунул медальон и карту в дыру в матрасе – самый надежный тайник, который он мог придумать. Затем, быстрым шагом, по тому же коридору – в часовню. Но незаметно для себя замедлил шаг, представив, как сейчас его дед, по-стариковски сутулясь, медленно бредет назад к большаку.

Сергей перекрестился и стал просить Бога даровать деду побольше сил и оградить его в пути. Это был первый раз, сколько Сергей помнил себя, когда он молился от всего сердца, как не уставал учить их отец Георгий. Но прежде в его жизни просто не было ничего, за что он мог бы так молиться.

Господи, повторял он, не отвергай моей молитвы, помоги моему дедуле... ведь это ничего, что он еврей?

Стараясь как можно незаметнее смешаться с остальными кадетами в часовне, он вдруг спросил сам себя: а кто я? Еврей? Христианин? Казак?

Впрочем, остаться незамеченным не получилось. Его появление было встречено улыбками, приветственными, а порой и злорадными – кое-кто был не прочь увидеть, как его станут отчитывать за опоздание. Сергей отыскивал взглядом отца Георгия. Священник в

черной рясе кадил перед алтарными иконами Христа, Богородицы, архангелов Михаила и Гавриила и св. Георгия, покровителя их школы и заступника России.

Священник повернулся к своей юной пастве и обратился к ней с воскресным словом. Сергей старался вслушаться в его слова, но мысли то и дело убегали к увиденному и прочувствованному. И отец Георгий, и его дед Гершель, они говорят о Боге, которого нельзя увидеть глазами. Для него теперь Бог – это избушка в лесу, а Царство Небесное – материнские объятия.

Служба кончилась, кадеты стали друг за другом подходить прикладываться к кресту, а затем выходить во двор строиться перед часовней. Вот тут-то и довелось Сергею впервые столкнуться с кадетом-новичком. Тот оказался высоким, крупным даже для своего возраста, хотя и так было видно, что он года на три или четыре старше всех остальных. Дверь в часовню была узкой, и пройти в нее можно было лишь одному человеку. Так получилось, что в дверях Сергей поравнялся с новеньким и уже хотел было пропустить его вперед, как тот сам так двинул Сергея плечом, что он едва не свалился на пол, чуть не опрокинув свечник.

С этой первой неприкрытой грубости все и началось. Когда кадеты вернулись к себе в казарму, оказалось, что котомка у прежде пустовавшей койки между койками Сергея и Андрея принадлежит не кому иному, как этому самому новенькому. Его звали Дмитрий Закольева, но с самого первого дня для Сергея он стал только Закольевым. Уже один звук этого имени порождал в Сергее страх и отвращение.

Вскоре стали поговаривать, что человек, который привел его в школу, не захотел даже порог школы переступить. Он подал конверт кадету, стоявшему на посту у ворот, сказал: «Это плата за обучение» и зашагал прочь, даже не оглянувшись.

Закольева было двенадцать лет, и ему должны были отвести место в казарме этажом выше, с такими же, как он, двенадцати- и четырнадцатилетками. Но вышло так, что наверху не хватало свободных мест, там как раз взялись проводить «экстренную дезинфекцию», проще говоря, травить вшей, которые развелись в казарменных матрасах. Так что на эту первую неделю новопривывшего кадета разместили в казарме «сосунков» – так сам Закольева назвал своих новых соседей по казарме. И не понадобилось много времени, чтобы все почувствовали, что за новичок у них появился, а в особенности Сергей и Андрей – их койки были ближе всего к закольевской.

Не прошло и недели, как Закольева уже верховодил в своей казарме. За это время он подчинил своей воле младших кадетов и приучил своих однолеток не стоять у него на пути – так звери обычно стараются сворачивать с тропы при виде более злобной или ядовитой твари.

Все в закольевской внешности казалось каким-то несоразмерным и противоестественно большим. Его до невероятного огромные ладони сжимались в жутких размеров кулаки с ободранными костяшками, которые он вечно набивал о ствол дерева или каменную стену. Свою лопухость он старался прятать под соломенного цвета космами, уклоняясь как можно дальше от обязательной для всех кадетов короткой стрижки. Впрочем, все обязательное было ему просто ненавистно. Черты лица его вряд ли можно было назвать уродливыми, просто они никак не хотели уживаться друг с другом на одной физиономии.

Но больше всего поражали в Закольева его глаза, серые и холодные, как галька, пристально смотревшие из глубоких глазниц над торчащим носом. От его взгляда по телу невольно пробегал озноб. Выражение этих глаз никогда не менялось, даже когда этот странный подросток улыбался, – обычно в случаях, когда кто-то из его сверстников плакал или морщился от боли. Тогда на лице Закольева появлялась кривая ухмылка, обнажавшая его редкие зубы, но каждый, кому вздумалось бы отпустить шутку по поводу этих зубов, рисковал лишиться парочки своих собственных. И никто не осмеливался даже заикнуться о странной закольевской родинке, багрово-красном пятне на шее, прямо под левым ухом – еще одна причина, почему он ненавидел коротко стричься.

Казарменные порядки, где уважения добивались силой, быстро поставили Закольева над младшими кадетами, да и над большинством его сверстников. Столь же быстро он оброс и своей собственной свитой. Завороженные закольевской самоуверенностью, его дружки ловили каждый взгляд и соперничали за каждый снисходительный жест, на что Закольев был не слишком щедр, отчего его приспешники старались еще больше. Эта неприкрытая услужливость вызывала в Сергее отвращение, но он отмалчивался, стараясь держаться от грубияна подальше, что тоже не ускользнуло от Закольева.

Закольев внушал страх не только грубостью, но еще и непредсказуемостью своей натуры. Еще минуту назад спокойный, он в следующее мгновение мог бушевать, по самому незначительному поводу или вообще без повода. Как-то он подружился с одним казарменным тихоней, пару раз даже заступился за него, а затем избил несчастного мальчугана так, как тому никогда не доставалось от его прежних мучителей.

Всех в школе, будь то кадеты или воспитатели, Закольев воспринимал или как своих подчиненных, или как помеху на своем пути. И к каждому относился соответственно. Наблюдательный от природы, он видел слабые стороны тех, кто был значительно выше его по возрасту или положению. Ему не составляло труда обманывать тех, кто был старше и сильнее, или манипулировать ими. Остальным же следовало самим стать марионетками в его руках.

Сергей и сам толком не мог сказать себе, чем он заслужил враждебность Закольева. Возможно, того настораживала независимость Сергея, хотя он, как мог, старался держаться в стороне и от самого Закольева, и от его дружков. Тем более он не хотел провоцировать его на открытое столкновение, прекрасно представляя, что за этим последует. В школе и без Закольева хватало задир, каждый третий из «стариков» был не прочь при случае дать подзатыльник или поколотить кадета помладше и послабее. Но такого, как Закольев, не было.

Андрей же постепенно превратился в «шестерку» Закольева, как говорили в казарме. Словно верный пес, он заглядывал в глаза своему хозяину, стараясь угадать, ждет ли его дружеская трепка или жестокая порка. Сергеем, впрочем, тоже было несладко. Если словесных оскорблений Закольеву казалось недостаточно, от него всегда можно было ждать пинка или затрецины. Порой Сергея так и подмывало стукнуть его в ответ, но он только закрывался, зная, что против закольевских кулачищ его хватит ненадолго.

От его взгляда не ускользало и то, что Закольев устанавливал свои порядки, но под пристальным взглядом воспитателя следовал школьным правилам. Тогда он напускал на себя личину покорности, но лишь до тех пор, пока воспитатель был неподалеку. Как-то раз озверелый Закольев сбил с ног и принялся пинать одного кадета, как вдруг неожиданно из-за угла появились два воспитателя. Тогда он, скорчив жалостливую мину,

наклонился над избитым: «Вот бедняга... надо же, ногу подвернул... дай-ка я тебе помогу встать, дружище!» А тот не осмелился и виду подать, что произошло на самом деле.

Он мог управлять даже кадетами постарше себя. Сергей видел, как это у него получалось: сначала Закольева просил о каких-то мелких уступках, чтобы те привыкли соглашаться с его просьбами. Потом его просьбы становились все навязчивей, пока не превращались в приказы. Когда же наконец старшему уже поперек горла была его назойливость, Закольева бросался в драку. И побеждал – по двум причинам. Первое, он знать не хотел никаких правил в драке. И второе, самое главное: он дрался так, как будто не чувствовал никакой боли. С таким противником драться было все равно что с загнанным в угол волком.

Дни и недели, которые последовали за переводом Закольева на верхний этаж, всю ту позднюю зиму и начало весны 1881 года школа продолжала жить своей обыденной жизнью: занятия в классе и боевая подготовка, воскресные и праздничные службы в школьной часовне, еда и сон. Но однажды один из старших кадетов поднял Сергея и его товарищей еще до рассвета и приказал следовать за собой. Наспех схватив в охапку одежду и полотенца, полусонные кадеты, дрожа от холода, последовали за «стариком», который вывел их в подвал, а затем повел за собой по длинному темному коридору. В полутьме было слышно лишь, как стекает по стенам вода, да еще шлепанье двенадцати пар босых ног по мокрому каменному полу. Коридор упирался в массивную железную дверь. «Старик» навалился на нее, и она со скрипом поддалась. Оказалось, они вышли к берегу озера Круглое, блестящего в только-только начинавших проглядывать первых солнечных лучах. Лишь эти светлые лучи напоминали о том, что уже наступила весна. Озерное мелководье было еще затянуто тонким льдом, по берегу тоже кое-где еще лежали серые комья снега. Вдалеке на востоке темнели холмы, было тихо. Пока еще тихо.

– Всем раздеться догола! – приказал им старший, и сам первый, раздевшись, неторопливо зашел в ледяную воду, сначала по пояс, потом по плечи, а затем резко и шумно нырнул. Вынырнув почти у самого края воды, он быстро растерся полотенцем, а затем скомандовал:

– В воду, бегом марш!

Но Сергей заметил, что сам он едва сдерживает улыбку, глядя на их гримасы.

Бегом, конечно же, не получилось ни у кого. Бочком, переминаясь с ноги на ногу, малышня полезла в воду, и окрестности озера огласились пронзительными воплями и гоготом. Наконец решившись, Сергей плюхнулся в озеро, и тут же ледяная вода словно зубами впилась ему в кожу. Пулей он вылетел на берег и бросился скорей обтираться. На берегу тоже было весело – смеясь, мальчишки вырывали друг у друга полотенца, дергали за рукава гимнастеров, показывали красные пятна на груди и руках. Такого тепла и головокружительного прилива сил Сергею еще не приходилось испытывать, и все же, сказал он себе, надеюсь, это будет в первый и последний раз.

Но когда молодежь наконец управилась со своей формой и застегнулась на все пуговицы, старший объявил:

– Зарубите себе на носу, это только начало. Пока не станет совсем тепло, вам частенько придется бывать здесь в такую пору. Знаю, упражнение не из приятных. Но разве мы здесь для того, чтобы учиться приятному? Подобные упражнения закаляют тело

и душу, как и подобает солдату, что готов в любой час положить жизнь за царя и Святую Русь. Настанет час, и лучшие из вас будут зачислены в гвардию.

«Гвардия... значит, и мне предстоит пойти по стопам отца?» – подумал Сергей

5.

Прошло несколько недель. В один из дней, когда группа Сергея готовилась к занятиям по верховой езде, его позвал один из воспитателей, лейтенант Данилов:

– Сергей Иванов, вас вызывают.

Сергей сразу догадался, что это послал за ним его дядя. Предпоследний раз, когда его вызывали в кабинет директора, он узнал, что умер его отец. А в последний раз его вызвали, чтобы отпустить в увольнительную с дедом, о существовании которого он и не подозревал. Так что в этот раз он даже не знал, тревожиться ему или радоваться.

Господин директор обошелся без лишних предисловий.

– Мне только что сообщили, что ваш дед умер. Подождав мгновение, чтобы смысл его слов дошел до Сергея, он добавил:

– Надо полагать, он сделал соответствующие распоряжения относительно вас. Вы узнаете о них в свое время. Ступайте, я вас не задерживаю, можете идти в часовню и помолиться о спасении его души, если у вас есть такое желание.

Сергей в часовню не пошел. Он вернулся в пустую казарму. Убедившись, что он один, вытащил из своего тайника материнский медальон и долго смотрел на фотографии. Вот теперь и дедуля Гершель ушел, чтобы соединиться с его родителями и с бабулей Эстер. Открывая этот медальон, он будет вспоминать и о нем тоже.

Он надел серебряную цепочку на шею, решив, что станет носить медальон, когда это покажется не слишком рискованным.

Потом он вытащил из тайника еще один дедов подарок – карту. Развернув ее на своей кровати, Сергей словно заново нарисовал ее в своей памяти. Убедившись, что запомнил каждый штрих, каждую отметку, Сергей разорвал карту на мелкие кусочки.

Вечером, в один из мартовских понедельников 1881 в их школу ворвалась новость, которая отодвинула на второй план все личные переживания Сергея, напомнив ему, что и его жизнь невидимыми нитями связана с тем, чем живет мир за пределами школы. Этот день выдался морозным и ветреным. Сергей с десятком других кадетов находился на учебной площадке на школьном дворе. Им как раз раздали деревянные сабли, чтобы отрабатывать приемы сабельного боя, когда на школьный двор через центральные ворота въехал незнакомый бородатый всадник в казацкой форме. Они все как один проводили взглядом незнакомца, который проскакал во внутренний двор, спешил и торопливой походкой вошел в парадную дверь школы.

Вскоре и кадетов всех собрали в часовне. Директор лично представил им новоприбывшего, Алексея Орлова, своего сослуживца бывшего, не без гордости в голосе прибавил он, по казацкому полку. Затем его голос стал строже и печальнее. С тяжелым

сердцем, сказал он, приходится сообщать эту вестъ – государь наш, царь-батюшка Александр Второй, убит.

Затем и сам Орлов обратился к кадетам. Его голос звучал скорбно, но твердо:

– Спасибо, батюшка, – он почтительно поклонился отцу Георгию, – что принимаете нас здесь, в святом храме, – и продолжал:

– Я был одним из тех, кому поручено охранять нашего царя-батюшку, беречь, как зеницу ока. Но мы не досмотрели... не уберегли... Царь наш пал от руки негодяев-бомбистов, которые давно замыслили убить его. Наш народ знает государя как царя-освободителя, даровавшего волю миллионам крепостных... даровавшего народу российскому невиданные и неслыханные в прежние времена свободы. Не за это ли возненавидели его те, кто осмелился поднять руку на нашего царя-батюшку? Скорблю только, что в ту страшную минуту мне не случилось закрыть своей грудью государя... Один из моих людей рассказал мне, как все произошло.

Орлов продолжал:

– Карета государя достигла верхней части одного из городских каналов, как вдруг невесть откуда появился молодой человек и бросил в упряжь лошадей нечто, что издали казалось снежком. Бомба взорвалась, но ранение царя оказалось неопасным. Увы, государь настоял на том, чтобы выйти из кареты, – взрывом жестоко ранило одного из казаков и мальчика-рассыльного, и государь лично захотел позаботиться, чтобы раненым была оказана скорейшая помощь.

Когда их императорское величество уже направлялись к карете, неожиданно к нему бросился еще один человек. Опять раздался взрыв. Не прошло и часа, как и сам убийца, и наш царь-батюшка скончались от полученных ран. Человек, бросивший первую бомбу, был допрошен и выдал остальных заговорщиков. И в этом злодеянии не обошлось без жидов... по крайней мере, одной из цареубийц, как нам известно, была некая Гельфман.

Выходя из часовни, Сергей невольно поравнялся с дядей. Сергей хотел было поскорей пройти вперед, но дядя неожиданно придержал его за руку. Взгляд его тоже не был таким отчужденно-далеким, как обычно.

– Ах, Сережа, – глухо проговорил он, – будь жив твой отец, не допустил бы такого... только не в его караул.

Вскоре в школу пришло известие о коронации царя Александра Третьего, но до Сергея долетали обрывки и других разговоров – что повсюду по России и Малороссии идет волна жестоких погромов, после того как прошел слух о еврейском заговоре с целью убить царя-батюшку. Слух оказался лживым – та самая единственная еврейка, шестнадцатилетняя беременная Гельфман, позже умершая в тюрьме, была наивной идеалисткой и всего лишь подругой одного из заговорщиков. Но это не остановило погромщиков.

В школе тоже были не прочь посудачить о революционерах и евреях, особенно в закольцеванной компании. Эти разговоры заставили Сергея вспомнить и о том, что кроме казацкой в нем течет и еврейская кровь. Каждая новая неделя приносила все более тревожные вести, и с ними росло беспокойство Сергея. Он не находил себе места. Абрамовичи, их уединенное жилище в лесной глуши могло укрыть их от посторонних

глаз – и, напротив, сделать легкой добычей бандитов. Ведь, если бандиты-погромщики обнаружат в лесу еврейскую семью, что случится тогда?

«Я должен предупредить их», – принял решение Сергей.

Той ночью он проскользнул мимо нескольких кадетов, стоявших на часах, и побежал по знакомому туннелю под школой к задней двери, за которой были лес и озеро. Он уже столько раз бывал в этом коридоре, что мог пройти его с завязанными глазами. Впрочем, ему так или иначе пришлось идти в крошечной тьме, поскольку фонарей здесь на ночь не зажигали.

Сергей навалился на тяжелую дверь, и она открылась с таким ужасающим скрипом, что он сам едва не заскрежетал зубами. Вставив между дверью и косяком палку, чтобы дверь снова не захлопнулась, он метнулся вдоль периметра школы. Обогнув край поля, Сергей нашел каменистый выступ, по которому узнал нужную ему тропу. Теперь ему придется полностью полагаться на свои память и чутье. К счастью, ночь была безоблачной, и одного света полной луны было достаточно, чтобы не сбиться с пути.

Другое дело, что теперь все было не так, как в прошлый раз, когда они, не спеша, проделали этот путь вместе с дедом. Нужно не просто подниматься вверх, нужно бежать, в темноте, рискуя стать добычей голодных волков или заблудиться в ночном лесу. С рассветом, конечно, обратная дорога в школу отыщется. Но к тому времени его, несомненно, хватят. А за самоволку в школе карали очень жестоко.

Два года назад несколько кадетов из «стариков» тоже решились на самоволку, но были пойманы. Наказание не заставило себя ждать: их провели сквозь строй. В начале строя стояли кадеты с тяжелыми розгами в руках, а в конце строя уже были воспитатели. А дальше избитых и окровавленных беглецов ждал карцер, три дня без пищи и воды.

После этого никто даже и думать не хотел о самоволке – до этого самого дня.

Тяжело дыша, но не останавливаясь ни на минуту, Сергей поднимался все выше по залитой лунным светом тропе. И его легкое сложение, и неустанные тренировки здесь оказались как нельзя кстати. И как-то сами собой скачущие мысли в его голове сложились в следующий план: найти избушку... потом рассказать Беньямину об убийствах, погромах... и о том, что его дед умер... Сара, конечно же, не отпустит его, ничем не угостив... выпить одну, только одну чашку чаю, и сразу же назад. Если следовать этому плану, тогда он успеет, должен успеть вернуться назад до рассвета.

Должен успеть... И вдруг, словно проснувшись от тяжелого сна, он новыми глазами увидел все вокруг себя: залитый лунным сиянием лес и дорогу, которая вела его к людям, ставшим близкими и дорогими. Новая, неизвестная прежде мысль словно опьянила его на какое-то мгновение. А должен ли он вообще возвращаться? И что, в конце концов, удерживало его в школе? Конечно, он будет скучать по Андрею... да и по дяде Владимиру тоже. Наверное, со временем он сможет найти что-то ценное и в школьной жизни, но сейчас он расстанется с ней без сожаления. И, тем более, забыть, как о дурном сне, о самом существовании Дмитрия Закольева.

Его медальон был у него на шее, а за чем еще стоило бы возвращаться? Ах, хватило бы только смелости попросить Абрамовичей приютить его, принять как члена своей семьи. Хватит ли у него духу сказать Аврааму и Лие «будьте моим братом и сестрой», а Беньямину и Саре – «будьте мне как родители»? И можно ли вообще просить о таком?

Можно, сказал он себе, хотя бы для того, чтобы потом не жалеть о своей нерешительности. В их хозяйстве не помешают лишние руки, а в тягость он им не будет, это точно. Он постарается сделать так, чтобы они ни на минуту не пожалели, что взяли его к себе, чтобы они могли гордиться, что он их сын... Эта радостная мысль словно прибавила Сергею сил. Луна освещала дорогу, и он что было духу летел вперед. Уже осталось недолго, повторял он словно заклинание... уже должно быть недалеко...

В следующее мгновение плотные облака затянули месяц, и в лесу стало так темно, что Сергей едва не споткнулся о камень. Ничего не было видно даже на расстоянии вытянутой руки, но Сергей все шел вперед, теперь почти на ощупь, чувствуя, что он почти на месте, что еще один шаг...

Вот уже и знакомая поляна, на которой должен быть домик. Сергей вдруг остановился как вкопанный, тяжело дыша, не веря своим глазам, стараясь убедить себя, что это ошибка, что он просто заблудился... Там, где когда-то стояла избушка, теперь лежали только обуглившиеся бревна. Зрелище это было тем более ужасным, что некоторые бревна продолжали тлеть и жуткие огоньки вспыхивали на руинах.

Шатаясь, словно пьяный, Сергей обшарил все уголки обгоревшей избушки, но никого живого там не было. Может быть, Абрамовичи где-то поблизости, взмолился Сергей, может быть, они услышат его, выйдут ему навстречу... вместе им ничего не стоит отстроить домик заново...

Нет, сказал он себе, правда – вот она, погребена под этими угольями, вместе с их жизнями и с его надеждами и мечтами. Кашляя от едкого дыма, утирая слезы с покрытого сажей лица, он стал рыться среди еще уцелевших остатков дома и вскоре нашел и ужасающее подтверждение того, чего больше всего боялся: почерневшая, полуобуглившаяся рука торчала из-под обгорелых бревен.

Морщась от жара и стоявшего вокруг зловония, Сергей отбросил дымившиеся бревна, и его глазам открылся полуобгоревший труп мужчины. На Сергея вдруг пахнуло таким зловонием, что его невольно стошнило прямо на уголья. Можно было не сомневаться, что это были останки Бенъямина Абрамовича. Усилием воли заставив себя отбросить еще пару бревен, он нашел обгоревшую детскую туфельку и деревянную куклу. Нужно было признать то, во что он так не хотел верить: вся семья была погребена здесь, в этой ужасающей дымящейся могиле, которая когда-то была их домом.

То ли от невыносимо жгучего воздуха, то ли не в силах больше сдерживать слезы Сергей закрыл руками глаза и, споткнувшись, со всех ног побежал прочь от этого кошмара. Где-то на полпути он, как был, в одежде, бросился в ледяной ручей, чтобы смыть с себя запах смерти. Но как было остудить те раскаленные мысли, что на тысячу голосов кричали у него в голове: почему, ну почему же ты не пришел раньше? Ведь ты мог спасти их... один, всего один день...

Сердце выскакивало у него из груди, он чувствовал, что вот-вот задохнется.

Еще оставался час до того, как начнет светать. Идти больше было некуда, и Сергей вернулся в школу, вошел во все еще открытую железную дверь, ни от кого уже не прячась, шатающейся походкой вернулся в казарму, упал на койку и провалился в тяжелый удушливый сон. Ему снились выжженная земля, мучительный и неотступный запах смерти.

Казалось, этот сон продолжался целую вечность. Но когда Сергей открыл глаза, за окном еще было серо. Сергей почти поверил, что это был лишь кошмарный сон, пока не увидел копоть на своих руках.

Это была правда, рассказать о которой он не мог никому, даже Андрею.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Естественный отбор

Чтобы осветить, нужно гореть.

Виктор Франкль

6.

Десятый, одиннадцатый и двенадцатый годы Сергеевой жизни прошли, похожие, как солдаты в марширующем строю. Школьная рутина понемногу затянула его, и Сергей продолжал учиться, тренироваться, а еще прибавлял в силе, в росте, становился ловчее и смысленнее. Он привычно исполнял приказы, не стараясь понять их смысла или цели. Временами ему вспоминались его дед, семья Абрамовичей. Но каждый раз поток воспоминаний нес его все к тем же дымящимся руинам.

Вокруг него тоже мало что изменилось. И в школьной жизни все оставалось прежним, все решали сила и власть над менее сильными. Заколье, которому уже миновало шестнадцать лет, не уgomонился и в казарме «стариков». В одной из драк он едва не убил своего соседа по койке, порядком постарше себя. До Сергея как-то долетел обрывок разговора двух «стариков». С Закольевым, шептались они, давно пора «поговорить по душам... негоже так драться... чем ни попадя» – на их товарища он набросился с табуретом. Но этому случаю опять же не дали хода, представив все как несчастный случай.

И в самом деле, через пару дней шестеро дружков избитого так отделали Закольева, что тот еле живой дополз до койки. На какое-то время Закольев присмирел, видимо, понял, что и на его силу найдется управа. С одним он мог справиться, но не со всеми. Но шли месяцы, и с каждым из этих шестерых произошел какой-то несчастный случай, стоивший каждому болезненной травмы. Они догадывались, чьих это рук дело, но связываться с Закольевым еще раз никто из них не захотел.

Жарким летним днем 1885 года, за несколько месяцев до того дня, как Сергею исполнилось тринадцать, вернулся казак Алексей Орлов. Директор Иванов объявил перед строем кадетов, что высокое начальство благосклонно отнеслось к его неоднократным и настойчивым просьбам откомандировать Орлова в школу воспитателем.

– Так что, – с явным удовольствием в голосе сказал он, – прошу любить и жаловать – ваш воспитатель, Алексей Игоревич Орлов.

– Вскоре вы все убедитесь, – продолжал директор, – что ваш новый наставник – один из опытнейших следопытов, наездников, мастер выживания в природных условиях и рукопашного боя. Я видел своими глазами, как он, стоя на лошади, на полном скаку перепрыгивал через ветку и снова оказывался в седле. А что касается рукопашного боя...

уверен, даже ваш наставник Бродилов согласится, что совладать с таким противником, как Алексей Орлов, – задача не из простых.

Сергей взглянул на Бродилова, а тот лишь почесал лысину и кивнул в ответ.

Эта лестная рекомендация из уст его дяди оказалась чистейшей правдой. Уже в ближайшие недели Казак, как стали между собой называть его кадеты, не раз имел возможность показать, на что он способен. Сергей смотрел на нового инструктора теми же глазами, какими он в раннем детстве смотрел на своего дядю. Он восхищался тем, какая пружинистая и легкая походка у Казака, восхищался его Дружелюбием и открытостью. Прежде Сергей и помыслить не мог, что человеку, который по-настоящему знает свою силу, нет смысла ни угрожать кому-то, ни кого-то запугивать.

Сергей словно бы очнулся от долгого сна. Он изо всех сил стал подражать Алексею Орлову. Он захотел стать таким, как Казак. И сама воинская профессия, профессия его отца, представлялась ему теперь мужественной и романтической.

Сергей слышал, как другие кадеты разговаривали о женщинах, отпускали шуточки о том, что мужчины и женщины делают вместе, чтобы получились дети. Эта тема, на которую он раньше не обращал внимания, теперь увлекала его. По общему мнению, чтобы покорить сердце женщины, мужчина должен быть способен охранять ее от других, менее достойных представителей своего рода. Он должен бороться с негодями и защищать слабых. Короче говоря, он должен быть похож на крепкого казака Алексея с вьющимися волосами, аккуратно подстриженной бородкой и сияющей улыбкой.

Единственный физический изъян Орлова, сабельный шрам на шее, только делал его обаятельней. Этот шрам, пояснил он ребятам, теперь служит ему постоянным напоминанием, к чему приводят перерывы в тренировках. Больше на его теле шрамов нет, прибавил он, и все потому, что с той поры он упражняется постоянно и упорно.

В отличие от остальных инструкторов, Казак был всегда вежлив и уважителен со своими подопечными. Даже самого неловкого своего ученика он поощрял стать таким, как он сам, превзойти его, чтобы молодой человек не потерял веру в свои силы.

– Когда придет время полевых учений, – говорил он кадетам, – вы будете обращаться ко мне по имени, как и подобает друзьям и соратникам. Но, уж поверьте моему слову, с вас еще семь потов сойдет, прежде чем вы сможете заслужить мою дружбу.

Ради этой дружбы Сергей готов был на все.

Их Казак, узнал он, вырос в деревне, на Дону. Отец его погиб на войне, и Алексей, впервые осознав близость смерти и желая не посрамить памяти отца, стал овладевать воинским ремеслом с удвоенным упорством. И это упорство в конечном счете привело его в ряды царской гвардии.

– Вам предстоит стать гордостью России, ее самыми надежными защитниками, – неустанно повторял он своей молодежи. – И можете не сомневаться, вам еще предстоит сказать свое слово в ее истории.

Молодежь ни минуты не сомневалась в его словах.

– Воин, вернее, тот, кто достоин назваться воином, – продолжал он, – не убивает без необходимости. Наше призвание – не сеять смерть, а защищать жизнь, в том числе и свою собственную. Добро ли, победив противника в бою, самому оказаться побежденным голодом или непогодой? Тот же Наполеон был бит не только русским воинством, но еще и русской зимой. И я здесь не для того только, чтобы научить вас, как убивать в бою. Важнее научиться, как в бою выжить. Воин должен знать и уметь выживать, когда помощи ждать неоткуда, выживать и раненому, и голодному, на подножном корму. Вот только знать и уметь, мои дорогие, – не одно и то же. А кто не верит, сам это на своей шкуре проверит, и очень даже скоро.

Та лесная прогулка с дедом пробудила в Сергее неукротимую тягу к дальним странствиям. Сидя в классной комнате, он не раз ловил себя на том, что смотрит не отрывая глаз на далекие холмы за окном. И в классе, и в гимнастическом зале, в стрельбе, плавании, фехтовании, он старался быть в числе первых, но его страстью стали уроки выживания на местности. На этих занятиях кадеты сооружали замаскированные укрытия из еловых веток, учились, как подручными средствами ловить рыбу, ставить силки и охотиться на зверя. Алексей учил их также отличать среди растений съедобные, лекарства матушки-природы, как он говорил, и ядовитые, а также как избежать нежелательной встречи с такими лесными жителями, как медведь или гадюка.

– Жизнь на природе, – учил Казак, – не означает, что нужно специально подвергать себя трудностям и лишениям. Да и кому в здравом рассудке понравится спать на голой земле или подбирать корм с земли, как дикий зверь?

Руки нам даны, чтобы не разбить голову о дверной косяк природы.

Однажды утром, перед одним из таких занятий, Алексей, заложив руки за спину, прохаживался перед строем и поучал своих кадетов, наостривших уши, чтоб не пропустить ни единого слова своего наставника:

– Мы, казаки, народ миролюбивый, любим порядок, но не приведи Господи, как говорится, если кто к нам полезет. Как по-вашему, почему мы до половины обнажаем пашки, когда читается Евангелие? Правильно, потому как всегда готовы встать на защиту Святой Руси и нашей православной веры.

– Легенды ходят о том, – продолжал Казак, – что нет нам равных и в верховой езде, и в кулачном бою. Умеем мы, если надо будет, и по лесу пройти с треском, помедвежьему, и голос подать, как сова или волк, чтобы только свой распознал. Другим это кажется чудом, но никакого чуда тут нет, учитесь – и вы так сможете.

Ученики помоложе тут же принялись умолять его, чтобы он хоть разок показал им, как это делается. Но стоило Казаку раз ухнуть филином, как и весь строй расходился «ухать» на разные голоса.

– А ну, хватит ржать, – прикрикнул он с нарочитым неудовольствием в голосе, – а то скачете, как жеребцы застоявшиеся.

От этих слов, как и следовало ожидать, строй просто взорвался смехом, в котором, правда, преобладали скорей петушинные нотки. Такой вольности им не позволил бы ни один из наставников, но именно за это кадеты восхищались Казаком и преклонялись перед ним. Он же, тем временем, только поднял руку – и смех мгновенно стих. Все, даже самые младшие, замерли в ожидании.

– Казаки не знают над собой никого, кроме царя. Наше дело – стоять на страже родной земли, а в остальном мы живем по своим законам. Если кто, скажем, из крепостных бежал на наши земли, обратной выдачи нет, хоть бы кто и с солдатами за ними пришел. А вот с бандитами и разными злодеями у нас разговор иной. Вам на уроках, конечно, рассказывали, как китайцы от своих врагов отгородились каменной стеной. А нам такая стена не нужна – мы сами, словно живая стена, оградим родную землю.

– А разве солдаты не могут силой заставить вас вернуть крепостных? – спросил один из младших кадетов.

– Принудить нас к чему-то не сможет ни один солдат, – отрезал Алексей. И продолжал:

– Мы разработали самые действенные способы ведения боя в любой обстановке и в любых погодных условиях – на замерзших реках, в заснеженных лесах и даже в джунглях, против самых разных противников, боевых стилей и видов оружия. Теперь, в свою очередь, я собираюсь открыть кое-что из этих навыков лучшим из вас.

Сергей невольно улыбнулся, глядя, как кое-кто из ребят помоложе вытянулся, чтобы казаться повыше и дисциплинированней, чем сверстники. Казак же тем временем отдал команду, и его группа в очередной раз отправилась в лес. На таких полевых занятиях всегда находилось два-три кадета помоложе, которые то и дело превращали занятие в игру, кидались ягодами. До поры до времени Казак, казалось, даже не замечал этого, но теперь он резко одернул шалунов и сказал тихим, но четким голосом: Запомните: кто меня слушает, останется жив. Потом, глядя на их вытянувшиеся лица, добавил:

– Вам всем вскоре предстоит сдать экзамен. Если кто-то из вас заблудится, или поранится, или даже погибнет всяко ведь может быть, – это будет ваша недоработка. Но не только ваша... и моя тоже... так что старайтесь, чтобы такого не произошло.

После этих слов желающих отлынивать от занятий уже не было.

Глядя на Казака, Сергей все больше гордился своими казацкими корнями. Невероятная сила Алексея произвела впечатление даже на Дмитрия Закольева. У того, очевидно, нашлись какие-то свои причины усердно перенимать науку Казака. Надо было отдать ему должное, Закольев всегда был в числе лучших. Сергей ревниво следил за его успехами, и когда Казак, глядя на старания Закольева, одобрительно кивал, он старался вдвойне, чтобы заслужить уважение наставника.

Шли недели и месяцы, и Сергей все чаще выходил из борцовских поединков победителем, а не побежденным, даже если его ставили против более сильных или взрослых противников. За это время он заметно вытянулся и окреп, и его школьная форма уже не смотрелась на нем мешком. Впрочем, Сергей вырос из этих мундиров быстрее, чем успевал износить их. Да и сам он давно уже не ощущал себя неуклюжим и мешковатым, чувствуя, как все его тело наполняется новой, неизвестной прежде силой.

Как-то одним холодным утром – Сергею тогда уже шел тринадцатый год – он случайно услышал обрывок разговора лейтенанта Данилова с одним из кадетов – выпускников. Слово «евреи» заставило его наострить слух:

«Неужто, ваше благородие, и вправду?. А то как же... говорят, сам обер-прокурор... половину крестить, половину выгнать... А те, кто не захотят ни того, ни другого... Да что тут говорить, сами ведь все понимаете... Не маленькие уже...»

Для евреев наступало тяжелое время, как и предсказывал его дед.

Вечером в пятницу, после очередного полевого занятия, Сергей выждал, когда инструктор Орлов остался один. Набравшись смелости, он попросил уделить ему несколько минут. Орлов, улыбнувшись, согласно кивнул и предложил прогуляться к школьным воротам по аллее. Согласие Казака придало ему храбрости:

– Скажите... казаки... они тоже участвуют в этих погромах?

Алексей не спешил с ответом, и Сергей уже было испугался, что инструктор сам спросит его: «А тебе-то что за дело?» Но вместо этого он тихо сказал:

– Ваш дядя поделился со мной кое-чем из вашей истории, Сергей. И я понимаю, чем вызван этот вопрос. Но раз уж вы спрашиваете напрямую, то и я не стану вилить – да, и среди казаков есть погромщики.

Мы, казаки, глубоко преданы царю и нашей вере, и евреи, которые живут по другим обычаям, для нас все равно что чужаки. Но когда дорожишь своей свободой, не можешь не уважать и чужую, согласны? Так что гонители евреев, те, кто преследует их, как диких зверей, – не казаки, а оголтелые черносотенцы. Для таких что еврей, что татарин – все одно. А казак, Сережа, настоящий казак, он дорожит своей честью. Мы готовы встретиться в честном бою с любым недругом России, а мирных людей, какой бы веры и крови они ни были, мы не трогаем.

Он замолчал, а потом продолжил:

– Другое дело, что и среди казаков, как и в любом народе, есть разные люди. Есть и ничтожества, которые и после боя могут убитого обобрать, да и много чего еще могут... словом, если хотите знать мое мнение, кто и за что сейчас преследует евреев по всей стране, то тут не обошлось без охраны, так и знайте. А то, что сваливают все на казаков, на крестьян... Словом, гордиться тут нечем.

Вскоре после этой беседы с Казаком у Сергея произошел и еще один запомнившийся разговор. В перерыве между уроками он зашел в уборную и, уже выходя, подошел к умывальнику, как тут появился Закольева. Словно бы ненароком толкнув Сергея, он спросил с притворным удивлением:

– Ах, кажется, мы кого-то толкнули? Нижайше просим простить... Да только кто же это мог быть? Ах, так ведь это наш добрейший Сережа!

Сергей оказался застигнут врасплох ерническим тоном Закольева. Он что, и вправду считает его таким уж беззубым добряком? Можно, конечно, пропустить этот укол мимо ушей, сделать вид, что не расслышал, но только не придется ли потом пожалеть о своем малодушии? Так что Сергей пожал плечами и процедил сквозь зубы:

– Добренький, да не всегда, – и поскорей вышел из уборной.

Желания драться с Закольниковым у него не было, несмотря на то, что теперь он был куда более уверен в своих силах. Но он подумал: Алексей-Казак не позволил бы никому над собой насмеяться, не позволю и я.

Зато теперь, на каждом занятии по борьбе или рукопашному бою, он стал внимательно изучать Закольева, запоминать недостатки его техники и слабые места.

Но ему даже в голову не приходило, что и Закольников тоже его изучает.

Спустя несколько дней инструктор Орлов собрал кадетов и сообщил им:

– Пришла пора сдавать экзамен, насколько хорошо вы натренированы на выживание. Завтра с рассветом мы выступаем в лес на семь дней. Работать будете парами, старший с младшим.

Далее он распорядился, чтобы старшие кадеты сами выбрали себе в пару младших.

Закольников выбрал Сергея. Фраза – экзамен на выживание – приобрела новый смысл.

7.

Утром, едва рассвело, инструктор Орлов отдал последнее распоряжение:

– Вы все теоретически освоили стратегию выживания. Практическая сторона экзамена заключается в следующем: вы и ваш напарник отправляетесь к отмеченному на карте удаленному участку леса на семь дней, не поддерживая за это время контакта с остальными. Каждый отряд из двух человек будет работать в паре, чтобы обеспечить себе выживание. А теперь всем – раздеться.

Никто не шелохнулся – кадетам показалось, что они ослышались. Стоял апрель, и хотя снег уже давно растаял, было еще довольно холодно, особенно по утрам.

– Всем раздеться до трусов, – повторил Казак, – и пойдете босиком. Чтобы, как говорится, на собственной шкуре почувствовать, что без сапог солдату никуда. Каждый кадет возьмет с собой штык-нож, каждый отряд – одну лопатку, – он раздал кадетам ножи и лопатки. – Я жду вас здесь, в полдень седьмого дня, бодрыми, сытыми, в добром здравии... и в обновках, как говорится, – в одежде и обуви, которую сами смастерите, собственноручно. Есть вопросы?

Раздеваясь, Сергей то и дело поглядывал на Андрея, который тоже встревоженно смотрел на него – не шутка провести семь дней один на один с Закольниковым.

Не успел Сергей раздеться, как ему уже пришлось бегом догонять Закольева, который уже успел взять лопатку и карту и бежал в сторону поросших лесом холмов.

Спустя четыре часа, пройдя вверх по течению лесного Ручья к густой чащобе, они оказались на месте, отмеченном карте. Вернее, Сергею оставалось только поверить Закольникову на слово, что это именно то место, сам Закольников не выказывал ни малейшего желания показать ему карту. Но место это было хорошим – небольшая поляна примерно в пятидесяти шагах от ручья. Раз есть ручей, значит, должна быть и рыба, и, что еще

важней, звериные тропы, ведущие к водопою. Под массивным отвесным валуном образовалась пещера – неглубокая, но вполне пригодна, чтобы в ней укрыться для начала. Все остальное они сделают своими руками.

Сергей осмотрел ступни ног, окоченевшие, успевшие покрыться волдырями, и уже собирался заняться поисками подходящего материала, чтобы начать мастерить силки, как тут от Закольева поступил первый приказ: «Разведи для нас костер!» Так что Сергей, набрав сухого мха, щепок и мелких веточек, попробовал добыть огонь, высекая лезвием ножа искры, перебирая для этого один камень за другим в поисках подходящего. Однако усилия эти ни к чему не привели. Но можно было еще добыть огонь трением, и Сергей, приставив, как и полагается, одну палочку к другой, стал усиленно вертеть ее ладонями, подкладывая мох и осторожно дуть. Дело продвигалось не так быстро, как он думал, но вскоре он почувствовал, как его приспособление нагрелось, затем появился легкий дымок, а затем и первые язычки пламени. Несмотря на то что теперь не только ступни, но и ладони у него были покрыты волдырями, он испытал какую-то первобытную радость, когда сложенный в кучу хворост превратился в настоящий костер. Ему и прежде доводилось добывать огонь на уроках выживания, но теперь все было взаправду. Они смогут выжить.

Краем глаза он заметил, что Закольева за это время успел натаскать веток, камней и надергать длинных и тонких корневищ, которые вполне могли сгодиться на силки. Поэтому, подбросив в костер еще валежника, Сергей подсел к Закольеву, чтобы их силки были как можно скорее готовы.

– А ну убери руки, – прикрикнул тот на Сергея. – Это будут мои силки. А ты иди и сам себе сделай.

Вот оно, значит, как у них будет. Сергей даже не стал говорить ему, что «наш костер» он уже развел.

Он быстро пошел в лес за материалами, которые понадобятся для силков. Спустя некоторое время, порядком повозившись, он смастерил и расставил семь ловушек в местах, которые показались ему самыми удачными, по звериным тропам, вверх по течению ручья и против ветра от их лагеря. Он сложил также пару ловушек на рыбу и, кроме того, найдя рощицу с молодыми гибкими деревцами, поставил пару капканов-растяжек. Для более крупного зверя он в одном месте установил западню и еще капкан с падающим бревном. Все эти ловушки он постарался замаскировать так хорошо, как только смог.

К тому времени как он вернулся в лагерь, солнце успело закатиться, и вечер принес с собой порывы холодного северного ветра. Увидев, что их костер вот-вот затухнет, Сергей, дрожа и приплясывая от холода, принялся заново таскать валежник и сухие ветки. Как оказалось, Закольева к тому времени уже успел соорудить нечто вроде берлоги из березовых веток и листьев, одним краем упиравшуюся в отвесный валун, а входом открытую как раз к костру. Места в ней было лишь для одного.

Убедившись, что «их» костер будет гореть всю ночь, Сергей стал собирать ветки и для своего костра. В его свете, когда уже совсем стемнело, был готов и его навес из переплетенного елового лапника подле еще одного гранитного валуна. И как только укрытие было готово, начал моросить дождик. Но Сергей даже обрадовался дождю – значит, эту ночь им, по крайней мере, не придется провести на морозе.

Мокрый, дрожащий, Сергей забился в груды нарубленных еловых веток, продолжая ворочаться, пока не устроился так, что удалось хоть немного согреться. Судя по торчавшим из кучи веток закольцевским пяткам, едва заметным в свете костра, тот решил поступить точно таким же образом.

Какое-то время Сергей просто лежал, прислушиваясь к дождю. Он слишком продрог, чтобы тотчас уснуть. Несмотря на холод и усталость, на настойчивое урчание в животе, он чувствовал себя победителем. Он расставил силки, развел огонь, соорудил укрытие. Пока что он жив и здоров, а завтра... еще увидим, что будет завтра. Утром он проверит силки, и тогда будет ясно, к чему следует готовиться, к лучшему или к худшему. С этими спокойными мыслями пришла и глубочайшая усталость. Он провалился в сон.

Когда Сергей снова открыл глаза, уже начинало светать. Первое, что он увидел, был пар от его дыхания, таявший в холодном утреннем воздухе. Он торопливо выбрался из своего елового ложа, надеясь, что к этому времени уже выглянет хоть один теплый утренний лучик. Но было еще слишком рано. Стараясь не разбудить Закольева, осторожно ступая израненными ногами, он подошел к ручью, напился, затем плеснул холодной воды на лицо, грудь и плечи. Стряхнув с тела остаток воды, он старательно растер ладонями все тело и побегал на месте, пока не согрелся. Затем вернулся в лагерь, взял нож и двинулся вверх по ручью.

Хотя возле каждого места, где были поставлены силки, Сергей сделал зарубки на уровне глаз, свою первую ловушку он так и не смог отыскать. Что ж, разве Казак не повторял им: «Старайтесь поменьше совершать ошибок на дикой природе. Каждая такая ошибка может вам дорогого стоить». Ах, ну куда же я смотрел, подумал Сергей, выругав себя за беспечность. Пройдя немного назад, он нашел свою вторую ловушку. Она была пуста.

Но рядом с ней, в ловушке-растяжке, которую он протянул через звериную тропу, Сергей нашел полузадушенную ласку, наполовину подвешенную в воздухе, которая уже почти перестала биться. Он осторожно приблизился к животному. Сергей уже было протянул руку, чтобы схватить животное, но ласка неожиданно заурчала и щелкнула зубами, зацепив его ладонь.

С первобытным взрывом энергии он схватил ласку за загривок и рубанул по горлу лезвием ножа с такой дикой силой, что едва не снес зверьку голову, заодно чуть не разрубив себе запястье. Зверек дернулся, напоследок залив его руку кровью, пульсировавшей из разрубленного горла, и затих.

Казалось, сердце вот-вот выскочит у него из груди. Сергей едва сдержался, чтобы не разрубить силки, но аккуратно растянул петлю, ведь силки могут еще понадобиться. Наверное, вздохнул он, в следующий раз это будет легче, убить живое существо. Неожиданно он спросил себя – а должно ли убийство становиться легче? И есть ли у меня такое право, отнимать жизнь у живого существа? Нет, ответил он себе, такого права у меня нет. Есть только сила. Он поступил так, как вынужден был поступить, оказавшись в такой ситуации. Укус начал болеть, но он не чувствовал враждебности к зверьку, который только пытался спасти свою жизнь. И сам Сергей убил только для того, чтобы выжить. Он поблагодарил ласку за ее жизнь, которая поможет спасти его жизнь. Он отобрал у нее жизнь не ради развлечения.

Убив ласку, он словно бы расстался с частью своего собственного детства. Он понял, что и его собственную жизнь могут отнять у него в одно мгновение. И тут не могло

быть никакой игры по правилам – только игра случая. Если быть внимательным, если напрячь все свои способности и умения, он мог сделать так, чтобы этот случай работал в его пользу. Это был его первый настоящий урок выживания на дикой природе. Стараясь не шуметь, Сергей отправился дальше проверять следующие ловушки. Он думал о том, какие ловушки могут подстергать его самого на его пути.

Третья ловушка была пустой – к ней даже никто не приближался. В четвертой и пятой тоже было пусто. А вот в следующей была белка, которую он постарался убить как можно быстрее, чтобы не мучить животное, одним ударом здорового камня. Оставшиеся силки тоже были пусты, только в последнем он нашел большого кролика. Значит, он будет с едой следующие несколько дней, и с обувью тоже.

Ранка от укуса ласки на его руке тем временем распухла и начала саднить. Сергей быстро сделал надрез лезвием ножа по ране, чтобы вытекла кровь и рана очистилась. Затем он стал промывать ранку в проточной воде, прочищая ее и выбирая все то, что могло попасть в неглубокий надрез, и присыпал его песочком из потока. В завершение он помочился на ранку, вспомнив рекомендации Казака, который говорил, что свежая моча помогает избежать заражения.

Затем Сергей увязал свою добычу гибкими прутьями, поставил последний силок и направился обратно в лагерь. Вряд ли стоило ожидать новой добычи сегодня утром, но вечером он все же выйдет, проверит все еще раз. На всякий случай.

Охота пробудила его инстинкты, обострила буквально все его чувства. Он возвращался в лагерь, слушая, как капает с распускающихся почек дождевая вода, подмечая взглядом каждый солнечный блик, каждый извив лесной тропы.

Закольева тоже успел вернуться и с хмурым видом занимался своей добычей. Только одна белка – достаточно, чтобы раз поесть и обуть одну ногу.

Едва ли Закольева могла обрадовать Сергеева обильная добыча, это Сергей прекрасно понимал. Но и спрятать ее от Закольева тоже было невозможно. Поэтому Сергей как ни в чем не бывало подошел к костру и к закольевской белке бросил еще одну свою, а затем ласку и кролика.

– Вот еще, тоже попало в наши силки, – дипломатично сказал он.

Закольева стал молча рассматривать все то, что принес Сергей.

– Ну и дает наш добренький Сережа, – наконец произнес он и дальше продолжил сдирать со своей белки шкурку. Сергей тоже взялся за свою добычу, с непривычки весь перемазавшись кровью и едва управившись. Правда, раньше, на учебных занятиях, ему уже приходилось свежевать оленя, но делать всю работу одному – это было совсем не то.

К обеду на ветках уже сушилось мясо. Они растянули кожи на рамах, сделанных из гибкой древесины. Шкура ласки была не слишком велика, этого было недостаточно, чтобы прикрыть Сергею плечи, но это было только начало. Когда же он подал Закольеву шкурку своей белки, со словами:

– «Это тебе на вторую ногу», – «старший» их отряда взял ее, не обмолвившись и словом.

Вместе же они съели и кролика. Это была их первая еда почти за двое суток. Наполнив желудок, Сергей решил подправить свое убежище, сделанное накануне вечером наспех, и подлатать его лапчатником и гибкими ветками.

Когда наступил вечер, оба они, и Сергей, и Закольева, уселись каждый у своего костра, за весь этот день обменявшись лишь несколькими словами. Небо быстро темнело, и Сергей наблюдал, как одна за другой загораются звезды, искрившиеся, словно кусочки льда, на бархате неба. Белый дымок костра и языки пламени поднимались вверх, чтобы окончательно исчезнуть в ночи.

Глянув в сторону Закольева, который немигающим взглядом смотрел в пламя своего костра, Сергей в очередной раз подумал: почему Закольева выбрал именно его? И в очередной раз не найдя ответа, он забрался в свой шалаш, зарылся в голые ветки и провалился в сон.

Следующее утро оказалось не менее щедрым на добычу: под бревном падающей ловушки Сергей нашел почти совсем раздавленную белку, в другие силки попался енот – в те же силки, куда прежде поймалась ласка. Но вместо того, чтобы, изловчившись, хватать яростно шипевшего зверька, Сергей выломал тяжелую дубинку из засохшего ствола и сначала оглушил животное, прежде чем лишить его жизни.

Кроме того, уже на обратном пути в лагерь, Сергей нашел две рыбины в ловушке, которую он собрал в ручье.

Закольева же попалась только одна дохлого вида белка, которая еще так-сяк сгодилась бы на шкуру, но никак не на еду. Заметив, сколько добычи принесла охота Сергею, он лишь проводил его взглядом, не говоря ни слова.

Поборов неловкость, Сергей сложил свою рыбу, белку и енота на плоский камень перед их «общим костром».

– Сегодня день выдался удачный, – сказал он, – так что будем с тобой отъедаться.

Покончив с едой, Сергей решил пройтись по окрестностям лагеря, чтобы лучше изучить местность, и еще – чтобы побыть подальше от своего не слишком многословного спутника. Сделав за пару часов широкий круг, он вышел к ручью, осматривая места, где можно было соорудить еще ловушки для рыбы, затем вернулся в лес. Он уже собирался возвращаться в лагерь, как вдруг услышал, что где-то рядом тихо ступает какой-то крупный зверь. Он замер, стараясь не дышать, и стал ждать, весь обратившись в слух. Тишина... затем снова тот же звук... снова тишина. Сергей стоял против ветра от животного, и оно, не чуя его запаха, понемногу шло в сторону Сергея. Он пригнулся, медленно и тихо двигаясь ему навстречу.

Еще через пару минут он заметил где-то в двадцати шагах могучего оленя-самца, пощипывавшего молодую травку. Через каждые несколько мгновений олень прядал ушами, поднимал голову и осматривался. Сергей стоял совершенно неподвижно. Олень сделал еще несколько шагов в его направлении. И тогда-то Сергей понял, что он стоит сейчас на оленьей тропе, на его привычном пути к водою.

Совершенно сумасшедшая мысль овладела им – он добудет этого оленя, в одиночку. Времени возвращаться и звать Закольева не было. Это должно произойти сейчас, другого такого случая не представится. Одной только этой добычи хватило бы,

чтобы им все оставшееся до конца испытания время не беспокоиться ни о еде, ни об одежде. И Сергей, словно первобытный охотник, бесшумно, в пару рывков вскарабкался на дерево рядом с оленьей тропой.

Добравшись до ветки, которая нависала как раз над тропой, Сергей нашел устойчивое положение и притаился. Сейчас он не мог видеть оленя, но зато, не рискуя быть замеченным, мог дожидаться того мгновения, когда олень пройдет прямо под ним.

Еще минут с пятнадцать – и вот он, идет себе, пощипывая травку. Еще шаг... другой. Сейчас или никогда, сказал себе Сергей. Сжимая нож в руке, Сергей соскользнул с ветки прямо на холку оленя, что было сил обхватив рукой его шею. Животное вздыбилось, а Сергей, перегнувшись, резанул его ножом по горлу, раз, потом другой. Смертельно перепуганное животное, истекая кровью, сопротивлялось с удвоенной яростью. Только бы не упасть, мелькнуло в голове Сергея. Если олень сбросит его, то Сергея настигнет смерть от его рогов скорее, чем олень успеет истечь кровью. Поэтому, не дожидаясь, пока олень сбросит его, и еще как жест охотничьего милосердия, он прицелился и загнал нож глубоко между ребер, прямо в сердце.

Животное упало набок и вскоре затихло.

Едва переводя дыхание, с бешено бьющимся сердцем, Сергей не отрываясь смотрел на оленя и не знал, то ли ему радоваться своей удачной охоте, то ли жалеть о гибели великолепного зверя.

Уже на пути в лагерь ему вспомнились слова, которые Алексей как-то сказал им: «Оказавшись один на один с дикой природой, нужно самому стать диким».

Заколев в ответ на его сбивчивый рассказ скептически ухмыльнулся, но все-таки пошел следом за тяжело дышавшим, с головы до ног забрызганным кровью Сергеем. Но улыбка быстро сползла с его лица, когда он увидел мертвое животное.

– Чего вылупился? – с едва сдерживаемой злостью прошипел он. – Не стой как истукан, берись за дело. Нужно его поскорее освежевать, понятно?

И, вытащив нож, он принялся вспарывать оленю живот.

Почти все внутренности они бросили на месте, на съедение зверям, а сами, вытесав шест, подвесили на него тушу оленя и потащили ее в лагерь. Весь остаток дня ушел на то, чтобы снять шкуру и приготовить полоски мяса – с такого крупного оленя его получилось столько, что с лихвой должно было хватить на все оставшееся в лесу время. А ведь еще у них была обувь, которую они смастерили из шкур животных, в основном пойманных Сергеем, а кожи оленя им вполне должно было хватить на штаны и куртки. У Сергея также была и шапка, сделанная из меха енота.

Вечером, уже перед самым закатом, Сергей пошел к ручью и смыл засохшую кровь со своего тела, ног и рук. Затем направился в лес и распутал все еще оставшиеся там силки. Больше убивать животных было ни к чему.

Два последних дня у них почти целиком ушли на то, чтобы смастерить пару штанов и рубашек из жесткой оленьей кожи. Им пришлось вымачивать шкуру несколько часов, прежде чем удалось соскрести с нее шерсть и остатки мяса, и потом еще и еще раз отмывать ее, чтобы полностью удалить все остатки жира. Им не удалось как следует

выдубить ее, потому что у них не было ни соли, ни извести. Но они натерли шкуру мозгами оленя, потом и пеплом костра – так, как их учили.

Наконец, нарезав кожаных полос, которые потом следовало увязать одну с другой узкими ремнями, чтобы получились кожаные куртки и штаны, они оказались одеты, как заправские лесовики. За этим занятием незаметно пролетел и последний день. Закольеv обращался к Сергею только тогда, когда без этого совсем нельзя было обойтись, не забывая приправить свои слова едкой или обидной репликой. Наконец старший кадет убрался из лагеря, оставив Сергея в покое.

До заката оставался уже какой-то час, когда Сергею показалось, что он услышал вдали какой-то звук, словно крик животного. Он вышел из шалаша, прислушался, затем подошел к костру и подбросил еще дров. И снова этот крик. Теперь было ясно, что это Закольеv, звавший его по имени. Бросившись на звук, Сергей явственно услышал крик:

– Иванов!

Сергей увидел Закольева, стоявшего по щиколотку в воде почти у самого берега ручья. На каменистом берегу было так скользко от мха, что Сергей и сам едва не поскользнулся на нем. В заходящем солнце он четко видел Закольева, который изо всех сил старался освободить свою лодыжку, зажатую между двух камней.

Вне себя от злости, словно в том, что он оказался в таком положении, была вина Сергея, Закольеv завопил:

– Да не стой же ты, идиот! Тащи сюда ветку, скорее!

У Сергея был при себе нож, но он не догадался прихватить с собой лопатку, которой также можно было пользоваться как топором.

– Я сейчас, – крикнул он и со всех ног бросился за лопаткой в лагерь.

На обратном пути он с ходу заметил прямую и крепкую ветку, которая вполне могла согнуться на рычаг. Он со всей мочи рубанул по ветке, раз, еще, пока она не отвалилась.

К тому моменту когда Сергей наконец вернулся, Закольеv был так зол, что едва мог говорить. Принять помощь от Сергея в такой нелепой ситуации было для него верхом унижения, и Сергей не мог не понимать этого. Он не только превзошел Закольева в охотничьем мастерстве, поймав в свои ловушки больше зверей, убил оленя-самца, теперь «добренький Сережа» еще и выручает его из беды – из смертельной, вполне могло оказаться.

Но вот он вызволил Закольева, и что будет дальше – не известно. Но едва ли его ждет смущенная благодарность или рукопожатие. На какой-то миг ему захотелось просто повернуться и уйти, бросив Закольева. Но Сергей быстро подавил в себе это желание.

После того как Сергей вставил тяжелую ветку под один из камней, уже было делом нескольких секунд сдвинуть его настолько, чтобы Закольеv смог освободить свою лодыжку. Она порядком распухла, но не была сломана, это было ясно. О том, чтобы помочь Закольеву доковылять до лагеря, не могло быть и речи. Сергей только молча оставил ему палку и один пошел в сторону лагеря.

Его мысли наполнились ужасным предчувствием. Выручив Закольева, он нажил себе врага на всю жизнь.

Когда Закольева наконец тоже добрался до лагеря, Сергей сделал вид, что занят укреплением своего шалаша, стараясь ни словом, ни даже взглядом не спровоцировать его на взрыв. К тому же ему и в самом деле нужно было подбросить побольше лапника на крышу шалаша – тяжелые тучи обещали дождь, а ему хотелось получше выспаться в эту последнюю ночь в лесу.

Он еще не догадывался, что ему предстоит бессонная ночь. Глубокой ночью, когда Сергей уже успел заснуть, его разбудили далекие вспышки молнии, за которыми последовал раскатистый удар грома. Еще миг, и сна как не бывало – странное предчувствие приближающейся беды волной прошло по его телу. Вот-вот должно случиться... и со следующей вспышкой молнии он увидел, или ему показалось, что он увидел, голые ноги и тело прямо у входа в свое укрытие. Сергей неслышно, не привлекая внимания, повернул голову и обмер от ужаса. Молния взорвалась снова и в это мгновение он увидел силуэт Закольева. Тот присел у входа в его убежище с ножом в руке и настороженно всматривался в темень шалаша. Сергей понял, что пришел его смертный час.

Молния потухла так же внезапно, как и вспыхнула. Не в силах шелохнуться, не в силах даже дышать, Сергей вглядывался в ночную черноту. Новая вспышка, и Сергей увидел, что силуэт исчез.

Может, это все приснилось? Померещилось? Сергей даже не знал, что и думать. Он неподвижно лежал и, прерывисто дыша, прислушивался к шуму дождя и к далеким грозовым раскатам, которые уже начинали затихать. Весь остаток ночи он так и пролежал без сна, тревожно прислушиваясь к каждому шороху, который раздавался на фоне мерного стука дождя...

Он вздрогнул и проснулся. Уже начинало светать. Он выжил и в эту ночь. Сергей поскорей выбрался из шалаша, чтобы взглянуть, где сейчас может быть Закольева, но тот, как ни в чем не бывало, продолжал спать в своем укрытии.

Но когда Сергей принялся разбрасывать свой шатер и затаптывать тлеющие угли, Закольева встал, и не произнеся ни слова, взял нож и лопату и пошел прочь от лагеря.

Чуть позже, уже на обратном пути в школу, который пролегал через каменистую, поросшую леском равнину, Сергей все продолжал размышлять о том, что ему пришлось испытать в эти последние семь дней. Теперь он знал, что способен выжить и в условиях дикой природы, как Алексей – Казак, и не хуже тех, кто прошел это испытание перед ним.

Сходиться нужно было к условленному месту, как было приказано Казаком. К середине дня вернулись все тридцать два кадета. Еще издали Сергей заметил Закольева, вокруг которого успела собраться кучка полуголых ребят помладше. Закольева тоже его заметил. Показав на него рукой, он что-то сказал своим друзьям, и Сергей заметил, что его замечание было встречено дружным хохотом.

Не обращая внимания, Сергей постарался отыскать в толпе Андрея, сгорая от любопытства расспросить друга о его семи днях. Но Андрея не было видно, очевидно, он еще не вернулся. Когда Сергей повернулся спиной к Закольеву и его друзьям, он

услышал за своей спиной ехидное хихиканье. Один из них, понахальнее остальных, очевидно стараясь угодить своему кумиру, язвительно бросил:

– Что, Сережа, явился не запылится?

– Тебе еще повезло, что Дмитрий поделился с тобой шкурой, – иначе ходил бы голый, как те бестолочи, – подхалимским тоном подхватил еще один.

Сергей смерил его взглядом. Можно было только догадываться, что Закольева тут успел насочинять.

Тем временем показался уже и Андрей, со своим старшим напарником, усталый, но счастливый. На них были грубого вида самодельные куртки из перевязанных между собой шкур. Но штанов не было, а к ступням твердыми шнурами были привязаны куски кожи наподобие подошв. Сергей, улыбаясь, разглядывал их пестрые наряды, сделанные из шкур кролика, енота, лисы, белки, и неведомое прежде ощущение собственной силы переполняло его.

Это было одно из самых запоминающихся переживаний Сергеевой юности. Надеюсь, вдруг сказал он сам себе, в первый и последний раз я остаюсь наедине с Дмитрием Закольевым.

8.

После полевых учений Сергей вернулся к повседневной школьной жизни, но его не покидало осознание тех перемен, которые произошли не только в его внутреннем мире, но и с его телом тоже.

Он стал подмечать лицемерие и недостатки окружавших его взрослых. Бродилова, без устали твердивший, как необходимо тренироваться, пока не сойдет семь потов, с каждым месяцем полнел все заметнее, а Калашников, привычно облокотясь об учительскую кафедру в классной комнате, менторским тоном рассуждал о том, что без правды никуда, и при этом не переставал лгать о евреях.

Впрочем, жизнь Сергея стала даже еще более сложной и запутанной, чем прежде. Может, и в самом деле пришла пора сбежать отсюда? Такая мысль снова стала посещать его. Бежать, чтобы найти в большом мире дом и людей, которые согласятся принять его в этом доме, людей, которые были бы похожи на него.

Сергей рвался на свободу, в мир, где для этой свободы было мало места, разве что в дикой природе. Но даже в природе были свои строгие законы и не менее строгий спрос с того, кто не хотел подчиняться этим законам. Вопросы, противоречия, словно пчелиный рой, гудели у него в голове. Прежде он никогда не задумывался о том, что ждет его в будущем. Теперь же эта мысль не давала ему покоя.

Сергей, с молчаливого согласия своего дяди, зачастил в его личную библиотеку. Владимир Иванов обладал внушительным собранием книг, и Сергей буквально проглатывал одну книгу за другой, не делая различий между религиозной философией и военной наукой, – вплоть до древнегреческих философов, таких как Платон, описавший жизнь учение Сократа и других мудрецов и государственных деятелей.

Сергея ждало удивительное открытие: некоторые фразы в книгах, словно ключ, открывали внутри него обширное скопление собственных мыслей на темы, о которых прежде он никогда не задумывался, вопросов, которых он никогда не задавал прежде. В чем смысл жизни? Что означает праведная жизнь? Люди по своей природе добродетельны или эгоистичны? Порой он, захлопнув книгу, даже хватался руками за голову и так и сидел, прислушиваясь к биению сердца, словно молот, стучавшему в груди. И дело было не столько в словах, которые он читал, сколько в мыслях, которые входили через открываемые этими словами двери. Он чувствовал себя первооткрывателем, который сделал первый шаг по неведомой земле своего собственного сознания.

В конце лета 1887 года Сергею исполнилось пятнадцать. В этот день он думал о своей матери, как он думал о ней в прежние свои дни рождения, и в остальные дни тоже. Цепочку с медальоном он носил на шее, под рубашкой, и почти не снимал, идя на этот риск ради тепла, которое, как он ощущал, исходило от медальона. После отбоя, перед тренировками или водным закаливанием он снова прятал медальон в матрасе.

В декабре того года их директор, против обыкновения, почти не появлялся на школьном дворе с утра, когда кадеты делали зарядку. В последние дни Сергей почти не виделся со своим дядей, который и без того старался не показываться без необходимости на людях, предпочитая управлять школой из своего кабинета. Тем более его нынешнее появление говорило о важности того, что он собирался объявить. Приказав кадетам построиться, он, без лишних слов или объяснений, сказал:

– Шаг вперед те, кто будет назван.

Затем стал читать имена и фамилии из списка. Сергей услышал, как назвали нескольких старших кадетов, затем его имя и еще нескольких его сверстников из тех, кто был упорнее и старательнее других. Назвали также и Андрея. Сергей сделал шаг вперед вместе с остальными. Наконец директор назвал и последнее имя в своем списке:

– Кадет Дмитрий Закольеv. Далее он продолжал:

– Все вы, двенадцать человек, отобраны для прохождения особой подготовки и несения службы в отборных воинских частях. Возможно, и в личной гвардии государя. С чем вас и поздравляю.

Это было самое теплое поздравление, которое когда-либо кадеты слышали из уст своего директора.

Краешком глаза Сергей заметил, как на лицах некоторых из его сотоварищей засияли гордые улыбки. Андрей тоже доволен, раз улыбается, подумал он. Но Сергею было не до улыбок. Это лишь означало, что его жизнь снова изменилась по прихоти кого-то постороннего. Что еще хуже, Закольеv опять будет рядом.

Распустив остальных кадетов, директор стал неспешно прохаживаться пред строем из двенадцати избранных, и тихо, словно делаясь с ними секретами, предназначенными только для их ушей, продолжал:

– Пока что вы учились всему тому, что должен знать каждый молодой солдат: основам борьбы и кулачного боя, верховой езде, плаванию, умению обращаться с оружием, военной стратегии и тому, как выживать без посторонней помощи. Остальным

вашим товарищам предстоит оттачивать эти умения. Но отборной гвардии понадобится отборное учение.

Какое-то время он продолжал в молчании ходить перед строем, затем неспешно заговорил:

– Задолго до Рождества Христова греки вели торговлю племенами, обитавшими на берегу Черного моря. Шли века и одно племя сменяло другое, сарматов покорили готы-германцы, которые затем были сметены азиатами – гуннами, а те – тюрками-аварами. Пришло время, и уже славянские народы вместе со скандинавами-викингами сплотились вокруг своего священного града Киева, коему суждено было стать матерью городов русских. И с той поры эти различные народы, которые говорят на ста сорока языках и наречиях, прошедшие историю борьбы, труда и молитвы, стали основой самой великой из стран мира, той страны, которую мы с вами привычно зовем Родиной... нашей Матерью-Россией.

Эта речь дяди, обычно такого немногословного, надолго запомнилась Сергею. Упоминание о Родине, которую он так любил, растрогало директора, и он сделал паузу, чтобы утереть слезу, невольно блеснувшую в краешке глаза. Но он быстро взял себя в руки и продолжал:

– На протяжении всей нашей истории нашему народу, всем русским людям – не только казакам и солдатам, но и крестьянам, торговым людям – не раз приходилось вставать на защиту своих земель от чужаков, вторгавшихся отовсюду, с севера и с юга, с запада и востока. Нам пришлось научиться воевать в бескрайних степях, на замерзших озерах, топких болотах и в лесных чащобах. Наши враги вынудили нас изобрести гибкое и многогранное военное искусство. Вас, будущих отборных солдат, будут обучать системам борьбы, более естественным и более смертоносным, чем те, что вы прежде изучали.

Директор затем скомандовал:

– Алексей Орлов, шаг вперед. Казак сделал шаг вперед.

А директор снова обратился к двенадцати юношам:

– Кто смелый, шаг вперед.

Один из старших кадетов, Анатолий Комаров, лучший среди школьных борцов, вышел из строя.

– Ну-ка, – сделал приглашающий жест дядя, – нападайте-ка на инструктора Орлова.

Кадет Комаров, сжавшись пружиной, стал кружить вокруг Алексея, высматривая слабое место в стойке своего наставника. А тот лишь улыбался и стоял себе спокойно, даже не стараясь держаться лицом к своему молодому противнику. Комаров, увидев незащищенное место, не прекращая движения, нанес боковой удар ногой.

Ответное движение Алексея казалось почти незаметным, но его было достаточно, чтобы Комаров потерял равновесие и повалился на пол – тяжело, словно куль муки. Казалось, кадеты наблюдают за демонстрацией сверхъестественных сил, а не боевого мастерства. Кадет еще несколько раз сделал попытку достать Алексея, но так же

безуспешно. Наконец директор поблагодарил кадета за смелость, а Алексея – за демонстрацию.

– У царя немало верных солдат, – торжественно произнес он, – но те, кто охраняют его и выполняют особые задания, должны побеждать даже самых лучших солдат. Так что с этого момента ваша тренировка усилится до отметки критической, а временами и более того. А значит, если кто из вас не уверен в своих силах, еще не поздно отказаться – ничего постыдного в этом нет. В регулярной армии тоже служат достойные и храбрые офицеры. Тот, кто хочет вернуться назад в свою учебную роту, – шаг вперед.

Директор ждал, но никто не вышел из строя.

– В регулярной армии служат достойные офицеры, – повторил он. – Говорю вам как офицер – будущим офицерам, я должен знать не только на что способен, но и что мне не по силам. Чтобы потом поздно не было.

Сергей, как и все остальные в строю, стоял не шелохнувшись.

– Что ж, быть посему, – сказал дядя. – Учебная рота продолжит подготовку под руководством наставника Бродилова. Отборная группа будет тренироваться под началом Алексея Орлова.

На следующий день началась их особая подготовка. Как только кадеты выстроились в две шеренги, Алексей посвятил их в кодекс казацкой чести:

– Сам погибай, а товарища выручай – вот наша нерушимая заповедь. Ваш священный долг – рисковать собственной жизнью, чтобы спасти товарища и охранять царя и нашу святую веру.

Он замолчал, чтобы дать им время вдуматься в смысл этих слов. Сергею казалось, будто он очутился в какой-то другой реальности, превосходившей его привычный мир. Но следующие слова Орлова резко изменили атмосферу:

– Каждый из вас теперь должен пройти посвящение. Жестокое на первый взгляд, оно послужит многим полезным целям. Вам предстоит самим испытать, что представляет собой телесное ранение и боль. Каждый из вас должен сделать выбор между глубоким ножевым ранением или сильным ударом молотком по руке, который, вполне возможно, ломает ее.

– Кадет Иванов, – вызвал он Сергея из строя. – Вы будете первым. Остальные – следом за вами.

Сергей сделал шаг вперед, но все не решался, какое из двух испытаний выбрать. Что страшней? И что будет больней?

– Ну же? – терпеливым, но настойчивым тоном произнес Казак. – Выбрали?

Сергей поглубже вдохнул и сказал:

– Я выбираю нож.

И в тот же миг, незаметно, словно молния, Алексей полоснул его лезвием по руке. Движение это было совершенно машинальным, в нем не было ни агрессии, ни потаенного удовольствия. Какой-то миг Сергей не ощущал боли, только шок при виде того, как кожа на его руке разошлась, обнажив белый слой жира. Затем рана наполнилась кровью, появилась глубокая, пульсирующая боль, кровь потекла с руки на землю.

– Теперь ваш черед, – Алексей кивнул в сторону двух старших кадетов. – Один из вас должен наложить шов, другой – сделать перевязку, как в полевых условиях. И чтобы работали чисто – следующими будете вы.

Он показал на стол, где были выложены различные перевязочные материалы, иглы и нитки. Их старая медсестра стояла рядом, готовая в любую минуту прийти на помощь. Она же и налила Сергею стопку водки, чтобы, – сказала она, – боль не так донимала. Он выпил и уже хотел просить у нее вторую стопку, но не решился.

Присыпав дезинфицирующим порошком зияющую рану, медсестра взяла Сергееву руку в свою, наблюдая за тем, как старший кадет неумело накладывал шов изогнутой иглой. Сергей отвернулся и, сцепив зубы, терпеливо ждал, когда с процедурой будет покончено, стараясь не вздрогнуть и не вскрикнуть каждый раз, когда игла пронзала кожу.

Пульсирующая боль становилась сильнее, и он морщился каждый раз, но терпел, пока дрожащие руки его товарища протягивали тонкую нить через края раны, туго стягивая ее. Спустя несколько минут, которые показались Сергею вечностью, рана была зашита, повязка наложена, колющая боль сменилась глубоким нытьем.

– Молодчина, – прошептала сестра, но Сергей едва уловил смысл ее слов. Все его внимание теперь было поглощено тем, как остальные его товарищи один за другим подходили к столу. Для него худшее уже было позади.

Остальные кадеты, тоже не в силах отвести глаз от жуткого зрелища, следили за происходящим. Следующий за Сергеем парень, испугавшись вида Сергеевой крови, выбрал молоток. Он взвыл, когда молоток Алексея опустился ему на руку, но не потерял сознания. Жуткий хруст был слышен каждому, хотя было не ясно, действительно ли кость сломана. Кадет же молча отошел в сторону, тяжело дыша и морщась от невыносимой боли. Двое его товарищей тут же наложили шину на ушибленное место под пристальными взглядами остальных.

И так, один за другим, все подходили к столу, выбирая то нож, то молоток. Андрей, который не переносил вида крови, выбрал молоток. В момент удара он сильно вскрикнул, но нашел в себе силы собраться и дальше уже терпел боль молча. Заколев выбрал нож и прошел через все, даже не поморщившись. Больше того, он улыбался.

Один из кадетов отказался от испытания. Алексей подчеркнуто вежливым тоном предложил ему вернуться в группу Бродилова. Вскоре все одиннадцать бледных, морщившихся кадетов выстроились у столика с медикаментами и водкой. Каждый получал свою стопку, и многие, подобно Сергею, были не прочь выпить еще.

Наконец Алексей еще раз обратился к ним – с величайшим уважением в голосе, словно теперь их всех от остальных кадетов отделяла глубокая пропасть:

– Подчас одних только слов недостаточно, когда хочешь научить чему-то очень важному. Эта рана, которую получил каждый из вас, – все равно что ранение, полученное

в бою. Но рана быстро зарубцуется, если вы научитесь слушать свое тело, научитесь желать того, чтобы раны быстрее затягивались. И, несмотря на ранение, будете сохранять боеспособность – а это исключительно важно в условиях настоящего боя.

– Испытание это было не из простых, – продолжал он, – и для меня тоже. Не думайте, что мне доставляло удовольствие причинять вам боль. Но оно было необходимо. Вы теперь сами испытали на себе малую толику той боли, которую вы, солдаты, будете причинять врагу, если понадобится. Такова жестокая правда боя. Никогда не забывайте о том, что лучше ранить десятерых, чем убить одного. Раненые требуют ухода и тем самым сковывают противника. Совет этот вам даю, впрочем, не только из соображений тактических, из соображений некоей высшей стратегии тоже.

Раны затянутся, и солдат вернется к своей семье. Но смерти нет обратного хода, и душа убитого врага будет всегда лежать тяжелым грузом на вашей совести. А значит, убивать врага нужно только тогда, когда другого выбора нет. А теперь возвращайтесь к себе и думайте о том, что я вам только что сказал.

Кадетам выдали новую форму, штаны с красными лампасами, как у офицеров. И когда они уже шли в свою новую казарму, Сергей подметил, что не только новая форма отличает этих одиннадцатерых. Они держались гурьбой, стараясь идти все вместе, словно какое-то новое, неведомое чувство военного товарищества после перенесенного испытания сплотило их в единое целое. Только один Закольева держался особняком – и впереди остальных.

Как оказалось, некоторые из парней постарше совершили еще один поступок, на который ни за что бы не решились прежде, – выпросили с собой бутылку водки. Теперь они, смеясь, пили водку из горлышка, передавая бутылку друг другу, и Сергей, неожиданно для себя, опьянел. Ему захотелось еще, но бутылка была пуста. Вдруг ему вспомнилось, что от водки умер его отец. «Не передалось ли мне по наследству еще и это?» – подумал он.

Через пару недель его рана зажила, но остался рубец, чтобы никогда из памяти не стерся тот день, когда он стал одним из избранных.

Вскоре после этого их группа прошла еще одно испытание, проведя без еды семь дней, а последние два дня – без воды. Для этого, как пояснил Орлов, было несколько причин.

– Первое, – сказал он, – вы преодолеете инстинктивный страх остаться без пищи. Так что, если вы окажетесь отрезаны от остальных в ходе боя, для вас будет не столь важно, есть ли у вас провизия или нет. Второе, периодическое голодание очищает и укрепляет тело.

– А третье, – прошептал кто-то в строю, – меньше кормишь, больше денег в школе останется. – По ряду прокатился подавленный смешок. Но им уже было не до смеха к концу первого дня. Волчий голод и ужасающая усталость буквально валили с ног – еще один из кадетов не выдержал и выбыл из их числа, так что их уже осталось десять. Вдобавок, на этот период никто не собирался отменять для них тренировки и занятия, голод – еще не причина отдыхать или отлынивать от занятий, объяснили им.

Все эти семь дней у Сергея и остальных промежутки усталости и апатии сменялись чувством легкости, приливом свежих сил и новой энергии.

Тяжелее всего было последние два дня, без воды. Но потом они завершили свое голодание своеобразным очистительным ритуалом, напоминавшим второе крещение.

– Отборными солдатами становятся только через отбор, вот как, – неустанно повторял Алексей. – Но, может быть, наступит день, и вы из солдат превратитесь в воинов, как те триста спартанцев древности. Против них было триста тысяч персов, но они стали живой стеной и три дня не пускали врага через узкое ущелье в Фермопилах.

– И что с ними было потом? – спросил один из кадетов.

– Они все погибли, – ответил Казак.

9.

С некоторых пор Сергей чувствовал, что его жизнь и всё в его жизни становится быстрее – его мысли, его желания, ум и тело. Его перевели в казарму этажом выше, где уже безраздельно властвовал девятнадцатилетний Закольеv, самый старший из всех кадетов. Но Сергея теперь больше занимали его тренировки с Алексеем в стрелковом оружии, маскировке, полевой медицине, выживании в зимних условиях и рукопашном бое.

Несколько недель спустя наставник отборного взвода объявил своим подопечным:

– Сегодня тема нашего занятия – удушающие захваты и освобождение от них. Но начнем мы с того, что вы сами постараетесь найти возможность освободиться от захвата. Исследуйте любые способы – что получается и что нет. Только не травмируйте своего партнера, это главное. Те же из вас, кто будет проводить удушающий захват на партнере, запомните: поскольку у него нет возможности сказать вам, когда остановить захват, сигналом будет его хлопок по вашей ноге. Это сигнал немедленно остановить прием. В противном случае он потеряет сознание... а если удержат захват еще дольше, он просто задохнется. Так что сразу ослабить захват, как только партнер похлопает вас по ноге!

К концу занятий Закольеv снова выбрал Сергея себе в партнеры. Закольеvская рука мгновенно обвилась вокруг его шеи и Сергей уже был не в силах издать ни звука, ни даже вдохнуть. Еще секунда, в следующее мгновение показалось ему, и голова взорвется. В глазах потемнело, и, запаниковав, он что было сил хлопнул Закольева по бедру, затем еще раз, почувствовав, как его засасывает черный водоворот.

Наконец Закольеv освободил захват. Сергей, не в силах держаться на ногах, опустился на борцовский коврик и какое-то время сидел, стараясь поскорее восстановиться. Вдруг он почувствовал, что Закольеv, не отрываясь, смотрит на него, и поднял глаза.

– Что это у тебя там на шее надето? – как ни в чем не бывало поинтересовался тот.

– Ничего, – пробормотал Сергей, злясь на себя за то, что забыл перед тренировкой спрятать свой медальон. На минуту зазеваешься, мысленно отругал он себя, а потом будешь жалеть.

– А ну покажь, – дружеским тоном сказал Закольеv.

Закольеv умел попросить таким тоном, что, казалось, глупо отказывать человеку в такой мелочи. Сергей уже было потянулся к застёжке на цепочке, но вовремя спохватился.

– Не твоё дело, – отрезал он. – Ты про своё думай.

Закольеv равнодушно пожал плечами и стал работать в паре с другим кадетом.

Алексей подал знак к концу тренировки, подвёл итог и покинул тренировочный зал. Кадеты стали собираться, хотя кое-кто ещё оставался на борцовском коврике, продолжая отрабатывать сегодняшний приём. Сергей же, который в этот раз с нетерпением ждал конца занятий, постарался было уйти одним из первых, но вдруг услышал за спиной зловещий шепот Закольева:

– Давай-ка посмотрим на твоё сокровище!

Сергей сразу понял, что Закольеv не просто хочет посмотреть на медальон, он решил присвоить его.

– Обойдётся, сказано же тебе, – бросил Сергей и постарался поскорей пройти в двери, но правая рука Закольева уже крепко держала его за шею, а левой он с ужасающей силой надавил ему на затылок. Сергей дернулся, стараясь не поддаться панике, не потерять дыхания, но дыхания уже не было, осталось лишь страшное давление, от которого казалось, вот-вот треснет череп. В сгущавшейся черноте он ещё успел увидеть, что на них смотрят двое кадетов, но те, видимо, решили, что они решили потренироваться ещё. Но это была не тренировка – в этот раз Закольеv напал на него всерьёз.

Когда свет погас у него в глазах, Сергей на какой-то миг словно увидел себя со стороны, своё бесчувственное тело, распростёршееся на полу. Затем было чернота.

Когда он пришёл в себя, Закольева поблизости не было. Исчез и медальон. С того самого момента Сергей, словно одержимый, не мог думать ни о чём другом, лишь о том, как вернуть свой медальон. Он не мог, просто не мог позволить Закольеву взять и украсть то единственное, что осталось у него в память о родителях, что соединяло его с прошлой жизнью. Но у него никак не выпадала возможность остаться с Закольевым один на один. Несколько дней их не ставили тренироваться в паре, не получалось у Сергея подстеречь его одного на заднем дворе, где обычно Закольеv курил с друзьями.

Сергей чувствовал, что у него, словно у безумца, начинают путаться мысли. Он не мог ни о чём больше думать. Ему нужно было немедленно вернуть своё.

Три дня спустя ему таки удалось подстеречь Закольева и перегородить путь:

– Отдавай немедленно! – закричал он, не в силах сдерживаться, чувствуя, как у него все горит внутри от ярости.

Кое-кто из кадетов, пришедших пораньше в спортивный зал, подтянулся поближе. Зрелище обещало быть незабываемым.

– Что тебе отдавать? – негромко переспросил Закольеv, явно не ожидавший такого от Сергея.

– Сам знаешь что.

Закольев улыбнулся своей отвратительной улыбочкой.

– А, ты про ту девчачью побрякушку, которая была у тебя на шее?

– Отдавай... сейчас же! – зарычал Сергей.

– А у меня ее нет. Вот так-то.

– Врешь!

Закольев смотрел на него изучающим взглядом, словно на козявку, удивленный, что «добренький Сережа», почти на четыре года моложе его, решится приставать к нему с такими требованиями. Что ж, говорил его взгляд, ты сам напросился...

Сергей молниеносно нанес Закольеву удар ступней в колено. Закольевская нога поехала в сторону, но он не стал восстанавливать равновесие, а в падении зацепил Сергея за одежду, увлекая его за собой на землю. Еще миг, и мускулистый Закольев уже сидел у Сергея на груди и методично лупил его кулаками по лицу.

Закрываясь от града сыпавшихся на него ударов одной рукой, Сергей растопыренными пальцами ткнул Закольеву в глаза. Тот взвыл от боли и ярости, и этого мига было достаточно, чтобы Сергей еще несколько раз двинул ему по зубам.

В этот момент в зале показался Бродилов, который и растащил их. Но Закольев успел свернуть Сергею нос, отвесив ему несколько жестоких ударов по лицу. Со сломанным носом, заплывшим от кровоподтеков лицом Сергея отвели в лазарет.

На следующий день первым, кого увидел Сергей, едва разлепив глаза на синем отеком лице, был Андрей, сидевший у его койки.

– Ну, Серега, ты даешь! – восхищенно затарахтел он. Закольевские зубки давно просились погулять, но никто не думал, что это ты... Ты ему оба передних зуба выбил, знаешь, нет?

– Хотя не это главное... Закольев, кажется, напросился. Видели, как он душил тебя после тренировки и снял с тебя что-то... вроде как цепочку, да? Дошло до наставников, – продолжал Андрей, улыбаясь. – Бродилов потребовал, чтобы Закольев признался, что он украл, но тот уперся, будто ничего не брал. Врет, конечно, и все знают, что врет. Так что давай, поправляйся, расскажешь сам, как дело было. Начальство приняло решение держать Закольева в холодной все время, пока ты будешь в лазарете. А потом... Да, Серега, нешуточного врага ты себе нажил! Хотя Закольева-то говорят, собираются того... с волчьим билетом, и такие слухи тоже ходят.

Затем он добавил, уже без прежнего восторга:

– Да, Сергей... А я-то... хорош друг, тоже мне. Но впредь, обещаю, можешь на меня рассчитывать, что бы и кто бы там ни был, усек, нет?

– Усек, – едва ворочая губами, пробормотал Сергей. Слова Андрея скорее огорчили, чем обрадовали его. Закольевское унижение и наказание ему было ни к чему. Оно только все усложнило, теперь тот уж точно ни за что не отдаст медальон.

Остаток дня Сергей то лежал в полусне, то засыпал снова. А ночью словно что-то толкнуло его. Открыв глаза, он увидел в полутьме комнаты Алексея, стоявшего поодаль. Но одет он был не в привычную форму, в которой ходил в школе. Теперь на нем была его прежняя казацкая одежда, и он был таким, каким впервые появился у них, еще тогда, с известием о смерти Александра Второго. Сергею вдруг показалось, что он видит сон.

Но Казак заговорил, и Сергей понял, что не спит.

– Тренируй задержку дыхания, и тогда нехватка воздуха не будет тебя больше страшить. Сознание теряешь не от того, что воздуха нет, а от того, что кровотоки сдавлены. Так что, если тебя снова будут душить, – все так же тихим и мерным голосом вел он дальше, – полностью сбрось напряжение, и у тебя появится еще двадцать-тридцать секунд.

Алексей на мгновение поднял взгляд, словно стараясь отыскать нужные слова:

– Жизнь, Сережа, жесткая штука, так что и сам не вольно становишься жестким. Но запомни и то, что нет ничего такого твердого, чего нельзя взять мягкостью. Вода источит любой камень, дай только время. Время, вот что тебе нужно...

– Ты поступил храбро, выступив против Дмитрия Закольева, – продолжал Казак, – твой отец тоже был храбрецом... Дстойный был человек, и ты станешь таким же... Но не солдатом, Сережа, не солдатом. Не твое это, запомни мои слова. А что твое – ищи, и оно обязательно найдется.

Эти последние слова отозвались в Сергее глубоким разочарованием, но во взгляде Казака ничего не изменилось, он все так же улыбался ему, как равный равному, как товарищ – товарищу. И не успел Сергей и слова сказать в ответ или поблагодарить Казака за наставление, как Алексей Орлов отступил на шаг во тьму и исчез.

А утром Андрей снова вернулся к своему другу, чтобы сообщить ему новость:

– А знаешь, Казак уехал! Его немедленно затребовали ко двору, и он сразу же собрался, еще даже не рассвело... А мы назад, к Бродилову, вот так-то. Господин директор, правда, от его имени передал нам прощальный привет и пожелания. И еще слова... Дай вспомнить... «Такова жизнь солдата, люди приходят и люди уходят, твой товарищ может пасть в бою рядом с тобой, но ты, ты ни шагу назад». Занятия отменили, все до обеда свободны. Кто – куда, а я к тебе, вот так.

Андрей замолчал.

– Знаешь, Серега, – вдруг сказал он, – а ведь дядя-то твой... небось, скучать тут будет без Казака, согласен, нет?

Сергей только улыбнулся.

– Согласен. И не только он.

10.

На дворе уже был пронизывающе-холодный январь 1888 года, когда Сергея наконец выписали из лазарета. Его желание вернуть свой медальон не стало слабее, но

теперь он решил трезво оценить свои возможности. Еще одна открытая стычка с Закольниковым ни к чему не приведет. Попробуй он снова отобрать медальон у Закольева силой, все закончится тем же, он снова окажется в лазарете. Но возможно, ему повезет и побитым окажется Закольев. В любом случае тот по доброй воле не скажет, где прячет медальон.

Самое разумное в такой ситуации – выждать время, наблюдая за своим противником. Как сказал как-то Алексей-Казак: то, что не сразу в руки дается, дорогого стоит. От своего он ни в коем случае не отступится. Сергей знал, что теперь у него появился серьезный враг. Но тоже мог сказать и Закольев.

Еще одна перемена произошла в нем после того ночного визита. Вместе с отъездом Казака Сергея, казалось, оставило и его прежнее горение. Он все больше отстранялся от своих сверстников, словно бы он был наблюдателем, а не участником событий той жизни, что разворачивалась вокруг него. Все последующие месяцы он все больше старался проводить время в одиночестве, в тиши дядиной библиотеки. Временами, бывало, он просто молча вращал глобус на его столе, в задумчивости водил пальцем с севера на юг, с востока на запад.

Однажды, весной, вскоре после того как сошли снега, Сергей коротал время в библиотеке за чтением диалогов Сократа, когда случилась странная вещь. Словно бы из ниоткуда необычайный образ проявился в его уме: мужское лицо с грубыми чертами, нос словно перебитый, подбородок и щеки покрывали жесткие вьющиеся волосы. И все же в этом лице ощущались сила и цельность, а глаза, показалось Сергею, словно метал молнии.

Затем Сергей услышал слова: «Я гражданин не Афин или Греции, но мира...» В единый миг Сергею стало ясно что в видении перед ним предстал не кто иной, как сам Сократ. Видение же, прежде чем исчезнуть, произнесло лишь четыре слова: «Новый мир... на запад...»

Затем все снова стало, как было. Сергей снова был в дядиной библиотеке, в Невской военной школе.

Что с ним только что произошло, почему это случилось – Сергей не находил ответа. Не верилось, что и в самом деле дух греческого философа посетил его, тем более говорил с ним. В конце концов, слова ведь были сказаны не на греческом, а на его родном языке. Однако же откуда то они пришли, эти слова... Что за «новый мир»? И куда именно на запад? Сергей вдруг вспомнил слова Андрея, сказанные много лет назад, когда они только познакомились: «Я родился не в России, а на Западе... За морем есть такая страна, называется Америка».

Наверное, решил он, это лицо и эти слова – не что иное, как порождение моего собственного ума. Но что означает это видение? Сергей задумался. Он пристально смотрел в книгу в надежде, что сможет еще раз увидеть тот же лик. Наконец он поставил книгу на полку и уже собирался уходить, но его взгляд невольно задержался на дядином письменном столе. Сергей заметил распечатанное письмо, которое директор, очевидно, по неосторожности забыл убрать. Не в силах сдержать любопытства, он склонился над столом и прочитал:

ИЗВЕЩЕНИЕ:

Владимиру Иванову, директору Невской военной школы.

В течение недели мимо вашей школы будет следовать воинское подразделение для выполнения задания связанного с евреями. Направление – «черта оседлости». Предписываю прикомандировать всех старших кадетов, как и кадетов отборной группы, к этому подразделению на три месяца. Выполнение этой задачи в полевых условиях подготовит ваших кадетов к будущим заданиям. Еще раз поставьте в известность кадетов, что они будут действовать во имя Царя, Святой Церкви и Матери-России.

Подпись: генерал Артемов

«Задания, связанного с евреями». Сергей невольно вздрогнул. Как одному из отборной группы, ему тоже придется присоединиться к гонителям невинных людей, которые уже отняли жизнь у Абрамовичей. Снова перед его внутренним взором предстали обгорелые руины их дома. И вот еще раз придется дышать тем же запахом смерти...

Нет, только не я. Никто не сможет заставить меня, ни дядя, ни даже сам царь.

Сергей снова оказался на распутье. Но теперь он знал, какой дорогой пойдет. Пришло время навсегда исчезнуть в ночи. Он отправится в Санкт-Петербург, чтобы отыскать тот драгоценный дар, что был оставлен ему дедом. Этот клад, который так долго ждал своего часа, позволит ему купить билет на пароход. Он уедет прочь отсюда, в Америку, где не посылают солдат убивать людей только потому, что те евреи.

Приняв это решение, Сергей задумался, чего ему ждать и к чему быть готовым сразу же после того, как он исчезнет из школы. Его станут искать, вышлют погоню. Так что идти придется быстро и уходить нужно как можно дальше. Пути назад у него уже не будет.

Сергей на какое-то мгновение даже засомневался, правильное ли он принимает решение. Ведь так хотел его отец – чтобы он учился в военной школе. И его дядя устроил его сюда, дал кров, чтобы научить той единственной жизни, которую они с братом знали и которой жили. Но нет, он больше не хотел такой жизни. Он не только сын своего отца. У него была мать, теперь ее кровь взывала к нему.

Сергей чувствовал себя так, словно ему предстояло еще раз войти в озеро с ледяной водой. Не известно, чего ему теперь ждать от жизни и какие неожиданности может готовить ему будущее. Но, по крайней мере, эту жизнь и это будущее он выберет для себя сам.

Раз так, сказал он себе, то и откладывать с решением нечего, нужно уходить как можно скорее, лучше всего – сегодня ночью. Но нельзя уйти, не попрощавшись с дядей. Нужно хотя бы записку оставить. Сергей схватил чистый лист бумаги с дядиного стола, обмакнул перо в чернила и написал:

Уважаемый господин директор!

Я хочу извиниться перед Вами за то, что ухожу таким вот образом. Я ухожу в поисках другой жизни. У меня при себе карта, компас и некоторые припасы, что понадобятся мне в пути.

Благодаря Вашей опеке я стал сильнее и многому научился. Надеюсь, придет час, когда Вы сможете гордиться мною. Не сомневаюсь, что Вы добрый и искренний человек, и могу лишь сожалеть о том, что мне не случилось узнать Вас лучше. Обещаю: век буду помнить о Вашей доброте и поминать Вас в своих молитвах.

Сергей подписал записку своим именем, сложил ее и спрятал в карман. Прежде чем уйти из кабинета, он торопливо осмотрелся и нашел то, что искал: карту, которая могла пригодиться. Открыв бюро, он нашел среди папок с личными делами кадетов ту, что была подписана его именем, и поспешно выхватил из нее лежавшие там бумаги.

В этот вечер, когда объявили отбой, Сергей лег в кровать, не раздеваясь. В его рюкзаке заранее было уложено все необходимое, что ему только удалось собрать, включая документы, которые он завернул для лучшей сохранности в промасленную бумагу. В рюкзак также были упакованы сухой паек, который он стащил с кухни, а еще нож и складная саперная лопатка. Там же были леска с крючком, карта и компас.

Во время ужина Сергей окинул прощальным взглядом обеденный зал, молча попрощался с Андреем и своими товарищами-кадетами. Все время до отбоя он простоял у окна казармы – вот там, на плацу, прошло все его детство. Он словно еще раз увидел себя, того мальчишку, который отчаянно вцепился в поводья, когда его впервые посадили на коня во время урока верховой езды.

После отбоя он притворился спящим, пока не услышал знакомые звуки уснувшей казармы. Затем засунул записку под подушку – скоро, очень скоро ее найдут, и его дядя отправит за ним в погоню лучших кадетов-следопытов, возможно – даже кого-то из инструкторов. Но все зря – ведь они же сами его готовили.

Еще и еще раз он обдумал план побега. Первым делом проскользнуть мимо караульных – маршрут и время обхода были ему прекрасно известны. А во время последнего закаливания на озере он заметил бревно, что лежало почти у самого берега...

Сергей резко сел на кровати. «Который уже час? – испуганно подумал он. – Неужели проспал?» Он соскользнул с кровати, неслышно подошел к окну. Нет, луна еще висела высоко в небе, почти прямо над головой. Сейчас или никогда, сказал себе Сергей. Он подхватил свой рюкзак и бесшумно пошел к выходу из казармы, крадучись, словно тень, вдоль стены, дальше, по длинному коридору. Из-под двери дядиного кабинета, несмотря на поздний час, пробивалась полоска света. Все так же тихо ступая, Сергей проскользнул в подвал, а там со всех ног бросился бежать, несмотря на непроглядную темень.

Наконец он у озера. Его сердце бешено колотилось. Силы враз оставили его, и Сергей, как замороженный только смотрел на залитую лунным сиянием поверхность озера. В ночной тишине биение его сердца казалось неестественно, пугающе громким. Сергей прислушался. Где-то неподалеку пела ночная птица. И с этим пением, словно встречавшим его первый свободный шаг, какое-то новое, незнакомое чувство проснулось в груди молодого человека.

Страхнув с себя оцепенение, Сергей стал искать бревно, которое заметил накануне. Но в темноте найти его оказалось не так-то просто. Стараясь поменьше шуметь, Сергей осторожно пошел вдоль берега, пробираясь сквозь густую траву и стараясь ненароком не споткнуться в темноте.

Вот вроде бы какое-то бревно, сказал себе Сергей, да только то ли? С сомнением он осмотрел его. Полуобгоревший ствол дерева оказался настолько тяжелым, что Сергей даже засомневался, сможет ли оно вообще плыть. Он ухватился за сучки и потащил бревно в воду...

Вдруг Сергей услышал звук шагов, совсем близко от себя. Присев на корточки, он замер, напряженно всматриваясь сквозь густую траву туда, где был виден приближающийся силуэт. Это был человек, и шел он определенно в его сторону. У Сергея комок подкатил к горлу, когда он разглядел Закольева.

– Негодяй, – едва сдерживая ярость, беззвучно выдохнул Сергей. – Неужели он пошел за мной следом? Или это просто нелепое совпадение?

Закольева, тоже с вещмешком, шел крадущейся походкой и тоже вглядывался в темноту, словно стараясь высмотреть что-то... или кого-то. Нужно было принимать решение, как поступить: не обнаруживать себя, чтобы преследователь его не заметил и прошел мимо, или самому выйти ему навстречу. Но в этом случае столкновение неминуемо. Куда разумнее было бы уклониться от стычки, оставшись незамеченным. Но тогда он не узнает зачем, с какой целью Закольева преследует его.

Пока осторожность боролась с желанием выяснить намерения Закольева, тот оказался совсем рядом. Сергей увидел бледный отблеск серебряной цепочки на шее его преследователя. Решение было принято мгновенно. Он встал во весь рост и присвистнул:

– Эй, Закольева, – достаточно громко, чтобы тот смог его услышать.

Закольева резко повернул голову в его сторону.

– Вот оно, значит, как, – сказал он, – решил прогуляться на свежем воздухе?

Судя по голосу, он, казалось, совсем не удивился, что Сергей первым окликнул его.

Сергей старался угадать выражение лица Закольева, казавшегося мертвенно-бледным в лунном свете. Закольева же не спеша приближался к Сергею.

– Верни мне мой медальон, слышишь?

Густой туман приглушал все звуки вокруг, но Сергей все же старался говорить потише, чтобы их не услышали караульные на школьном дворе.

– Отдай медальон, а потом ступай своей дорогой, а я пойду своей.

Закольева покачал головой, словно он ожидал услышать что-то совсем другое:

– Добренький ты мой Сережа... видно одного раза тебе показалось мало?

Мысли, словно вспышки молний, мелькали в Сергеевой голове: как поймут в школе, что они оба исчезли в одну ночь? Решат, что сговорились бежать вдвоем? Вряд ли. Скорее подумают, что...

Записка! Ведь он же оставил дяде записку, внезапно вспомнил Сергей. По крайней мере, хоть дядя будет знать, что Закольева он с собой не звал...

Словно прочитав его мысли, Закольеv вытащил скомканную бумажку из кармана форменных штанов:

– Я же говорю, добренький... не забыл с дядей попрощаться.

Сергей скорее понял, чем увидел, как его лицо скривилось в такой знакомой, ненавистной ему ухмылке.

– Только вот запомнили вы, Сережа, что у меня везде свои люди. Оплошали вы, право слово, оплошали...

Кровь ударила Сергею в виски, когда Закольеv разорвал записку на мелкие клочки.

Медальон, подумал Сергей, главное вернуть медальон, а все остальное уже не имеет значения.

– Отдай медальон, а не то я позову караульных.

– Давай, зови, – все так же ухмыляясь, ответил Закольеv. – Зови-зови, я слушаю.

– Думаешь, не позову?

– Ждешь разрешения?

Сергей едва не застонал от бессильной ярости.

– Вот что, оставь медальон себе. Верни только фотографии родителей. Другого мне ничего не нужно. Дмитрий, ну зачем нам расставаться врагами?

Молчание Закольева было красноречивее любого ответа. Не тратя больше слов попусту, Сергей прыгнул на Закольева и что было сил пнул его сапогом в живот. Удар пришелся в солнечное сплетение, и Сергей услышал, как воздух со свистом вырвался из закольеvской глотки. Закольеv переломился пополам, но не упал. Сергей потянул его на себя, вцепившись в гимнастерку на плечах Закольева, чтобы свалить его на землю, но Закольеv вдруг сам так боднул его в грудь, что Сергей потерял равновесие. Еще миг, и уже Закольеv бросился на него и захватил локтем за шею.

В этот раз точно конец, только и подумал Сергей.

Паника огненной волной прокатилась по его телу, чтобы смениться холодной ясностью. Его первым порывом было зафиксировать предплечье Закольева подбородком, чтобы, согнувшись, бросить нападавшего через себя. Но по тому, как Закольеv держал центр тяжести, было ясно, что он готов к этому. Тогда Сергей резко повернул лицо к сгибу локтя, чтобы рывком высвободить голову из захвата. Это была ошибка. Закольеv только сильнее сдавил его шею. Но он не знал, что Сергею больше не страшны удушающие захваты. Теперь он мог удерживать дыхание более двух минут. Расслабиться и тянуть время...

...Вот то знакомое давление в висках, которое ему уже пришлось ощутить однажды, первые черные точки в глазах, за которыми полная чернота и потеря сознания. Чтобы обмануть противника, Сергей отчаянно забился в Закольеvских объятиях и вдруг затих и обмяк, словно бы лишился чувств. Теперь Закольеву оставалось или выпустить из

рук его отяжелевшее тело, или дальше держать его на весу. Притворившись мертвым, Сергей выиграл несколько драгоценных секунд. Но если Заколев не выпустит его сейчас же... еще секунда и... в глазах стало совсем черно...

Отпрянув, Заколев резко отпустил его. Тело Сергея с глухим стуком свалилось на влажную землю. Не открывая глаз и не подавая признаков жизни, Сергей лежал, чувствуя, что Заколев сейчас рядом, начеку, готовый ко всему. Он не уйдет, не добив противника.

Сергей резко открыл глаза. Заколев был где-то в шаге от его. Впившись взглядом в бледное заколевское лицо, он увидел, как расширились его зрачки, увидел в его глазах растерянность и страх. Заколев рванулся к нему, но Сергей ответным движением откатился набок, сжавшись пружиной, и молниеносно ударил его ступней в колено.

Заколев, взмахнул руками, рухнул на землю.

Вот она, его удача, та припасенная для себя секунда, что может изменить любое событие, любой поединок, – это о ней говорил ему Казак! Но лишь секунда – заревев, как зверь, Заколев перекатился на живот, оперся на локти, готовый рывком встать и кинуться на него. Сергей не ждал пока он встанет. Схватив подвернувшийся под руку холодный плоский камень, он прыгнул на Заколева и с размаху опустил камень на голову противника.

Кровь хлынула у того изо рта, из ушей, и Сергей, словно обезумев, замахнулся еще, чтобы разнести ему череп. Но занесенная рука так и осталась неподвижной. Тяжело дыша, Сергей поднялся, все еще держа камень над головой. Затем, опомнившись, отшвырнул камень.

Заколев не двигался. Медальон! Где медальон? Сергей задрожал как в лихорадке. С трудом перевернул Заколева на спину, стал обшаривать шею и грудь. Вот он! Судорожным движением сорвал медальон с шеи, Сергей стал машинально возиться с застежкой, но дрожащие пальцы отказывались повиноваться. Затолкав медальон в карман, он вскочил на ноги. «Уходим, скорее уходим, – говорил себе Сергей, – пока не пришел в себя Заколев, пока не стало совсем светло». Теперь у него есть немного времени. Заколев, сам того не зная, удружил ему, украв записку. В школе, наверное, решили, что он в самоволке, и вместо погони будут ждать его, чтобы примерно наказать. Пусть ждут. Когда они поймут, что он не вернется, Сергей уже будет слишком далеко. Подхватив свой вещмешок, Сергей поднялся, чтобы снова взяться за свое бревно.

Сам не зная почему, он вдруг замер и склонился над Заколевым. В белесом предутреннем тумане полуоткрытые, невидящие глаза Заколева, смотревшие в никуда, смертельно напугали его. Сергей вдруг понял, что грудь Заколева не движется. Он осторожно положил руку ему на шею. Пульса не было.

Я ударил его сильно... слишком сильно.

Вздвогнув, он попятился прочь от тела. Беги, беги отсюда! – кричало все в нем.

Отчаяние придало ему сил. Продравшись сквозь заросли камыша, он стянул замшелый ствол в воду. Против ожидания, тот не только не пошел ко дну – очевидно, дерево вполне могло выдержать и Сергея. Как можно ту же затянув лямки вещмешка на плечах, Сергей лег животом на бревно, обхватил его ногами и стал грести, направляя свой импровизированный плот прочь от берега.

Обжигающе холодная вода мгновенно привела его в чувство. Руки и ноги сразу же замерзли, и Сергей вдруг понял, насколько рискованный он выбрал способ побега.

Чуть зазеваться, потерять равновесие – и тут же сам уйдешь под воду. Он постарался отгрести подальше от берега, под укрытие плотного тумана, стоявшего над озером. На всякий случай – так его не заметит никто, никакая погоня, даже если она будет. Правда, теперь и он с трудом различал очертания берега. Слишком далеко заплывать тоже не стоит. Не рассчитать свои силы смертельно опасно, так можно и на берег не выбраться. Его, не переставая, била дрожь, и от холодной воды, и от того, что пришлось только что пережить.

«Я убил Закольева. И это больше не самоволка. Я преступник, бежавший с места преступления. И что из того, что это была случайность? Тем более в случайность никто не поверит. Все знают, что мы были на ножах с Закольевым из-за медальона».

Ему вдруг захотелось вернуться, все объяснить... но что именно? Что он решил сбежать и то же самое задумал Закольева? Записка к дяде не попала, и теперь нет никакого оправдания, никакого извинения, которое бы удовлетворило господина директора.

Что сделано, то сделано. Закольева мертв, а Сергею придется жить с этим до конца своих дней.

11.

Бревно предательски крутнулось, и Сергей чуть было не нырнул в ледяную воду. Холодная вода словно отрезвила его. Хватит о прошлом, сказал он себе, что было, то сплыло. Сосредоточься на том, что ждет впереди. Он стал энергичнее работать руками, надеясь, что сильные гребки помогут ему справиться с холодом, который, казалось, уже проникал до самых костей.

Еще несколько минут, еще несколько гребков – и к берегу.

Сергей заранее наметил добраться до устья ручья, что впадал в озеро Круглое примерно в шестистах метрах восточнее школы. Где-то такое расстояние, по его расчетам, он уже и проплыл. Сергей осторожно стал подгребать на мелководье.

Наконец он оттолкнул от себя бревно, с трудом став на совершенно заочневшие ноги. По пояс в воде, продираясь через камышовые заросли и едва волоча ноги в топком прибрежном иле, он побрел к берегу.

Выбравшись из воды, он заставил себя бежать вдоль берега, чтобы согреться. Вскоре озноб прошел. Но Сергей вдруг встревожился, что мог потерять ручей. Он остановился и стал напряженно вслушиваться – нет, вот он, прямо впереди него слышалось негромкое журчанье. Закрывая лицо руками, чтобы ненароком не пораниться в предутренней темноте, он выбрался к воде.

Мыться в чистой проточной воде было по-настоящему приятно. Чистая вода была ему сейчас просто необходима.

Отмывшись от болотной грязи, он решил сделать около сотни шагов прочь от ручья. Дойдя до каменистой земли, где его ноги уже не оставляли следов, Сергей, пятась, вернулся назад, ставя ступни в свои же следы, чтобы запутать преследователей.

Дно ручья оказалось ровным и неглубоким, так что он спокойно шел какое-то время вверх по течению, пока не решил, что уже можно выйти на сушу и повернуть дальше в восточном направлении. Возможно, те, кто станет его преследовать, найдут его следы. Но найти его по этим следам не сможет теперь никто.

Едва ли они стали бы особенно усердствовать в этой погоне, будь он всего лишь подростком-кадетом, что надумал на свой страх и риск бежать из военной школы. Но со смертью Закольева все, решительно все стало не так. Теперь ему нельзя идти в Петербург. Полиция будет искать его даже в столице. Сокровищу, очевидно, какое-то время придется полежать еще в том укромном месте, где спрятал его старик Гершль. Подождать придется и с путешествием в Америку – год, может быть, или два... а может, и дольше.

Сейчас же ему лучше всего направиться в горы, на юг страны, чтобы укрыться там и от своих преследователей, и от призрака Закольева.

Сергей сделал вокруг школы крюк примерно в тысячу метров, прежде чем окончательно повернуть на восток, затем на юг через лес и к поросшим лесом холмам. Где-то совсем неподалеку он услышал волчий вой. Но Сергей пробирался дальше через лес, переходя с быстрого шага на бег, когда позволяли местность и силы.

Ключья тумана в лесу становились прозрачнее, а утреннее солнце теплее. Сергей надеялся, что это утро прольет новый свет и на то, какой дорогой идти к надежному убежищу, и на его путь в жизни. Как все это могло случиться? – не переставая, он спрашивал себя. Семь лет назад все было так хорошо, жизнь шла по накатанной колее. Я был в отборной группе, меня уважали и мои наставники, и мои товарищи. И вот теперь... Мой поступок – единственно правильное решение или худшая ошибка моей жизни? Нет, ответил он себе, я поступил так, как должен был поступить.

А что ему еще оставалось делать? Отправляться вместе с остальными кадетами на «здание, связанное с евреями»? Он даже подумать не мог, чтобы обагрить руки кровью невинных людей. А Закольева? Такого он не мог представить даже в кошмарном сне...

Еще час-другой, и его хватятся. Рано или поздно выяснится, к чему привело его столкновение с Закольевым у озера. Его будут искать. Но он пойдет, не теряя времени, на юг, к далеким горам Грузии, что в тысяче с лишним километров к югу.

Там он найдет безопасное прибежище.

Вот так и началось весной 1888 года Сергеево путешествие. Его путь пролегал на юго-восток, вдоль течения Клязьмы.

Несколько первых дней он то и дело оглядывался, не в силах избавиться от чувства, что преследователи уже дышат ему в затылок. Опускалась ночь, но она тоже не приносила облегчения, он продолжал убегать от погони и в своих снах. И лишь утром, пробудившись от тяжелого сна, он бросался в реку, чтобы смыть с себя последние следы ночи. Весь день он продолжал идти, и лишь ближе к концу дня делал привал, строил или находил укрытие, затем по мере необходимости охотился, ловил рыбу или искал съедобные коренья.

Спустя несколько недель Сергей уже был у берегов Волги. В кустах возле реки ему посчастливилось найти брошенный ялик. Плоское дно лодки рассохлось, но Сергей залепил щели древесной живицей, и лодка оказалась вполне пригодной к плаванию.

Вскоре он уже плыл вниз по течению, временами помогая себе шестом, который смастерил на скорую руку.

Последующие дни потекли для Сергея незаметно, будто они были одно с течением великой реки. Его жизнь стала единым целым с рекой, с ее глубиной и вечностью. Когда выдавался денек потеплее, он нырял в прозрачную воду, купался, пока не замерзал, и выскакивал погреться на солнце. А когда река смывала пот с его тела и остужала жар потрескавшейся на солнце кожи, Сергей забирался обратно в ялик и тихо дремал, пока лодка плыла себе по течению, или рассматривал берега, которые с каждым днем все отдалялись.

Дни становились все длиннее и жарче, и его плечи постепенно бронзовели. Временами он ел очень мало или почти ничего не ел, а бывало и так, что он устраивал себе настоящее пиршество. Из прочного молодого деревца он соорудил себе примитивный дротик, затем дошла очередь и до лука из гибкого ствола молодого деревца и стрел из тонкого тростника с оперением из перепелиных перьев. Наконечником служили камешки, достаточно острые, чтобы проткнуть шкурку небольшого животного. Если ему попадались зайцы слишком далеко, чтобы достать их дротиком, он бил их из лука.

Вот так за лето и начало осени Сергей опустился на тысячу километров вниз по течению реки, пока не достиг Каспийского моря. Дальше ему следовало идти на юг, вдоль побережья. Где-то в сотне километров южнее Махачкалы он выбрался на берег. С сожалением расставшись со своим маленьким яликом, дальше пошел пешком, на восток, к грузинскому Кавказу.

Пробираясь на юго-запад через горы, он то и дело проходил мимо станиц – укрепленных поселений, где жили казаки. Сергею не слишком верилось, чтобы весть о том, что он убил Закольева, докатилась даже до этих краев. Но он сам, как ни старался, продолжал чувствовать себя беглым преступником, поэтому решил держаться подальше от людей с оружием. Он решил переждать в горах год, два, или дольше, пока не сможет без опаски вернуться в Петербург. Тогда уже можно будет спокойно взяться за поиски сокровища, зарытого когда-то его дедом.

Лишь один раз он изменил своему решению. Как раз выдались первые прохладные дни, и Сергей, не в силах больше выносить одиночества, которое стало ощутимей с наступившей осенью, рискнул пройти через казачью станицу. С тоской в глазах смотрел он на открытые ставни на окнах, на дымок, что вился из дымохода. Там, в доме, представил себе Сергей, должно быть, только-только растопили очаг... Невольно его взгляд задержался на молодой женщине, что стояла на пороге невысокой побеленной хаты. Она, не отводя глаз, улыбнулась, кивнула ему в ответ. Детское, почти уже забытое желание стать частью семьи, найти свой дом на какой-то миг шевельнулось в его душе. Будет ли у него когда-нибудь своя семья? – он только печально покачал головой.

Восхождение в горы заняло несколько недель. Сергей знал, что высоко среди скал зима гораздо суровее, чем в низине. Но горы обещали уединение, которое сейчас было ему нужнее всего.

Прежде всего нужно было найти постоянное пристанище и укрытие от непогоды. К концу осени он нашел то, что искал. Это была пещера неподалеку от водопада. В горной речке в изобилии водились лососи и форель, поблизости была запруда, которую сложили бобры. У входа в свою пещеру Сергей поставил прочную пристройку из веток с отверстием наверху для дыма из очага. Снаружи он старательно обмазал ее глиной,

заделав все щели в предчувствии холодных ветров и снега, что должны были прийти с зимой. И, не дожидаясь, пока замерзнет река, а охотиться станет значительно труднее, Сергей, сколько смог, набил дичи и насушил рыбы. Всего этого, да еще с подледным ловом рыбы, должно было хватить, чтобы он смог продержаться до весенней оттепели.

Уже зимой, когда выдавались ясные дни, Сергей выходил из своего убежища, чтобы осмотреться и получше изучить окрестности. Еще до наступления зимы у него уже был готов меховой балахон и рукавицы, чтобы защитить тело и руки от холода, который пробирался в пещеру. Еще раньше он сделал теплую меховую обувь. В ясную погоду он охотился или ставил силки. Когда же ледяной ветер завывал над его берлогой, Сергей, словно медведь, впадал в спячку и видел сны.

По утрам, выбираясь наружу, он растирался снегом, затем делал зарядку, чтобы не утратить формы. Потом снова облачался в свои меха и заползал назад в пещеру. Этой долгой зимой он по-настоящему почувствовал, что такое одиночество.

Тем радостнее было для него наступление весны, весны 1889 года. Спускаясь в долину, что лежала неподалеку от его пещеры, он увидел резвившихся медвежат, а потом и медведицу. Позже, уже перед самым закатом, он заметил, как осторожно, словно тень, пробирается по горной гряде снежный барс.

За все это время ему если и случалось заговорить вслух, то лишь с самим собой. Сергей порой начинал сомневаться, не разучился ли он вообще говорить. Куда чаще он подражал щебетанию птиц или выл с волками по ночам.

Весна незаметно сменилась летом, затем наступила осень, и так пошел второй год его горного отшельничества. И как-то, в одно осеннее утро, Сергей вдруг понял, насколько сильно все изменилось в его жизни. Не только школа осталась где-то в прошлом. Все то, о чем он мечтал и к чему стремился, стало казаться чужим и ненужным. Он жил в горах и принадлежал горам и дикой природе. С трудом он узнал себя однажды, когда остановился напиться в горном озере. Взглянув на дрожащее отображение в воде, он увидел бородатого и загорелого мужчину. Даже его глаза изменились, словно в них появилась какая-то небывалая прежде глубина. Ему было восемнадцать, но лицо, которое он увидел в отражении, было лицом зрелого мужчины – горного скитальца.

В прежние дни он приходил к дикой природе как гость. Теперь он стал ее частью.

Весна 1891 года отмерила третий год его новой жизни. Щурясь от утреннего солнца, Сергей однажды пробирался через узкую расселину в горах. Ее почти отвесные стены расходились вверху не более чем на четыре метра, и по неровному каменистому дну вполне можно было пройти. Сергей ставил ногу как можно осторожнее – камни еще были мокрыми и скользкими после недавнего дождя. За годы жизни в горах его чувства обострились, но, как оказалось, не настолько, как инстинкты у дикого зверя – завернув за могучий валун, что был у него на пути, Сергей едва не натолкнулся на медведя. Таких огромных медведей ему еще не приходилось видеть.

Медведь пока был спиной к нему, но сразу же обернулся, пригнувшись. Сергей попятился. Для медведя после зимней спячки, хорошо отдохнувшего и страшно голодного, он был идеальной возможностью подкрепиться.

В один миг медведь опустился на четыре лапы и прыгнул в его сторону, а Сергей сорвал с плеч рюкзак и, швырнув его в зверя, сам с быстротой молнии бросился к ближайшему утесу.

В мгновение ока медведь разорвал рюкзак, пахнувший дичью, надеясь найти там съестное. За эти несколько спасительных секунд Сергей уже успел вскарабкаться почти по отвесной каменной стене. Он и не представлял, что способен влезть на скалу так быстро и что вообще можно лазить по таким скалам. Пока лесной великан расправлялся внизу с его рюкзаком, он старался найти более устойчивое положение, чтобы ненароком не свалиться с узкого каменного уступа.

Медведь подошел к скале и снова встал на задние лапы. Его острые когти царапали камень в каких-то сантиметрах от ног Сергея. Сам же Сергей, вжавшийся всем телом в отвесную стену, едва мог стоять, так сильно дрожали у него колени.

Разъяренный медведь заревел, затем опустился на четыре лапы, в нетерпении бегая перед камнем. Подойдя к рюкзаку и обнюхав его еще раз, он побрел прочь и вскоре скрылся за краем ущелья. Сергей спустился на несколько шагов вниз, туда, где было удобнее стоять. Переведя дух, он несколько секунд прислушивался, затем решился спрыгнуть. Грузно свалившись на землю, он перекатился на бок, чтобы сразу же встать на ноги. Бросив быстрый взгляд туда, куда ушел зверь, он схватил в охапку остатки рюкзака, нож, лопатку и что духу бросился бежать.

Сергей знал, что медведю ничего не стоит догнать его, если тот вдруг захочет вернуться. Эта мысль только прибавила ему желания поскорее убраться подальше от этого ущелья к знакомым местам.

Уже вечерело, когда Сергей наконец решил сделать передышку. Он присел под скалистым уступом, стал перебирать все то, что еще осталось целым из содержимого его рюкзака. Чтобы согреться, он развел два костра, по одному с каждой стороны. И лишь потом, перебирая в памяти подробности своего спасения от хищника, Сергей понял, как близко была от него лютая смерть. Едва бы нашлись слова, которые так красноречиво могли объяснить ему, как ценна жизнь и какие возможности в ней заключены.

Этой ночью ему с трудом удалось забыться сном, беспокойным и тревожным. Во сне он снова и снова старался убежать от медведя, затем за ним уже гнались два медведя, три... Они превращались во всадников, с диким гиканьем мчавшихся по степи, оставляя за собой горящие деревни. Он снова видел обгорелые остатки избышки Абрамовичей, слышал крики и видел бегущих людей, которых преследовали всадники.

И как только рассвет озарил покрытую снегами вершину Эльбруса, Сергей бросился в реку, надеясь, что ледяная вода горной реки вернет ему ясность ума.

Это событие подвело итог его отшельнической жизни. Оставаться в горах означало попусту тратить время, возможно отведенное ему для чего-то большего. Нужно было пробираться в Петербург и найти спрятанное сокровище, которое поможет ему добраться до новой земли за морем.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Обретение и утрата

С самого начала, Любовь была моей погibelью И моим искуплением.

Из дневников Сократеса

12.

Пока Сергей Иванов продолжал свой долгий путь на север, ехал своей дорогой и еще один человек с казацкой саблей на боку и верхом на краденой лошади. С уверенностью, отличающей мудрецов и мятежников, Грегор Стаккос ждал своего часа, чтобы стать во главе отряда себе подобных. «Те, кто призваны вести за собой, живут по своим законам», – раз за разом произносил он вслух, репетируя речи, которым еще только предстояло быть произнесенными. Пока что он в одиночестве продолжал свой путь по Южной России и Донскому краю.

Его план был прост: он присоединится к банде казаков, чтобы потом ее возглавить. Еще мальчишкой он жадно впитывал рассказы о запорожских казаках, о бойцовских качествах кубанских, терских и донских казаков и их умении воевать. Он также знал, что они охотно принимают в свои ряды чужаков, сумевших показать себя в бою. Он найдет свое место в их рядах, чтобы затем возвыситься над ними.

Он будет их вожаком, атаманом, как принято у казаков звать тех, кто наделен властью. Кроме этого вполне определенного плана, у него была всего лишь одна цель – подальше убраться из черты оседлости, где жили евреи. Он презирал их по причинам, которые полностью не были ясны даже ему самому.

Неопределенность его положения ничуть не беспокоила Грегора Стаккоса. Он не ведал страха, разве только перед теми ужасными кошмарами, которые терзали его во сне каждую ночь. Сама необходимость спать была ему нестерпима. В дневном мире Стаккос не знал себе равных. В мире ночных сновидений он становился уязвим. Не зная, как отогнать от себя сонмы ночных духов, он вынужден был терпеть еженощное стаккато ужасающих воплей, беспомощно заслоняться от окровавленных рук, что тянулись к нему. Как бы ни сильны были его собственные руки, но у него не было сил разрушить то ужасающее видение, что неотступно шло за ним следом с девятого года его жизни. В тот день, вернее, в ту ночь он остался без родителей. Их *убил зверюга*.

Отец Грегора был когда-то полковником царской армии. Охромев после несчастного случая, он ушел в отставку и теперь не просыхал от водки. В те редкие часы, когда «высокоблагородие», так звал его про себя Грегор, бывал не совсем пьян, он торговал в своей лавчонке на окраине Кишинева. Там же, в задних комнатах, он и жил со своей женой и маленьким Грегором.

Тот холодный декабрьский вечер ничем не отличался от других таких же вечеров. Стаккос-старший сидел, остекленело глядя на пустую четверть перед собой, и только мотал головой в хмельном оцепенении. Цigarка во рту давно погасла, хмельные пары рассеивались, а беспричинное раздражение требовало выхода. Полковник уже было занес кулак, чтобы грохнуть по столу, но тут в сенях стукнула дверь и в комнату вбежал Грегор. Раскрасневшись от мороза, он бросился напрямик к печке, пристроился в тепле и принялся тихонько строгать перочинным ножиком свистульку. Это было его обычное занятие по вечерам, тихонько себе строгать ножичком, стараясь не попадаться отцу на глаза.

Звук хлопнувшей двери заставил полковника вздрогнуть. Он проводил Грегора мутным взглядом, затем повернулся к нему всем телом. Грегор сразу же понял, что «высокоблагородие» наконец-то нашел на ком сорвать злость. Оставалось или спастись бегством и бродить по студеным улицам, ожидая, когда тот забудется сном, или терпеливо принять трепку.

Терпения юному Стаккосу было не занимать. Тем более что всякий раз, когда полковничий ремень опускался на задницу Грегора, мать отворачивалась, пряча испуганные глаза. Делая вид, что хлопчет за уборкой, она ни разу не встала на защиту своего сына.

Полковник тем временем поднялся и на негнущихся ногах двинулся в сторону Грегора, загораживая собой дверь, чтобы мальчишка не смог улизнуть.

– Ах ты, байстрюк, – бормотал он заплетающимся языком, – пора, давно пора взяться за твое воспитание, сукин ты сын...

– Папаша, что вы такое говорите... разве я не ваш сын? – не отрываясь от своего занятия, хмыкнул мальчишка.

– Наш? – икнул полковник и уставился на Грегора, словно впервые увидев его. – Да ты такой же наш, как... ты жиденок, понял? И сын жида, во как! Сгорел он от водки, все тосковал по ей... а она... и все они... да что там... Мы взяли тебя на воспитание, мать твоя упросила... талдычила, вот будет у нас, вот будет... А-а-а! – словно зверь, заревел он и непослушными пальцами стал расстегивать пряжку на ремне. – Ну, шас узнаешь, что будет...

Это были последние слова, которые полковник сказал в своей жизни. Услышав, что он еврей, потрясенный Грегор вскочил на ноги и заверещал что было духу.

– Врешь! Ты врешь! А ну, прочь от меня! – Грегор бросился на отца, у которого от удивления даже челюсть отвисла, и со всей силы боднул его головой в живот.

Полковник тяжело сглотнул, стараясь ухватиться за край стола. А Грегор, расширившимися от ужаса глазами смотрел на свой перочинный нож, по которому потекла красная капля.

Вдруг колени у полковника подогнулись, он хотел было удержаться за плечо сына, да так и рухнул, свалив табурет. Затылок с тяжелым хрустом стукнулся об пол, и Стаккос – старший, дернувшись, затих, глядя немигающим взглядом в пустоту.

Грегор повернулся к матери. Она все время была здесь, белая как мел.

– Что... что ты наделал? – наконец выдохнула она.

«Наконец-то ты не отводишь глаз, – подумал Грегор. – Давай, смотри... только не убегай, смотри». Он протянул к ней окровавленную руку, и женщина вдруг закричала:

– Ты... Ты убил его, убил! Зверюга!.

Вот тогда-то в доме и появился *зверюга*. Грегор словно чужими глазами смотрел на то, как лезвие его перочинного ножа раз за разом входило женщине в живот, слышал,

как она кричала, и этот крик, словно холод железа, пронзал все его тело. Он хотел, чтобы она замолчала, и раз за разом взмахивал окровавленной рукой, пока крик не стал всхлипом, а потом и вовсе стих.

Теперь в доме хозяйничал *зверюга*, и Грегору ничего не оставалось, как поджечь дом, чтобы выкурить его на улицу. Все так же, словно в полусне, он смотрел, как высокие языки пламени врываются в снежное небо, сглатывая снежинки, чтобы упасть черной сажой на то, что еще мгновение назад было его жизнью. Он неподвижно стоял на улице и смотрел на пожар, пока подоспевшие соседи не увели его прочь.

13.

К середине лета Сергей обогнул восточный край черты оседлости, той области России, от Балтийского до Черного моря, где было дозволено жить большинству евреев. Еще пара недель, и позади на юге останется Москва, он обойдет ее западнее, держа путь на север, к Петербургу. Еще не исполнилось и девятнадцати, но никто не узнал бы в этом бородатом длинноволосом мужчине того чистенького аккуратного кадета Невской школы, что стал затем беглецом. Поэтому Сергей больше не боялся открытой дороги, временами сокращая путь в крестьянской телеге или фургоне торговца.

В этом долгом пути у него было достаточно времени, чтобы освежить в памяти все то, что в свое время заставил запомнить его Гершль. Десять лет прошло с тех пор, но карта дедули Гершля и сейчас словно была у него перед глазами, в мельчайших деталях. Что-то очень ценное, порой он даже рассказывал себе самому, закопано к северу от Петербурга, на лугу, под деревом у самого берега Невы... в десяти километрах от Зимнего дворца.

А пока наступил сентябрь 1891 года. Был по-летнему душный полдень, когда наконец показался и Петербург. Сергей с некоторой опаской вошел в город, осторожно ступая по ровным мощеным улицам. И прохожие, привыкшие видеть на этих улицах по-городскому модно разодетый люд, подозрительно оглядывались на странствующего лесовика, одетого в самодельную одежду и обувь из оленьей кожи. Сергей, не сразу понявший, почему люди шарахаются от него, сообразил наконец, в чем дело. Он решил почиститься и привести себя в порядок, чтобы поскорее слиться с окружавшей его городской толпой.

Сергей провожал удивленным взглядом модные экипажи, останавливался, чтобы понаблюдать за фонарщиками, которые уже хлопотали возле газовых светильников перед витринами лавок и торговых рядов. Всюду шла бойкая торговля, и Сергей вдруг понял, что прошло то время, когда у него не было нужды платить за еду, одежду или жилье. Сейчас у него совсем нет денег, ни копейки, но, когда он найдет свой клад, тогда будет и чем заплатить за комнату и горячую ванную, за одежду и стрижку. И, верил он, не только за это.

Он скоро нашел дорогу к Зимнему дворцу и пошел вдоль Невы на север. Его возбуждение становилось все сильнее. Дедовская карта словно еще раз развернулась перед ним, как тогда, на затертом пальто Гершля: вот река... возле берега... с трех сторон лес и жирный крестик – это и есть заветное место под старым дубом. Дерево это, сказал он себе, было посажено дедом его деда, Гершль тогда был еще совсем маленький. Сергей продолжал идти, пока не вышел к леску сразу за околицей города. Вечерело, и он решил заночевать здесь, на охапке листьев, тем более что ночь обещала быть теплой и влажной.

Едва рассвело, Сергей уже был возле заветного места и принялся за поиски.

Он обыскал все вокруг, но поблизости не было ни одного дерева, которое даже приблизительно могло указывать на нужное ему место. Возле реки, в том месте, которое более всего подходило под описание Гершла, вообще не было деревьев.

И вдруг, словно ветерок, подувший спину, заставил его обернуться. Инстинктивное чувство опасности, что развилось за долгое время на дикой природе, в этот раз не подвело. Сергей заметил четырех всадников. Они были примерно в двух сотнях метров от него, но быстро приближались. Возможно, и не стоило тревожиться, но когда всадники мчатся к одиноко стоящему человеку, то едва ли с хорошей вестью.

Здесь, посреди открытого луга, прятаться было негде, так что Сергей лишь сделал глубокий вдох и постарался расслабиться, чтобы не выдать себя. И все же в голове вертелась тревожная мысль: неужели они охотятся за мной? Вот так, стоит потерять бдительность, и тебя сразу же заметят!.

Даже с такого расстояния можно было различить, что это казаки в черных папахах, их бурки трепал ветер. Когда они подъехали ближе, Сергей заметил у каждого саблю на боку и карабин через плечо.

Еще мгновение, показалось Сергею, и лошади собьют его. Но в последний миг всадники натянули поводья и окружили его, словно охотники добычу. Мурашки побежали у Сергея по спине. Усилием воли он заставил себя дышать медленно и глубоко, чтобы не выказать своего волнения. Он не сомневался в своих бойцовских навыках, но один против четырех, да еще казаков, с саблями...

– Здравия желаю, милостивые государи, – неспешно произнес он, всем видом давая понять, что ему скрывать нечего.

– Кто таков? – с ходу окликнул его старший.

– Сергей... э-э-э... сын Воронин, – ответил Сергей. Ему не хотелось называть свою настоящую фамилию. Двое других всадников подозрительно переглянулись, но промолчали.

– Живешь где – неподалеку? – снова задал вопрос старший.

– Нет, ваше благородие, я не местный, сами ж видите. Странник я, очень захотелось побывать... это... как его... в столице, вот. – Затем, уже смелее, спросил сам:

– А вы что это, всех задерживаете, кто в город путь держит?

– А ты, часом, не еврей будешь? – старший, пропустив мимо ушей вопрос, тяжелым взглядом уставился на Сергея, ожидая увидеть в его лице страх. – Нам велено таковых, то есть евреев, которым здесь жить не положено, находить и... того... брать под стражу. Так что скажешь? – с трудом сдерживая коня, отрывисто спросил он.

– Никак нет, ваше благородие. Да и как можно? Скажите такое – еврей. Отродясь с такими знакомств не водил – как мог непринужденнее сказал Сергей. Его больше страшили не расспросы о евреях, а чтобы казаки не заподозрили в нем беглого каторжника.

Старший какое-то время молча рассматривал его, и Сергей, с невинной улыбкой, так же молча смотрел на казака. Вдруг казаки, как один дружно, обернулись на скрип вереницы телег, что как раз выехала на большую дорогу. Старший резким движением завернул коня.

– За мной, – скомандовал он, видимо решив, что возиться с Сергеем – пустая трата времени. Еще миг, и Сергей увидел, как комья земли летели из-под копыт их лошадей. Уже спокойнее он сказал себе, что на лошадях они держатся хорошо – и дерутся, наверное, тоже. Ему повезло, что дело не дошло до ареста. Надумай они взять его под стражу, все могло кончиться для него плачевно.

И все же на сердце у Сергея было беспокойно – те, двое, как они переглянулись...

С другой стороны, все обошлось – и то ладно. Сейчас его ждало куда более важное дело. На лугу никаких деревьев нет, значит, надо пройти вверх по течению Невы, и вниз, на случай, если он ошибся и вышел не на то место. Но никакого другого места, что лучше бы подходило под описание деда, не было. Сергей не сомневался, что помнит карту в мельчайших подробностях. Перепутать он не мог. Это был именно тот луг. Но если нет дерева, где и как ему искать сокровище?

День, между тем, шел к полудню. Было душно и жарко. Сергей решил искупаться, чтобы освежиться и собраться с мыслями. Он скинул рюкзак, разделся и нырнул в прозрачную прохладную воду. Затем побрел к берегу, сел на мелководье, перебирая пальцами холодные камешки и прислушиваясь к тихому плеску воды. Вот его дедуля Гершель... маленький мальчик... наверное, здесь он плескался в речке, может, на этом же самом месте учился плавать...

На берегу Сергей почистил свою одежду, разложил ее сушиться в тени, а сам растянулся на солнышке. «Все в точности так, как говорил дедуля, – размышлял он, – не хватает только одного. Деревя-то как раз и не хватает» Голос деда звучал в его памяти так явственно, словно они расстались только вчера: «Это одиноко стоящий дуб... под ним закопан сундучок, с той стороны дерева, которая против озера, между двумя большими корнями».

Не дожидаясь, когда его одежда высохнет, Сергей оделся и стал осматривать луг, чтобы отыскать хоть какие-то остатки дерева.

Он медленно дошел до края луга, повернулся лицом к середине и присел на корточки. Только теперь он заметил возвышение, небольшой бугорок, едва различимый на ровной земле. Он подошел поближе. Здесь уже можно было разглядеть и остаток корня, мощного и старого, почти полностью сгнившего, но вполне различимого под поверхностью земли. Пульс Сергея забился учащеннее.

Он вытащил лопатку из рюкзака и стал копать, стараясь отрыть еще остатки корней, которые могли сохраниться. Сняв дерн и расчистив примерно трехметровый круг, он уже мог определить, куда шли корни дерева и где был его ствол.

На карте, он хорошо это помнил, крестик был поставлен между двумя корнями, что уходили в направлении от реки.

Сориентировавшись, Сергей встал с противоположной стороны от предполагаемого ствола дерева. Затем обвел лопатой место, то самое место, и начал

копать. Долго рыть ему не пришлось, штык лопаты почти сразу же наткнулся на что-то твердое. Сергей опустился на колени. Не в силах справиться с волнением, он стал ладонями выгребать землю из ямы.

Сердце едва не выскочило у него из груди, когда под ладонями проступила крышка объемного деревянного ящика. Слежавшаяся за десятилетия земля никак не хотела отдавать свое сокровище. Но еще усилие – и клад был у него в руках.

– Я нашел его, дедуля, нашел! – закричал Сергей, словно Гершль стоял рядом с ним.

Ящик оказался значительно больше, чем представлялось Сергею, и тяжелее. Сергей не без труда взломал крышку. Содержимое ящика было обшито плотным парусиновым чехлом.

Неужели это сокровище, его сокровище, уже у него в руках? Может, его хватит не только на билет в Америку, но даже на участок с домом там, на его новой родине?

Он распутал завязку и засунул руку внутрь мешка, стараясь на ощупь угадать, что там может быть. Похоже на полированное дерево. Еще один ящик? Сергей нетерпеливо сдернул чехол. Еще миг, и у него в руках были... настенные часы.

Сергей в растерянности смотрел на свою находку, не зная, что и думать. В том, что в ящике оказались часы, не было ничего удивительного. Ведь его дедуля Гершль был часовых дел мастер, Сергей это помнил. К тому же даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что ему достались весьма неплохие часы. Но, честно говоря, он рассчитывал на что-то более ценное.

И тут Сергей заметил, скорее даже нащупал что-то еще: холщовый мешочек, прикрепленный к задней стенке часов. Внутри что-то слабо звякнуло...

Он осторожно, опасаясь нового разочарования, засунул пальцы в мешочек. Там было пять золотых монет и сложенный листок бумаги. Сергей развернул записку и прочитал:

«Моему дорогому внуку Сократесу. Всегда помни, что подлинное сокровище следует искать не снаружи, а внутри».

И подпись: *«С любовью – твой дедуля Гершль».*

Сергей почувствовал, как слезы навернулись ему на глаза. Он снова и снова перечитывал слова своего деда. В этих слезах была и усталость долгого путешествия и желание еще раз свидеться с дедом. Как, должно быть, улыбался Гершль, покачал головой Сергей, когда отправлял этот подарок через столько лет своему внуку. Пять золотых – настоящее сокровище для молодого человека, у которого в кармане никогда не было и медного гроша.

Сергей имел самое смутное представление о том, сколько и за что нужно платить денег – к примеру, сколько может стоить билет на пароход в Америку. Наверное, эти монеты потянут на сотню рублей, а то и больше. В любом случае, придется подзаработать еще денег до своего отъезда. Нет, Сергей Иванов не приедет в Америку нищим без гроша

за душой. У него будут деньги, чтобы начать новую жизнь. А еще – у него будут дедовские часы.

Он засунул за пазуху кошелек с монетами и дедовой запиской и осторожно опустил часы на землю. Немного подумав, он решил снова закопать большой сундук. Следуя своей привычке, Сергей тщательно скрыл все следы раскопок.

Ему не терпелось еще раз подержать в руках часы. Он водил пальцем по гладкому стеклу над циферблатом, любовался тонкой резьбой на полированном дереве. Открыв дверцу, чтобы получше рассмотреть короткий маятник и гирьки, он неожиданно разглядел надпись, протравленную на медной пластинке, что была привинчена к задней стенке часов. Сдув тонкую пыль, он смог разобрать на ней надпись и цифры: Петербург, улица такая-то, номер дома... Вполне возможно, это был адрес дедовой мастерской. А может, и его дома!

Сергей вдруг ощутил непреодолимое желание побывать в доме, где прошло его раннее детство. Но мой вид... как бы не напугать тех, кто там теперь живет, подумал Сергей. Нужно помыться, сказал он себе, постричься, да и новая одежда нужна – в такой на корабль никто не пустит.

Солнце тем временем уже клонилось к закату. На поиски ушел почти весь день. Спрятав часы в чехол и осторожно перекинув их через плечо, он направился в лес. Это будет последняя ночь, когда он ночует в лесу, решил Сергей.

14.

На следующее утро Сергей обменял одну из своих монет на рубли и купил ботинки, темные брюки, рубашку и куртку. Связав все свои покупки в узел, он направился сначала к цирюльнику, потом в баню. И затем, уже принарядившись, он впервые за несколько лет взглянул на себя, постриженного и побритого, в зеркало. Больше всего его удивило, как молодо на самом деле он выглядит.

Сегодня же, сказал он себе, я выясню, во сколько мне обойдется дорога в Америку. А пока что найму комнату. Но прежде всего найду тот дом, где жил мой дед.

С рюкзаком на спине и часами под мышкой Сергей шел по улицам, то и дело сверяясь с адресом, который он записал на бумажке. Когда он в очередной раз поднял глаза, перед ним предстало видение, и он тут же забыл, куда и зачем направляется. Оно, точнее, она стояла от него менее чем в десяти метрах, на другой стороне улицы, торгуясь с лоточником. Ее жесты были так оживленны, а лицо так прелестно, что, казалось, во всем мире, который внезапно стал для Сергея серым, осталась лишь она одна.

Сквозь уличный шум Сергей почти не слышал, что она говорила, – только звук ее голоса долетал до него через брусчатую мостовую вместе с запахами свежего хлеба и цветов. Похоже, она не хотела уступать ни копейки торговцу, лицо которого поминутно то хмурилось, то прояснялось. Затем она запрокинула голову и засмеялась, и Сергею показалось, что нет в мире музыки благовзвучнее, чем ее смех.

Он видел ее медные волосы цвета ярких осенних листьев, что выбивались из-под косынки, обрамлявшей цветущее лицо этой стройной молодой женщины. Она была примерно его возраста, с полными губами и большими глазами.

Но не только ее внешность приковала внимание Сергея к ее лицу. Он, в конце концов, видел и других привлекательных женщин за время своего путешествия в Петербург. Здесь же было что-то другое, словно что-то толкало его к ней, какой-то внутренний порыв, сердечное движение... И еще что-то... словно он не просто увидел, а узнал ее, после долгой разлуки, после того, как они были знакомы, – в этой жизни или в какой-то другой... или, может, во сне...

Да, вот оно! – едва не воскликнул он. Он уже видел эту женщину и это место – во сне. Так, очевидно, было назначено судьбой, чтобы они встретились.

Как бы то ни было, но он не в силах был оторвать от нее взгляда. Когда же девушка, сторговавшись, пошла дальше по рядам уличного рынка, он двинулся за ней следом. Словно зачарованный, не отводил он взгляда от ее удалявшегося силуэта, хотя его самого в этот момент едва не сбил экипаж.

– Куда прешь? – закричал раздраженный извозчик, но Сергей, даже не глянув в его сторону, продолжал идти за своим видением.

Вот она остановилась, притронулась ладонью к плечу оборванца, просившего милостыню на углу улицы, и бросила монетку в его ладонь. Нищий с благодарностью кивнул, а она, она уже шла дальше, шагнула с тротуара на улицу...

Посмотрев в обе стороны, она наконец поймала на себе взгляд Сергея. Тут уж и он сообразил, что смотрит на нее, просто-таки разинув рот.

Не показалось ли ему, что на ее лице промелькнула изумленная улыбка, прежде чем она отвернулась? Да, так и есть! А вот она снова оглянулась, уже определенно ища его взглядом! Может, набраться смелости и подойти?

Пронзительный детский крик невольно заставил Сергея обернуться. Он увидел, как мать утешает маленького мальчика, который, поскользнувшись, шлепнулся и ободрал колено. Мать говорила мальчику что-то утешительное, а тот ревел все пуще...

Сергей снова обернулся, чтобы не потерять из виду свою незнакомку. Но она исчезла. Он со всех ног бросился к тому месту, где она только что стояла, затем направо, налево, между неровными линиями торговых рядов, меж торговцев, зазывавших покупателей и расхваливавших свой товар. Но все было напрасно – Сергей, с легкостью выслеживавший зайца или оленя в густом лесу, бесследно потерял свою самую прекрасную добычу.

Он сам почувствовал себя потерянным, утешаясь лишь мыслью, что завтра, возможно, она снова вернется сюда.

Проболтавшись по рынку еще с полчаса в надежде, что его незнакомка вот-вот появится, Сергей с неохотой пошел прочь с рынка. В конце концов, у него еще были и другие дела в Петербурге.

Спустя тридцать минут он уже вошел в парадное дома, который показался ему смутно знакомым. Он постучал, и едва успел расправить курточку и откинуть с лица аккуратно подстриженную челку, как дверь открылась, и потрясенный Сергей понял, что мертвые действительно могут воскресать.

Он стоял как громом пораженный, не в силах даже закрыть рот. Прошло уже больше десяти лет, но ее лицо почти не изменилось. Она же лишь с любопытством смотрела на незнакомого молодого человека... Затем в ее взгляде скользнуло нечто, и Сергей понял, что его узнали. Сам же он ни на день не забывал это лицо – лицо Сары Абрамович.

– Да, это я, – сказал он, – Сергей Иванов, внук Гер...

– Сергей? – удивленно повторила она. – Глазам своим не верю – неужели это ты? – Сара всплеснула руками и втащила его внутрь. И Сергей покорно, словно боясь спугнуть это наваждение, последовал за ней.

– Надо же... просто не верится! – повторила она. – Как только мы переехали сюда, я сразу же написала в твою школу, но мне ответили, что такой у них больше не числится...

– А ваши дети, они... с ними все в порядке?

Она улыбнулась.

– Можешь не беспокоиться. Правда, как ты увидишь сам, они уже не дети. Давай-ка, Сережа, лучше присядем. Сейчас я приготовлю чаю и заодно расскажу тебе все подробно.

Она завела его в прихожую, ярко освещенную полуденным солнцем, затем пошла на кухню, усадив его в кресло возле окна, из которого была видна мостовая внизу.

Сергей провел руками по подлокотникам кресла, и это ощущение показалось ему отдаленно знакомым. Пол из дубового паркета – тоже. Он играл на этом полу.

Тут он услышал, как Сара окликнула его из кухни мягким, высоким голосом:

– Ах, дорогой Сергей, как был бы счастлив твой дед, если б знал, что ты нашел дорогу сюда!

– А где Авраам и Лия? – спросил он погромче, чтобы она могла услышать его за шумом закипавшей над примусом воды.

– Теперь у них другие имена... и у меня тоже, – сказала она, появляясь из кухни.

В руках у нее был поднос с чайником, чашки и блюдо с печеньем.

– Вот, угощайся! Сама пекла, вчера вечером. Ты должен рассказать мне, как ты узнал этот адрес...

– Госпожа Абрамович... Сара... Послушайте... – сказал он, не давая ей договорить. – Не томите... лучше вы расскажите... вы-то... как вы оказались здесь?

– Каким, однако, ты стал красавчиком, – сказала она, словно не услышав его вопроса. Затем обернулась к старым ходикам, висевшим на стенке. – Ну, ты только посмотри – они снова остановились! Как же я теперь узнаю точное время?... В любом случае, дети вот-вот должны вернуться. Ах да... я тебе не сказала... Авраама теперь зовут

Андрей, а Лию – Аня. А меня... в общем, я – Валерия Панова. Документы с нашими новыми именами устроил тоже твой дед, на случай... на всякий случай, ты понимаешь...

Она не договорила, ее взгляд вдруг затуманился, словно, она увидела что-то такое, что давно уже для себя решила оставить в прошлом.

– Валерия – так что же все-таки произошло? – снова спросил Сергей. – Как вам с детьми удалось бежать?

Валерия подняла испытующий взгляд на Сергея.

– Откуда ты знаешь?... – она взяла его руку в свою, и Сергей почувствовал, как дрожит ее рука. – И почему же ты спрашиваешь про детей, а не про Беньямина?

Услышав, как задрожал ее голос, Сергей поспешил с ответом:

– В марте 1881-го, – начал он, – почти год спустя после того, как мы с дедом гостили у вас, как раз после убийства царя, у нас в школе все вдруг заговорили о евреях. Мне стало тревожно, как там вы, ваша семья. И мне ничего не оставалось делать, как уйти ночью в самоволку.

Так получилось, что мне удалось отыскать дорогу к вашему дому...

– Ночью? Да ведь ты был тогда совсем малыш?.

– Я должен был предупредить вас... должно быть, я пришел сразу после того, как это все случилось... ах, прийти бы мне хоть чуточку раньше! Столько раз я корил себя за это... А там... не осталось ничего, лишь горстка дымящегося пепла. Но я... Я нашел тело... судя по всему... то есть я уверен, это был ваш муж.

Валерия устало закрыла глаза, и вдруг слезы хлынули у нее из глаз.

Через какое-то время она взяла себя в руки и поведала ему свою часть истории. Она говорила медленно, словно спрашивая себя, с того ли она начинает.

– Беньямин... он очень любил работать с деревом... Знаешь, он даже ходил на бобров смотреть, как они строят свои хатки со всякими потайными ходами. Так что, когда Беньямин построил наш домик, он прорыл под ним свой собственный подземный ход, из погреба, на сорок метров в лес. Выход в лесу прикрывался потайной дверью. Помню, как я потешалась над ним и над его задумкой в то время... Этот лаз отнял у него больше времени, чем вся работа над домиком. Но его интуиция спасла нам жизнь, вот как получается...

Валерия вздохнула и какое-то время молча смотрела в окно, прежде чем продолжить:

– Возможно, и Беньямин спасся бы тоже, не надумай он вернуться. Я думала потом над его поступком, много раз думала. Знаешь, он сам встретил их у двери, наверное, чтобы они не шарили по дому, где мы могли спрятаться. Ведь тогда бы и этот потайной лаз могли бы найти... ах, Сережа, они пришли так внезапно... одно мгновение – и весь дом был в огне...

– Может, они ждали, что мы тут же выбежим все наружу... – она поперхнулась, а затем торопливо, словно хотела навсегда избавиться от этого всего, заговорила:

– После того как Беньямин затолкал нас всех в погреб и закрыл дверь, он быстро сунул в руки нам с Андреем... не забывай, он теперь Андрей, не забудешь? Так вот, сунул узел с едой и документами – теми, что справил для нас Гершль... с новыми именами... Он как видел, что так все может обернуться.

Словом, мы быстро нырнули в погреб, а затем, ползком, уже по самому подземному ходу... Там было темно, хоть глаз выколи, но я чувствовала, он все время ползет за мной... и вдруг его уже нет. Я только услышала его голос, приглушенный землей, словно из могилы: «Спасайтесь! Выждите время, а затем бегите в Петербург!» Это были последние слова, которые мой муж...

Валерия тяжело вздохнула. Сергей видел, с каким трудом давался ей этот рассказ. Она тем временем продолжала:

– Мы просидели под землей час... или два часа. Затем, я услышала, как у нас над головой прогрохотали копыта, сверху посыпалась земля. Было ужасно душно... мы едва не задохнулись... и еще тянуло дымом. Я знала, что Беньямин к нам не вернется.

Ее лицо исказила гримаса боли, и она заговорила быстрее:

– Я хотела вернуться за ним, умолять его идти с нами... только ради детей я не стала этого делать... Ради детей.

Она снова замолчала, затем со вздохом закончила свой рассказ:

– Уже почти рассвело, когда мы выбрались из нашего укрытия и пошли через лес. Днем мы прятались и спали, а под покровом ночи шли, пока не дошли до Петербурга.

Сергей с содроганием представил, как Авраам и Лия, у которых не было ни опыта, ни тренировки, проделали все эти многие версты пешком.

– Вот так-то, мой дорогой Сережа, мы и оказались здесь, – вывел его из раздумья голос Валерии. – Мой муж спас нам жизнь своим умом и бесстрашием, а твой дед дал нам новую жизнь. Мы ничем не отличались от настоящих бродяг, когда пришли в Петербург. Нам ничего не оставалось, как прийти сюда, на эту квартиру...

– Но ведь к тому времени мой дед уже умер...

– Да, но завещание все равно было сделано на нас. Мы уже были частью его семьи к тому времени, когда Гершль привел своего маленького внука знакомиться с нами.

Она провела рукой по Сергеевым волосам, и Сергей на какое-то мгновение словно вернулся в то время, когда был маленьким внучком дедули Гершля.

– Большинству евреев, как тебе известно, – продолжала Валерия, – велено жить в черте оседлости, значительно южнее отсюда. Условия там тяжелы, не прекращаются погромы. Моему мужу претило, что ему указывают, где жить, поэтому он решил построить наш дом в лесу. Гершль же был в состоянии устроить свою жизнь иначе.

Доходы позволяли ему жить в Санкт-Петербурге, в собственной квартире, которую он завещал нам.

– Но зачем вам понадобилось менять свои имена? Поняв, что Сергей мало знаком с еврейскими традициями, Валерия пояснила:

– В Талмуде написано: «Четыре вещи могут изменить судьбу человека: благодать, смиренная молитва, перемена имени и перемена деятельности». После того как на нас напали там, в лесу, мы решили расстаться с нашими прежними именами – и прежними судьбами тоже. Мы решили смешаться с остальными. Ходим на службу в православную церковь. Гершль даже устроил для нас свидетельства о крещении, чтобы весь маскарад был уж совсем полным.

И Андрей, и Аня продолжают следовать нашей еврейской вере, но втайне. Они понимают, какого риска стоило Гершлю принять у себя беглых евреев, справиться эти документы... и каких денег тоже. Они не забыли и того, что их отец отдал жизнь, чтобы нашей жизни ничто не угрожало. В наших сердцах мы по-прежнему Сара, жена Беньямина, Авраам и Лия. Но, Сережа, пожалуйста, зови нас нашими новыми именами... ради нашей безопасности.

Сергей понимающе кивнул, хотя и подумал про себя, что поначалу это будет не так просто.

Валерия же снова заговорила о детях:

– Михаил, бывший подмастерье Гершля, взялся обучить Андрея ремеслу. Так что Андрей тоже скрипичный мастер. Он более серьезный, чем его отец, хотя во многом – точная его копия. Ну а Аня у нас уже совсем взрослая...

И в этот момент открылась дверь. Сергей встал и, обернувшись, увидел в прихожей девушку с покрасневшими щеками. В руках она едва удерживала свертки с покупками.

У Сергея едва не подкосились ноги, а челюсть, уже во второй раз за сегодняшний день, снова отвисла. Он не верил своим глазам – прямо перед ним была та девушка, которую он потерял сегодня в базарной толчее. Это была Аня, и вот теперь она с удивленной улыбкой тоже смотрела на него.

Ее глаза были зелеными, как изумруды, сиявшие каким-то внутренним светом. Вьющиеся волосы, отсвечивавшие золотом в солнечном свете, обрамляли доброе и открытое лицо. В этот миг Аня, выкладывая свои свертки на столик в прихожей, улыбнулась ему еще раз и поправила непослушный локон, и Сергей влюбился в нее второй раз за сегодняшний день.

Все произошло так стремительно, словно бы его по мановению волшебной палочки перенесли из привычного мира в другой мир, более утонченный и возвышенный.

Остаток дня прошел для Сергея словно во сне.

Валерия напомнила Ане, что однажды она уже встречала Сергея – давно, когда была совсем маленькой. В ответ она посмотрела на Сергея открытым и приветливым взглядом, словно узнав его спустя все эти годы. Но было в этом взгляде что-то еще, таинственное и неуловимое, что давало ему надежду.

Когда же Аня с матерью вышли на кухню, Сергею показалось, что белый свет померк в ее отсутствие. Тем более был он разочарован, когда Валерия вышла одна, хотя она и сказала:

– Оставайся у нас на пару дней, Сережа. Так решил бы твой дед, и мне тоже хотелось бы этого. У нас есть одна незанятая комната – надеюсь, тебе в ней будет удобно...

– А Аня не будет... не будет против, если я останусь?

Валерия, шутливо подбоченясь, только покачала головой:

– Последний раз, когда мне попадались на глаза бумаги на эту квартиру, там никакая Аня не значилась в хозяйках. Конечно нет, ну подумай сам, с чего бы она стала возражать?

Наконец к ним вернулась и Аня – она успела переодеться в темно-синее платье, которое подчеркивало ее изящную фигурку. Сергей понимал, что невежливо поедать глазами едва знакомую девушку, но ничего не мог с собой поделать. По крайней мере, у него хватило самообладания не глядеть на нее с открытым ртом.

Голос Валерии вернул его к реальности:

– Сергей, будь добр, подбрось еще пару поленьев в огонь, а мы с Аней пока займемся ужином. Андрей вот-вот вернется, так что вы с ним сможете заново познакомиться.

Женщины вернулись в кухню, а Сергей занялся камином. Вскоре открылась дверь, и на пороге появился Андрей. Он был почти таким же, каким запомнил его Сергей, – долговязый и худой, почти не изменившийся с мальчишеских лет. Услышав, что сын вернулся, Валерия вышла из кухни и представила их друг другу. Андрей приветствовал Сергея немного формально, но вполне дружелюбно, совсем как тогда, много лет назад.

За ужином завязалась беседа, но Сергей все говорил невпопад. Он никак не мог отвести глаз от Ани, надеясь, что и она одарит его взглядом. Когда же он сообщил о своих планах эмигрировать в Америку, ему показалось, что на ее лице промелькнула тень разочарования. Неужели она тоже что-то к нему почувствовала или это была простая вежливость?

Тут вдруг Сергей вспомнил о часах. Извинившись, он поспешил в прихожую за своим рюкзаком, вернулся с ним в столовую и вынул часы из чехла. Вкратце он объяснил, как дед оставил ему карту тогда, много лет назад. И лишь теперь он смог найти все то, что, закопанное на лугу возле Петербурга, спрятал для него дед.

– Это был последний подарок, который сделал мне дед, – сказал Сергей, протягивая часы Валерии. – Вот смотрите, здесь ваш адрес... вот, на задней стенке. Дума, им самое место здесь, в этом доме. Пусть они стоят здесь... хотя бы на этой каминной полке.

Валерия улыбнулась. Она передала часы Андрею, который установил гирьки и маятник. Еще мгновение – и послышался ритмичный стук часов. Несмотря на все те годы,

что им пришлось пролежать под землей, часы прекрасно работали. Их тиканье звучало в такт биению сердца Сергея, глаза которого искали Анины глаза...

– Прекрасные часы, – сказала Валерия. – Пусть, в самом деле, пока постоят на каминной полке. Когда ты привезешь их к себе в Америку, они будут напоминать тебе о том времени, что мы провели вместе.

В эту ночь Сергею едва удалось заснуть. Он полночи проворочался в своей кровати, в той комнатке, которую отвели для него, всё думая о том, что Аня рядом, спит в соседней комнате. Его утешала надежда, что и она, может быть, тоже думает о нем.

И он не ошибся.

Первые несколько дней Сергей старался быть полезным своим хозяевам, чем мог, помогал по дому. Предложил Валерии оплачивать ее хозяйственные покупки, но та с благодарностью отклонила его предложение. Он чувствовал себя очень неловко из-за того, что Андрей каждое утро уходит на работу, тогда как он продолжает слоняться без дела по квартире.

Сергей понимал: чем раньше он сам найдет себе работу, тем больше ему удастся отложить денег для будущего путешествия за море, не считая тех четырех золотых монет, что у него еще оставались. Но его самым потаенным желанием было купить не один, а два билета, причем, конечно же, не в третьем классе.

Утвердившись в этом решении, он принялся за поиски работы. Через десять дней у него уже было место в промышленном районе на окраине города. Он стал подмастерьем в кузнечной мастерской, где чинили подковы и колеса экипажей, а еще ковали узорчатые решетки и ограды для домов состоятельных горожан. Работа эта была не из легких, но после активной жизни на дикой природе Сергей радовался усталости честного труда.

Когда он возвращался домой после смены, весь в поту, в глубоко ввевшейся в кожу саже, Валерия всякий раз грела воду и заставляла его принимать горячую ванну, прежде чем пускала к столу. Сергей соглашался, но по своей прежней привычке после каждого купания опрокидывал на себя ведро холодной воды.

Сергей понимал, что ему в самый раз окатиться холодной водой после того, что весь его день проходил в самых жарких мечтаниях об Ане. Теперь он уже был уверен, что никуда без нее не поедет.

Он решил не тянуть и открыться в своих чувствах Ане и ее семье.

И этот вечер стал одним из самых важных и трудных в его жизни. Когда вечером вся семья собралась за общим столом, он объявил всем, что его самое сокровенное желание – просить Аниной руки. Он из уважения к семье планировал адресовать эти слова Валерии, чтобы Аня была лишь свидетелем его признания. Но, когда нужно было произнести эти слова, Сергей обратился с ними непосредственно к Ане. Мать и брат оказались только свидетелями:

– Самое мое глубокое желание – посвятить мою жизнь вашему счастью, если вы дадите согласие на наше обручение.

Сергей и сам не знал, откуда к нему пришли такие слова и такая решимость. Он не мог даже представить себе, чего ожидать в ответ на эти слова. Вполне возможно, ему не только откажут, но еще и поднимут на смех. Он только молча смотрел на Аню, ожидая ее ответа.

Но первой тишину нарушила Валерия.

– Аня, – сказала она, – уверена, что тебе есть чем себя занять на кухне... Нет, в твоей комнате. Похоже, что мне и Андрею есть о чем потолковать с Сергеем.

Аня ответила мягко, но непреклонно.

– Мама, я совершенно уверена, что ни на кухне, ни в моей комнате нет ничего важнее того, что сейчас должно решиться здесь. Я никуда не пойду.

Затем она повернулась к Сергею. Он взглянул на нее и в ее глазах прочитал ответ явственнее, чем сказали бы любые слова.

– Видишь ли, Сережа, – вступил в разговор и Андрей. Судя по всему, Сергеевы изливания чувств его не убедили. – Если верить твоим словам, ты хочешь соединить свою жизнь с Аниной. Так что же это будет за жизнь, позволь тебя спросить? Как и на что ты собираешься содержать свою жену, а нашу сестру и дочь? За какие такие, собственно говоря... хм... доходы?

Это был самый лучший и самый худший вопрос, который только можно было задать Сергею. Впервые в своей жизни ему захотелось стать богачом. Тем не менее вопрос был задан, и на него надо было отвечать. Но что, и в самом деле, мог предложить Сергей, кроме любви и верности?

Сергей постарался, чтобы его слова прозвучали как можно убедительней:

– Андрей, мне понятно твое беспокойство. Сейчас, в настоящий момент, все, чем я располагаю, – лишь скромное жалованье. Но я умею ставить себе цели и добиваться их. Полагаясь лишь на самого себя, я смог выжить в условиях дикой природы. Мне по силам любая работа, какой бы трудной она ни была. А если я чего пока не умею, то недолго и научиться, я себя знаю.

– Вот-вот, – ухватился за его слова Андрей. – Себя-то ты знаешь, а вот Аня – сколько она с тобой знакома? Пару недель? И того не будет, наверное. Вот что я вам скажу, – сказал он солидным тоном не только как брат Ани, но скорее как хозяин дома. – Вам нужно больше времени, чтобы узнать друг друга получше.

– В этом мире нет ничего такого, – отвечал ему Сергей, но снова смотрел прямо в глаза Ане, – чего бы мне хотелось так же сильно, как узнать получше твою сестру.

Затем, обращаясь уже к Валерии, он добавил:

– Я люблю вашу дочь, и ей принадлежит все, что у меня есть и что еще будет. Я готов на все ради нее. Я готов пожертвовать ради нее своей жизнью, если будет такая необходимость. Я обещаю вам это.

– Пока же – и я это тоже обещаю, – продолжал Сергей, – я пойду учиться, буду работать, не покладая рук, чтобы самому стать достойным Ани и обеспечить ей жизнь, достойную ее.

– И все-таки, все-таки...

– Андрей, прекрати, – не выдержала наконец Валерия. – Дай бедному мальчику поесть.

– Сергей уже не мальчик, мама, – сказала Аня. И Сергей понял, что все будет хорошо.

Откуда ему было знать, что пройдет всего лишь несколько дней и его счастье окажется под угрозой.

15.

Началось все с совершенно пустякового разговора за столом, когда Валерия к слову спросила у Сергея о его планах на будущее.

– Ну, как по мне, – сказал он, – то нужно использовать все возможности, чтобы сделать свою жизнь лучше. А где еще могут быть такие возможности, как в Америке...

За столом все буквально замерли. Первым нашелся Андрей:

– А при чем здесь Америка? Я так понял...

– Мы все так поняли, – голосом, не допускающим возражений, произнесла Валерия.

Сергей смотрел то на Андрея, то на Валерию. Ему вдруг все стало ясно. Он нашел работу, живет в семье. Все решили, что он передумал насчет Америки, что он и дальше будет жить здесь, с Аней, по крайней мере пока они не подыщут себе подходящую квартиру где-нибудь неподалеку.

Правда, Сергей неоднократно говорил им о своем намерении эмигрировать и уже считал это само собой разумеющимся: они с Аней начнут новую жизнь за океаном.

Молчание нарушила Валерия:

– Ты не имеешь права увозить мою дочь так далеко. Ведь я ее никогда больше не увижу.

– Мама, – сказал Сергей, – прошу вас. Я знаю, как вы любите Аню и хотите, чтобы она жила в лучших условиях...

– Что это еще за такие «лучшие условия», которых у нас тут нет, а в какой-то Америке есть? – резко переспросила она.

Сергей не сразу нашелся, что ответить.

– Ну, вы же знаете, как нам, евреям, тут нелегко живется! Повсюду рыщут казаки, что ни день, то погром...

– Только не надо нам рассказывать про казаков и погромы! – взвился Андрей. Его лицо побелело от ярости. – Мы на собственном опыте знаем, каково живется евреям в этой стране. А если бы и забыли, так пустое место отцовское за обеденным столом напомнит. Думаешь, нам не опротивел весь этот маскарад – игра в «Валерию», «Аню», «Андрея»? Так что не рассказывай *нам*, что такое погром и что от него бывает.

– Андрей, прошу меня простить за неосторожные слова. Только вот почему вы не хотите видеть, что все эти трудности – это лишний повод вам с Валерией присоединиться к нам и уехать в Америку. Там вы сможете и вернуть себе свои имена, и вернуться к своей вере! Начать все с начала! В Америке можно открыто праздновать Шабат, и людям не возбраняется молиться так, как они считают нужным.

– Мама, послушайте меня, – Сергей обратился к Валерии, я не хочу забирать от вас вашу дочь. Я только хочу ей лучшей жизни, как вы не поймете! Прошу вас, поедemте с нами!

Валерия встала.

– Я иду к себе в комнату, вот... Мне надо подумать. Аня... с посудой... – она не договорила и выбежала из кухни, но все заметили, как ее лицо исказилось от боли.

Аня встала было из-за стола, чтобы последовать за матерью, но остановилась – она знала, что мать сама позовет ее, если захочет. И она осталась за столом вместе с Сергеем и братом. Они так и сидели в полном молчании. Сергей все порывался объяснить – ему хотелось сгладить то тягостное впечатление, которое невольно оставили его слова. Но он так и не нашелся, что сказать.

Впрочем, он и сам теперь не был уверен – может, действительно эгоистично с его стороны отрывать Аню от ее семьи, от немногих близких людей, которые есть у нее в этой жизни, от ее дома, чтобы увезти в такую даль? Он повернулся к Ане – она опустила голову и, не поднимая глаз, смотрела на свои руки. Сергей осторожно поднял ее лицо за подбородок. И, когда их глаза встретились, она сказала шепотом:

– Сергей, что бы ни случилось, куда бы ты ни ехал, я от тебя ни на шаг.

Последние сомнения, которые еще были у Сергея, рассеялись окончательно – они поженятся, он станет ее мужем, и они уедут отсюда в Америку. Но только как же она сможет уехать без материнского благословения?

Сергей только тяжело вздохнул. Да, порой среди близких людей в семье бывает тяжелее, чем одному зимой в горах.

Природа, по крайней мере, ничего не усложняет, а вот разобраться в движениях души куда сложнее.

– Мама не может ехать, – сказал Андрей, – и ты, Аня, знаешь почему. Она сама ведь не раз говорила, что смертельно боится даже подниматься на палубу, не то что плыть по океану.

Валерия наконец вернулась, и ее голос не оставлял и тени сомнения в том, что решение ее было окончательным.

– В Америку я не поеду, – сказала она. – Я родилась и умру на русской земле. Мой муж нашел в этой земле последний... – она вдруг всхлипнула, но совладала с собой. Взглянув на Аню, она сделала решительный жест рукой:

– Хотя я и благословила мою дочь на брак, но ехать за море моего вам благословения не будет, и не просите... но разрешать – разрешаю, так и быть. Куда муж, туда и жена, так заведено, и так будет.

Только прошу вас, если вы меня хоть сколько-нибудь любите, не уезжайте сразу, поживите с нами хоть немного. Дайте мне немного пожить с моей замужней дочерью, чтобы я могла получше узнать, что за человек мой зять.

Сергей, у которого камень упал с души, не мог отказать Валерии в ее просьбе. Он согласился задержаться еще на несколько месяцев. И только тогда улыбка вернулась на лицо Валерии. Это была счастливая улыбка, улыбка матери, для которой главное в жизни – счастье дочери.

– Что ж, на том и порешим, – сказал Андрей и обнял Сергея, как брата.

Спустя несколько дней, когда уже в полном разгаре были хлопоты, связанные с приготовлениями к свадьбе, Валерия сказала Сергею:

– Вам с Аней придется повенчаться у отца Алексея в церкви, куда мы ходим, иначе этот брак будет считаться незаконным. Но от тебя, Сергей, потребуют свидетельство о крещении. Я так полагаю, что тебя крестили в военной школе и у них должны остаться соответствующие документы. Так что тебе нужно как можно скорее связаться со школой...

Школа... Словно волной, тяжелые воспоминания накрыли его, а он так хотел оставить их в прошлом. Впрочем, обращаться в школу было ни к чему, все документы, что были в его папке, он прихватил с собой. Среди них было и свидетельство о крещении. Просьба Валерии болезненным эхом отозвалась в нем, напомнив, что со школой никакой связи быть не может. Он бежал, он убил своего соученика – кадета, его по-прежнему разыскивают.

Но откуда Валерии было знать, ведь он никогда об этом не рассказывал. И никогда не расскажет ни ей, ни Андрею, ни даже Ане. Тем более Ане.

Поженились они в пятницу вечером, 6 ноября 1891 года, в маленькой часовне. Случилось это шесть месяцев спустя после прибытия Сергея в Петербург. В этот день шел снег, и в мире царили холод, красота и радость. В этот день сбылась Сергеева детская мечта стать частью этой семьи.

Позже в этот день, уже почти под вечер, у них дома состоялась и еще одна брачная церемония. На этот раз уже в узком кругу и по еврейской традиции. Кроме жениха с невестой, ее матери и брата, присутствовали несколько ближайших друзей-евреев. Валерия не рискнула приглашать необходимый по талмудическим правилам *миньян*, минимум в десять свидетелей.

Свадебным подарком от Валерии и Андрея была подержанная двуколка, которую выкрасил собственноручно Андрей, и выглядела она как новая. Эта двуколка – а к ней и старая, но вполне надежная лошадка – были отличным подарком для загородных прогулок.

Когда гости разошлись, Валерия выставила молодых за дверь со словами:

– Надо же вам в первый раз прогуляться вместе, как муж и жена!

– Наверное, эта прогулка – тоже традиция? Я что-то про такую не слышал.

– Да, будет традицией... когда-нибудь. А мы будем ее зачинателями. Пойдите прогуляйтесь, подышите свежим воздухом, – с шутливой строгостью распорядилась Валерия, словно ей не терпелось поскорее войти в новую для себя роль тещи.

Сергей с Аней не стали спорить и пошли рука об руку по заснеженной улице. Падающие снежинки по-праздничному сияли золотом в свете газовых ламп. Да и сама ночь с морозным воздухом, запахом снега и запахом дыма из множества очагов словно решила показать Сергею другой, незнакомый Санкт-Петербург, на который он смотрел теперь Аниными глазами.

– А знаешь, мама была права, – сказала Аня. – Она выставила нас, чтобы мы могли подышать свежим воздухом – а ты заметил, что сегодня воздух по-особенному свежий?

Они засмеялись. Затем она сняла рукавицу и сама стянула рукавицу с его руки.

– Я хочу держать тебя за руку, Сергей. Не хочу, чтобы какие-то перчатки мешали мне касаться тебя. Чтобы что-то мешало нам чувствовать друг друга...

Он заглянул ей в глаза.

– Давай будем возвращаться, – сказал он. – Пора ложиться спать.

Аня улыбнулась, и румянец, горевший на ее щеках, был не только от холода.

По возвращении они обнаружили, что Валерия и Андрей успели перенести вещи Валерии в прежнюю Анину комнату, а их вещи – в спальню Валерии, которая была больше.

– Вот так будет в самый раз, – объявила им Валерия вместе с пожеланиями спокойной ночи.

А еще раньше, днем, Андрей успел отвести Сергея в сторонку и напомнить ему о том, что по еврейским законам в пятничную ночь мужья обязаны доставить радость своим женам.

Никогда еще Сергею не хотелось так сильно исполнить предписания закона – до самой последней его буквы.

В их брачную ночь Сергей показал своей невесте медальон и поведал Ане его историю. Затем он срезал пять волосков из ее медных локонов, свернул их в маленькое колечко и спрятал за фотографии родителей.

– Было время, когда этот медальон был моим единственным сокровищем, – сказал он ей. – Теперь ты мое сокровище, так что передаю его тебе. – Затем он заключил Аню в свои объятия и сказал:

– Мы поженились в тот миг, когда встретились наши глаза.

– Когда тебе было восемь, а мне – пять? – насмешливо переспросила она.

– Именно так... и даже раньше, еще до этой жизни.

Затем, после того как ее первоначальное волнение растаяло, она полностью отдалась ему. Переполняемые страстью, Сергей и Аня обучались путям любви, проводя одну ночь за другой в объятиях друг друга.

Однажды ночью, лежа в кровати, Аня тихо засмеялась в ответ на его прикосновение, нежно прикоснулась к белому шраму на Сергеевой руке и проворковала:

– Давно я не видела нашу матушку такой счастливой.

– Счастливой? Наверное, потому, что мы поменялись комнатами?

– Нет, дурачок... Какие все-таки мужчины бесчувственные существа! Она счастлива потому, что все ее мысли теперь о ее первом внуке.

– Вот оно как... Тогда нам нужно делать все, что от нас зависит, чтобы не обмануть ее ожидания, – сказал он, целуя впадинку на ее горле.

Аня прижалась к нему, возбужденно прошептал ему на ухо:

– Да... начнем же работать над этим планом немедленно.

После их первой пятничной ночи в каждый последующий день Анино желание оказаться в его объятиях только возрастало. Так что у них появились, как и заведено у любящих, свои, понятные только им шуточки по этому поводу. Когда Сергей занимался чем-нибудь по дому, или читал в гостиной, или брился, Аня незаметно подкрадывалась и шептала ему на ухо:

– А скажи мне, муженек, какой сегодня у нас день? И каждый день следовал один и тот же ответ:

– Похоже на то, что сегодня пятница. И она отвечала:

– Так ведь это же мой любимый день... и моя любимая ночь.

Все дни и ночи, которые последовали за их свадьбой, будь то в спальне, или на кухне, или во время прогулок по улицам и вдоль каналов Петербурга, Сергей продолжал рассказывать Ане историю своей юной жизни. Она также делилась с ним своими прошлыми радостями и печалью. Они почти ничего не скрывали друг от друга. Почти ничего.

Тем временем слухи о новых погромах на юге, а также об отдельных случаях, происходивших и вне черты оседлости, дошли и до них. Но не только они – еще сильнее

беспокоили Сергея неясные предчувствия, которые говорят человеку о приближающейся буре, даже когда на небосклоне ни облачка. Будь его воля, он немедленно купил бы билеты на ближайший поезд до Гамбурга, а оттуда – первым кораблем в Америку. Он, как мог, старался обуздать свое беспокойство – к тому же жизнь в самом Петербурге была вполне размеренна и спокойна. Не стоит изводить себя изза каких-то непонятных страхов, успокаивал себя Сергей. К тому же он решил для себя уважать просьбу Валерии, хотя понимал, что решительный разговор неотвратим.

В середине января он еще раз переговорил с Валерией, теперь уже с глазу на глаз, напомнив ей о своем намерении как можно скорее ехать в Америку.

– Мама, скоро у меня будет достаточно денег для этого – через месяц, от силы через два. Так что будьте готовы к тому, что мы с вами расстанемся.

– Я все понимаю, Сергей, – ответила она. – Но ведь все так хорошо устроилось, и мы так счастливы вместе. К чему вам мчаться куда-то за тридевять земель?

Всякая беседа на эту тему неизбежно заканчивалась одним и тем же – Валерия внезапно вспоминала, что нужно срочно починить то-то и то-то, и просила Сергея это сделать за свой счет. Соответственно, сбережения Сергея росли медленнее, чем ему хотелось бы. Но и отказать Валерии в ее просьбе он не мог. Ведь, в конце концов, он жил под их крышей и было в порядке вещей вносить свою долю в расходы семьи.

Но нежелание Валерии смириться с мыслью, что их расставание неизбежно, со временем привело к тому, что отношения между ними стали напряженной.

16.

Каждый новый день Грегор Стаккос начинал с ясной целью, и его мало беспокоило, насколько она согласуется с ничтожными убеждениями или нравственностью остальных людей – тех ничтожеств, которых он ни во что не ставил. Жилистый и мощный, он питал отвращение к тяжелой работе, и поэтому, если ему нужны были еда, деньги или лошадь получше, он просто крал или брал все нужное силой, не заботясь о том, что станет с ограбленными, покалеченными или убитыми владельцами. Ничуть не сомневаясь в своем праве даровать или отнимать жизнь, он уже привык думать о себе как об атамане, чья сила и власть недоступны обычным людям. Недалек тот час, говорил он себе, когда и другие увидят в нем того, кем он уже видел себя, – атамана, старшего среди казаков.

Такие люди, как Грегор Стаккос, нередко становятся вождями народов. Однако, чтобы быть впереди, им нужны еще и приближенные, преданные и умелые, которые стали бы глазами и руками предводителя. Скоро он соберет вокруг себя таких людей. У него все продумано. Пока что Стаккос наблюдал и задавал вопросы.

Однажды дорога привела Стаккоса в казацкую станицу у самого Дона. Это был своего рода казацкий форпост, ограждавший южные рубежи казацких поселений от набегов банд грабителей. После всего нескольких дней в этом селении ему пришлось иметь дело с одним юнцом, который во всеуслышание заявлял, будто Стаккос украл у него нож. Чтобы проучить клеветника, Стаккос избил того до полусмерти, едва не выбив ему глаз. А ножа так и не нашли.

Пару дней спустя одна девушка обвинила Стаккоса в том, что он взял ее силой. Она была дочерью деревенского атамана, так что Стаккосу ничего не оставалось, как поскорей уносить ноги и искать себе более спокойное селение.

«Пожалуй, все-таки не помешает на будущее держать себя в руках», – подумал Стаккос, оттачивая на досуге свое новое приобретение – охотничий нож.

Стаккос ехал своей дорогой, и следом за ним, куда бы он ни повернул коня, ехал однорукий всадник. Он был примерно одного со Стаккосом возраста. В этих краях его знали как Королёва. От Стаккоса также не укрылось, что у него появился незваный попутчик, и он стал расспрашивать людей об этом Королёве. Выяснилось, что многие слышали о нем разное, но мало кто знал, что он за человек. Королёв был на целую голову выше Стаккоса, с грубыми, словно вырубленными топором чертами, глубоко посаженными зелеными глазами и иссиня-черными волосами, связанными в косичку на спине. Пожалуй, этого силача можно было даже назвать красавцем, если бы не рваный шрам на щеке, слишком близко посаженные глаза и недостающая левая рука.

«Он держится особняком, – сказал про него один старый казак – одно время Королёв жил в их деревне. – Появился в наших краях примерно с полгода тому, но не прижился». А теперь этот гигант повсюду ездил следом за Стаккосом.

Наконец Стаккос решил поговорить с ним по душам.

– Чего за мной увязался?

– Повидал я на своем веку немало народу, но таких, как ты, не встречал. Хочу понять, стоит ли приставать к тебе в товарищи.

– В товарищах я не нуждаюсь. Но тот, кто пристанет ко мне, под мое начало, жалеть не будет.

– Тогда покажь, каков ты в деле, – сказал Королёв, слезая с коня и расстегивая единственной своей рукой ворот рубахи. Голос у него был необычно сипловатый, чем-то напоминавший змеиное шипение. Грегор Стаккос только кивнул в ответ. Он и бровью не повел в ответ на вызов гиганта, хотя все в нем кричало от восторга – вот оно, его единомышленники начинают собираться.

– Ну, коли просишь, – в свою очередь спешил и Стаккос. Хотя его противник выглядел внушительно, Стаккос хорошо знал, в чем крылась его собственная сила – в готовности скорее принять боль или даже смерть, чем поражение.

Королёва же, напротив, его неожиданное хладнокровие смутило. Он привык, что мужчины, словно трусливые псы с поджатым хвостом, спешат убраться подобру-поздорову, пока дело действительно не дошло до драки.

Они кружили друг против друга, не отводя глаз и испытывая противника, сверяли свою ярость и свою решимость победить с яростью и решимостью другого. Грегор первым рванул на себя противника, но Королёв дрался исключительно хорошо даже одной рукой. Он бы и вышел из боя победителем, если бы не ошибся в Стаккосе, недооценив его живучесть. Удары Стаккоса, обычно валившие людей с ног, на Королёва не оказывали видимого воздействия. Но пары ударов Королёва хватило, чтобы у того хлынула кровь горлом.

Королёв привык все свои схватки заканчивать, хватая сзади соперника своей единственной рукой за шею. Это его и подвело. Как только Королёв оказался сзади и его рука обвила шею Стаккоса, тот немедленно провел бросок, и Королёв тяжело, словно куль с мукой, грохнулся оземь. А Стаккос уже держал нож в руке.

Приставив колено к массивной груди гиганта и поигрывая ножом у его щеки, Стаккос спросил:

– Так чем мы закончим нашу встречу? Выбор за тобой – хочешь, еще одну щеку порежу, а хочешь – руку прочь, чтобы того... не кренило в другую сторону.

– Поступай как знаешь, – только и сказал однорукий гигант. – Но я все равно поеду следом за тобой, хочешь ты того или нет. И буду рядом, пока сам не решу уйти.

– Ух ты, слова-то какие нашел! Ты, гляжу, мастер не только кулаком махать. Что ж, рядом так рядом. Давай руку, раз уж я ее не отхватил.

И Стаккос протянул ему руку, чтобы помочь подняться с земли. Но Королёв, словно пружина, вскочил и уже был на коне. По дороге у них завязался разговор, не слишком похожий на дружескую беседу. Скорее это был сговор сообщников.

Стаккос спрашивал о его жизни напрямую, без околичностей, и так же просто отвечал ему Королёв. Откуда шрам? Пацаненком сам себя порезал, чтоб не звали мазунчиком. Когда руку потерял? Три года назад, повздорил с мужиком в трактире, а тот возьми да и схватись за топор.

– Я-то сам не душегуб, – просто сказал Королёв, – но пришлось его жизни лишить, уж больно топором размахался.

Но, прежде чем расстаться с жизнью, мужик так рубанул его топором, что Королёв посчитал бесполезной тратой времени возиться с раной. Того гляди, загноится. Чтобы этого не случилось, он взял тот самый топор – хозяин его к тому времени уже валялся под лавкой со сломанной шеей – и доделал то, с чем не справился мужик. После этого у него еще хватило сил подойти к жаровне и сунуть обрубок в горящие угли.

– Сам после этого чуть концы не отдал, – кивнул своим воспоминаниям Королёв, – но ничего, как видишь, жив остался.

Чем дальше они ехали, тем больше убеждался Стаккос, что у них с Королёвым много общего. И тот рано ушел из дому, но распространяться об этом не захотел, сказал только:

– Набедокурил я. Стали меня все бояться.

– И что, на порог указали?

– Не-а... – покачал головой тот. – Как-то просыпаюсь я утром, а дома никого... ушли. Во как.

Он потянул коня за узду и пристально взглянул на Стаккоса:

– Ты слушать – слушай, а болтать не моги. Так и порешим: кому сболтнешь лишнего про меня, оставлю без языка. Или ты меня без руки. Но теперь я уже умный. Знаю, как с тобой надо драться.

Стаккос так же спокойно ответил на его взгляд, не отводя глаз, и у Королёва все похолодело внутри. Впервые в своей жизни он узнал, что такое страх – чувство, неведомое ему до той поры. Он отвел глаза и добавил еще одно условие:

– С женщинами я не прочь... того... повозиться. Так что ежели будем кого брать в полон...

– А на что нам эти пленные, подумай сам?

– Раз так, тогда сначала женщин – мне, а потом можно и головы с плеч. Согласен?

– А отчего ж и нет? – ухмыльнулся Стаккос. Королёв хочет женщин – будут ему женщины. Стаккосу нужна власть. И она будет принадлежать только ему.

Так они и договорились. Шло время, и к этим двоим, что заключили между собой соглашение на большой дороге, стали подтягиваться такие же, как они. Словно мухи на навоз, слетались они отовсюду, привлеченные невиданным прежде казачеством, во главе которого стояли некий атаман Стаккос и его «рука» – свирепого вида однорукый великан.

17.

Пришел февраль. В один из дождливых дней, которые иногда случаются в Петербурге в эту пору года, утром, когда они уже собирались вставать, Аня прошептала:

– Сергей, я должна тебе сказать что-то очень-очень важное.

– Моя дорогая, для меня важное все, что ты мне говоришь.

Она шутливо толкнула его локтем:

– Это важнее. Ты слушаешь? В самом деле слушаешь?

Он повернулся к ней, сквозь сон припоминая, что вчера, после работы, руки так и не дошли починить раковину на кухне.

– А что, разве такое когда было, чтобы я тебя не... Но она не дала ему договорить, прижав палец к его губам.

– Внутри меня началась новая жизнь. Я чувствую, что ношу ребенка.

Сергею показалось, что он ослышался. Для него это было так же неожиданно, как если бы Аня заявила, что может летать по воздуху.

– Ребенок? – переспросил он. – То есть наш с тобой ребенок?

Аня только засмеялась в ответ.

– Не припоминаю, чтобы кто-то еще принимал в этом участие!

– Когда ты это поняла?

– Я начала догадываться еще в январе, но решила пока не говорить... Мало ли что. Все произошло вскоре после того, как мы поженились. Может, даже в нашу первую ночь, – сказала она.

Потрясенный ее словами, он потянулся к ней, прикоснулся пальцами к ее животу.

– А он шевелится? Можно, я послушаю, как он шевелится?

Аня в притворном ужасе закатила глаза.

– Ах, Сергей Сергеевич, вы себя считаете таким умным, а на самом деле такой глупый! Дайте нам еще несколько месяцев, и тогда мы начнем брыкаться, как наш папочка... А пока... Пока что он не больше твоего кулака, вот так-то.

– Хм... ты сказала, он? Аня наморщила лоб.

– А что, чем тебе мальчик...

– Да будет мальчик! – торжественно объявил Сергей, стараясь отогнать от себя мысль, каково ему придется в роли отца семейства. – Начнем с мальчика, а потом... потом... А твоя мама уже знает?

– Само собой – нет! Кто, по-твоему, о таком должен узнавать первым?

– Нужно и ей, и Андрею немедленно сообщить об этом. И о том, что наш сын должен родиться в Америке!

Аня прижалась к нему.

– Да, в Америке...

– Хорошо бы, если б это и в самом деле оказался мальчик. Я займусь его воспитанием, научу его всему, что знаю сам... Как выживать в дикой природе...

Аня тихонько засмеялась:

– Сергей, давай не будем бежать впереди паровоза. Не успело дитя родиться, а мы уже для него все распланировали. Вот представь себе, что это будет не он, а она?

Но его глаза еще больше расширились, когда он представил себе эту возможность:

– Дочь? Да еще такая грациозная, как ее мать? Тогда она точно будет балериной!

Аня с замиранием сердца слушала его. Она вся светилась от счастья:

– Сергей, а еще говорят, что чудес не бывает. Четыре месяца тому ты даже не знал, что я жива. А сейчас ты уже в своих планах видишь нашу дочь прямой в Мариинском...

– Аня, – мягко перебил он ее. – Не будет никакого Мариинского – наша дочь вырастет в Америке...

– Конечно, Сергей, конечно. Это так, просто к слову пришлось. А в Америке, кстати, – там есть балет?

– Надо думать, есть. А еще горячая вода на кухне и туалет в квартире...

– Неужели мы скажем «прощай» походам за водой к колонке на углу? И больше не придется вниз по лестнице идти в туалет? Или греть воду на примусе, чтобы принять ванну? – спросила Аня. – Если так, то я готова хоть сейчас плыть за море! О Сергей, если это сон, то я не хочу просыпаться!

Он обнял Аню так нежно, что она засмеялась счастливым смехом:

– Можешь обнять меня сильнее, я не сломаюсь, – сказала она, крепко сжав его в объятиях прежде чем выскользнуть из постели.

Они сговорились, что Валерии обо всем расскажут только тогда, когда Сергей вернется с работы и они все соберутся вместе за обеденным столом.

Этим вечером, когда Валерия и Аня подавали на стол, Сергей сидел молча, но с такой счастливой улыбкой, что Андрей наконец не выдержал:

– Что-то ты сияешь сегодня, словно новый медный грошик! Случилось что-то хорошее? А ну давай, выкладывай!

Валерия, которая уже обо всем успела догадаться по Аниному выражению лица, затаив дыхание, ждала, чтобы они сами подтвердили ее догадки.

Услышав новость, она, не в силах сдержать чувств, выбежала на кухню.

Сергей непонимающими глазами посмотрел на Аню. Она тут же бросилась вслед за матерью. Вскоре она вышла к мужчинам со счастливой улыбкой и, смахнув нечаянную слезу, объяснила:

– Не волнуйтесь. Мама просто не хотела, чтобы мы видели слезы на ее глазах, пусть даже слезы радости. Она взялась готовить для нас медовый пирог – отпразднуем прямо сейчас.

С наступлением весны Сергей и Аня стали совершать прогулки на свежем воздухе, насколько позволяло ее положение. В первые недели ее беременность протекала тяжело, но на пятом месяце Анино здоровье значительно улучшилось. По воскресеньям они подолгу прогуливались, обсуждая свои планы на будущее.

В последнее воскресенье мая, когда Аня была на шестом месяце, Сергей в первый раз вывез ее на подаренной двуколке на тот луг, где он нашел дедовские часы.

Прогуливаясь по краю лужка в тени деревьев, Сергей то и дело озабоченно поглядывал на Аню, не устала ли она. Но его тревоги были напрасны – Аня блаженствовала на вольной природе, показывала ему птичек и даже, восхищенно ахнув,

схватила его за руку, когда среди листвы на какое-то мгновение показались олениха с олененком.

Их ноги утопали в мягкой летней траве, что колыхалась под теплым летним ветерком, а красные, желтые и пурпурные цветочки не могли не радовать глаз.

– Здесь так красиво, – сказала Аня. – Давай, Сережа, здесь постелим покрывало и устроим пикник. Нам все равно не найти лучшего места.

Так они и сделали – расстелили покрывало, выложили продукты из корзинки, а когда наелись досыта, то решили не спешить с возвращением и остаток дня провести вдвоем. Если бы в этот день Сергей внезапно умер и оказался бы в раю, то он не заметил бы перемены – так ему было хорошо с Аней сейчас на этом лугу.

Единственное, что слегка подпортило ему настроение, так это облако на горизонте, напомнившее Сергею о всадниках, которые уже задерживали его здесь, почти год назад. Ему даже показалось, что он может различить на горизонте небольшой отряд всадников. Он присмотрелся получше, но всадники исчезли. Но то прежнее чувство беспокойства, что он испытал год назад, снова вернулось к нему, и он порадовался тому, что еще немного – и они уже будут на пути в Америку.

В этот же вечер, не откладывая, он объявил за обедом, что достаточно уже скопил денег и на билеты, и на первые расходы. Еще пара недель – и они будут собираться в дорогу. О своих тревогах он не стал говорить ничего, чтобы не беспокоить их своими, возможно беспочвенными, предчувствиями.

Когда Аня отнесла посуду на кухню, Валерия подсела к Сергею. Взяв его руки в свои, она мягко обратилась к нему:

– Сережа, скажи мне – разве я тебя не люблю? Или разве нехорошо к тебе отношусь?

– Нет, мама, что вы такое надумали? Удовлетворенно кивнув головой, она продолжала дальше:

– Мне ли тебе объяснять, что жизнь такая штука, что мы с моей дочерью можем и не увидеться больше. Так позволь мне хотя бы дождаться моего внука?

Но Сергей предвидел такой поворот. Потом его попросят не торопиться с отъездом, ведь ребенку только-только сделали обрезание, а потом попросят задержаться еще на десяток лет, до *бармицвы*, и так далее. Поэтому у него уже заранее был подготовлен ответ:

– Так ведь Андрей остается с вами, – уверенно отвечал он. – Он женится, и у вас тут будет полно...

– Как знать, Сережа, как знать, – все тем же спокойным голосом вела свое Валерия. Очевидно, она тоже заблаговременно подготовилась к этому разговору. – Андрей пока не помышляет о женитьбе, тем более о том, чтобы обзаводиться детьми. И что, вы будете настолько бессердечны, чтобы не позволить своей матери, чтобы она вот этими своими руками приняла первого внука, да еще при родах своей единственной дочери? Неужели

вы способны отказать в этой малюсенькой просьбе? Ведь я не прошу вас остаться здесь навсегда.

Она сжала Сергеевы ладони своими.

– Может, ты думаешь, что мне хочется про такое просить? Да будь у меня хоть малейшая надежда достучаться до ваших каменных сердец, я бы не то что просила, я б на коленях...

Сергей со страдальческим выражением лица обернулся к Ане, надеясь увидеть в ее лице поддержку. Аня стояла в дверях и молча слушала, ожидая, что он решит.

Его ответ удивил самого Сергея. Сердце его сжалось от тяжелого предчувствия, но он покорно произнес:

– Хорошо, мама, будь по-вашему. Вы увидите рождение своего первого внука. Но как только мы сможем отправиться в путь – мы отправимся в путь, я вам это говорю.

Валерия в радостном порыве заключила его в объятия:

– Ах, Сережа, ну надо же быть таким добрым человеком!

– И добрым мужем, – наконец-то улыбнувшись, кивнула и Аня.

18.

К тому времени, когда Грегор Стаккос и однорукий великан Королёв прибыли в казацкую станицу в предгорьях Кавказа, они уже стали куда более осмотрительны, стараясь говорить и действовать так, чтобы не оттолкнуть от себя и возможных хозяев, и возможных последователей. Впрочем, двум вооруженным всадникам, по одному виду которых было понятно, что им не впервой пускать в ход оружие, в этих беспокойных краях всюду были рады. Они за стол и кров присоединялись к местным казацким отрядам и ждали только своего часа, чтобы проявить себя.

Долго ждать не пришлось. Через пару недель после их появления из разведки в станицу вернулся казацкий разъезд. По их сведениям, абреки-чеченцы перешли реку, чтобы совершать нападения на русские селения. В первой же стычке они убили двух русских. И казаки выставили удвоенную стражу вокруг своей станицы, чтобы нападение чеченцев не застигло их врасплох. Постов решено было выставить вдвое больше обычного. Каждый отряд должен был одновременно держать в виду своих товарищей-казаков с обеих сторон, чтобы стражу не могли снять незаметно.

Стаккос понял, что удача сама идет к нему в руки. У него уже появились почитатели среди станичной молодежи, которых он заморозил рассказами о своих похождениях. Истории эти были по большей части не более чем плод его воображения. Но уже то, что в пути его неотступно сопровождает однорукий гигант внушительного вида, могло у кого угодно отбить охоту оспаривать их правдивость.

– Как по мне, так не стоит ждать, пока чечены первыми перейдут через Терек, – предложил он нескольким молодым парням, жадно ловившим каждое его слово. – Мы с Королёвым сами нападём на их стоянку, этой же ночью. Где они остановились, мы примерно знаем, а перебить всех чеченов нам по силам. И все, что в лагере, будет наше –

и лошади, и оружие... а что еще у абреков взять? Разве что парочку ушей отрезать на память? – прибавил он, подбрасывая в руках вместительный кожаный кошель.

В ответ двое парней из тех, кто помоложе и нетерпеливей, сразу же вызвались идти с ними. Еще трое, не желавшие показаться трусами, после недолгих раздумий тоже согласились идти.

Еще не рассвело, когда Грегор Стаккос со своим отрядом неслышно приблизились к стоянке чеченцев. Стаккос дал последнее наставление своим людям – ружья и пистолеты пускать в ход только в случае крайней необходимости. В лагерь следовало войти неслышно, чтобы застать спящих абреков врасплох. Оставив лошадей неподалеку, Стаккос и его люди, крадучись, приблизились к самому лагерю чеченцев.

Абреки были людьми, закаленными в боях, но они не ожидали такой отчаянно смелой вылазки. И замысел Стаккоса и его юнцов перебить чеченцев спящими мог бы сработать, если бы не случайность. Один из чеченцев как раз проснулся и вышел по нужде. Он-то и заметил подозрительное шевеление в кустах. Но его пронзительный крик тут же оборвала пуля из пистолета Стаккоса.

Поднятые криком и выстрелом, чеченцы тут же схватили свое оружие. Поняв, что внезапная атака не удалась, Стаккос решительно бросился вперед. Шашкой он едва не снес голову первому из чеченцев, что бросился на него.левой рукой он, не останавливаясь, палил из пистолета, наповал убив еще нескольких. Молодежь, воодушевленная бесстрашием своего предводителя и тем, что великан Королёв без тени сомнения последовал за ним, тоже отчаянно бросилась в атаку.

Восемь мужчин и две женщины были в лагере чеченцев. Стаккос сразу же прикончил одну из них, как только она подхватила карабин одного из упавших мужчин. Вторая женщина досталась Королёву живой, и к тому времени, когда он разделался с ней, она уже сама хотела умереть. Правая рука атамана Королёв показал пример своей молодежи, которому та охотно последовала. Стаккос не зря звал их «мои люди». Начиная с этой вылазки они действительно стали его людьми.

Отряд из семи человек вернулся в станицу, ведя с собой захваченных лошадей. Черески у них были сплошь в кровавых пятнах, но это была кровь врагов. Из отряда Стаккоса ранены были только двое, да и то легко. Оказавшись в станице, они охотно выставляли эти раны напоказ, словно медали.

Грегор Стаккос в полной мере доказал, что он способен и спланировать атаку, и повести людей за собой, да и в самом бою орудовал шашкой так, как далеко не всякому по силам. В станице их встретили с почестями, как воинов. Такой прием и похвала старших развязала языки стакковской молодежи. Подвыпив, они стали в подробностях рассказывать, как обошлись с той женщиной, что досталась им еще живой. До стариков дошли эти разговоры, да еще и стало известно о кожаном кошеле с «трофеями», и они только презрительно сплевывали, когда при случае упоминалось имя Стаккоса или тех молодых станичников, что примкнули к его отряду.

Стаккосу волей-неволей пришлось покинуть станицу, да он и не слишком хотел в ней задерживаться. Теперь он сам был атаман, предводитель пусть немногочисленного, но собственного отряда с преданными ему бойцами. Провожаемая презрительными взглядами стариков и завистливыми – молодежи, его банда, неспешно проехавшись по главной станичной улице, отправилась навстречу новой жизни.

В последующие месяцы банда, во всем послушная слову своего атамана, принялась разыскивать маленькие еврейские поселки – *штетлы*. И каждый месяц или два они налетали неожиданно, как ураган, сея смерть и ужас на своем пути. Но случалось, что они, как обычный казачий патруль, преследовали и врагов России.

Как правило, они разбивали временный лагерь, стараясь, чтобы местные жители не успели их заметить. Затем небольшой отряд лазутчиков отправлялся на поиски еврейского поселения. И как только очередная жертва была намечена, атаман отдавал приказ: «Сниматься с лагеря!» И они налетали на несчастных людей, словно стихийное бедствие, оставляя за собой выжженную землю, чтобы каждый раз бесследно исчезнуть.

19.

Июнь незаметно перешел в июль, принеся в Петербург обычные для этого времени жару и духоту. Сергей решил, что его предчувствия – обычные переживания и тревоги мужа и будущего отца. Никогда прежде он не был так счастлив, и ему самому не хотелось ничего менять. Нужно только иметь веру, и все будет хорошо, говорил он себе, памятуя слова своего деда: «Жизнь – это книга, в которой Творец, а не мы будет писать то, что захочет».

Эти слова то и дело вспоминались ему, когда он просматривал в газетах и действительные факты, и слухи о бандитских набегах на еврейские поселения на юге страны. В такие минуты он снова ощущал ту прежнюю, уже почти забытую тяжесть где-то внизу живота. Но осталось недолго, убеждал он себя, несколько месяцев пролетят незаметно, еще немного – и его семья будет уже на пути в Америку. А там, вполне возможно, придет такой день, когда к ним присоединятся Валерия и Андрей.

По мере того как близился день расставания, их семейные собрания стали носить характер священнодействия. Валерия ни на шаг не отходила от дочери, не подпуская к ней никого. Ей хотелось, чтобы только она сидела рядом с ней, чтобы дочь слушала только ее одну. Сергей был снисходителен к причудам матери – еще бы, ведь у них с Аней еще вся жизнь впереди, а время, когда Валерии придется расстаться с дочерью, неумолимо приближалось.

Когда однажды в его комнату вошла Валерия, он торопливо закрыл газету со статьей о погромах.

– Вкусный был обед, Сережа? – ничего не заметив, спросила она.

– Очень, спасибо большое.

– Аня пошла в свою комнату почитать. А мы с тобой можем побеседовать.

Она, видимо, подыскивала слова, затем сбивчиво заговорила:

– Материнство, Сережа, это очень... очень радостно, а иногда горько. Тех, кого мы больше всего любим, мы всегда хотим видеть рядом с собой. А особенно когда их нет рядом. Вот я говорю Ане что-то и чувствую, что не то говорю, что хочется говорить о другом... о том, что она для меня все в моей жизни. Но как ей это понять? Она этого не поймет, пока... Пока сама не станет матерью, пока не вырастет ее ребенок. Тогда она поймет... и вспомнит меня... и будет по мне тосковать... Страшно будет по мне тосковать, Сережа.

Валерия всхлипнула, слезы покатались у нее по щекам. Сергей напряженно думал, как ему вести себя, но так ничего не придумал и просто тихо сидел рядом с ней. Да и какими словами ему было утешить мать, которой предстояло расставание с дочерью? Через какое-то время Валерия отпустила его руку, которую невольно в волнении сжала. Поблагодарив его за то, что он согласился ее выслушать, Валерия поднялась, чтобы идти к себе.

Следующие слова, которые услышал Сергей, скорее не были предназначены ему, это были мысли вслух: «Бабушка должна быть рядом с внуком». Затем, тяжело вздохнув, Валерия исчезла в дверях.

Сергей мог только представить, что, должно быть, сейчас творится в ее душе. Она хотела ехать с ними, это было ясно, но не могла оторваться от своих корней, что оставались в России. Ее сердце, оно будет тянуться к ним даже из – за океана.

С каждым днем Валерия становилась все суевливей и беспокойней, хотя до рождения ребенка должна была пройти еще не одна неделя. Было ясно, что беспокоят ее не так сами роды, как неизбежное расставание с дочерью, которое эти роды означали. Чем дальше, тем более сложным и неоднозначным становилось ее отношение к Сергею. Она продолжала заботиться о нем, но чем дальше, тем больше Сергей чувствовал, что он для нее – причина и виновник разлуки с горячо любимой дочерью и первым ее внуком.

Эти последние недели прошли не только в подготовке к родам. Сергей рассчитался на работе и полностью посвятил себя подготовке к отъезду. Он приобрел несколько вместительных баулов, куда Аня стала постепенно укладывать их немногочисленные пожитки. Сергей охотно помогал ей в этом. Валерия тем временем вся отдалась хлопотам по подготовке места для роженицы и всего необходимого для появления на свет ее внука. Принять его на свои руки, чтобы тут же проститься.

Весь их дом жил ожиданием, и только дедовские часы продолжали невозмутимо тикать на каминной доске.

В третье воскресенье июля Аня стала упрашивать Сергея свозить ее еще раз на луг, на их «местечко». Ей так хочется, говорила она, остудить уставшие ноги, побродить босиком по воде на речном мелководье, еще раз устроить с ним пикник.

Эта мысль не слишком понравилась Сергею. Он был скорее за то, чтобы Аня в ее положении не отлучалась от дома слишком уж далеко, на случай, если начнутся схватки.

– Не боишься, что тебя растрясет в дороге? Мне кажется, ты себя лучше будешь чувствовать, если мы все-таки останемся дома, – с сомнением в голосе сказал он.

– Я уже чувствую себя лучше, чем любая женщина на свете, – с улыбкой ответила она. – Хотя что плохого в том, если мы выедем в нашей двуколке прогуляться на свежем воздухе, да к тому же повезет меня не кто иной, как мой любимый муж?

Вскоре Сергей уже помогал Ане взбираться на сиденье двуколки. Валерия, которая тоже не скрывала своего беспокойства, подала Сергею корзинку с продуктами для пикника.

– Мы недолго, поверьте, – Сергей хотел, чтобы его голос звучал как можно увереннее. Он хлестнул поводьями, и двуколка тронулась.

Проезжая вдоль канала неподалеку от Невского проспекта, он спросил Аню:

– Аня, моя дорогая, ты веришь в судьбу?

– Я верю в тебя.

– Я в этом не сомневаюсь, – сказал он, повернувшись к ней и целуя ее волосы. – Но ты веришь в то, что для нас уже все предрешиено?

Аня засмеялась.

– Как тут не поверишь, когда самые настоящие чудеса привели тебя ко мне? – Она обняла его. – А теперь вот у нас есть еще одно чудо. – Отняв одну его руку от поводьев, она прижала его ладонь к своему круглому животу. – Ты чувствуешь его?

Сергей поначалу ничего не почувствовал, затем один толчок, еще один.

– Похоже, он там отрабатывает удары руками и ногами, – пошутил Сергей. В этот миг он был невыразимо благодарен судьбе, что его день сегодня и его жизнь сложились так счастливо.

Тем временем они уже выехали из города. На проселочной дороге им повстречалась крестьянская телега. Аня улыбнулась и помахала рукой крестьянину, который ответил им учтивым поклоном.

Вскоре они уже были на месте. Сергей рассчитывал устроиться посреди лужайки, почти в том самом месте, где он нашел дедовский подарок. Но солнце палило так немилосердно, что они вынуждены были искать пристанище в тени рощицы. Разложив еду, они отдыхали в тени, поглядывая на луг.

20.

С воцарением Александра III наступил период реакции, и преследования евреев и цыган ужесточились. Их самыми непримиримыми гонителями были, с одной стороны, крайние националисты-черносотенцы, с другой – Грегор Стаккос и его люди.

В отличие от черносотенцев, Стаккос делал это без всякой идеологии. Его ненависть к евреям носила личный характер, а причины этой ненависти оставались до конца не ясны даже его подручным. И это было не единственное отличие. Казаки, в своем большинстве, могли убивать врагов царя, но редко опускались до того, чтобы растаскивать их имущество. Стаккос же не гнушался тем, чтобы рыться в сундуках и кладовках своих жертв, прикарманивая все, что казалось ему ценным или интересным, а только потом отдавал приказ жечь все подчистую, уничтожая все следы своих преступлений.

Он не оставлял живых свидетелей, чтобы те не помогли выйти на его след. И был просто-таки одержим заметанием следов. Стаккос и его люди никогда не возвращались напрямик к своему лагерю, но кружили по каменистым пустошам, шли окольными путями вдоль рек. Их появление и исчезновение было всегда внезапным. Оставались только слухи, одинаково путанные и леденящие кровь.

За эти последние несколько лет к атаману примкнуло немало людей из тех сел и местечек, через которые им случалось проходить. Была там и молодежь, жаждавшая острых ощущений, хватало и бывалых разбойников. Были в его отряде и женщины, решившие примкнуть к Стаккосу – каждая по какой-то своей причине. Стаккос установил в своем лагере неписанные, но от того не менее жесткие правила поведения и строго следил за тем, чтобы никто не смел их нарушить.

За это время Стаккос успел завести новую традицию. Каждый год или два он сохранял жизнь одному еврейскому младенцу и отдавал его на воспитание своим женщинам с условием, чтобы вырастили его добрым христианином. Зачем это ему нужно, Стаккос тоже не стал объяснять своим головорезам. Возможно, он очень хотел видеть себя – хотя бы в собственных глазах – «спасителем детей». Но и сам его отряд со временем все меньше напоминал племя кочевников, обрастая детьми и хозяйством, как и всякое казацкое поселение.

Жестокость, с которой они обращались со своими жертвами, росла, как снежный ком. Настало время, и люди Стаккоса уверовали, что для них нет ничего недозволенного. Но жестокость в отношении евреев была в их понимании необходима, даже поощряема. Их оружием были не так сабли и ружья, как отличающая всех фанатиков уверенность в своем праве судить и карать. Они не останавливались ни перед чем.

Сторонний наблюдатель, увидев их на временных стоянках, едва ли отличил бы их от обычных поселян. Они воздвигали такие же хижины, разводили огонь в таких же очагах, жили с женщинами и воспитывали детей. Единственное, чего не было у этих людей, – человечности. Опыленные чувством своей неуязвимости, поставив себя над законом и моралью, они, словно чума, носились над просторами России, сея на своем пути смерть и разрушение.

Пришло время, и одним теплым июльским полднем в воскресенье Грегор Стаккос с небольшим отрядом оказался на мирной лужайке на берегу Невы.

21.

К тому времени Сергей и Аня уже покончили с обедом. Она положила голову ему на плечо, и они молча слушали пение птичек и шелест ветра в листве.

Сергей уже собирался было лечь в Анины объятия, как вдруг заметил вдали облако пыли, катившееся в их сторону. Он приподнялся, и увидел, что в их направлении скачет отряд всадников – скорее всего, это был конный патруль.

Может быть, если бы он, не раздумывая, доверился знакомой уже тяжести внизу живота и решил бежать, они бы еще могли ускользнуть. Бросив все, как есть, помочь Ане взобраться в двуколку, что есть силы стегая старую лошаденку, заставить ее пуститься в галоп. Но Аня могла запаниковать, не понимая, к чему это неожиданное бегство, а в ее положении это было рискованно. В конце концов, он увидел лишь то, что несколько всадников скачут в их сторону.

Именно к ним, теперь это стало ясно. И бежать уже слишком поздно. Когда те подъехали ближе, Сергею показалось, что он узнал одного из них, затем еще одного. Это были казаки, что остановили его здесь прошлым сентябрем. Сергей пересчитал всадников – их было четырнадцать. Его тревога только усилилась, когда отряд оказался

совсем близко и он разглядел одного из тех, кто скакал впереди. Это был однорукий гигант, хищно поглядывавший на него и его жену.

Всего в паре шагов от них предводитель, резко натянув поводья, остановил коня и взглянул на Сергея... Да, он стал старше, через его лоб проходил рваный шрам, но не узнать его было невозможно. Верховом на гарцующей лошади, все с той же ледяной улыбкой, которую Сергей так и не смог забыть, сидел *Дмитрий Закольева*!

Сергей стоял не шевелясь. Эта неожиданная встреча породила в его душе самые противоречивые чувства: облегчение, что он все-таки не убил Закольева, сменилось сожалением. Он понял, что обречен.

Он быстро обернулся к Ане. Она все еще сидела на травке, нисколько не испугавшись, только с удивлением смотрела на Сергея, ожидая его ободряющего взгляда.

– Мы старые знакомые, – сказал он.

В его горле мгновенно пересохло. Он сам не узнал своего голоса.

– Товарищи мы... еще со школы. Он поднял глаза на Закольева.

– Ах, Сережа, – ухмыльнулся в ответ Закольева, – если б ты знал, как давно я хотел встретиться с тобой... Лично, лично, ведь с моими людьми тебе уже встречаться приходилось, если припоминаешь, – сказал он, указав жестом на четырех всадников.

Это были те четыре казака-патрульных, что уже останавливали его на этой лужайке почти год назад, в тот первый день, когда он только пришел в Петербург.

– Когда мои лазутчики рассказали мне о том, что им попался человек, некий Сергей Воронин... Так, кажется, ты им представился? По описанию – вылитый ты... Если б ты знал, как я тогда на них разозлился... едва глупостей не наделал, веришь? Так и сказал им: «Почему же вы не взяли его под белые руки и не привели к нам в лагерь... Мы бы потолковали с ним по душам...» Как школьные товарищи, так ведь ты сказал? Хорошо, у нас люди понятливые – пообещали, что хоть из-под земли... И таки обещание сдержали, как видишь. Так что, начнем встречу школьных друзей?

Закольева, которого, по-видимому, вовсе не интересовал ответ Сергея, вел свое дальше:

– А я-то столько времени искал тебя, все расспрашивал: «Не встречался ли вам такой добренький Сережа?»

Но никто ни слухом, ни духом... Расстались-то мы с тобой не очень, как помнишь... Ведь не забыл еще, надеюсь? Не знаю, как ты, а я давно искал случая все уладить – раз и навсегда. И вот он ты, да еще с красавицей-женой, не иначе... И ребенка, видно, ждете...

Закольеваские слова были так любезны, а поведение так обходительно, что на какую-то долю секунды Сергею захотелось поверить, что его соученик и в самом деле изменился. Но дружный гогот всадников в ответ на тираду своего атамана сразу же вернул его к реальности. Его кулаки невольно сжались.

– Так что же ты молчишь, Сережа? Мы все ждем, когда ты нас с женой познакомишь.

Сергей лихорадочно оценивал ситуацию. Если Заколев представлял собой опасность, то его люди – тем более. Подчиненные всегда хотят выделиться в глазах предводителя, чтобы он заметил их рвение и выделил из числа остальных. И можно было не сомневаться, что им не впервой было пускаться в ход и кулаки, и оружие. Можно было совершить героическое усилие, положить одного, двух...

Но если он станет драться, Заколев убьет их обоих. Может, если он сам пойдет на унижение, будет покорно просить о пощаде, то все ограничится унижением и побоями... Но Аня? Что будет с ней?

Об этом даже не хотелось думать.

Сергей в отчаянии пытался как можно быстрее сообразить, что сказать или сделать, чтобы, по крайней мере, спасти жизнь жене и ребенку. Пока он думал, Аня стала подниматься на ноги, и Сергей рванулся к ней, чтобы поддержать ее. Она прижалась к нему, взяв его за руку. Он с тревогой почувствовал, что ее рука дрожит. И эта дрожь пробудила в нем первобытную ярость, жажду убивать. «Вот оно, – сказал он себе, – то, что нужно... соберись... жди удобного случая... жди... еще жди...»

– Я, по-моему, о чем-то попросил тебя? – сказал Заколев, и в его голосе в этот раз зазвучал металл. – Может, все-таки представишь меня твоей барышне?

– Дмитрий... ведь мы с тобой старые товарищи! – услышал, словно со стороны, Сергей свой голос. Он решил тянуть время, подстроившись под взятую самим Заколевым интонацию старого друга. – Помнишь, как тогда, когда я был под твоим началом во время нашего испытания... тогда, в лесу? Если б мы тогда не были заодно...

– Ты бы лучше молчал про то время, – отрезал Заколев.

Впрочем, Сергей и так все понял, как только увидел, что Заколев жив. Должно быть, все эти годы он жил только этим днем, жаждал этой встречи, не раз и не два представляя себе, что Сергей может сказать или сделать, и даже продумал каждую из его отчаянных попыток спастись. Но вот такой приятной неожиданности, как Аня, Заколев, очевидно, даже не мог представить.

– Взываю к тебе, как казак к казаку, человеку чести, – наконец выдавил из себя Сергей. – Позволь моей жене уйти. Даю тебе слово...

Заколев только пожал плечами. Очевидно, просительный тон Сергея разочаровал его. Он поднял руку, чтобы остановить его просьбы. Затем, снова вежливым тоном, словно из простого любопытства, спросил:

– Раз уж заговорили о старых добрых временах – тот серебряный медальон все еще у тебя?

– Я... у меня его нет, – начал Сергей. – Я его подарил.

Анина рука непроизвольно потянулась к шее.

– Ну, известное дело, – кивнул Закольеv. – Королёv! – неожиданно рявкнул он и кивнул головой в сторону Ани. Однорукий бородач с черной косичкой спешил и медленно направился к Ане. Не успел он сделать и шага, как его резкий запах буквально ударил в ноздри Сергея – это был не просто запах пота, от него за версту несло самцом.

– Назад! – крикнул Сергей, встав между своей женой и могучим гигантом. – А ну забери своего цепного пса, Закольеv!

Королёv застыл. Словно в ответ на крик Сергея, вожак сделал знак своим людям, и шестеро из них немедленно соскочили с лошадей и в мгновение ока окружили Сергея вместе с Аней.

– Ты что это задумал? – сказал Сергей.

– Так ведь кто-то же должен тебя обыскать, как ты думаешь?

– А остальные?

– Ну, мало ли... кто знает, что у тебя на уме.

Сергей решил, что лучше будет ему не перечить. Пока что никто на них не нападал и даже не угрожал в открытую. И, значит, у него пока оставался шанс. Но в любую секунду ситуация могла взорваться, как пороховая бочка, а он не хотел подносить к ней фитиль сам.

Но он просчитался. Еще мгновение – и шестеро казаков бросились на него, а великан схватил Аню за руку и потащил от Сергея.

В следующие пять секунд Сергей отключил двоих из нападавших, одного ударом в кадык, а другого пинком в колено. Оба повалились как подкошенные, у одного пошла кровь горлом, второй выл от боли, катаясь по земле. Но остальные четверо вцепились ему в руки, в ноги, в шею... Не выдержав веса навалившихся на него тел, Сергей упал. Его обездвигили, вдавив лицом в землю.

Немедленно Сергей расслабил тело, словно решил прекратить борьбу. Он выждет еще мгновение, когда и они тоже расслабятся и... Нет, их было слишком много. Ему удалось лишь поднять голову, выплюнуть грязь и кровь и в бессильной ярости наблюдать за тем, что должно было произойти перед его глазами.

Закольеv кивнул еще раз. Королёv отпустил Анино запястье, и та же его единственная рука, словно змея, метнулась к ее шее. Одним движением он сорвал с нее медальон и подал его Закольеvu. Аня вскрикнула и схватилась руками за горло – багровая полоса появилась на ее нежной шее, которую еще недавно Сергей осыпал поцелуями. Только теперь она по-настоящему испугалась – за своего мужа, за себя, но больше всего – за своего ребенка.

Она не отводила глаз от Сергея, напрасно пытаясь увидеть в его глазах хоть проблеск надежды.

– Спасибо, Сережа, что сберег мой медальон в целостности и сохранности... да еще и на такой прекрасной шейке, – снова заговорил Закольеv.

Он поднес медальон к носу:

– Ах... надо же, ее запах... вот это запах, братцы, должен вам сказать!

Словно кровавая пелена застелила перед Сергеем белый свет.

– Медальон твой... – прохрипел он, все так же не в силах оторваться от земли. – Чего тебе еще? Я тоже в твоей власти...

– А ты чего ожидал? – на лице Закольева появилась безжалостная улыбка.

– Тогда отпусти мою жену... Если что-то есть между нами, она тут ни при чем... Давай один на один, если ты этого хочешь... но, Богом тебя прошу, Дмитрий, ведь мы же были друзьями, спали на соседних койках...

– Ты меня утомил, – ответил Закольев, скорчив усталую мину. – Мне всегда было утомительно с тобой возиться, добренький ты мой Сережа.

Он обернулся к Ане:

– Интересно, он и в постели такой же добренький и обходительный? Всегда говорит: «Будьте добры, пожалуйста в постельку»?

Ответом на слова атамана был угодливый хохот его спутников, словно отрывистый лай собак, которым хозяин кинул кость. Было ясно, что Закольев просто играет с Сергеем, прежде чем безжалостно с ним расправиться.

Королёв снова вцепился Ане в руку, и она вскрикнула от боли и от бессильного отчаяния – ведь Сергей, ее Сергей в эту минуту был не в силах прийти ей на помощь! В эту минуту он просто физически ощущал ее боль и страх, как никто другой зная, что сейчас творится в ее душе, – ведь она уже раз едва выскользнула из казачьих лап. И теперь у Сергея сердце рвалось на части, когда он видел ее лицо, такое смелое и спокойное – лишь одни глаза молили его:

«Защити ту жизнь, что внутри меня!»

А Сергей не мог даже пошевелиться, оказавшись бессильной марионеткой в заранее продуманной игре Закольева.

Но вот один из казаков склонился над ним и принялся обшаривать его карманы. Остальные на миг ослабили свою хватку, и этого было достаточно, чтобы Сергей молниеносным ударом локтя раздробил челюсть одному из них. Развернувшись, он успел ударить еще одного в пах, но остальные снова навалились на него с такой сокрушительной силой, что он едва не задохнулся. Он снова, как пришпиленный, лежал лицом в землю.

– Вот так-то, Сережа, – снисходительным тоном произнес Закольев. – Как ты заметил... Надеюсь, ты успел заметить? Я стал атаманом, люди меня слушаются...

– Вижу, кем ты стал, – прохрипел Сергей, отплевываясь.

– А вот ты – ты остался тем, кем и был всегда, – слабаком, что трусится, как цуцик, перед своими родителями. А ты их хоть видел? Вот то-то же... – Закольева открыл медальон, который он все это время продолжал держать в руках. – Да-да, ты боготворил своих мамочку и папочку. Ни шагу без этой побрякушки, не отрицай... Мне всегда нравилось это семейное фото, – продолжал он, не отрывая взгляда от раскрытого медальона. – У меня всегда слезы на глаза наворачивались, когда я смотрел на него, – сказал он словно сам себе. – А ты взял его и украл.

Он снова посмотрел в сторону Сергея.

Сергей почувствовал, как у него ком подступил к горлу. Он уже знал, что удача отвернулась от них, что их молитвы не будут услышаны, что их последний миг на этой земле будет мигом смертельной тоски.

Закольева поднял глаза на Аню, неспешно оглядев ее с головы до ног. Сергей, словно безумный, рванулся, чтобы стряхнуть с себя казаков.

– Но на что мне теперь эта игрушка? – Закольева с резким щелчком захлопнул медальон. – Вот что я сделаю – верну-ка я его твоей прелестной жёнушке... А она меня за это поцелует... как по-твоему? А, Сережа?

Аня затравленным взглядом снова взглянула на Сергея. Даже сейчас она продолжала верить, что у него есть силы, что он знает, как им спастись. Даже сейчас, когда ее муж лежал недвижим под кучей навалившихся на него людей, у нее еще оставалась тень надежды – но Закольева похоронил и эту тень.

– Хорошенько подумав, – сказал он игривым тоном, – учитывая все то, что мне пришлось претерпеть из – за моего медальона, я думаю, что достоин чего-то большего, чем просто поцелуй.

Закольева явно упивался своей властью. Зная, что Аня – уязвимое место Сергея, Закольева обратился к ней, глядя Сергею прямо в глаза:

– Что ж ты так нарядилась, красавица? В такую-то жару? Может, скинешь чего из одежды – заодно и мои люди полюбуются на твою красоту.

Он снова кивнул Королёву, который одним движением разорвал спереди блузку на Ане. Она стояла, напуганная, стараясь прикрыться и защитить дитя в своей утробе.

Сергей сверхчеловеческим усилием скинул с себя пятерых, прижимавших его к земле.

– Беги, Аня, беги! – закричал он, ломая ребра еще одному из бандитов. Тут уже вся банда, кроме самого Закольева и великана Королёва, навалилась на него, и он рухнул наземь под тяжестью этой груды тел, разбив в кровь нос и щеку о каменистую землю.

Сергей не ощущал боли, не ощущал ничего, кроме одного только желания защитить Аню и своей полной неспособностью это сделать. Он напрягал все силы до последней капли, все умение и хитрость, но напрасно.

Закольеv, презрительно скривив губы, произнес всего три слова:

– Поднять ему голову.

Чья-то рука рванула Сергея за волосы и подняла его голову так, чтобы он мог видеть, как Корольёv, отпустив Анино запястье, той же единственной своей рукой грубо схватил ее за полную грудь. Аня в ответ плюнула ему в лицо. Словно дикая самка, защищающая своего детеныша, она кусалась, пинала великана ногами, вцепилась ногтями прямо ему в глаза...

Взбешенный, с расцарапанным в кровь лицом, Корольёv обхватил рукой Анину шею, дернул... Раздался ужасающий хруст.

Она умерла всего в двух шагах от Сергея.

Все остальное прошло перед глазами Сергея словно во сне. Он уже не чувствовал себя в своем теле, но словно плыл над головой Корольёva, швырнувшего обмякшее Анино тело на землю, как тряпичную куклу. Сергей видел, что ее глаза все еще открыты, словно пытаются что-то рассмотреть в бледно-голубом небе. Его разум отказывался принимать все то, что видели глаза. Это неправда, это просто кошмар, от которого он никак не может проснуться. Нужно только сделать усилие...

Но на этом кошмар не закончился. Теперь и Закольеv слез с коня. Нахмутив брови, он пошел на Корольёva. Обнажив саблю, он шел к человеку, который только что убил Сергееву жену.

– Корольёv, – сказал он резким голосом. – Сколько раз можно повторять – такие необузданные нам в отряде не нужны. Ты загубил такой момент, а мне хотелось потянуть его еще не много.

Корольёv лишь предусмотрительно попятился и без лишних слов снова влез на своего коня, с явным облегчением услышав следующие слова своего атамана:

– Что ж, еще не все потеряно.

И от того, какая картина предстала перед его глазами в следующее мгновение, у Сергея кровь застыла в жилах. Закольеv присел над Аниным телом и почти нежно провел саблей над ее круглым животом, вспоров нижнюю его часть. Засунув руку в открывшийся разрез, он вытащил младенца, прикрепленного пуповиной к матери.

Закольеv хмуро покачал головой – и ему, и Сергею, и всем, кто стоял вокруг, было видно, что младенец мертв. Сабля прошла слишком глубоко.

Закольеv даже не пробовал скрыть, как он разочарован тем, что его триумф не удался. Повернувшись к Сергею, он лишь процедил: «Мальчик... Был», – швырнув тело мертвого ребенка рядом с Аниным.

Сергей заревел, как дикий зверь, стараясь сдвинуть в себе боль, которая рвалась наружу, которую он не мог, не в силах был больше терпеть. Краем заплывшего глаза он заметил занесенную над его головой рукоять пистолета. И дальше была темнота.

Закольев тем временем сел на коня, а Королёв, напротив, снова спешился и, вытянув из ножен кинжал, подошел к Сергею, все еще лежавшему в беспамятстве.

– Оставь его, – бросил Закольев – Пусть себе живет.

Я хочу, чтобы он жил и помнил.

– Ты заимел себе врага на всю жизнь, и я тоже, – ответил Королёв. – Человек, которому нечего терять, опасней любого зверя. Проще его сразу убить, пока он не надумал, как с тобой можно по квитаться.

– Да он слабак, и дурень к тому же, – резко оборвал его Закольев, видя, что остальные внимательно наблюдают за самоуправством Королёва. – Таких бояться нечего. Ты и без того достаточно напартачил сегодня, хватит!

Это была не просьба – а атаман даже просьбы никогда не повторял дважды.

Королёв с сомнением покачал головой, но перечить не стал. Вернувшись к своему коню, он спросил:

– Атаман, а почему он звал тебя Дмитрий Закольев?

– Такое у меня было имя когда-то в молодости, – ответил тот. Затем он обратился ко всем своим людям, и к тем тоже, кто, прихрамывая и стеноя от боли, пытался взобраться в седло.

– С этого самого дня Грегора Стаккоса больше нет! И чтоб впредь никто этого имени не произносил. Запомните этот день – теперь я снова Дмитрий Закольев, но для вас я по-прежнему атаман и никто другой. Шашки наголо те, кто со мной!

Все выхватили сабли из ножен и подняли их вверх, над головами. Не сразу, но то же сделал и Королёв.

Закольев и его люди развернули лошадей и поскакали прочь с луга. Глянув последний раз на неподвижно лежавшего Сергея Иванова, вслед за остальными поскакал наконец и Королёв.

22.

Сергей судорожно вдохнул, и словно мутной волной его выкинуло назад, в мир реальности. В мир, который начался для него с леденящих кровь криков птиц. Медленно поднимая тяжелую, словно свинцовую голову, он увидел этих птиц – они слетались к останкам его жены и сына, которые так и лежали на окровавленной траве.

Он с яростным криком бросился на птиц, размахивая руками, погнался за ними – и понял, что он не может, просто не в состоянии сейчас заставить себя смотреть на своих... что просто боится вернуться к тому, что Закольев оставил ему от его семьи.

Нужно похоронить их, сказал он себе. Как безумный, Сергей стал рыть землю руками, стараясь поскорее предать земле дорогие ему тела. Однако твердая, высохшая на солнце почва отказывалась поддаваться, и он все скреб ее окровавленными пальцами, но лишь сорвал ногти.

Он не смог спасти своих близких и не может даже похоронить их по-человечески. В бессильном отчаянии он начал бить землю кулаком, затем без сил прижался к ней грудью.

Он с радостью тоже лег бы с ними рядом в спокойную тихую землю. Но оставалось одно, что удерживало его на этой земле, – найти и убить Закольева и Королёва и потом, если он сам останется жив, сказать матери и брату Ани о том, что случилось.

Он будет идти за ними, чтобы найти и убить их. Или они убьют его – если можно убить человека, который восстал из мертвых. Опустошенный, едва разбирая окружающее за мутной пеленой, что застилала ему взгляд, он, шатаясь, побрел к реке и окунул голову в воду. Когда на воде разошлись круги, он увидел в воде отражение – чужое, незнакомое лицо. Трус. Слабак. Ничтожество.

Аня, любовь всей его жизни, растопила лед его прошлого, чтобы все в его жизни зацвело в теплую пору любви. Теперь все в нем промерзло до костей. Ему оставалось только бесцельно брести в мире теней до своего последнего дня.

Болезненная вспышка ослепила его, от внезапной острой боли у него едва не треснул череп. Сергей упал на колени и стал молиться о том, чтобы память о его прошлом покинула его, а вместе с ней и страдания. Молился, чтобы услышать в ответ суровую правду. Его жена и ребенок мертвы – и это будет навечно вырезано в его памяти. Все, что было в его мире чистого и доброго, умерло вместе с ними. Он больше не видел в этой жизни Бога, справедливости, света.

Снова что-то взорвалось в его голове, земля качнулась под его ногами, и он упал.

Очнулся он в темноте, и с ней вернулась пульсирующая боль. Сергей понял, что лежит на чьей-то кровати. Ставив с себя одеяло, он попытался встать, но колени подкосились, и он упал навзничь. В комнату вошла незнакомая старуха и помогла ему сесть на кровати.

– Отдохни, – тихим голосом сказала она. – Потом обо всем тебе расскажу... если захочешь.

– Моя жена, с ребенком... там...

– Т-с-с. Мой муж схоронил их, как полагается. Там же, где они лежали. А сейчас спи.

Когда он снова очнулся, было все еще темно. Он слышал чье-то сонное посапывание в темноте, попытался встать на дрожащие ноги, затем снова без сил опустился на кровать. Предательский шепоток утешал его: «Не иди за ними, оставь. Ведь для тебя она все равно что живая». Он не мог, был не в силах принять эту правду, не в силах был снести эту боль или положить ей конец. Это было бы слишком просто. Карой для него будет жить с ежеминутным осознанием этой истины. Не раз ему еще предстоит умереть самому, прежде чем он сможет присоединиться к своим.

Пока у него есть те, которых нужно выследить, и еще мать, перед глазами которой он должен предстать.

Сергей снова поднялся. Его била дрожь. Рядом с кроватью он нашел свою одежду, выстиранную и выглаженную, которая была аккуратно сложена на стуле. Он протянул руку и поморщился от боли. Его руки были перебинтованы. Кто-то обмыл их и наложил повязки. Неслышно одевшись, Сергей взял в руки сапоги и осторожно двинулся к выходу.

Уже стоя в дверях, в предрассветной мгле, он оглянулся и тихо прошептал: «Спасибо вам. Не забуду до могилы».

Вернувшись на луг, Сергей в зыбком утреннем тумане опустился на колени перед холмиком свежей земли – это было все, что осталось от его семьи. Он говорил слова любви и печали – но, когда молил о прощении, слова застревали у него в горле. Ненавидя себя, Сергей дал клятву на могиле своей семьи, что посвятит свою жизнь мести за эту смерть.

Поначалу идти по следу было несложно. Он шел, не останавливаясь, пока держали ноги, пройдя по следу весь день и часть первой ночи. Боль разбитого носа, выбитых зубов и распухшего лица ни на минуту не оставляла его. Но он был только рад этому – боль не давала ему потерять сознание. Ему нужно было еще и поддерживать силы, так что он нашел палку, заточил ее о камень и, пользуясь как острогой, поймал рыбу в ручье. Он съел ее сырой и сразу же бросился вперед, не отводя глаз от земли, от свежих следов копыт. На следующий день он нашел птичье гнездо с яйцами и еще нарвал фруктов. Он не устраивал привалов, не разводил огня, ел через силу, отдыхал столько, чтобы не свалиться с ног. Он заставлял себя есть, чтобы продолжать погоню.

Время летело лихорадочной сменой дня и ночи, словно в бреду: одна и та же цепочка следов проступала на земле в солнечном свете, чтобы затем проявиться в свете полной луны. Пробираясь вперед и стараясь не сбиться со следа на вытоптанной земле, Сергей думал о своем отце. Теперь-то ему стало ясно, почему человек может допиться до смерти.

Подобно отцу, он тоже потерял жену и сына в один день. Но только смерть пришла к Сергеевой семье не по Божьей воле, а от рук негодяев. Отняв их жизни, Закольева и его люди пресекли и Сергеев род, ибо он знал, что никогда больше не женится, – он знал это так же точно, как и то, что эти люди умрут от его руки. Он не думал о наказании. Искупление было невозможно. Он не хотел их раскаяния, ему нужны были их головы. С этого дня он будет жить для того, чтобы они умерли.

На утро третьего дня грянул неожиданный ливень. Потоки воды с неба в мгновение ока уничтожили все следы. Ему еще удалось найти несколько сломанных веток, затем исчез всякий след. Он потерял их. Когда Сергей окончательно понял это, он повалился на землю, не в силах подняться, чтобы идти дальше или вернуться назад.

Затем он вспомнил о Валерии. Должно быть, она сходит с ума от тревоги. Ему предстояло выполнить еще один ужасающий долг.

Всю дорогу назад в Петербург он прошел, словно слепой, поднимая голову, лишь чтобы не заблудиться. Когда он остановился, чтобы напиться в пруду, он увидел в отражении распухшее, покрытое засохшей кровью лицо. Он также увидел и еще кое-что: он стал совершенно седым.

Шло время, и вот появились городские шпили, знаменовавшие его возвращение в мир людей.

Глядя на окна своего дома, Сергей вспомнил тот миг, когда он впервые попросил Аниной руки. Невольный стон сорвался с его губ. Сергей медленно поднялся по ступеням и постучал в дверь. Он услышал торопливые шаги за дверью, голос Валерии, встревоженный и все же исполненный облегчения:

– Бог мой, где вы все это время...

Когда она увидела стоявшего в дверях Сергея, одного, ее голос осекся.

Лицо Валерии было пепельно-серым, седые волосы в беспорядке. Темные круги появились под покрасневшими глазами. Но в Сергее нынешнем почти невозможно было узнать того, кто вышел из этих дверей несколько дней назад. С разбитой скулой, с распухшим носом и губами, пустыми глазами и совершенно седыми волосами, он казался зловещей маской того себя, прежнего.

Но Валерии не надо было объяснять, кто перед ней. До смерти перепуганным взглядом она посмотрела за его плечо, на лестницу.

– Где Аня?

Сергей лишь понуро опустил голову, не в силах выдать из себя ни слова.

– Где Аня? – повторила она внезапно осипшим шепотом. Затем она взглянула в глаза Сергея, и ее сердце узнало всю правду еще до того, как ум смог постичь всю глубину утраты: Ани с ним нет. И никогда больше не будет с ними.

Ее колени подломились, но Сергей подхватил ее. Он завел Валерию в комнату и мягко опустил на кушетку.

Придя в себя, она сразу же начала искать глазами Сергея:

– Расскажи мне, что случилось, – быстро произнесла она.

– На нас напали. Там же, на лугу.

Сергею понадобились все силы, чтобы сказать это.

– Их было много, и я ничего не мог сделать. Аню убили. Я шел за ними, чтобы отомстить за ее смерть, но потерял след...

Но, казалось, Валерия скорее была готова поверить в то, что Сергей сошел с ума и ему доставляет удовольствие мучить ее такой жестокой ложью, чем в правду этих страшных слов. Поэтому Сергей какое-то время лишь молча сидел рядом с ней, пока правда не проникла в ее сердце. Она прямо на его глазах превратилась в глубокую старуху.

Наконец она заговорила. Голос ее был едва слышен:

– Шесть дней... шесть ночей... ни слуху, ни духу. Сначала я решила, что вы решили сбежать от меня в свою Америку... Потом я молилась, чтоб так и было. Я старалась убедить себя в этом, хотя знала, что Аня никогда бы...

Сергей словно прочитал ее мысли. Валерия умоляла их остаться в Петербурге, чтобы она могла увидеть внука. За этот эгоистичный акт любви она будет проклинать себя до конца своих дней.

Сергей представил себе также, каково сейчас Аниному брату, который, должно быть, пытается забыться работой, молясь, чтобы его сестра вернулась домой целой и невредимой.

Валерия судорожно вздохнула. Следующий вопрос дался ей невероятным трудом:

– Ты хотя бы смог похоронить мою дочь? Он ответил усталым кивком.

– Она там... на лугу.

Он потянулся, чтобы взять ее ладонь в свою, но она судорожно отдернула руку и сказала слова, которых он боялся больше всего:

– Как же получилось так, что она мертва, а ты жив? Сергей не знал, что ответить, и молчал. Тогда она спросила его еще раз:

– Здесь в этой комнате, разве не ты клялся, что будешь защищать ее даже ценой своей жизни? Разве не ты это говорил?

Но Сергей молчал – и что он мог сейчас сказать в ответ?

Он с мольбой посмотрел ей в глаза:

– Мама, я...

Валерия с трудом поднялась. Ее тело не слушалось ее.

– Ты допустил, чтобы ее убили. Трус, никакой ты мне не сын. Убирайся прочь из этого дома.

Он медленно встал, зашел в спальню, чтобы взять с собой то небольшое, с чем он пришел в этот дом. В последний раз он взглянул на подушки на их кровати. На ее ночную сорочку, аккуратно свернутую в ожидании их возвращения. Он прижал ее к лицу и вдохнул ее запах. Перед его взглядом еще раз пронеслись те мгновения, что они были вместе. И они отозвались в нем такой нестерпимой болью, что в эту минуту он сам готов был разрыдаться.

Задерживаться в этом доме ему было ни к чему. Он сложил в свой рюкзак нож, лопатку, кое-что из одежды и ушел так, как пришел, одиноким скитальцем.

Когда закрылась дверь, Валерия медленно подошла к ней, заперла засов, оперлась спиной о дверь и долго стояла, невидящим взглядом уставившись в пустоту. С обреченностью осужденного на казнь она понимала, что сейчас вернется Андрей и теперь уже ей придется сообщить сыну ужасное известие. Конвульсия пробежала по ее телу, она судорожно задыхалась, и у нее из глаз наконец хлынули слезы, которых она не могла и не хотела сдерживать.

Позже, словно лунатик, Валерия поднялась и стала ходить по комнате, обхватив себя руками, словно старалась укрыться от внезапного холода. Однако вся обстановка в этой квартире словно дышала на нее ледяным холодом. Она подошла к камину, и тут ее настиг второй приступ судорог.

Скорбный вопль вырвался из ее уст, когда она окончательно поняла, что никогда больше не увидит свою дочь.

Валерия в отчаянии стала что было сил стучать кулаками о каминную полку – раз, еще раз... Неожиданным движением она столкнула рукой часы, что все это время продолжали стоять на камине. Словно во сне, она смотрела на то, как часы покачнулись и полетели вниз на пол, перевернувшись в полете... часы, сделанные Гершлем Рабиновичем из дерева, которое собственноручно готовил ее Бенъямин, ударились об пол...

...Что-то внутри корпуса медным звоном отозвалось на удар. Корпус распался на части, и из него на пол хлынуло его содержимое, сверкавшее на солнце, словно драгоценные камни...

Но ничего этого Валерия не видела. Со стоном она схватилась за голову и провалилась в беспамятство.

Исполнив этот тяжкий долг, Сергей возвратился на луг, ставший последним пристанищем для его жены и ребенка, и приготовился сам умереть на их могиле. Он все уже успел обдумать: он не позволит своей крови запятнать то место, где нашла свой последний покой Аня. Он только ляжет рядом с ее могилой, и пусть голод и жажда доделают остальное.

Прошел день... затем еще один, три дня... Голод уже давно перестал его мучить. Боль запекшихся губ казалась слишком малым воздаянием, сама смерть – запоздалая и недостаточная уплата по долгу, который он никогда не сможет возместить.

Он больше не хотел жить.

Поток мыслей, звуков и чувств проносился в его сознании, пока он лежал в забытии, отрывочные образы прошедших дней причудливо, как в калейдоскопе, сменялись тем, что могло быть: его отец пьет горькую в сумраке одинокой комнаты... Его дед, сгорбившись, бредет по дороге... Аня, кормящая грудью ребенка... Дети, играющие в парке в Америке...

Затем и непостижимо-таинственные видения поднялись из сумрачных областей его ума. Он увидел Харона, перевозчика из страны мертвых, что ждал его на берегу Стикса, чтобы перевезти через реку в подземное царство.

Но у Сергея не было монетки, чтобы заплатить перевозчику, и он был обречен вечно странствовать в сумраке вдоль берегов подземной реки.

Сергей видел эту реку прямо перед собой. Он стоял обнаженным перед потоком, откуда не было возврата, глядел в черные воды этой реки, видя только луну и звезды, отражавшиеся в дрожащей поверхности. Вдруг он понял, что это ему не грезится, что он действительно каким-то образом словно восстал из мертвых и теперь стоял на небольшом пригорке на берегу Невы. Он закрыл глаза, наклонился, и полетел вниз, туда, где были луна и звезды...

С шумным всплеском он оказался в потоке, и шок от холодной воды заставил его сердце забиться быстрее. Он судорожно вдохнул, затем глотнул воды, еще... у речной воды была какая-то удивительная целительная сила. Это мгновение оказалось для него поистине благодатным. Демон самоистязания оставил его, и он повернул вспять с тропы мертвых, по которой ему оставалось сделать всего последний шаг.

Сергей выбрался из реки, словно заново родившись на свет, вода стекала по всему его телу в эту теплую летнюю ночь. Новым пониманием вспыхнули в его уме слова Алексея-Казака: «С человека мерку снимают дважды, один раз при жизни, другой раз по его смерти». Жизнь Сергея сошла на нет, но его смерть еще могла на что-то согдаться. В этот момент он принял решение. Нет, он не согласен расстаться с жизнью просто так. Аня боролась с ними до последнего. И им предстоит увидеть, что и он на что-то еще способен.

«Почему ты остался жив?» – спросила его тогда Валерия. Тогда у него не было ответа на этот вопрос, но он знал теперь, что выжил не просто так. Стоя обнаженным под звездным небом, он получил ответ на этот вопрос, чтобы быть вынесенным из подземного царства назад в царство живых.

Перед ним появилось лицо деда, затем матери и отца. Его осенило мгновение святости и воспоминание о любви. Но это чувство тут же угасло. Одних воспоминаний недостаточно, чтобы поддерживать его жизнь. Только один человек мог вернуть смысл его жизни – и человек этот был Дмитрий Закольеv.

Сергей теперь по-новому видел свою безуспешную попытку выследить и настичь тех людей. Вот он выследил их – и что дальше? С чего он взял, что ему по силам будет эта расправа? На что он рассчитывал: на то, что справедливый гнев придаст ему сил? В таком случае ему понадобятся действительно сверхчеловеческие силы. В молодости его учили выходить против одного, двух, от силы трех не обученных людей, но не против целой банды бывалых бойцов. А погибнуть в бою – дело нехитрое.

Сейчас надо было жить, довести до конца то, что он наметил: он будет тренироваться так, как ни один человек до него, он сможет вынести любые трудности, разовьет в себе такую силу и такие умения, чтобы знать наверняка – живыми они от него не уйдут.

И темная цель может заставить человека жить.

В эту ночь, когда в него вселился дух воина, Сергей Иванов стал сыном своего отца. Обретя цель, он получил к ней в придачу терпение и решимость, чтобы понять – сила, которая так необходима ему, придет не сразу, со временем. Он будет искать тех, кто поможет ему получше подготовиться, пока есть еще на это время. И, когда будет готов, он найдет Закольева и Королёва – и он отправит их в ад.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Путь воина

Было время, когда я не знал, что с поражением можно обрести и силу и что промысел видней всего в трагедии. Теперь я это знаю.

Макс Клиланд

Летом 1892 года Сергей, которому уже почти исполнилось двадцать лет, отправился в путь, чтобы в конце этого пути стать непобедимым воином.

Он решил идти на юг, в сторону Дона, к казацким поселениям, где скорее всего он мог найти необходимых учителей. Все это время перед глазами он видел Алексея – Казака, шагающего перед строем кадетов, что заворожено слушали его слова: «Бывалый солдат знает: идти в бой неподготовленному – все едино что пытаться срубить дерево тупым топором. Чтобы победить врага, нужно знать врага. Чтобы знать врага, нужно знать себя. Прежде взгляни в лицо своим демонам, а потом уже будешь бить чужих на поле боя».

Слишком долго я оттягивал это знакомство, сказал себе Сергей. Не то что тренироваться – теперь ему было сложно даже сосредоточиться на чем-то. Ужасы пережитого раз за разом всплывали в его памяти. Его истерзанный разум и изнуренное тело молили о передышке. Только исцелившись телесно и духовно, он сможет по-настоящему взяться за серьезные тренировки.

Поэтому он снова вернулся к дикой природе. Отыскав в лесу место неподалеку от тихого ручья, он устроил там свой лагерь. Он ставил силки, охотился, ловил рыбу. Пил чистую воду звонких ручьев и возобновил прежде ежедневные погружения в холодную воду. Вечера он проводил в молчаливом созерцании, глядя на огни своего костра.

Первое время у него, привыкшего к сытной городской пище, даже ребра стали выпирать, но шли недели, и к концу лета он сполна обрел плоды своей простой, питательной диеты. К нему вернулась прежняя растяжка, свободная и в то же время энергичная, к ней он прибавил упражнения для пресса, спины, рук и ног. Поначалу он вспоминал то, чему его учили в молодости, но со временем научился больше полагаться на инстинкты и придумал новые способы давать своим мышцам нагрузку. Жизнь сама подскажет, с какого конца за что браться, повторял он себе, вспомнив слова своего наставника Казака.

К тому же лес и холмы как нельзя лучше подходили для отработки выносливости и ведения боя с множеством противников в незнакомой обстановке. Он начал с быстрых прогулок, затем перешел к пробежкам вверх по склону холма и вверх по течению ручья, по пояс в воде. Следующим этапом были длительные, медленные марш-броски на десять километров и более, через холмы, по пересеченной местности, с ускорением, когда он чувствовал, что силы переполняют его.

Каждый день он проводил боевую тренировку, представляя, что против него – гигант Королёв, затем Закольев, затем их люди, двое, трое, четверо сразу. Он бился с привидениями: боксировал с тенями, делал выпады и подкаты, уходил от ударов и сам мгновенно вскакивал после воображаемых бросков, оттачивая те движения, которые так легко у него выходили в прошлом. Он бился, пока не падал с ног в изнеможении, – сначала десять минут, потом двадцать, полчаса, час, представляя, как враги выныривают из-за деревьев и валунов. Он просчитывал, как будет реагировать на нападение с любой дистанции, с любым оружием, и выходил победителем в любой воображаемой схватке.

Впрочем, выходить победителем из воображаемого боя было делом несложным. Но, когда придет его время, реальный поединок может оказаться делом даже не минут –

секунд. Чтобы уничтожить этих казаков-отщепенцев, ему нужно найти лучших бойцов, которые только есть у настоящего казачества, и пройти подготовку у них.

К середине октября Сергей был готов к своему походу на юг.

Он отправился в путь пешком, на юг, туда, куда вело его течение Дона. Он то шел, то бежал, то бился с тенями, тренируя свою выносливость и стараясь использовать любую возможность, чтобы оставаться в бойцовой форме.

Не утихая, дул пронизывающий декабрьский ветер, снегопады становились все обильнее, и Сергей понял, что без лошади ему не обойтись. К тому же, если он решил получить подготовку у казаков, необходимо было явиться к ним конным, как они, а никак не бродягой на своих двоих.

Верхом и дорога покажется короче, а время было для него сейчас дороже любого золота.

Три оставшиеся золотые монеты и почти двести рублей, что он успел отложить, лежали все в том же старом дедовом кошельке в рюкзаке с остальными его вещами. На эти деньги можно было подобрать себе вполне подходящую лошадь, остальное может понадобится в будущем, если вдруг возникнет в чем нужда. Когда человек привык жить совсем без денег, подумалось ему, и нескольких рублей может хватить на дальнюю дорогу. Ну и хорошо, сказал он себе, потому что у меня впереди длинная дорога. Жаль только, что он не оставил Валерии каких-нибудь денег. Но в то время он не способен был ясно рассуждать, да и она бы ничего у него не взяла.

В каждом крестьянском хозяйстве, что встречалось ему на пути, он спрашивал, не продают ли лошадь. И уже через несколько дней один крестьянин согласился продать ему крепкого жеребца, а заодно и седло, попону, узду и все, что полагалось всаднику. «Слишком норовистый коник, скажу я вам, – признался хозяин, когда уже ударили по рукам. – Не годится ни в плуг, ни в телегу».

Как оказалось, носить на себе всадника жеребец тоже не был настроен. Но Сергей достаточно узнал о лошадях в своей юности, чтобы понять животное и найти к нему подход. После короткой, но решительной объездки конь наконец признал в наезднике хозяина. Сергей назвал его Дикарь, что вполне подходило бурному и неукротимому норову жеребца.

Шли недели, и связь между человеком и лошадью становилась все крепче. Сергей не забывал, что под его седлом разумное существо, а не просто его собственность наподобие рюкзака, или сабли, или теплого тулупа, купленного по случаю в той же деревне. Словно бы они с жеребцом решили вот что: тот везет Сергея, куда ему надобно, а Сергей возьмет на себя заботу о своем и его пропитании.

Из седла зима стала казаться не такой студеной. Дикарь невозмутимо переносил каверзы природы, а если лошади непогода нипочем, то тем более – ее всаднику. К тому же Сергей был теперь одет в теплый тулуп и высокую смушковую шапку и уже не так дрожал под порывами ветра, которые словно грозились сдуть его с седла.

Дорога заняла у него не один месяц, и уже ближе к весенней оттепели Сергей подъехал к одному из селений на берегах Дона. По виду эта станица ничем не отличалась от других таких же деревень, которых он немало оставил за спиной на своем пути. Но

повздорить с ее жителями отважился бы разве только самый несведущий из бандитов. В этом селении жили самые умелые бойцы, какие только были на свете, притом и мужчины, и женщины.

Снегопад не утихал и когда Сергей въехал в поселок.

Дым из очагов, смешавшийся с падающим снегом, стелился между первых белостенных домов. Станица расположилась примерно в двухстах метрах от реки и на достаточно высоком месте, в безопасности от весенних разливов Дона. Недалеко был и лес, прикрывавший от бурных ветров в непогоду, но не настолько близко, чтобы служить защитой для недружественных глаз. На улице, несмотря на снегопад, резвились мальчишки. Какой-то старик, завернувшись в плотную шерстяную бурку, сидел на лавке перед домом и курил трубку.

Заслышав стук копыт за своей спиной, Сергей обернулся и увидел, что его догоняет какой-то всадник. Вскоре их лошади поравнялись, и Сергей смог получше разглядеть незнакомца – тот был одет в традиционную казацкую одежду, мягкие кожаные чувяки и черкеску с серебряными газырями, как и положено казаку с достатком. Его бурка, которая могла служить одновременно одеялом, палаткой и укрытием от зимних ветров или жгучего летнего солнца, была аккуратно уложена у седла. Сергей про себя отметил и то, что на боку у всадника была сабля, а за плечами висел карабин.

Несколько пышущих здоровьем женщин вышли встречать всадников, которые ехали чуть поодаль от своего старшего. Кое-кто из женщин помоложе носил младенцев за спиной, согласно обычаю, чтобы руки были свободными и при необходимости их тоже можно было пустить в дело.

Казак, что ехал рядом с Сергеем, по виду лет на десять его старше, мощного сложения, с растрепанным светлым чубом, приветливо кивнул ему. Окинув его взглядом, Сергей почувствовал, что этот человек может быть и добрым другом, и грозным противником. С распевным местным говором казак спросил его:

– С чем пожаловал в наши края? Так просто али гонит кто?

– Я ищу тех, кто мог бы поучить меня рукопашному бою. Посмотреть то, что я умею, поделиться тем, что он умеет...

Казак только рассмеялся в ответ, обернувшись к своим спутникам, которые также могли слышать Сергеевы слова:

– Ну, считай, что приехал, куды хотел.

– И нашел, кого искал, – кивнул один из всадников.

Он представился, назвавшись Леонидом Чикаленко. Мужчинам после дороги хотелось немного развлечься, так что, не откладывая, в полдень того же дня они устроили поединок между своими и чужаком. Собрались на пустыре за околицей, кое-кто из пришедших в шутку даже стал делать ставки на победителя. Сошлись на том, что обойдутся без кулаков, одной борьбой, быстро договорились о правилах. Сергей, который поначалу осторожничал, чтобы ненароком не травмировать кого из хозяев, в мгновение ока оказался на лопатках. Во втором поединке он уже чувствовал себя раскованнее и победил, явно впечатлив и зрителей, и самого Леонида. В третьей схватке порешили, что

быть ничьей. Леонид тоже произвел на Сергея впечатление – не только молниеносностью движений и редкой физической силой, но еще и тем, что он явно следовал выбранной тактике, а не просто дрался. Сергей был рад, что посвятил так много времени физической подготовке и тренировкам. Этот поединок, первый с настоящим противником после того, как его положили на обе лопатки люди Закольева, придал ему уверенности в своих силах. Он ожидал, что все будет куда как хуже.

В свою очередь Сергей тоже похвалил своего соперника. Ничего не скрывая, он признался, что казак был одним из самых мощных людей, с которым ему когда-либо приходилось сходить в открытом поединке, и поблагодарил его за учебу. Леонид удивленно поднял брови, не понимая, чем заслужил благодарность, но расспрашивать не стал.

Они расстались как друзья – для Сергея это было еще одно напоминание о том, что мир не без добрых людей. На какой-то миг у него в душе даже шевельнулось желание остаться жить среди этих людей, в их селении, как один из них. Но желание это было минутным, и только. Его звала дорога, и надолго задерживаться он не мог.

Сергею пришлось пройти через такой же прием в следующей казацкой станице, и в следующей тоже. Каждая его победа с новой силой свидетельствовала о силе, скорости и технике, которые он отточил за месяцы тренировок в одиночестве. Но под конец ему стало ясно – чтобы победить Закольева и его казаков, нужно искать кого-то совсем другого. Не к дружескому поединку один на один, а к схватке не на жизнь, а на смерть с несколькими врагами – вот к чему следовало себя готовить. Сергей снова нуждался в таком наставнике, каким был для него в свое время Алексей Орлов, не знавший себе равных даже среди казаков.

Ему припомнились слова, сказанные Леонидом Чикаленко, когда он и другие участники поединка пригласили его разделить с ними ужин. Поглядывая на угли, потрескивавшие в очаге, Леонид тогда сказал:

– Доходили до меня слухи об одном человеке... Справно он вроде саблей работает. А если правду гутарят, то равных ему в этом деле нет. Говорят, живет он одинаком в лесу, где-то неподалеку от Котельникова. Там всего одно сельцо в несколько мазанок, не больше, ищи – не найдешь. Сказывали, что в молодости он любил странствовать, а саблей его выучил махать в Японии один казак тамошний, по-ихнему самурай... Дошло дело и до аудиенции у атамана японского... Сегуном того кличут, атамана-то... Так, сказывали, наш-то одного ихнего самурая того... Токмо тот за саблю, а наш его уже гляди – и скрутил... Во как люди умеют, понял?

– И как его зовут? – в нетерпении воскликнул Сергей.

– А шут его знает. Сам-то он себя зовет Разин, вокак. Во всяком случае, промеж людей его так зовут.

24.

Промозглым ветреным мартом 1893 года Королёв вернулся с охоты с тушей оленя. Только лишь он вступил в походный лагерь, как на глаза ему попался один из новичков, Стачев. За это время он успел прославиться не столько как боец, сколько как беспробудный пьяница. Вот и теперь он, покачиваясь, брел к своему шалашу и вдруг, споткнувшись, распластался на земле.

От того, как упал Стачев – как подрубленный, лицом вниз, – Королёву неожиданно вспомнился тот, другой человек, которого так искал атаман. Иванов, кажется, его звали. У Королёва тот день до сих пор так отчетливо стоял перед глазами, словно это было вчера. Атаман хотел найти этого человека, и они нашли его, и с ним его женщину. И точно так же они повалили его лицом в грязь, на землю, но убить не убили, хотя женщину его как раз не пощадили. Зачем было его оставлять в живых, Королёву было непонятно, хотя какая теперь разница – они были далеко и от тех мест, и от того события. Теперь они кочевали в куда как более теплых краях, между Доном и Днестром. Вдобавок, самому Королёву было без разницы, одним Ивановым больше, одним меньше, перегружать ими свою память он не собирался.

«Ну уж нет, не скажи», – вдруг возразил сам себе Королёв. Однорукий гигант прекрасно запомнил, что после того дня Стаккос стал совсем другим человеком. Он не только стал зваться новым именем, Дмитрий Закольева, но после того, как были сведены старые счеты, стал чувствовать себя бодрее и настроение стало куда лучше. И все бы хорошо, если бы не тот случай, пару дней назад...

После каждого набега Закольева из предосторожности отправлял Туморова, одного из своих людей, на разведку по тому пути, по которому они отступали, чтобы проследить, не выслали ли за ними погоню. А после той расправы, окончательной, как им казалось, с Ивановым, Туморов возвратился и доложил:

– На дороге мне встретилась только крестьянская семья, в телеге, и еще плелся какой-то путник, один, еле ноги переставлял.

Когда же лазутчик увидел, как исказилось лицо Закольева при этих словах, то поспешил добавить:

– Не может того быть, атаман, чтоб это был тот же человек. Этот седой, как лунь, еле ноги переставляет, да и по виду совсем старик...

Закольева отправил Туморова найти того человека, убить и принести ему голову.

Когда же Туморов вернулся с пустыми руками, Закольева приказал всему лагерю немедленно сниматься с места.

Спустя месяц они стали лагерем почти у самой румынской границы, переместившись далеко к юго-западу. Их отряд стал охранять границу, как и регулярные казачьи части. Не прекратили они и нападать на еврейские поселения. Как и прежде, нападения были постоянными, раз в несколько месяцев. Все вошло в прежнее русло – все, в том числе и возобновившиеся кошмары Закольева.

Королёв знал, что атаман ночью не знал ни сна, ни отдыха. Он знал все обо всех, его обязанностью было знать – так приказал атаман. У него было несколько своих людей в отряде, дороживших его расположением, они-то и спешили к Королёву с докладом, если вдруг случилось чего разузнать или подсмотреть. Были еще женщины, боявшиеся его. Но узнать то, что творится в голове у их старшого, – это было не под силу даже им. Королёв дал бы отрезать свою косичку, чтобы узнать, что же такое является атаману во сне, что точит его, как червь.

Наверное, все это неспроста, сказал себе Королёв. Он давно уже изучал атамана, как изучают повадки животного, прежде чем подчинить его своей воле. Но атаман как

был, так и оставался для него загадкой, а разгадывать загадки Королёв не умел и не любил. На все неясное в его жизни был один ответ – за шиворот и головой об стену.

На первый взгляд казалось, что у Закольева просто нет слабостей. Потребностей у него было не больше, чем у старца-анахорета. Женщин с некоторых пор он к себе не подпускал, пил редко и мало. Если бы не необъяснимая страсть к пролитию еврейской крови, атаман мог бы служить образцом добродетели. Вот то-то и оно, ухмыльнулся своим мыслям Королёв, против природы не попрешь. А природа – она у каждого своя. Скорпион жалит, а атаман давит жидов.

За все это время Королёв обнаружил только один изъян в непробиваемых доспехах Закольева. Это была до странности необъяснимая тяга атамана к детям, да и вообще к маленьким существам. Заколев любил возиться с маленькими зверьками, особенно со щенятами, которым все одно, что свой, что чужой, лишь бы пузо почесал. Но когда дети вырастали до отроческого возраста и в их глазах при виде атамана начинал сквозить страх, атаман терял к ним всякий интерес и оставлял в лагере только на положении слуг или как свежую кровь для продолжения своей династии.

Среди тех детей, что родились в его племени или были приняты им на воспитание, атаман явно отдавал предпочтение двум недавно принятым детишкам – мальчику по имени Константин и девочке, которой он дал имя Павлина. Однажды, в одну из ночей, привезли в лагерь девочку – младенца, разбудившую всех своим ревом, и атаман объявил во всеулышанье, что этот ребенок – его собственный. По его словам, матерью ребенка была одна из женщин, по имени Елена, но ребенок будет отдан на попечение другой, Шуре, – у старшей женщины было больше опыта и она лучше справится с материнскими обязанностями.

Как-то раз, когда девочка, заигравшись, укусила его за палец, Заколев, радостно рассмеявшись, кивнул Шуре:

– Какая сильнющая, правда? Могла бы и палец отхватить.

В его словах слышалась отцовская гордость, и Шура поспешила согласиться с ним. Она всегда соглашалась со словами атамана. Все, что говорил атаман, становилось для нее истиной.

Сорокалетняя Шура была самой старшей из женщин в лагере и первой, кто последовал за отрядом. Обезображенная шрамами, которые были повсюду на ее теле, щеках, на груди – память об ожогах, полученных в детстве, – она сразу же пристала к старику Егорычу, единственному пожилому казаку в отряде. Тот с осуждением кивал головой, когда мужчины помоложе стали цепляться к ней со своими мужскими забавами, но и уклониться от этого бедной женщине было никак. Хорошо еще, что Королёву она не приглянулась. Ведь поначалу-то ее все обходили стороной, опасаясь ревности Королёва. Но Шура оказалась одной из тех немногих женщин, на которую Королёв не обратил внимания, чего от него никто не ожидал.

Может, все дело было в том, что Шура была отчаянной матерщинницей и без остановки костерила всех в лагере, не важно, слушали ее или нет. Когда остальные, устав от ее бесконечной брани, начинали сторониться ее, она жаловалась на жизнь самой себе, не выбирая выражений. Единственный, перед кем она не осмеливалась даже рта открыть, был атаман, и Шура только торопливо кивала в такт его словам. Но стоило атаману отойти, и она снова принималась браниться из-за любой мелочи, даже из-за такой, как

спутанные волосы у ее воспитанниц. Стоило девочкам завидеть Шуру с ее деревянным гребнем, как они тут же пускались наутек.

Мало кто в лагере знал, что она была замужем, но много лет назад овдовела. Мужа, который нещадно ее бил, самого убили по пьянке. И когда ее сын Туморов попросился к Закольеву, она тоже решила идти вместе с ним. Остаться ей Закольев разрешил, но сразу же предупредил:

– Будешь при детях, но панькаться с ними не смей. Если они в лагере станут бедокурить – будем от них избавляться.

Шуре уже не надо было объяснять, как атаман привык избавляться от всего, что ему мешало. Она также поняла, что девочек, которых до поры отдавали под ее опеку, ждет одна судьба. «Ах, пойдут по рукам, как пить дать... и так наши уже косятся несатым глазом... ну, мужики», – и она снова заряжалась своей бесконечной бранью.

Но вот Павлина... Ее судьба, чувствовала Шура, должна сложиться по-другому.

Другой любимчик атамана, Константин, тоже рано смекнул, что у него особое место в лагере. К тому же этому смышленому мальчишке с огромными черными глазами и непокорной челкой и труда-то особого не стоило сразу стать всеобщим любимцем. Закольев, несмотря на напускную строгость, сам не прочь был отложить все дела и повозиться с пацаненком. Иногда, правда, когда Константин забирался к нему на колени, вместо привычной улыбки на атамановом лице появлялось выражение глубокой меланхолии – ее-то причину как раз силился и не мог отыскать Королёв.

Самого же Королёва просто из себя выводила атаманова чувствительность, а особенно то, что дети привыкли звать его «папка» и Закольеву это определенно нравилось. Первый раз, когда он услышал это слово, едва не сплюнул от отвращения, да побоялся, что атаман увидит. Утешало его разве то, что теперь ему была известна пусть всего одна, но слабость вожака. Если уж придется сапогом когда наступить, так чтоб по самому больному, а не абы как, повторял он себе.

И что еще было Королёву непонятно до отвращения, так это атаманова страсть присваивать себе имущество убитых евреев. «Ох, не по-нашему это, не по-русски, – качал он головой. – Жизни человека лишить – а отчего же и не лишить? А рыться по сундукам, как тать какой...» А то, зачем Закольев забирал всю эту дребедень в лагерь, и вовсе было Королёву непонятно. Ладно бы деньги, золото или драгоценности. А всякие записные книжки, фотографии, засаленные какие-то тетради, обтрепанные молитвенные *талесы*, ермолки, снятые с еще не остывшей головы... Королёв не был суеверным, но тут любой бы сказал, что тащить такие вещи в лагерь – только на себя беду накликают.

Впрочем, сам атаман, хоть его чудачества со временем становились все явственнее, от набегов не думал отказываться и руководил ими все так же хладнокровно. Обычно высылали лазутчиков, которые отделялись от отряда на расстояние двух дней пути, на север, юг, восток или запад, но никогда в одном направлении дважды. Заметив одинокий хутор или небольшую деревеньку, они сначала присматривались к ней с расстояния. Затем один из лазутчиков спешил, оставлял своего коня остальным и шел в деревню, расспрашивал, выяснял, живут ли здесь евреи. Не было евреев, но были женщины – что ж, тоже неплохо.

Со временем в отряде появились еще две женщины, Оксана и Татьяна, которых украли из родных деревень – впрочем, они и сами были не прочь избавиться от постылой деревенской жизни. Так что четверо из восьми детей в лагере были рождены Еленой, Оксаной и Татьяной, притом никого особенно не волновало, кто был чей отец или мать. И все же, хотя внешне женщины и мужчины из закольевского лагеря ничем особым не отличались от своих современников, они сами поставили себя вне своего народа и вне законов своего народа. Какие бы чувства они ни испытывали к своим товарищам по отряду и по лагерю, во время набега они теряли всякое человеческое подобие, убивая каждого, кто попадался им под руку. Не всем из них по душе было убивать, но они даже помыслить не могли, чтобы послушаться приказа своего атамана. Безраздельно вручив ему свою жизнь, они стали слепым орудием в его руках.

25.

Сергей продолжал свой путь на юг, вдоль по течению реки, затем на восток, где ему попалось еще несколько казацких станиц. Он хотел было еще поискать среди станичников тех, кто захочет с ним побороться, но потом передумал. Ему нужно было не соперничать, а побеждать, не испытывать судьбу еще раз, а точно знать, что он справится. Значит, нужно учиться не у случайных поединщиков, а у мастера сабли Разина. То, что Леонид Чикаленко упомянул о нем в первом же разговоре, теперь казалось Сергею чем-то большим, чем случайность. Подчинив всего себя этому решению, Сергей, словно одержимый, не останавливаясь, шел вперед.

Однако найти тот самый хутор, спрятанный от посторонних глаз в лесной глуши, оказалось делом непростым. Сергей приставал с расспросами к каждому встречному, но их ответы были невразумительны, а порой и противоречивы. За это время он наслушался немало всяких рассказов про невероятных мастеров махать саблями, и все это были, понимал он, просто басни. Но Сергей не отчаивался и не переставал искать.

Еще несколько недель – и Сергеево сердце забилось учащеннее. Сам того не ожидая, он наткнулся в лесу на небольшой хутор всего в каких-то несколько мазанок. Заметив, что приоткрылась дверь на скрипучих самодельных завесах и в щель, разглядывая чужака, выглянула старуха, он не мешкая, подъехал к ней.

– Здесь ли живет известный мастер сабли? – с надеждой в голосе спросил Сергей.

Какое-то время она рассматривала его, не говоря в ответ ни слова, словно стараясь по его лицу угадать его намерения. И все так же молча махнула высохшей рукой в сторону избушки с тесовой крышей, едва различимой меж деревьями. Не успел он и слова сказать, как дверь все с тем же скрипом затворилась.

Сергей подъехал к избушке, слез с коня и тихо постучал в дверь. Тишина. Он постучал снова. Внезапно он почувствовал холод сабельного острия у себя между лопатками.

Сергей не решился повернуться, но такое необычное приветствие скорее обрадовало его. Если тот, кто держал саблю в руках, захотел бы убить его, давно бы это сделал. Сергей понял, что приехал туда, куда хотел. После некоторого молчания послышался резкий голос у него за спиной:

– Чего надо?

– Я приехал учиться сабельному умению у господина Разина, – сказал он.

Острые сабли сильнее впились ему в спину.

– Кто тебя послал?

– Э-э... один казак... рассказал мне о том, как...

– Я уроков фехтования не даю. Иди откуда пришел!

Опустив саблю, незнакомец обошел Сергея и закрыл за собой дверь.

Сергей постучал снова.

– Пошел прочь! – послышался из-за двери все тот же гортанный голос, теперь уже скорее похожий на угрожающий рык, от которого у Сергея невольно мурашки побежали по коже. Но он все же поднял руку и постучал еще.

– Позвольте же мне объяснить... Сама судьба привела меня к вам, чтобы вы стали моим учителем...

Дверь с треском распахнулась.

– Еще раз стукнешь... – тихо и внятно сказал незнакомец.

Сергей впился взглядом в его лицо: острые скулы, пронзительные глаза, загорелая, гладко выбритая голова... Но дверь тут же закрылась.

Сергей наконец пришел к тому, кого так долго искал. К тому, кто мог бы ему с оружием в руках показать, чем победа отличается от поражения, победитель от побежденного. И вот, оставив за спиной столько верст трудных дорог, столько пережив в пути, он получил от ворот поворот. Внезапно ему вспомнились слова Алексея – или, может, это был голос его дяди Владимира? «Воин должен без остатка посвятить себя своему призванию... тому, что он должен совершить».

Другого призвания у него нет. Сергей решил, что не сдвинется с места. Разину придется стать его учителем. Или похоронить его здесь.

Осталось только решить, как быть с Дикарем. Он ведь не соглашался торчать тут у Разина под дверью до самой голодной смерти. Так что Сергей отвел жеребца к ручью, который был шагах в двадцати от хутора. Стреножив коня, Сергей оставил его под сенью раскидистых сосен. Было холодно, но не морозно, да и теплая зимняя попона не даст Дикарю совсем уж замерзнуть. Вдобавок накануне он получил щедрую порцию овса, когда они останавливались на ночлег в деревне, а по берегам ручья было вдоволь молодой травки.

Сергей же вернулся и, скрестив ноги и прислонившись спиной к стволу сосны, сел перед хижиной того, кого он выбрал себе в учителя.

Прошел час... два часа... четыре. Он сначала замерз, затем почувствовал, как тело стало неметь, потом перестал чувствовать, что у него есть тело и что он может пошевелить руками или стать на ноги. Подчас его трясло, как в лихорадке, потом он впал

в забытьё. Уже была ночь, когда он повалился набок, но, преодолевая мучительную боль, заставил себя вернуться в сидячее положение. Движение немного разогнало кровь по телу, но с кровообращением вернулась и боль. Казалось, в этот миг каждый нерв его тела кричал от боли.

Одно время им овладел лютый голод, но затем и он отступил. Новый день, холодный и ясный, словно подхватил его волной воспоминаний. Одни были светлыми и теплыми, другие – нет.

Аня... улицы Петербурга... ее смех... тепло... нет, уже холодно... ледяная улыбка Закольева и однорукый гигант, разрывающий на ней одежду...

Сергей с едва слышным стоном выпрямился. Пусть ему отказываются повиноваться не только тело, но и мысли. Но его решимость не стала слабее. Его прежняя жизнь умерла. А новая или начнется здесь, или ее не будет вовсе.

Тем временем день становился все теплее – второй день его бдения, – и Сергея снова охватили сомнения. А знает ли Разин вообще, что он сидит здесь? Ведь ему, привыкшему к отшельнической жизни, ничего не стоит уйти в лес на несколько дней. Но, словно в ответ, скрипнула дверь, и едва слышные шаги стали удаляться в сторону леса. Прошло какое-то время, и он снова услышал звук тех же шагов. Нет, Разин, несомненно, заметил его. Он просто решил не обращать внимания на непрошеного гостя.

К закату уже второго дня тело Сергея заоченело настолько, что он не смог бы пошевелиться сам, даже если бы и захотел. Пересохшими губами он старался уловить хоть одну снежинку, страдая от нестерпимой жажды. К рассвету для него все перестало существовать. Не было больше смысла ни в чем. Ни в свете, ни в тьме.

И еще одна ночь. Еще один день. На какой-то момент в уме установилась неизведанная раньше ясность, словно серые клубки мыслей и образов в его уме, наконец-то расступившись, дали ему увидеть самого себя. Я лишился рассудка? – спросил он сам у себя. – Или наконец-то знаю, чего хочу? Одержим своими желаниями? Покорился своей судьбе?

Пришла полночь, и с ней полная, непроглядная темень. Последнее, что помнил Сергей, были вспышки молний, которые били то ли в ночном небе, то ли у него в мозгу.

Стала сгущаться какая-то чернота, и он понял, что назад уже хода нет. Он был на пороге смерти.

Голос, далекий и незнакомый, позвал его. Казалось, он звучал отовсюду, этот голос, но, вслушиваясь в него, Сергей понемногу приходил в сознание. Его звал учитель...

Это был голос Разина.

– Ну, ты, – Сергей уже явственно разобрал слова.

– Подыхать надумал? А могилу тебе кто – я буду копать? А ну, не спать, не спать!

Сергей постарался встать, но не смог даже пошевелиться. Чьи-то руки подняли его голову, но удержать ее он не смог.

– Гляди ж ты, – послышалось бормотание Разина.

Он принес ведро, с размаху окатил тело Сергея водой, а остаток вылил ему на голову. Холодная была вода или совсем ледяная, Сергей не понял, но руки и ноги постепенно стали отходить. Разин тем временем вернулся с новым ведром воды и с плоской в руках. Осторожно умыв лицо Сергея, он поднес плоску к его губам.

– Только не все сразу, – резко сказал он.

Прошло какое-то время, и Сергей почувствовал, что ноги и руки снова слушаются его. Он начал понемногу растирать голени, массировать грудь, потом с тихим стоном откинулся на землю. Силы постепенно возвращались к нему, и он постарался встать. Разин подхватил его под локоть. На негнущихся ногах Сергей сделал шаг, другой.

Разин завел его в свою хижину, посадил на крепкий самодельный табурет. Вскоре на печке уже закипал чайник. Сергей только смотрел, как стремительны и в то же время размеренны движения его хозяина. В мгновение ока на столе уже стояли чайник, миска с колотым сахаром, лукошко с сушеными абрикосами. Разин протянул ему абрикос:

– Ешь не спеша!

Сам он налил себе чаю в блюдце и вприкуску, хрустя сахаром, стал потягивать горячий чай.

– Посиди покуда здесь, отогрейся, – кивнул он Сергею на чурбак возле очага, но теперь уже поддерживать не стал. Над очагом висел внушительных размеров котел, в котором булькала похлебка, судя по запаху, с мясом.

– Сейчас мы того... обедать будем... вот это моя миска... а это, получается, твоя будет.

Разин ткнул Сергею в руки грубую миску, налил черпаком немного похлебки, налил и себе, побольше. Сергей молча принялся есть. После обеда Разин предложил и ему чаю, с сахаром.

Когда Сергей допил чай, Разин, улыбаясь, кивнул на свою миску:

– А, знаешь, хорошо, что ты ко мне приблудился. Вдвоем будем жить... а чего? Я не против. Вот возьми пока, посуду нашу помой – дойдешь ведь сам до ручья-то? Будешь обед готовить, хату мою мести, а еще огородик у меня есть... И лошаденка твоя не пропадет, не бойсь.

Сходи-ка за конем, небось, заждался там коник хозяина.

Веди сюда, будешь его в бабкином овине держать.

Он кивнул в сторону мазанки, в которой жила уже знакомая Сергею старуха.

Сергей поднялся и вышел из хижины. Он сходил за Дикарем, привел его в овин, снял с него попону и седло, насыпал овса в ясли. Затем вернулся в хижину.

Все последующие дни Сергей из кожи вон лез, чтобы угодить старому воину. Разин оказался на удивление приветливым и словоохотливым, отчего Сергеево смущение стало только сильнее. Не таким он представлял себе бывалого воина, победителя японских самураев. Разин не отходил от Сергея ни на шаг, указывая, что починить, что сделать, куда и за чем сходить. За обедом Разин теперь наливал ему столько же, сколько и себе, стряпню Сергееву хвалил...

Домашняя работа занимала большую часть его времени, хотя Разин не запрещал Сергею самому ходить в лес, тем более что у Сергея получалось то яиц насобирать, то зайца поймать. Временами же он просто прогуливался с Дикарем, изучал местность вблизи хижины или делал в лесу разминку в ожидании того часа, когда они наконец-то перейдут к тренировкам.

Прошла неделя, за ней вторая, третья... Сергей за это время сделал даже больше, чем просил его Разин: починил ему двери, навесил на окна ставни, чтобы стекло не дребезжало на ветру. Разин внимательно рассматривал его работу, цокал языком, хвалил, но о начале тренировок даже не заикался.

Еще четыре недели миновало, была уже середина мая. Больше ждать уже было нельзя. Этим вечером, раскладывая по мискам ужин, Сергей завел разговор, который так давно хотел начать и так долго откладывал:

– Учитель Разин...

– Ну ты сказанул, однако... – тут же перебил его старик. – Какой же я учитель? Просто Разин, да и все.

Сергей нетерпеливо кивнул и продолжил:

– Все, что вы приказывали мне делать, я делал. Надеюсь, я вас ничем не обидел.

Разин, у которого уже был полный рот каши, только согласно кивал головой и с интересом посматривал на Сергея.

– Скажите мне теперь, заслужил ли я право быть вашим учеником и тренироваться у вас?

Разин чуть не прыснул со смеху, и Сергею стало нехорошо. Разин же потянулся за чашкой, будто, поперхнувшись от Сергеевых слов, решил сделать глоток. Потом отставил чашку, но на вопрос не ответил. Поэтому Сергей продолжал:

– Я здесь не просто так. Мне отчаянно нужна ваша помощь, это вопрос жизни и смерти. Меня одно дело важное ждет...

Разин, прищурившись, взглянул на Сергея и небрежно бросил в ответ:

– Да у вас, молодых, все дела важные. Но, поверь мне, старику, это не дела, это так – приделки...

Сергей решил больше не крыться перед ним. Очевидно, это был единственный способ завоевать доверие Разина:

– Люди, выдававшие себя за казаков, убили мою семью. Они убили много невинных людей. Я должен остановить их. Вы обещали научить меня...

– Да когда же это я тебе такое обещал? И чему, главное? – Встав из-за стола, он спокойным жестом отодвинул Сергея и вышел прочь из хижины.

Сергей же, словно громом пораженный, так и стоял посреди избы. Неужели этот старик просто шарлатан? И морочил ему голову своей домашней работой? Неужели все это время пошло коту под хвост?

С тяжелым сердцем он вывел Дикаря во двор, но вместо того, чтобы оседлать его и ехать прочь, только взял его под уздцы и медленно пошел с ним в лес, прочь от своих тяжелых мыслей.

Но в этот вечер Сергей, сидя возле очага и помешивая похлебку, внезапно получил такой удар по голове, что свалился со своего чурбака и едва не потерял сознание. Схватившись за разбитую голову, он первым делом глянул на потолок, решив, что рухнул сволок с крыши. Еще не придя в себя от боли, он зажал рукой рану, из которой уже сочилась кровь, и в первое мгновение не поверил своим глазам – над ним стоял Разин. Двумя руками он держал гладко оструганную палку, которой Сергей у него раньше никогда не видел.

Его лицо было непроницаемо – ни гнева, ни злорадства, ничего. Он мягко повернулся, подошел к своему стулу, прислонил палку к стене и как ни в чем не бывало уселся за стол и принялся чистить кукурузу на похлебку. Затем, все так же молча, подошел к котлу, впервые за много недель сам налил себе миску похлебки и принялся есть. Сергей наконец почувствовал, что его волосы вот-вот сохнут струпом от засыхающей крови. Он схватил черпак с водой и выбежал из хижины.

Вот оно, оказывается, в чем дело, сказал он себе. Разин просто сумасшедший. Безумец, который не может ни языка, ни рук держать на привязи. Плеснув на голову холодной воды, Сергей взвыл от боли. В сердцах отшвырнув ковш, он хотел уже было идти за своим конем, даже не заходя в избу, но потом передумал. Все-таки ночь на дворе. Утро вечера мудренее. Он сможет поутру все спокойно обдумать и взвесить, а не бежать очертя голову, как обиженный мальчишка.

Он зашел в избу. Разин уже спал. Сергей неторопливо поужинал в одиночестве и, задув лучину, устроился на своей лежанке лицом вниз, стараясь не думать о зудевшей ране. Но едва он успокоился и стал уже засыпать, как вдруг – трах! – разинская палка прошла ему как раз посередине спины. Взбешенный, он подскочил, замахнувшись кулаком, – но увидел только, как старик уже спокойно укладывается на своем топчане.

Стараясь не думать о случившемся, Сергей еще долго ворочался. Но наконец заснул.

Утром его ждал такой же подъем. Вместо обычного разинского многословия – палочный удар и спокойный взгляд прозрачных голубых глаз. Равнодушно почесываясь и теперь уже даже не думая бросаться на старика, Сергей вышел из хижины и направился к

ручью. От холодной воды и ушибы его болеть стали меньше, и голова мгновенно прояснилась.

В этот день и каждый день следующей недели Разин, едва Сергей на что-то отвлекался или был чем-то занят, приводил его в чувство таким необычным образом. За это время он не сказал ему ни слова, но стал двигаться еще легче и свободнее, так что Сергею проще было бы, наверное, угнаться за ветром в лесу, чем за стариком. У Сергея даже появился какой-то спортивный азарт, ему хотелось поймать движение старика и отразить его нападение. Но все было напрасно. Удары Разина были и неуловимо-быстры, и неожиданны, как порывы ветра. К концу недели все его тело было в синяках, а боль стала настолько привычной, что Сергей даже перестал обращать на нее внимание.

Мое терпение не бесконечно, – временами успокаивал он себя. – Еще один такой день, еще один удар – и прочь отсюда. И сам себе на это отвечал: а разве старик меня держит на привязи? Его насмешливые глаза словно говорили: ну-ка, насколько тебя хватит. А если что, седлай коня и в добрый путь. Эта мысль удерживала его на месте. У него хватит сил и терпения выдержать. И не только выдержать – в конце концов узнать, зачем старик устроил все это представление с палочными ударами и игрой в молчанку. Где-то глубоко внутри он понимал, что необычное поведение Разина – своего рода ускоренная проверка ученика, насколько он терпелив и насколько предан учителю. Не говоря Сергею ни слова, он словно вколачивал в него: вытерпишь это – научу и чему-то другому.

Удары тем временем сыпались на него градом, не прекращаясь ни днем, ни ночью. Одно время Сергей даже взялся считать их – десять, двадцать, тридцать, потом плюнул. Тем временем он заметил, что у него появилась привычка спать с полуоткрытыми глазами.

Как-то ночью он резко дернулся и проснулся, сам не зная почему. Никто его не бил. Он осмотрелся, но Разина поблизости не было. Безумная веселость вдруг овладела им, и он сразу понял почему. А не поменяться ли им со стариком ролями, сказал он себе, хотя бы на один разок? Сергею вспомнилась кадетская забава, когда они ночью в казарме били подушкой по голове того, кто своим храпом мешал спать.

Топчан Разина был всего в трех шагах от него, но Сергею показалось, что он с дерюжной подушкой в руках подкрадывался к нему целую вечность – в хижине было темно, хоть глаз выколи. Но вот наконец и топчан. Хихикая про себя от радости и представляя с каким лицом теперь проснется вечно невозмутимый старик, Сергей занес подушку и обрушил ее туда, где должна была быть голова спящего.

Но топчан был пуст – Сергей сам едва не свалился на него, потеряв равновесие.

Куда же мог деться Разин? Сергею больше не было смешно, наоборот – он мгновенно покрылся холодным потом. От Разина можно было ждать чего угодно. Он вполне мог ответить на Сергееву шутку своей, ткнув ему между ребер – нет, не палку на этот раз, а саблю.

Сергей резко обернулся. Никого вокруг. Только сверчок весело затрещал где-то в щели у потолка. Растерянный, он стал так же тихо пробираться к своей лежанке, вытянув перед собой одну руку, а другой прижимая подушку к груди. Нащупав лежанку, он собрался уже лечь, как вдруг скорее почувствовал, чем увидел, что на его месте спокойно и тихо лежал Разин, накрывшись его же рогожкой.

Потрясенный Сергей пулей вылетел из дома. Остаток ночи он не спал, просидев до зари у той же сосны, под которой началось когда-то его ученичество у Разина. Днем им овладела какая-то нервная лихорадка. Словно забыв о домашней работе, он только сидел, съезжившись в уголке, и следил взглядом за стариком, не отводя от него глаз.

Вечером он все же заставил себя принести воды, растопить очаг и стал варить похлебку.

Все случилось, когда он меньше всего был готов к этому и меньше всего этого ждал. Он поднял крышку, чтобы помешать варево в котле. Дальше все пошло словно во сне, как будто он сам со стороны видел свои движения, ставшие медленными и тягучими. Вот со спины появляется Разин, взмах палкой – и Сергеева рука с крышкой от котла движется ей навстречу.

Лязг железной крышки словно разбудил его.

– Ну вот, еще чего придумал, – удовлетворенным тоном сказал мастер. Он ухмыльнулся и легонько ткнул Сергея острием палки в грудь. – Давай будем мое имущество портить. Тебе-то чего... а мне тут еще жить и жить, понял?

– Я все понял, Учитель, – выдохнул Сергей, и слезы невольно выступили у него на глазах. – Ведь вы теперь мой учитель?

– Да, Сережа, можете меня так называть, если вам будет угодно. Хотя ваша учеба, можно сказать, успешно завершилась, в эту самую минуту.

Теперь только Сергей понял, что за кажущимся безумием мастера крылась продуманная, пусть даже и безжалостная, работа. Скорей даже это можно было назвать подарком мастера – всего за несколько недель научить его двигаться, реагировать, отвечать на движение инстинктивно и раскованно.

Едва рассвело, Сергей оседлал Дикаря и, выведя его из сарая, столкнулся лицом к лицу с Разиным.

– Проститься со мной не хотите? – улыбнулся тот, обнажив крепкие зубы.

– Неловко было будить вас, Учитель, – опустил глаза Сергей.

– В самом деле?. А вы бы попробовали – подушкой... Да вы не смущайтесь – мне самому такие штучки знакомы еще с кадетского... зато теперь вы сможете держать в руках не только подушку.

– Вы считаете, что я готов к поединку с этими людьми?

– Вы готовы учиться дальше, да и то как посмотреть...

Это было самое последнее, что Сергей ожидал услышать. Он вопросительно взглянул на старика.

– Есть настоящий Мастер к которому стоит проситься в ученики. Какой-то Разин не чета ему, так вам и скажу...

– Мастер... сабли? – переспросил Сергей.

– Всего. Любого оружия, – терпеливо продолжал Разин. – И без оружия тоже. Я своими глазами видел, как он раскидал дюжину человек. Люди отлетали от него, как воробьи, а ведь он их едва касался.

Он неожиданно вздохнул.

– Говорят, он нынче на Валааме... в монашеском чине. Не знаю только, правда ли это... Однако ж будем прощаться, раз так, – и Сергей еще раз почувствовал на себе взгляд его прозрачных синих глаз. Повернувшись, Разин не спеша пошел к хижине, и Сергею вдруг показалось, что старик едва заметно сутулится.

Он еще долго смотрел Разину вслед...

26.

Пока Дикарь нес его на запад, в сторону Дона, Сергей размышлял о тех двух долгих путешествиях, которые ему пришлось совершить сюда, на юг России, – после бегства из школы и теперь, в погоне за Закольевым и его людьми. Скорее всего, они и сейчас кочуют где-то в этих краях, может, несколько западнее, там, где протянулась черта оседлости. Снова и снова ему на ум приходили прощальные слова Разина. Но у него уже не было ни желания, ни сил ехать куда-то за тысячу верст на север, к далекому озеру на Ладого, в поисках некоего загадочного бойца. Да и станет ли тот вообще учить его?

Но сама мысль о Ладожском озере, менее чем в ста верстах от того лужка, где его жена и его ребенок теперь покоились в студеной земле, пробудила в нем неожиданно острую вспышку ярости. Нет, довольно откладывать! Сергей повернул лошадь на запад.

В мае 1893 года Сергей переправился через Дон и направился в сторону Днепра, к еврейским поселениям.

Прошло еще два дня пути, и он понял всю необъятность поставленной перед собой задачи. На карте палец легко преодолевал пару сантиметров, пролетая над степями, лесами, большими городами и маленькими местечками. Но когда он поднимал глаза и видел перед собой украинскую степь, тянущуюся до горизонта и за горизонт, то понимал, насколько ничтожна вероятность того, что его поиск выведет на логово врага. Да и что могло направлять его в пути? Разве что слухи. Но, следуя слухам, искать Закольева на таком огромном пространстве было все равно что гнаться за ветром в раскинувшейся перед его глазами необъятной степи.

Месяц он петлял в этих краях наугад, не следуя никакому плану. Он побывал в Харькове, Полтаве, Киеве, расспрашивая каждого, кто соглашался с ним говорить. И по-прежнему почти ничего не знал о Закольеве и о его людях. Один лавочник-еврей слышал, будто банда казаков шла где-то поблизости, но обошла стороной их местечко и пошла куда-то дальше, на запад. Другие показывали ему совершенно в другую сторону. Один крестьянин со слов своего друга поведал ему о каких-то привидениях-невидимках, которые появлялись под покровом ночи, грабили и жгли, чтобы потом, как и положено духам, рассеяться с первыми лучами солнца.

Еще год прошел бесконечной вереницей дней, в которых надежда загоралась с первыми лучами солнца и гасла с каждым закатом. К августу 1894 года Сергей, утирая

капли пота, густо усеявшие его загорелый лоб, мечтательно вспоминал о зимних снегах. Дикарь, ставший от жажды еще раздражительнее, то закусывал удила, то опускал голову в поисках малейших следов воды. Лето прошло в таких же скитаниях, как и весна.

Той осенью Сергей встретил в степи свои двадцать два года, кочуя от одного еврейского местечка к другому. Пару раз ему встречались сгоревшие и разоренные селения – но никаких четких следов, никакого явственного знака о том, кто мог это сделать и где их искать. Может, и прав был тот крестьянин – с тем же успехом он мог бы гоняться за ночными призраками.

Летом Сергей располагался на ночлег прямо в степи, под открытым небом. Но теперь, с ранними осенними заморозками приходилось проситься на постой к случайным людям, которые соглашались пустить его с Дикарем ночевать в конюшне.

Пришел декабрь. Отметив на своей карте еще одно селение, сожженное грабителями, и поставив точки в тех местах, которые, по слухам, тоже подверглись нападению, Сергей рассчитывал получить хотя бы приблизительный маршрут движения банды. Но в получившемся рисунке не было никакого осмысленного порядка. Чтобы от отчаяния не опустили руки, он решил просто ехать вперед, куда глаза глядят. Ничего другого ему не оставалось.

Возле Винницы его застиг первый настоящий буран. Уже ближе к Южному Бугу случайный попутчик сообщил ему, что умер царь Александр Третий и теперь на престоле его сын, Николай Второй. Но для Сергея это мало что значило. Он был полностью поглощен своей охотой за призраками, все остальное его мало интересовало.

К концу долгой зимы сомнения, которые он так долго держал под спудом, взорвались глубочайшей тоской, отравившей все в его жизни, даже саму цель его существования. Ведь он так старательно готовился. Дрался с бывальыми казаками. Столько сил и времени потратил на поиски Разина. Неужели же все то, чему он научился, пропадет впустую? Закольева оставался все так же недостижим, как и тогда, три года назад, когда потерялся его след. Так что же, эти годы прошли зря? И сколько еще их будет, таких зряшних лет? – истязал себя Сергей.

Даже Дикарь теперь ступал как-то вяло, словно поддавшись настроению хозяина. И разогнать эту тоску были не в силах ни бледное зимнее солнце, ни трескучие морозы. Но Сергей, несмотря на угасшую надежду, ехал дальше, не разбирая пути, словно заблудившийся в снегопадах. Временами ему казалось, что он умер и незаметно для себя въехал на своем коне в царство мертвых. Вспоминая об Ане, он впервые за много лет плакал, сам не замечая своих слез.

Но весна пришла своим чередом, за ней – еще одно лето. Смена времен года принесла с собой тепло, если не надежду.

Как-то раз, уже в октябре, Сергей сделал привал в лесу неподалеку от одного маленького местечка. День выдался беспокойным и ветреным, а пасмурное небо грозило вот – вот пролиться холодным дождем. Сергей, стреножив коня, отпустил его пастись. Сам же решил размять ноги после долгой езды и пройти в соседнее селение, где, возможно, мог что-то разузнать и выйти на след – или хотя бы перемолвиться с кем-то словом.

Уже показались и приземистые хаты местечка, когда навстречу ему вышли четверо. Одетые в лохмотья, они покачивались, будто с перепою. Сергей и не думал заводить с ними разговор, но один из них первым неожиданно преградил ему дорогу.

– Какими судьбами к нам? – сказал он, дыша перегаром прямо в лицо Сергею. – Кто звал? Или забыл чего? – Голос его был резок и требователен.

– Извольте интересоваться водкой или нашенскими дамами? – осклабился другой, вертлявый и худой, как щепка, толкая локтем в бок первого, видимо, заводилу. – Так с ними у вас выйдет того... разочарованьице... чего не скажешь о нашей водке! – продолжением был нестройный гогот всей компании.

Сергей тоже скривил губы в усмешке, чтобы мирно обойти их, но не получилось. Вертлявый, хоть и был ниже ростом и явно слабее Сергея, с наглой улыбкой придержал его за рукав.

– И откуда такие непонятливые берутся, – прохрипел заводила. – Давай... как его... мыто плати за въезд в город этой дорогой.

Сергей был слишком измотан дорогой, чтобы пускаться в объяснения. Он повернулся, чтобы пойти назад, но двое других бродяг уже стояли сзади.

– Выезд из города еще дороже, – сказал один из них, толстяк с одутловатым лицом.

– Давайте не будем заводиться, – сказал Сергей. – Ничего мне вашего не нужно. Я только хочу разузнать про...

Но хриплоголосый оборвал его, не дав договорить. Одиноким седой путник, изможденный дальней дорогой, не хочет лезть в драку – заводила был уверен, что перед ним легкая добыча.

– Ты, видно, к тому же и глухой. Деньги давай, живо.

По ухмылкам остальных Сергей понял, что они решили не только обобрать его, но и избить к тому же – для развлечения. Он обвел их усталым взглядом.

– Повторяю – не стоит заводиться. Дайте мне пройти, и мы расстанемся по-доброму.

– Деньги! – рявкнул заводила. Вытащив нож из чехла на поясе, он покачивал им на уровне живота Сергея. Остальные бродяги лишь ждали знака, чтобы накинуться на него.

Когда лезвие ножа коснулось его куртки, Сергей, преодолевая отвращение, нехотя пнул заводилу ступней в колено, чтобы сходу свалить его с ног и тем положить конец неприятному разговору. Он почему-то решил, что бродяги, увидев своего старшего лежащим, сразу разбегутся. У того и в самом деле поехало колено, но грузный заводила не упал, лишь опустился на другое колено. Сергей схватил его за руку и молниеносным движением вывернул кисть. Мгновение – и нож уже валялся на земле.

Но остальные, против ожидания, сами кинулись на него. Сергей успел пнуть толстяка ногой в живот, но вертлявый, изловчившись, неожиданно тяжелой рукой ударил его сзади в затылок.

У Сергея на какой-то миг потемнело в глазах. «Свинчаткой ударил, гад», – успел подумать он, падая. Бродяги тут же стали вразнобой пинать его, отплеываясь и чертыхаясь.

Сергей, прикрывая руками голову, так и лежал в канаве – сопротивляться у него не было ни малейшего желания. Он только смотрел, как неожиданно образы из его прошлого поплыли перед глазами. Вот так когда-то, в прошлом, он тоже лежал на полу в казарме, а дружки Закольева пинали его, чтобы выслужиться перед своим хозяином... «А ведь так и запинать могут насмерть», – внезапно, словно кровавый комок, взорвалась внутри него мысль. Резко откатившись в сторону, он, словно подкинутый пружиной, уже стоял на ногах лицом к нападавшим. Те опешили от неожиданности и только глядели на него, тяжело дыша.

Первого, кто решился шагнуть к нему, Сергей тут же положил ударом кулака в голову, второго – подсечкой. Третий сам попытался ударить его ногой, но поскользнулся на мерзлой земле. Четвертый не стал даже рисковать, повернулся и припустил наутек, а за ним бросились и остальные, прихрамывая и стеноя.

Но и Сергей неожиданно для себя обнаружил, что запыхался и ему нужно восстановить дыхание. Ему тоже досталось: разбитая голова, на макушке наливалась болезненная шишка, ребра тоже основательно помяты. Однако более серьезных ранений не было. Встряхнувшись, он пошел дальше в город, где принялся за свои обычные расспросы.

Узнал он и в этот раз не больше, чем всегда. Затем вернулся в лес, где его ждала еще одна одинокая ночь в компании Дикаря – но ему было не привыкать.

Устроившись в своем шалаше, Сергей поглядывал на языки пламени, плясавшие над потрескивавшим костром. Вот как получилось – четверо пьяниц, едва стоявших на ногах, задали ему хорошую трепку. «Нельзя недооценивать противника», – пробормотал он, вспомнив наставления Казака. Столько лет прошло с тех пор...

Сергеевы веки понемногу стали наливаться свинцом. Склонив голову на грудь, он чувствовал, что вот-вот заснет. Перед его глазами, перемежаясь и путаясь, текло все пережитое за эти последние годы: вот он тренируется один в лесу... бой с тенью... потом был Леонид... Разин. Впервые за много месяцев в его памяти опять всплыли слова мастера-фехтовальщика о Валааме и мастере, который не знал себе равных.

Сергей забылся беспокойным сном, но и во сне ночные тени не давали ему покоя: вот против него пять Закольевых, десять Королёвых, и опять, и опять...

Вдруг они разом исчезли, и он увидел себя лежащим на соломенной подстилке в хижине Разина. словно парализованный, не в силах пошевелиться, он расширенными от ужаса глазами смотрел на мастера, который стоял прямо над ним, готовый обрушить на него в этот раз не палку – саблю. Сергей мог только беспомощно наблюдать, как лезвие сабли пошло вниз...

Резкий треск, похожий на выстрел, словно вытолкнул его из сна. Еще не придя в себя, он мгновенно откатился в сторону, все еще ожидая удара разинской сабли. Но вместо сабли огромное дерево, под которым он устроил шалаш, рухнуло прямо на то место, где он спал еще секунду назад, в мгновение ока все накрыл своей тяжестью. Сергей почувствовал, как под ударом вздрогнула земля. Он вскочил на ноги, все еще ожидая

увидеть Разина перед собой. Наконец обрывки сна, что еще клубились в его голове, начали понемногу выветриваться.

Он сделал глубокий вдох, чтобы поскорей сообразить, что же все-таки произошло. Дикарь! – его словно ужалила эта мысль. Кошмарный сон стал не менее ужасающей явью. Дикарь неподвижно лежал под стволом дерева. Сергей бросился к нему, но жеребец уже не подавал признаков жизни.

На то, чтобы отрыть для лошади могилу лопаткой, ушло полдня. Когда земля была расчищена, а яма отрыта, Сергей подвинул тело лошади в яму, оказавшуюся все равно недостаточно глубокой. Забросав землей надежного спутника своих скитаний, Сергей в глубокой скорби сел у могилы. Это была первая могила, которую он рыл своими руками.

«Нужно было нам с тобой забраться так далеко, мой верный друг, чтобы ты покинул меня здесь, одного», – пробормотал он, словно прощаясь.

Он гнал и не мог отогнать от себя мысль, что вся его жизнь была одной сплошной утратой. Родители, дед, жена и сын – и вот теперь Дикарь, ставший верным другом и спутником в его скитаниях. Но жгучая боль снова напомнила ему о том, что заставило его проделать весь этот путь.

Скинув с себя пропитавшуюся потом одежду, он окунулся в ледяной источник, быстро оделся и доел все, что у него еще оставалось из запасов. Седло лошади он положил сверху свеженасыпанного холма в память о том, кого он оставил здесь. Дальше ему предстояло идти пешком и в полном одиночестве.

Разин был прав, подумал Сергей. Мне еще рано сходить в поединке с Закольниковым и его людьми. Прежде нужно встретиться с учителем-монахом. Если такой вообще существует.

Сергей взбирался на седые от ковыля курганы, оставляя за своей спиной версты степного тракта. Он понял кое-что еще: чтобы поквитаться с Закольниковым и его приспешниками, мало только учиться у Мастера. Ему придется самому стать мастером.

На то, чтобы пешком дойти до Петербурга, ушло шесть долгих месяцев. Сергею понадобились все его навыки выживания, вся его воля, чтобы преодолеть каждый шаг этого пути, все эти тысячи верст, казавшиеся порой бесконечно долгими. Ледяной ветер нещадно продувал его до костей. Сергей едва держался на ногах, когда наконец добрался до цели. Седоволосый и длинноротый, он прибыл в город таким же скитальцем, каким впервые вошел в него несколько лет назад.

О том, чтобы пойти к Валерии и Андрею, не могло быть и речи. Старые раны бередить было ни к чему. Если они как-то смогли примириться со своей утратой и нашли в себе силы жить дальше – что ж, тем лучше. Останавливаться на постоялом дворе он тоже не стал. Теперь каждая копейка была у него на счету, тем более что он не знал, сколько запросят, чтобы переплыть Ладожское озеро на Валаам.

Уже смеркалось, когда он оказался на берегу Невы, на знакомом лугу, у могилы, где лежала его семья. Холмик был почти весь покрыт пожухлой травой, но камень нетронутым лежал там же, где его положила незнакомая, но добрая рука. Прежде чем искать место для ночлега, Сергей присел у могилы и заговорил с Аней. Он еще раз сказал, что его клятвы, данные в день свадьбы, все так же святы для него. И снова он поклялся

спасти невинные жизни, избавив мир от Дмитрия Закольева и его подручных. Он пожелал ей доброго сна теми же словами, какие говорил ей, когда она была жива.

– Ты мое сердце, – сказал он, протянув руку и коснувшись земли, под которой она покоилась.

Его сны в ту ночь были спокойны и печальны, и в этих снах к нему снова вернулась его любовь. Он чувствовал, что сейчас Аня с ним, ее рука гладит его волосы, и не холодный ветер – это ее поцелуи остужают его лоб.

Была весна 1896 года, когда Сергей взошел на палубу первого же судна, что направлялось к монастырскому острову.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Монастырский остров

Мягкость побеждает твердость, податливость побеждает силу.

*Гибкое превосходит неподвижное. Вот закон повелевать всей тьмой вещей,
ступая вслед за ними, – закон мастерства в подражании.*

Лао-цзы

27.

За те двенадцать часов, что двухмачтовое судно шло по беспокойным водам Ладожского озера, Сергей успел разговориться с паломниками, которые тоже направлялись в монастырь. Он узнал, что Валаам – крупнейший из островов на Ладоге, хотя был он не более семи километров от края до края. Рядом с самим Валаамом есть еще несколько островов, поменьше.

Сам остров открылся им суровыми утесами и густыми лесами, которые словно охраняли покой древнего монастыря. Но, когда выплыли за скалу, показалась маленькая гавань, над которой возвышалась главная колокольня основного монастырского комплекса – огромной, сверкающей под солнцем белой крепости, насчитывавшей восемь столетий. Маковки церквей были сияюще-голубого цвета, усыпанные золотыми звездами. Сергею показалось, что их корабль заходит в какую то сказочную гавань.

Один из паломников поведал ему о спокойных озерах, спрятанных среди девственных лесов в глубине острова, отвесных скалах и зеленых лесных опушках. По его словам, кроме основного монастырского комплекса, вокруг которого была сосредоточена жизнь монашеской братии, по всему острову были разбросаны селения поменьше, скиты. В них жили монахи-отшельники, искавшие более глубокого уединения и молитвенного сосредоточения. Еще более уединенными были маленькие срубы и пещеры, порой не более чем ямы, вырытые в земле. Там, в трудах и молитве, проходили дни монахов-аскетов, искавших полного одиночества. «Говорят, – прибавил паломник, – что в этом краю селятся двое, Бог и монах, пока не остается один только Бог».

К их разговору присоединился и один из валаамских монахов, который возвращался в свой монастырь. В прошлые века, по его словам, монастырь не раз подвергался разрушениям, поскольку монахи отказывались брать в руки оружие, даже

когда остров прибрали к рукам шведы. Наконец Петр Великий окончательно присоединил его к России. Надо же, как в жизни бывает, – подумалось Сергею, – искать воина среди монахов, давших обет ненасилия. Оставалось только надеяться, что подобный человек все равно будет выделяться среди остальных обитателей монастыря. В любом случае, если этот мастер-боец действительно живет здесь, на острове, Сергей обязательно найдет его. Если, конечно, тот *захочет*, чтобы его нашли.

Даже в этом суровом северном краю весеннее тепло становилось все ощутимее, так что Сергей, устроившись в малодоступной части леса, построил себе шалаш среди вековых, покрытых мхами стволов и уже пробивавшихся первоцветов. В последующие дни он обошел весь остров вдоль и поперек, отметив для себя, где находится небольшая ферма, что снабжала монастырь молоком и овощами, где уединенные скиты и жилища отшельников, разбросанные по всему лесу.

Проходила неделя за неделей, и Сергей старался использовать любую возможность, чтобы присмотреться к монахам, одетым в одинаковые черные рясы. Если выдавалась возможность, он старался наблюдать за отшельниками на тот случай, если один из них и был тот человек, которого он искал.

Разин, по его словам, видел этого воина много лет назад. Следовательно, нужный Сергею человек должен быть приблизительно среднего возраста, около сорока или пятидесяти лет, возможно, старше. Но, где бы он сейчас ни находился, среди монашеской братии, в скиту или даже в затворе, он все равно не может оставаться незамеченным. Сергей сможет отличить его от остальных хотя бы по тому, как он двигается.

Шли недели, и Сергей стал узнавать знакомые лица среди послушников и монастырской братии, и кое-кого из старших священников, которые большую часть времени проводили в привычном монастырском служении. Один из таких пожилых монахов особенно запомнился ему. Сергей был в главном монастырском корпусе, когда заметил одного священника, уже в преклонных годах, со снежно-белой бородой и длинными седыми волосами, который соборовал больного монаха в монастырском госпитале, очевидно, готовя того к последнему причастию.

Спустя несколько минут, когда Сергей шел обратно по коридору, он увидел того же старика-священника. Его глаза были сосредоточенно полуприкрыты, а рука лежала на груди другого больного. В какой-то момент он поднял глаза и посмотрел прямо на Сергея. Сколько длился этот взгляд, Сергей не мог сказать, возможно, минуту, а может, долю мгновения, но Сергей замер, как громом пораженный...

Он пришел в себя от чьего-то прикосновения. Сергей вздрогнул – какой-то молодой послушник легонько тряс его за плечо. Он хотел войти в больничную палату, но не мог протиснуться мимо Сергея, застывшего в дверях. Заметив выражение лица Сергея, тот только улыбнулся:

– Это отец Серафим, сильный наш батюшка. Не всякому дано старчествовать, а вот он сподобился...

Сергей уже знал, что старцами называли монахов преклонного возраста, отличавшихся мудростью и особой силой духа. Нужно запомнить этого отца Серафима, сказал себе Сергей, чтобы при случае расспросить его. Он достаточно стар, чтобы помнить, когда в монастыре мог появиться тот мастер-боец, которого он искал. Тем временем он не переставал расспрашивать и других монахов. Правда, открыто на этом

острове монахов, добровольно удалившихся от мира зла и насилия, спрашивать о мастере – бойце было невозможно. Поэтому, стараясь разговорить их, Сергей, словно невзначай, вставлял:

– Я как-то слышал об одном человеке, который жил здесь. До того, как он обрел мир в монастыре, он был известным воином. Кто это может быть, не знаете?

Но ответом были только удивленные взгляды монахов. Похоже, о таком человеке здесь даже не слышали. Сам же он никак не мог напасть на след загадочного бойца.

Время шло, лето перевалило в осень, студёные ветры снова задули над озером, и сомнения, было утихшие, с новой силой овладели Сергеем. Есть ли вообще на свете такой мастер? И если есть, то где? Может, зря приехал сюда, на Валаам?

Однако не только Сергей изучал насельников монастыря – они сами приглядывались к необычному паломнику с молодым лицом, но седовласому и длиннорядому. До поры до времени они только отвечали на его расспросы. Пришло время, и отвечать уже пришлось Сергею. В один из дней к его срубам подошел молодой монах, который представился братом Евгением.

– Вот что отцы мне велели передать, – сказал он. – Им ведомо, что ты прибыл как паломник, но духовная цель твоего паломничества им не известна. Если чувствуешь в себе некое духовное призвание, можешь пожить пока на острове. Рабочие руки тут нужны. Так что, если не отказываешься работать, тогда оставайся. Что решишь?

– Я согласен, – отвечал Сергей. Удовлетворенно кивнув, брат Евгений продолжал:

– Оставаться тебе здесь в такую негодю ни к чему, сам понимаешь. Пока поживи несколько дней в монастырском скиту. Том, что в версте отсюда, через пролив...

– Я знаю, где это, – в нетерпении перебил Сергей.

– Ну и добре, – брат Евгений улыбнулся. Он посмотрел на Сергея спокойными светлыми глазами. – Через неделю возвращается на остров настоятель скита, и тогда будешь просить у него, чтобы он лично дозволил остаться и зимовать с остальной братией в скиту. Если откажет, тогда собирайся в дорогу. Еще несколько недель, и по озеру совсем никакого хода не будет. Ветер, торосы – уплыть отсюда можно будет разве что весной.

У Сергея был только один вопрос:

– Отец, у которого мне следует испросить дозволения... как его имя?

– Отец Серафим.

Кивнув, монах простился, а Сергей стал собирать свои пожитки. Убрав за собой все на поляне, где стоял его шалаш, он двинулся вдоль скалистого берега, затем спустился по вырубленным в камне ступеням. Далее на лодке его перевезли через пролив. Прибыл он в скит уже совсем вечером, когда монахи после вечерней молитвы разошлись по своим кельям. Сергей тихо прошелся по скитскому помещению: маленькая кухня, темные коридоры, трапезная. Везде было пусто и тихо. Лучшего места для тренировок и не сыскать, подумалось ему.

На пятое утро после прибытия в скит Сергей во время уборки спросил у одного из монахов, когда он сможет поговорить с отцом Серафимом.

– Он задержался еще на несколько дней, – ответил тот и отправился по своим делам. Весь остаток дня Сергей провел в работе, к которой его приставили. Когда же братия разошлась по кельям, он решил, что может потренироваться, никого не беспокоя.

В неровном свете освещавшей коридор керосиновой лампы Сергей постарался найти выход к трапезной, и неожиданно оказался перед кельей отца Серафима. К своему удивлению, он обнаружил, что дверь в келью приоткрыта. Не в силах сдержать любопытство, он заглянул в темную келью. Она была почти пуста, если не считать маленького стола и стула. А в углу, где обычно ставят кровать, стоял пустой гроб.

Вздрыгнув, Сергей быстро ушел от кельи.

Лишь предвещавшие скорый шторм отдаленные раскаты грома нарушали тишину в скиту – такую глубокую, что само дыхание Сергея казалось ему неестественно громким. Неясный свет в помещении придавал еще больше сходства происходящему со сном.

Сергей начал с разминки, затем перешел к отработке ударов руками, ногами. Его удары со свистом прорезали воздух, как вдруг он заметил в тускло освещенном дверном проеме одиноко стоявшую фигуру со свечей в руках. Это невесть откуда взявшееся видение заставило его вздрогнуть. Но, присмотревшись, он узнал лицо отца Серафима. Сергей хотел обратиться к нему, но, казалось, голос отказался его слушаться.

Глядя на неподвижную фигуру старого монаха, что наблюдал за ним, Сергею неожиданно вспомнился изготавившийся к прыжку снежный барс. Внезапно вспышка молнии наполнила комнату ослепительным, жгучим светом, и вместо бледного лица монаха он уже видел голову мертвеца – череп с жидкими пасмами белых волос, с зияющими глазницами, смотревшими в пустоту.

Какой-то первобытный страх сжал Сергеево сердце, но тот лишь поднял свечу повыше, и Сергей снова видел старого монаха, строгое лицо которого освещал лишь мерцающий огонек свечи.

В следующий миг в дверях уже никого не было. Но Сергей мог поклясться, что не видел, как монах обернулся, чтобы уйти, или хотя бы отступил во тьму. Еще мгновение назад он был здесь – и в следующий миг исчез. Сергей был уверен, что не слышал звука удаляющихся шагов в коридоре.

Должно быть, я закрыл глаза или на мгновение отвернулся, – успокоил он себя. Но в глубине души он знал, что все было не так.

Спустя несколько часов он уже накрывал на стол в трапезной, все еще при свете керосиновой лампы. К столу сели шесть братьев, что неотлучно были в скиту. Сергей ожидал увидеть и отца Серафима, но его место за столом пустовало.

Когда трапеза подошла к концу, он прошептал сидевшему рядом с ним брату Евгению:

– Сегодня вечером я видел отца Серафима. Почему он не позвал меня на беседу?

– Ты видел его? Не может быть!

– Да, он стоял в дверях трапезной. Покачав головой, брат Евгений ответил:

– Наверное, это был кто-то другой. Отца Серафима нет на острове. Его ждут только к завтраму.

Когда старец, как и ожидалось, на следующий день вернулся, он первым же делом вызвал Сергея в свою маленькую келью, жестом пригласил его сесть на единственный стул. Казалось, вся фигура монаха светилась мягким, едва заметным сиянием. Пышные белые волосы и окладистая седая борода делали его выше. Прежде Сергею никогда не доводилось встречать людей такой духовной силы. Он был весь охвачен чувством благоговения и духовного трепета.

– Отец Серафим, возвращения которого ты так ждешь, – это я, – мягко сказал старец и улыбнулся. – Но, по-моему, мы уже виделись... в лазарете, не так ли?

Сергей прокашлялся, с трудом справляясь с голосом:

– Да... да, уже виделись. Рад вас снова видеть, отче. Я хочу просить вашего позволения остаться в этом скиту на зиму.

Отец Серафим закрыл глаза, сделал глубокий медленный вдох и оставался в таком состоянии почти минуту. Наконец он открыл глаза и сказал:

– Обычно у нас так не заведено, чтобы миряне надолго оставались в скиту. Но я обдумал твою просьбу.

Можешь оставаться у нас на зиму... возможно, не только на зиму.

Заметив, что Сергей украдкой поглядывает на гроб, старец улыбнулся и сказал:

– Это ложе служит мне постелью, но также напоминанием, что время, отпущенное нам Богом, должно проходить в трудах и молитве, а не в праздности.

Сергей же решил, что это был не самый подходящий момент, чтобы расспрашивать отца Серафима о великих бойцах, которые могли найти приют в этом монастыре.

28.

Получив разрешение остаться среди насельников уединенного скита, Сергей стал жить одной с ними жизнью, аскетической и созерцательной, питался простой растительной пищей, выполнял свои несложные обязанности в скиту и дальше искал человека, который никак не хотел объявиться первым. Случай продолжить разговор с отцом Серафимом тоже никак не выпадал. Тот часто отлучался из скита, врачую больных в монастырском лазарете, принимал в монастыре монахов для духовной беседы или молился в уединении. Но даже в те нечастые дни, когда настоятель выходил в общую трапезную, Сергей не смел обратиться к нему с вопросом – так было заведено, чтобы в трапезной читалось Евангелие, и Сергей не смел нарушить тишину. А другой возможности побыть рядом с отцом Серафимом у него просто не было.

В те же редкие случаи, когда его отправляли с поручениями на остров, Сергей продолжал присматриваться к монахам, расспрашивать их о войне, который так умело скрывался – или которого здесь не было вовсе.

Прошло еще шесть недель после их первой беседы с отцом Серафимом, когда неожиданно для себя Сергей застал его в скиту одного. Старец стоял в общей комнате и глядел в окно, за которым открывался заснеженный лес. Сергей неслышно, чтобы не потревожить раздумья старца, подошел к нему. Не решаясь заговорить первым, он посмотрел в окно и тоже застыл в молчании, словно глядя глазами старого монаха на изумрудно-зеленые ели, мелкий кустарник с ярко-красными ягодками, присыпанный белым снегом...

Вздрагнув, он увидел, что монах уже удаляется.

– Отче! Отец Серафим! – окликнул он его, поразившись, как звонко на этот раз звучал его голос.

Старый монах обернулся:

– Да, Сережа?

– Я все хотел спросить вас, да только не знал как. Вы ведь здесь уже довольно давно, правда?

Монах кивнул.

– Что ж, раз так... возможно, какое-то время назад... год или больше... Может, вам встречался на этом острове человек, паломник или монах, который некогда был великим бойцом? Человек, которого можно было назвать Мастером?

Под непонимающим взглядом старого монаха Сергей внезапно почувствовал себя полным глупцом.

– Боец, ты говоришь? Солдат? – наконец переспросил старец. – Я стараюсь не иметь ничего общего с такими людьми.

Извинившись, он поспешил уйти.

После этого разговора Сергей окончательно отчаялся найти на острове того, кого так долго и упорно искал. Тем не менее весь остаток зимы он провел в скиту, прилежно исполняя свои обязанности и стараясь по возможности прислужиться братии. Вместе с ними, как было заведено, дважды в день садился за стол в трапезной, разделяя их нехитрую снедь – хлеб, овсянку, картошку и овощи, иногда рыбу и травяной чай. По праздникам у них бывал настоящий чай или квас, который монахи делали из черных сухарей. Это была простая жизнь, простая и суровая, но как нельзя лучше подходившая для созерцания и тренировок.

В один из таких спокойных дней, размышляя о своей жизни, Сергей вдруг с раскаянием осознал, что он так и не нашел времени написать еще одно письмо своему дяде Владимиру. Упущение тем более непростительное, что все это время дядя так и не знал о его судьбе, ведь Закольева уничтожил ту прощальную записку. Вполне возможно, что и до сего дня он продолжал верить, что его племянник погиб.

Собравшись с мыслями, он решительно взялся за перо:

Уважаемый господин директор! Мне давно следовало отправить вам это письмо с извинениями за то, что я покинул школу без вашего на то согласия. Прошу простить меня и за то, что не нашел времени отписать вам раньше. Я сделал, что счел нужным сделать, и не прошу за это прощения. Примите мою благодарность за теплоту и заботу, которыми вы окружали меня все мои ранние годы. Я буду помнить об этом всегда. И вас также никогда не забуду.

Возвращаю Вам в этом письме карту, которую я, не спросив, взял из Вашей библиотеки. Она потрепана, это правда, но она сослужила мне добрую службу в свое время. За это «одолжение» Вам тоже спасибо. Касательно же ножа, лопатки, компаса и прочего, что я без спроса взял с собой, обещаю вернуть или заплатить, как только представится такая возможность.

К сегодняшнему дню мне уже исполнилось двадцать три года. За время моих долгих странствий по России меня не раз выручали все те навыки выживания, которым я был обучен в Невской военной школе. Возможно, обстоятельства моего ухода не вызывают у Вас ничего, кроме негодования. Но я хочу, чтобы Вы знали: и воспитанию Вашему, и обучению еще случится послужить некоему высшему благу. Ваше положение директора школы обязывает меня обращаться к Вам с наиболее возможным почтением, но знайте – для меня Вы прежде всего дядя и член семьи. После отца вы были для меня ближе всех. Обещаю всегда хранить память о Вас и поминать Вас в своих молитвах.

Ваш племянник Сергей Сергеевич.

Он сложил лист и запечатал письмо свечным воском, на миг представив себе строгое и внимательное дядино лицо. Сергей больше не ощущал трепета и благоговения перед этим человеком, как тогда, в детстве. Но им на смену пришла глубокая признательность этому человеку, его доброму дядюшке, Владимиру Борисовичу Иванову.

Этим письмом он словно закрыл долг перед какой-то частью своего прошлого. Частью малой – долги куда большие еще ждали своего часа.

Сергеева жизнь этими короткими студенческими днями следовала одному и тому же заведенному в скиту распорядку: работа, еда, сон, уединение. Единственное, что он прибавил для себя к этому, были его тренировки, тоже ставшие регулярными. Словно и не было тех лет, что отделяли его от Невской военной школы с ее уставом и ежедневными занятиями. Порой ему даже казалось, будто бы он и не убегал никуда, лишь подрос и сменил одежду. С каждым днем его уныние становилось все глубже.

Прошло уже более трех месяцев с того дня, как Сергей получил прибежище в монастырском скиту. Временами он только качал головой, думая о перипетиях своей судьбы. В свое время он мечтал обрести мир и покой в военной школе, среди людей военных. Теперь он здесь, в самом мирном и покойном месте на земле. Но пришел сюда, чтобы найти своего воина.

Он продолжал тренироваться, хотя и тренировки тоже давно не давали разрядки. Одни и те же движения, одни и те же приемы, никакого развития, никакого продвижения вперед. Холод снаружи, внутри, везде. Сергей не хотел признаваться себе самому: скоро на Ладоге тронется лед и начнется судоходство, а с ним настанет пора покидать

монастырь. Покидать ни с чем. Эти бесплодные поиски стоили ему еще одного года его жизни.

Но неожиданно для Сергея судьба его изменилась еще раз.

Почему так случилось, так и осталось для Сергея загадкой. Возможно, пришло его время. А возможно, ему улыбнулась удача. Или настроение Мастера изменилось. Но в последний день мая 1897 года, когда Сергей приступил к своему привычному разминочному комплексу, он заметил, что отец Серафим наблюдает за его тренировкой.

Руки монаха были скрещены на широкой груди. Он молча покачал головой, словно желая сказать, что все Сергеевы потуги напрасны – уйдут, словно вода в песок.

– Чем ты тут занимаешься? – с удивлением в голосе спросил отец Серафим.

– Тренируюсь... чтобы не потерять форму, – ответил Сергей, стараясь побороть неловкость.

– Когда дело доходит до боя, – сказал отец Серафим, – некогда разминаться, отрабатывать технику. Да и правил, в общем-то, тоже нет. – Он снова покачал головой. – Не думаю, что эти движения помогут тебе подготовиться к встрече с людьми, которых ты преследуешь.

Целый рой вопросов тут же закрутился у него в голове. Откуда старцу известно об этих людях? Так неужели же он – это и есть...

– Да, – сказал отец Серафим, словно отвечая на его немой вопрос. – Я – тот, кого ты ищешь. И мне известно, почему ты здесь. Правда, сам ты этого еще не знаешь.

– То есть?

– Ты все еще считаешь, что тебя направил сюда Разин. Но это не так. Придет время, и ты сам в этом убедишься. Уйдет отсюда совершенно другой человек, чем тот, что пришел сюда.

В его словах звучала сила, казавшаяся незыблемой, как сама вечность. С этого-то и началась для Сергея новая жизнь и новые тренировки, каких Сергей никогда не видел и даже не мог себе представить.

Ни слова более не говоря, отец Серафим взял на себя роль его *учителя*, словно бы такой шаг был одновременно неизбежным и само собой разумеющимся. Он стал появляться каждый вечер в трапезной, чтобы наблюдать за его практикой. В один из таких дней Сергей обратился к нему с вопросом:

– Отец Серафим...

Старец поднял руку, заставив Сергея умолкнуть:

– Не зови меня больше отцом, разве только в присутствии других монахов. Для тебя я Серафим, и только.

Прежде чем Сергей успел спросить почему, старец пояснил:

– То, что я учу тебя побеждать других людей, не имеет ничего общего с моим монашеским призванием. Я дал обет не причинять зла и скорее дам себя убить, чем сделаю что-то во вред другому человеку. В моей жизни и без того было довольно убийств.

Он замолчал, давая понять, что больше возвращаться к этой теме не намерен. Вместо этого он пристально посмотрел на Сергея, который внезапно почувствовал себя перед его взглядом сначала голым, потом прозрачным. Серафим же сказал:

– Я вижу, что и у тебя есть другое имя... Так что, оставаясь наедине с тобой, я буду звать тебя... Сократес.

Сергей от неожиданности едва не лишился дара речи.

– От-откуда вам это известно? – запинаясь, произнес он.

– Откуда? Посмотрел на тебя и *увидел*, – ответил Серафим.

– Если вы в состоянии видеть такое... и если вам было известно, что я здесь, тогда зачем вы заставили меня ждать, прежде чем открыться?

Серафим ответил не сразу.

– Чтобы присмотреться к тебе, заглянуть в глубину твоего сердца, мне нужно было время. Так что я ждал подходящего часа.

Теперь старый монах предстал перед Сергеем в совершенно новом облике. Его спокойные слова и бесстрастное лицо скрывали непостижимую глубинную силу. С тем же успехом Сергей мог догадываться, как глубоко Ладожское озеро, не видя дна под его спокойной гладью.

И все же, несмотря на всю пронизательность и духовную мощь Серафима, Сергей никак не мог представить его великим бойцом. В прошлом – возможно, когда тот был моложе и сильнее физически. Но сейчас, несмотря на силу его слов, Серафим был больше похож на старичка из русской сказки, чем на мастера рукопашного боя.

Сомнения Сергея не укрылись от Серафима. На следующей тренировке он сказал:

– Нападай на меня. Но нападай по-настоящему. Бей как хочешь, лишь бы попасть в меня.

Тон, каким были сказаны эти слова, ясно давал понять, что ни о какой снисходительности не может быть и речи. И Сергей что было сил обрушился на старца.

Но оказалось, что он даже не может приблизиться к старику-монаху. Более того, Сергей никак не мог понять, как именно тому удастся отражать его удары и уходить с линии атаки. Он лишь знал, что не только не может нанести удар, но не может даже коснуться старого монаха.

Какими бы приемами ни пытался Сергей атаковать, наносить удары руками или ногами, делать подсечки или захваты, он постоянно оказывался на земле, снова и снова,

совершенно не представляя, как это могло случиться. Серафим же, если хотел, удерживал его в лежачем положении одной рукой, одним пальцем. И Сергей просто физически не был способен встать. В момент одного из таких падений он осознал, что Серафим в этот раз даже не коснулся его.

Разин был прав. Сергей нашел Мастера, которого искал так долго. Но эта встреча заронила в его душе такое сомнение в своих силах, какое он никогда не испытывал прежде. Когда старый монах приказывал ему сдвинуть себя с места, он пытался много раз, прикладывая все силы, и безуспешно. Ему вдруг вспомнилось, как он так же пытался сдвинуть Алексея – Казака. С таким же успехом можно было заставить подвинуться гору. Но с Серафимом разочарование было еще сильнее – перед ним была не гора, а перышко, но результат был все тот же.

Старику же ничего не стоило уклониться от его атаки и бросить его на землю – рукой, ступней или даже, казалось, одной мыслью. За все время, что Серафим вел тренировку, он ни разу не нанес удар сам. Лишь под конец занятия он показал ему легкий, как казалось, почти неощутимый удар, который парализовал Сергея на несколько минут. Первое, что подумалось Сергею, когда он пришел в себя: хорошо, что он имеет дело со стариком. Если бы такой удар был весомее...

На следующий день Серафим предложил прогуляться к небольшому саду по дорожке, которую Сергей незадолго до того расчистил после недавнего снегопада. По пути Серафим впервые заговорил с ним о том, с чем приехал Сергей на Валаам:

– Я думал о тебе и о том, ради чего ты взвалил на себя эту нелегкую ношу. Но помнишь ли ты, что сказано об этом в Писании? «Мне отмщение, и Аз воздам», говорит Господь.

Сергей лишь молча кивнул.

– Так кто дал тебе право быть карающей дланью?

– Такого права у меня нет, – ответил Сергей. – И я знаю, что едва ли с возмездием придет упокоение душе моей жены. Только знаю одно – моей душе так будет спокойнее...

– И ты решил?

– Да. Это мое решение.

– Того, что натворили эти люди, ты не в силах поправить...

– Но я могу спасти жизнь другим, до которых они еще не добрались.

Сергей не стал говорить, что с радостью и сам бы погиб в поединке с ними, чтобы соединиться со своей женой и сыном в лучшем мире, если такой вообще существует.

– Возможно ли это, чтобы ты послушал меня и отказался от задуманного?

Сергей отрицательно покачал головой. Старый монах вздохнул.

– Хорошо, я введу тебя в тень. Я дам тебе то, что ты просишь... Чтобы однажды пришел такой день... когда тебе захочется и того, что я хочу тебе дать.

– Что же это? Что вы хотите мне дать?

– Покой.

– Есть только одно, что может успокоить меня.

– Смерть?

– Их или моя. Или наша, – ответил Сергей. – И ждать больше я не могу. Я должен найти их как можно скорее, через три месяца, шесть, самое большее – год.

Серафим снова пристально посмотрел на Сергея.

– Не нам устанавливать сроки, когда и чему должно случиться.

– Вы хотите сказать: мне не стоит надеяться... что все закончится так быстро?

Серафим утвердительно кивнул. Затем пояснил:

– В единый миг жизнь человека может измениться. И прикосновение благодати способно заставить любое сердце открыться. Но порой, чтобы встретить этот миг, нужно готовиться всю жизнь...

Серафим вдруг остановился.

– Научиться чему-то дело нехитрое. Отучиться куда сложнее. Если хочешь все начать заново... что ж, гляди, и вложимся с тобой... в десяток годков.

– Но я не могу ждать так долго! Глаза Серафима сверкнули.

– Да ты, должно быть, важная птица, чтобы ставить условия самому Творцу! Откуда тебе знать, сколько и на что отпущено времени...

Они дошли до края тропинки и повернули обратно в скит. Пристыженный Сергей поспешил сменить тему:

– Скажите, сколько у вас еще было учеников? Серафим лишь улыбнулся.

– Никто из них не просил у меня о том, чего ищешь ты.

– Почему же тогда вы согласились? Может быть, мне следует пройти некое посвящение?

– Такое посвящение ты уже принял от Разина... да и от жизни тоже, в общем-то...

– А что вам известно о моей жизни?

– Достаточно, чтобы принять решение.

Сергей только покачал головой. Этот старый монах продолжал оставаться для него загадкой.

– И вы согласны научить меня, за так, ничего не требуя взамен?

– Хочу сразу сказать тебе... Сократес. Не думай, что мои наставления – это знак какого-то моего особого благоволения к тебе как к ученику. Не ты заставил меня согласиться, я подчиняюсь Божьей воле. И делаю это по той причине... ты еще можешь послужить некоему высшему добру, которое пока что остается скрытым от нас обоих.

29.

Пришло время, и большинству мужчин, что были в закольевском отряде, и всем женщинам, которых они собрали по пути, захотелось постоянного пристанища наподобие тех деревень, которые в свое время оставили некоторые из них. Но на все их уговоры у вожака был по прежнему один ответ: «По движущейся цели сложнее нанести удар».

Велико же было их удивление, когда однажды атаман собрал своих людей вокруг костра в их временном лагере у румынской границы и объявил торжественно:

– Будьте готовы – завтра настает наш час! Завтра мы выступаем на север, чтобы стать там – не лагерем на этот раз, а настоящим поселком. Давно уже я присмотрел для этого одно подходящее местечко в лесах под Киевом. Никаких временок больше не будет – только настоящее жилье. И запомните мои слова, придет время – и вы убедитесь, что мое пророчество было истинно: вскоре нас будет так много – и женщин, и детей, – чтобы с нас началось новое казачество. Из нашего укрытия мы будем совершать вылазки и бить евреев, чтобы затем исчезнуть незамеченными. Не оставлять в живых никого, будем брать в год только по одному младенцу, достаточно юному, чтобы не мог ничего запомнить. С возрастом станет одним из нас, таким, как мы. Придет время, и о нас будут слагать легенды. Завтра же и выступаем, во имя Церкви и Царя!

Эту последнюю фразу, которую его люди встретили одобрительными возгласами, а некоторые и шашками наголо, Закольев произнес ради тех немногих верующих, что еще оставались в его рядах. Сам же он служил своей воле, и только ей одной.

С этого и начался поход будущего казачества, ряды которого и без того постоянно росли, к их новой стоянке, спрятанной в лесной чаще. Давно мужчинам не приходилось заниматься такой работой, как валить лес и строить настоящие дома, поэтому работа на первых порах шла тяжело. Но занятие это, тем не менее, оказалось очень полезным для здорового духа в их новом поселении. Женщины радовались, дети веселились, и какое-то время никто даже не помышлял о грабежах или разбое. Это и в самом деле было время, когда закольевский народ осел и пустил корни. Даже неугомонный Королёв – и тот получал удовольствие от нехитрой работы.

Вскоре после того, как со строительством домов было покончено, Закольев поставил всех в известность, что Елена вместе с Павлиной со всеми своими пожитками перебирается в его избу и будет жить с ним так, как положено жить с женой по закону, и любые попользования в ее сторону он будет пресекать лично. Елена беспрекословно подчинилась приказу.

То, что атаман приблизил к себе женщину и даже поселил ее рядом с собой, совершенно не вязалось с его характером. Но Закольев, впервые в своей жизни, испытывал нечто похожее на любовь – не к Елене, к ребенку. Елена в его жизни значила не больше, чем любой другой предмет обстановки в доме, еще пахнувшем свежей живицей. И речи не было о том, чтобы он позволил ей делить с ним ложе, – она спала на

соломенном матрасе в одной комнате с ребенком, которая так и называлась – «комната Павлины». Ей, и еще Константину, Закольева безраздельно дарил внимание и заботу.

Как настоящий отец, он рассказывал своей дочери разные истории. Однажды вечером, подсев на кровать к Павлине, которая уже начала засыпать, он, словно сказку, стал рассказывать девочке о том, как она появилась на свет.

– Жили-были в тридевятом царстве муж со своей женой, – покачивая головой в такт своим словам, начал он.

– Они были так счастливы друг с другом, так им было хорошо, что у них родилась прекрасная девочка, дочка. Этой дочкой была ты, ну а я – твой папка.

– А мамой была Елена, – подхватила Павлина. Но Закольева нарочито грустно покачал головой.

– Елена не настоящая мама твоя, но только ты никому об этом не говори, обещаешь?

Павлина охотно кивнула головой. Она сама никогда не относилась к Елене как к матери, так что отцовские слова скорее обрадовали ее:

– Знаю, знаю, моя настоящая мама – Шура.

– Еще чего! Старушка Шура тебе разве что бабушкой может быть, но никак не мамой...

– Так кто же тогда моя мама? – зачарованно спросила девочка.

– Вот послушай, что тебе папка расскажет... твою настоящую маму и мою любимую жену съел *зверюга*...

Павлина вздрогнула. Одним из строжайших приказов атамана было ограждать Павлину от всего, что было связано с насилием и жестокостью, от всякого упоминания о смерти. Тем более говорить девочке о том, зачем его отряд время от времени выезжает из лагеря. Она знала только, что отец и его люди время от времени садятся на коней и едут служить какому-то человеку, которого зовут Царь.

– А этот зверюга... на кого он похож? – спросила она, напуганная и зачарованная этим неожиданным открытием.

– Зверюга этот лицом совсем как человек – примерно моего возраста, но только волосы у него совсем белые, как у того страшного колдуна из леса – помнишь, я тебе о нем рассказывал? И колдун этот может причаровывать своим голосом. Сначала околдует человека лживыми словами, а потом съест его. Убить этого зверюгу можно, но только если не станешь слушать его, пока он не успел заговорить и напустить на тебя свои чары.

«Папка» говорил так убедительно, его голос дрожал таким неподдельным волнением, что Павлина взяла его ладонь и прижала к своей щеке.

С тех пор Павлина не раз видела во сне беловолосого человека, который сладко пел и звал ее, а она и боялась, и хотела услышать его голос.

Мужчины тем временем только пожимали плечами, не понимая, что такое нашло на их атамана. А женщины тихо удивлялись тому, что в человеке, которого они привыкли бояться, открылись такие неожиданные качества. Кое-кто из них даже набрался смелости и спросил Елену, в самом ли деле они живут как муж и жена.

Но Елена словно в рот воды набрала.

С того вечера, когда сам атаман Закольев подал пример хозяйствования, начался период относительно спокойной жизни в лагере. Мужчины сосредоточились прежде всего на строительстве домов, а не на преследовании евреев. Как ни странно, последним штрихом в этой деревенской атмосфере стало появление в лагере собак.

Прежде во время набега на еврейские поселения Закольев не жалел не только людей, но и их собак, кидавшихся с лаем на незваных гостей. Но теперь он позволял забирать в свой поселок тех собак, которые за кусок хлеба были готовы пойти вслед за новыми хозяевами. Да и за самим атаманом не раз замечали, что он был не прочь почесать у собаки за ушами. Ведь собаки – это идеальные последователи, готовые лизать руку хозяину и идти за ним хоть на край света. Совсем как послушные собаки вели себя с атаманом и те из лагерных детей, кто был поумней остальных.

Самым маленьким из детей в поселке было позволено делать все, что заблагорассудится: бегать и возиться, как Щенятам, – атаман закрывал глаза на любые их шалости и проказы. Но как только они подрастали, на них взваливали все те обязанности, которые взрослым казались скучными или неприятными: чистить уборные или стирать одежду в реке.

И собаки тоже отрабатывали свой кусок хлеба. Теперь не нужно было держать постоянно часовых начеку – ни один чужак не мог приблизиться к селению незамеченным. Собаки также загоняли отбившихся от табуна лошадей и еще – небольшое стадо овец – их недавнее приобретение, отнятое во время одного из налетов на еврейское селение. Вот так и получилось, что собаки тоже стали обитателями лагеря, охотились вместе с людьми и, вернувшись с охоты, с напряженным вниманием наблюдали, как женщины готовят пищу, – в надежде, что и им перепадет случайный кусок.

Словом, все в этом необычном поселке стало как в любой другой казацкой станице: дети бросали палки собакам, мужчины складывали очаги в надежно построенных избах, женщины занимались хозяйством и растили детей. Но огонь в этих очагах было дозволено разводиться только ночью или в снежную и дождливую погоду, чтобы дым из труб не обнаружил поселка.

Было время, когда мало кто в лагере обращал внимание на то, что атаманова страсть к скрытности росла с каждым днем, и тем более никто не подмечал появившихся странностей в его поведении. А тем временем они, эти его странности, становились все сильнее. Все чаще атаману виделся

Сергей Иванов, и он то и дело вздрагивал – ему все мерещилось, что седоволосый враг притаился за деревом или выглядывает из-за овина, или, что было страшнее всего, приходит к нему по ночам, да так и стоит ночь напролет в ногах его кровати.

Впрочем, чем дальше, тем очевидней становилось, что кошмары, терзавшие Закольева по ночам, не проходят для него бесследно: у атамана появился нервный тик, порой у него дергалась голова, вдруг ни с того ни с сего он начинал заговариваться.

Временами он и вовсе был как не в себе – брался за какое-то дело или начинал с кем-то говорить – и вдруг странно умолкал, только пристально смотрел на что-то, видимое лишь ему одному. Только темные круги под глазами выдавали то, что ночные эти видения дорогого стоили атаману.

Все больше отдаляясь от своих людей, Закольева стал считать себя личностью трагической, страдальцем, что возвышается над обыденной возней мелких людишек. Было время, когда он любил окружать себя чем-то вроде свиты самых преданных сторонников. Теперь он отдавал распоряжения почти исключительно через Королёва, и тот, требуя беспрекословного подчинения, понемногу превращался в полновластного хозяина лагеря.

Тем временем жизнь в лагере шла своим чередом. Вечерами, когда мужчины возвращались с охоты – на зверей ли, на евреев ли, – они усаживались вокруг костра и рассказывали истории о своей молодости, просто пили, соревнуясь в тостах. Правда, в словах они стали осторожны и когда поблизости был их предводитель, и даже тогда, когда его не было рядом. По распоряжению Закольева того, кто осмелится даже на словах проявить непослушание или же выболтает месторасположение их лагеря, ожидала смертная казнь.

Впрочем, отыскать лагерь было не так просто, даже если бы кто-то и пошел по их следу. Избы были надежно спрятаны от посторонних глаз в лесной глуши, на хорошо укрытой поляне, приблизительно в сотне метров от небольшой, но бурной реки. Если же пройти лесом вниз по течению, то река эта обрывалась водопадом, стремительно падавшим с каменистого утеса с высоты двадцати метров, бурлящим белым вихрем разбиваясь о скалы и каменистые отмели. Спуститься вниз по течению этой речки было невозможно даже на рыбацкой лодке, не говоря уже о барже или судне, так что лучшего места для селения в стороне от торных дорог невозможно было и придумать. До поры до времени его обитателей никто не беспокоил.

Все девять детей, что жили в лагере, – четыре девочки и пять мальчишек – сразу же полюбили свой новый поселок возле настоящего водопада. Они охотно играли среди камней на мелководье, пока однажды один из мальчиков не подобрался слишком близко к бурному потоку, оступился и течение в мгновение ока снесло его на скалы внизу. Тело его даже не стали искать.

После этого случая атаман запретил Павлине и Константину даже приближаться к водопаду. Что же касается негодника, сказал Закольева, который погиб на скалах, то пусть винит свою дурость. Плакать по нему никто не будет, заключил он. О нем никто особенно и не сожалел, за исключением разве что Шуры.

Как и другим мальчишкам его возраста, Константину нравилось устраивать вылазки в лес, представляя себя разбойником или охотником, или скакать верхом на лошади, когда ему позволяли. Возиться в девчоночьей компании было ему не по нутру, даже несмотря на умоляющие взгляды Павлины. Впрочем, он просто не хотел признаваться себе, что и сам успел привязаться к ней за все эти годы, что прошли с тех пор, как он впервые увидел ее еще младенцем. И эта привязанность была одновременно причиной и радости, и досады.

Он не забыл, как однажды Шура в первый раз поручила ему подержать девочку на руках, пока сама занималась другим младенцем. Павлина тогда протянула к нему ручонку и ухватилась за рукав его шерстяной куртки. Затем она стала нежно гукать, улыбаясь ему.

Глядя в ее большие глаза, Константин словно сам увидел мир ее глазами – как великую тайну, где не было зла и все было возможно.

Этот сияющий миг погас так же внезапно, как и вспыхнул, когда один из старших мальчишек, проходя мимо, походя обозвал его «сопливой нянькой». Раздосадованный Константин постарался как можно скорее избавиться от своей подопечной и тут же пересел поближе к мужчинам.

А когда Павлина уже стала ходить и по-детски невнятно, но быстро лопотала, она сама, словно привязанная, старалась не отставать от Константина, повсюду следуя за ним на своих крошечных ножках. Но угнаться за мальчуганом было не так-то просто, и она только звала его: «Контин, Контин!» – она не могла пока выговорить его имя. Придет время, и ему все равно поручат присматривать за Павлиной.

Атаман строжайше приказал Елене следить за тем, что – бы Павлина не водилась с другими девочками – только с мальчишками. Одевать его дочь тоже следовало как мальчика, и еще он распорядился, чтобы ее учили рукопашному бою старик Егорыч и самые лучшие из его бойцов. И все же отвечали за девочку Елена с Константином, и это была не последняя причина, почему мальчик со временем привык относиться к ней покровительственно.

Павлина была «папкиной» любимицей, но и Константину тоже перепало немного атаманова внимания – хотя временами тот смотрел на мальчишку таким странным взглядом, что тому становилось не по себе и он едва сдерживался, чтобы не спрятаться подальше от папкиных глаз.

Константин порой даже завидовал Павлине – тому, что она живет в атамановой избе, окружена заботой и вниманием. Временами и он задумывался над тем, кем были и где остались его родители. Но особо сушить над этим голову все равно было бесполезно, так что он приучился принимать свою жизнь такой, как есть. И все же, если случалась возможность, Константин старался повнимательнее прислушиваться к разговорам взрослых. Случайный обрывок фразы мог открыть ему глаза на то, каким было его прошлое.

По вечерам мальчик частенько устраивался в углу конюшни, где собирались выпить и поболтать мужчины. Стараясь не привлекать к себе внимания, рисуя или что-нибудь строгая ножиком, Константин, наострив уши, старался ни слова не пропускать из того, что выбалтывали пьяные языки. Тем более что внимания на него обращали не больше, чем на тех собак, что, свернувшись колечком, устраивались рядом с ним. И мальчишке много чего открылось из этих разговоров.

Прежде, когда он был совсем еще ребенком, ему больше всего хотелось, чтобы и его взяли на вылазку, как взрослого.

Но, когда он услышал, как они приглушенным тоном делились впечатлениями после этих вылазок, он уже начинал сомневаться, что так уж этого хочет. Константин старался не думать об этом, хотя чувствовал, что со временем ему все равно придется выбирать – или стать одним из них, или же...

Но никакого другого выбора его юношеский опыт просто не мог предложить. У него была только эта жизнь, другой он не знал. Все остальное были только мечты.

Прошло несколько недель, и во время одной из тренировок, когда Сергей разминался перед началом занятий, Серафим внезапно нанес прямой удар кулаком ему в лицо. Этот удар застал Сергея врасплох, но у него получилось уклониться – сказались его прошлые тренировки. Следующий удар Серафима, круговой свинг, Сергей парировал.

– Двигайся естественно, – сказал монах. Он взял его за плечи и стал трясти, вперед-назад. – Старайся двигаться не как солдат, а как ребенок. Ты слишком скован. Даже во время движения расслабляйся... всегда расслабляйся.

– Я и так расслаблен.

– Это тебе только кажется, – возразил Серафим. – А должно не казаться, а *быть*. Причем всегда.

– Даже если схватка не на жизнь, а на смерть?

– Тем более, – ответил тот. – Люди позволяют себя убить не потому, что им не хватает снаровки, а чаще от – того, что понапрасну теряют силы. Только тогда, когда ты научишься расслабляться в момент самой жесткой атаки, расслабляться, двигаясь, ты сможешь биться дольше и жить дольше. Поэтому практикуй расслабление везде: на кухне, в прачечной – где бы ты ни был – и во всем, что делаешь. Чтобы ты следовал за движением, а не оно за тобой, понял?

– Серафим умолк, и вдруг улыбнувшись, добавил:

– Наберись терпения, Сережа. У старых привычек повышенная живучесть. Чего не скажешь о бойцах, не умеющих расслабляться.

Всю следующую неделю Сергей произносил слово «расслабляюсь» в сочетании с дыханием, сотни раз в день, делая глубокий вдох и при выдохе сбрасывая все ненужные напряжения, – особенно когда занимался физическим трудом или тренировался.

– Помни, твоя тренировка – это не просто удары руками или ногами, – повторял Серафим. – Тренировкой может стать все, что тебе приходится делать. Поэтому не забывай: везде и всюду – дыхание – и расслабление – в бою и в жизни.

Не в силах сдерживать раздражение и чувствуя себя еще более скованным, чем прежде, Сергей не выдержал:

– Прошу вас, Серафим, довольно напоминать мне о том, что я должен дышать и расслабляться. Я понял, о чем речь!

– Понимать – значит *делать*, – сказал Серафим в ответ.

Прогуливаясь по тропкам острова, Серафим учил Сергея делать вдохи и выдохи под счет шагов. Наконец у Сергея стало получаться делать вдох на двадцать шагов и выдох на столько же. Серафим же мог дышать на десять счетов дольше – казалось, у него не легкие, а кузнечные мехи.

Наступление новой зимы ознаменовало годовщину его пребывания на острове и начало нового года их совместных тренировок. Они становились все менее понятными и приносили больше разочарования, чем успехов. Серафим не уставал распекавать его:

– Ты по-прежнему скован, Сократес, цепляешься за техники, которые ты заучил и отработал механически тысячи раз. Но ты не можешь предвидеть все. Настоящая схватка всякий раз – какой-то сюрприз.

Во время этого этапа тренировок Серафим стал нападать на него в самые неожиданные моменты. Старый монах мог стукнуть Сергея днем и ночью, в момент, когда он меньше всего ожидал нападения, – когда Сергей шел с поручением в монастырь по скользкой или неровной тропе, у озера или в лесу, и иногда даже в коридорах скита. Когда то так делал Разин. Сергей снова стал мальчиком для битья.

Но в отличие от Разина, старый монах не стал делать из своей тактики загадку.

– Каждая ситуация неповторима, Сократес, – пояснял он. – Ты ведь не знаешь, как поведет себя твой противник. Но и он тоже не должен знать, как ты будешь защищаться. В реальной схватке годится все, что работает, – не важно, по правилам это или нет. Главное – непредсказуемость. Можно ждать чего угодно. Как правило, без неожиданностей не обходится: у твоего противника может быть припрятано оружие или его дружки ждут в засаде. Вроде смотришь – пьяный. А нет, не тут-то было, окажется потрезвей твоего. Или в самый неожиданный момент выясняется, что он работает быстрее тебя и к тому же сильнее физически, хотя на первый взгляд казалось совсем наоборот. Не должно быть никаких первых взглядов, никаких домашних заготовок, понял? Никогда не загадывай наперед, кто и как себя поведет. Просто будь начеку и естественно реагируй на все, что поднесет тебе любой из моментов поединка.

– Вы хотите сказать, что нужно двигаться, не думая? Совсем не думая?

– В бою думать некогда. Накануне – отчего ж не прикинуть, как и что может быть. Но помнить: всякий план – только набросок того, что может быть в действительности, и не терять гибкости, поправки на текущий момент. Как бы ни повернулось, одно остается наверняка – что-то да будет не так, как ожидалось. Так что ничего не ожидай заранее, будь готов ко всему. Расслабься и доверься мудрости твоего тела. У него на все найдется свой ответ.

– Думаю, я испытывал уже нечто подобное... с Разиным.

Серафим утвердительно кивнул.

– Испытывал, я вижу. Но теперь тебе нужно вполне овладеть этим умением. Причем независимо от того, как ты себя чувствуешь в данный момент – ранен ты, выбился из сил или просто у тебя неудачный день. Это значит, что нужно отбросить всякое заранее сложившееся мнение о твоем противнике, о том, кто он и что он. Это самое последнее, с чем нужно выходить на бой. Что бы тебе ни угрожало: кулак, сабля или лошадь, что галопом летит на тебя, перед тобой встречная сила, и ты – ты движешься, ты дышишь, и в каждой ситуации твое тело само найдет решение.

– Легче сказать, чем сделать, – покачал головой Сергей.

Серафим улыбнулся:

– Ты уже начал понимать, что к чему...

Это началось, когда Серафим подобрал камень размером с кулак и, стоя примерно в трех метрах от Сергея, сказал:

– Лови!

Он швырнул его с такой силой, что едва не раздробил Сергею ладонь.

– Запомни эту боль, – сказал он. – Ее имя – *сопротивление*. В жизни стресс случается тогда, когда ты сопротивляешься. То же истинно и для боя. Не важно, что в тебя летит, – если ты в жесткой позиции, испытываешь боль. Никогда не отвечай силой на силу. Вместо этого впитывай ее в себя и используй ее. Сейчас ты можешь научиться тому, как отступление может взять верх даже над превосходящей силой.

Серафим начал с того, что стал легонько и без предупреждения бросать камни размером в кулак, метя Сергею в грудь.

– Отклоняйся в сторону и плавно лови их, – сказал он. – Сочетай движение руки со скоростью камня, чтобы вообще не слышно было шлепка камня о ладонь...

Затем монах принес тяжелый дубовый посох и нанес им удар Сергею в бок. Сначала он приказал Сергею принять жесткую стойку, подобно неподвижной стене, и запомнить, что представляет собой боль от удара. После этого Серафим велел Сергею замахнуться на него дубиной и показал, как в последний момент, уклонившись от дубины тем же способом, каким Сергей гасил силу камня своей ладонью, принимать удар, сократив его силу более чем в половину.

– Хорошо, если кто дубиной замахнется, – сказал Сергей. – А если саблей? Я же не могу принять на себя сабельное лезвие.

Серафим поскреб бороду, словно задумавшись, как тут ответить.

– А кто его знает, что тогда делать... Может, и вообще не стоит подставляться? – Он рассмеялся. – Просто от удара уйти... Как, по-твоему, – можно? Или нет?

Всю эту неделю, и следующую неделю тоже, Серафим продолжал бросать камни все быстрее и быстрее. Сергею же следовало, отклоняясь от линии приложения силы, мягко ловить камень, принимая его силу. Со временем он уже был способен ловить не камни, а ножи – поначалу Серафим бросал их медленно, затем все быстрее. Позже он научился уклоняться и принимать в себя энергию ударов кулаком, ногой и толчков вдобавок к ударам дубинкой, уходя от них волнообразным движением.

– Серафим, я ничего не имею против этих игр, – как-то раз в порыве нетерпения воскликнул он. – Но когда же я буду готов перейти к искусным техникам – к работе с оружием, к стилям, имитирующим звериные, как у китайских монахов?

– Для начала усвой, – сказал Серафим, – что нет искусных техник; есть только искусное движение. В подражании тигру, обезьяне или дракону есть своя завораживающая красота, не стану спорить. Но я стремлюсь к тому, чтобы ты стал самым

опасным животным из всех – человеко-зверем, который вооружен одновременно инстинктом и разумом. Самое твое мощное оружие – голова, понял? А те, кто полагаются только на силу, побиваются разумом, гибкостью, неожиданными и обманными движениями.

В начале осени, когда холодные ветра снова стали продувать остров, Серафим подвел Сергея к краю гранитной скалы. Под ней, разбиваясь у ее подножья в двадцати метрах внизу, кипели серые волны озера.

– Стань спиной к воде так, чтобы твои каблуки были у самого края скалы, – велел он. – Порой может случиться так, что тебе придется драться на краю пропасти – на мосту или, скажем, на такой вот скале. В тот миг, когда в тебе начинает подниматься страх и ты начинаешь напрягаться – именно в такой момент тебе нужно стать мягким, дышать, выпитывать и уклоняться. Если будешь напрягаться – мигом полетишь в пропасть.

Сергей глянул вниз и тут же отшатнулся.

– А что, если я...

– Не думаю, что ты разобьешься насмерть, – сказал Серафим. – Но будет... неприятно будет.

Они заняли позицию, и Серафим, сначала легонько, стал толкать его, а Сергей податливо отводил тело под его толчками. Серафим продолжал, толкая правое плечо, затем левое, бедра, торс. Сергей податливо принимал толчки, сохраняя равновесие по мере того, как они становились все мощнее.

Он продолжал отклоняться и тогда, когда Серафим стал легонько толкать его не ладонью, а кончиком ножа. Наконец Серафим сказал:

– Повернись ко мне спиной.

И Сергей послушно стал лицом к волнам, бушевавшим внизу. Толкающая рука была больше не видна, теперь он мог только чувствовать сами толчки, и мгновенно реагировать на нажим. Секунда напряжения – и он свалился бы за край пропасти...

Серафим начал очень легко, почти без давления, все это время мягко напоминая Сергею:

– Страх – это прекрасный слуга... но отвратительный хозяин... страх создает напряжение... так что дыши и расслабься... тело не должно напрягаться в ответ на страх... Тебе просто нужно натренироваться реагировать на страх по-другому...

Глядя на пенистые брызги внизу, Сергею даже пришлось напомнить себе, ради чего он решил на эти тренировки. А толчки Серафима в это время становились все сильнее, постепенно переходя в медленные удары. Дальше был нож – укол лезвием, еще один, сильнее, глубже... но пока Сергей оставался податливым, подобно воде...

Внезапно Серафим нанес ему сильный удар кулаком в лопатку – к такому удару Сергей совсем не был готов. Не успев даже вскрикнуть от неожиданности, он полетел вниз.

В какой-то тошнотворный момент все закружилось у него перед глазами... затем сработали инстинкты и он выровнял тело вертикально, сделав взмах руками и ногами, успев прижать их к телу за секунду до того, как с шумом врезаться в воду.

Удар прошелся по всему телу, через ноги, бедра, спину и шею. Затем была тишина и ледяная вода. Его желудок сдавило спазмом – было такое ощущение, словно кто-то ударил его в пах.

Рванувшись наверх, к воздуху и свету, он с судорожным вздохом вынырнул на поверхность, чтобы услышать шум волн, разбивавшихся о скалы, и крики чаек.

Взглянув наверх, он увидел маленькую фигурку Серафима где-то далеко над собой. Тот жестом указывал ему плыть вправо. Он поплыл в ту сторону. Как оказалось, там был небольшой пляж – как раз вовремя, потому что он уже не чувствовал ни ног, ни рук. Бегом взбираясь назад, к Серафиму, он старался не думать, сколько еще времени придется провести за такой учебой.

Прошла неделя. Сергей как раз делал разминку, когда Серафим нанес ему внезапный удар ножом. Этот удар обрушился на него словно из ниоткуда. Еще мгновение назад Серафим улыбался, спокойно стоя с пустыми руками. А в следующий миг лезвие мелькнуло у его горла. Сергей мгновенно поднял руки и отклонился в сторону. Защита была не самая замысловатая, но все же он успел среагировать на удар не задумываясь, как учил Разин.

– Каждый по-разному отвечает на нападение, – сказал Серафим. – Некоторые бойцы уворачиваются в сторону, другие наклоняются вперед или назад. Начнем работать от твоей инстинктивной реакции. Бери нож – сейчас покажу тебе, что я имею в виду. – Он протянул Сергею нож. – Давай, полосни меня лезвием по горлу.

Сергей послушно сделал движение, но вполсилы. Серафим в ответ выбил у него нож из рук таким мощным ударом, что лезвие вонзилось в деревянный столб в трех метрах от них. Столь же молниеносно он отвесил Сергею оплеуху:

– Я же велел – полоснуть по горлу!

Сергей не заставил себя упрашивать. А Серафим, отклонившись в сторону и назад, выставил обе ладони у горла.

– Такой была моя инстинктивная реакция, когда меня проверили в первый раз, – сказал он. – А теперь посмотри, что я выстроил на этой основе.

Когда Сергей провел очередную атаку, Серафим отклонился таким же образом, но за этим движением последовал едва заметный поворот локтя, и Сергей обнаружил, что его рука с ножом оказалась в замке. Затем Серафим мягко отклонился назад, и нож в кулаке оказался вывернутым и повернутым в сторону Сергея, причем Серафим продолжал удерживать его запястье болевым захватом.

– Видишь? Мы начинаем с естественной реакции, затем, в ответ на атаку, позволяем телу двигаться по пути наименьшего сопротивления. Теперь уже нет никаких ненужных движений. Единственная ошибка в подобном случае – это вообще стоять на месте.

Почти каждый вечер Серафим, если его не отзывали по срочным делам, присоединялся к Сергею. Он наблюдал за его тренировками, давал наставления, поправлял, показывал, давал новые упражнения, спарринговал с Сергеем, отмечая вместе с ним пусть пока медленное, но все же движение вперед.

Серафим показал Сергею неизвестный ему прежде способ обманной контратаки сбоку на нападающего, чтобы обезоружить или скрутить вооруженного пистолетом или саблей, поправлял Сергеевы ошибки – не словами, а толчками, прикосновениями и шлепками. Так, в молчании, Серафим учил тело Сергея напрямую, без отвлеченного умствования.

Когда Серафим наконец заговорил, он напомнил Сергею:

– В смертельном бою не имеет значения, насколько блестящие идеи приходят тебе в голову.

Шло время, и позади осталось немало уровней тренировки. Сергей продолжал работать над собой даже тогда, когда постился и чувствовал усталость или нездоровье. Тренируясь невзирая на утомление, он открыл для себя, что ему вполне по силам показывать неплохой результат, будучи даже не в лучшей форме. Когда ему не хватало физической силы или скорости, он мог отрабатывать расслабление, захваты, упражнения на скорость или равновесие.

Прошло уже почти два года с тех пор, как начались его занятия. Всякий раз, когда Сергей готов был опустить руки от усталости или разочарования, у Серафима всегда находилась в запасе фраза, чтобы подбодрить его:

– Когда поднимаешься на холм, – шутил он, – можно и передохнуть... отчего же не передохнуть? Главное, чтобы ноги шли себе вперед и шли...

Временами единственное, что заставляло его ноги идти вперед, была память об Ане и клятва поквитаться за ее смерть.

Сергей часто думал о Закольеве и его людях. Каждый месяц промедления означал, что где-то гибнут невинные люди, – но нападать до того, как будешь готов к нападению, означало утратить всякий шанс на успех.

Драгоценное время шло, а он все не знал, как решить это противоречие.

31.

Когда Павлине исполнилось лет восемь или девять – никто не вел счет годам в закольцеванном лагере, – она, как и прежде, оставалась другом и поклонницей Константина. Однако и в ее жизни многое изменилось после того, как начались ее тренировки со стариком Егорычем. Теперь приходилось следовать режиму, и Павлина не могла, как прежде, дни напролет гулять с Константином, разве что ей удавалось ускользнуть от своего наставника, когда тот давал передышку своей маленькой ученице. Но тем больше они ценили время, проведенное вместе.

Константин тоже повзрослел и на многое смотрел по-другому. Его острый ум жаждал перемен, новых впечатлений, и эта жажда становилась все нестерпимей. То, что было не по силам остальным лагерным мальчишкам, он щелкал как орехи. А чего понять

не мог, о том догадывался. Он хотел учиться, приставал к взрослым, брал от них то, чего они еще не успели забыть. Так, один из старших, польщенный вниманием мальчишки, растолковал ему алфавит. А дальше Константин сам выучился читать. Еще раньше он успел припрятать для себя несколько книжек. Он нашел их в грудe ненужного хлама, отнятого у людей, которых в лагере называли «жидами».

В одной из этих книг рассказывалось о путешествии за океан, в страну, что так необычно называлась – Америка. Страница за страницей Константин проделал свое путешествие по книге. Затем он прочитал ее еще, и еще раз. Автора книги звали Абрам Чудоминский. Неужели, вдруг подумалось Константину, и в его жизни может настать такой день, когда и он сможет отправиться, на огромном корабле через океан, в эту чудесную страну. Ах, вот бы встретиться с человеком, написавшим такую замечательную книгу, – вздыхал Константин.

Чтобы никто не мешал ему читать и мечтать, Константин нашел для себя тайное место – маленькую пещерку возле самой вершины водопада. Он своими руками расчистил ее от прелой листвы. Со временем он показал свое укрытие Павлине. Теперь у них было свое место, где они могли беспрепятственно встречаться, когда выпадала свободная минута. Они перешептывались и тихо смеялись, отгородившись в своем укрытии от всего мира. А еще он читал ей вслух из своей любимой книжки, водил ее пальчиком по буквам и показывал, как из этих букв складываются целые слова.

Между тем наступил 1900 год. А с ним в закольевский лагерь прокрались неизвестные прежде сомнения и тревоги. Кое-кто из мужчин, прежде религиозных, а теперь по-детски суеверных, стал всерьез подумывать о спасении своей души. Со сменой столетий, боялись они, наступит и Судный День. Было время, когда они считали убийство евреев делом праведным, но кровь и крики несчастных жертв, что непрерывно преследовали их в ночных кошмарах, все больше тревожили их. Один только Королёв спал спокойно.

Закольев же по-прежнему держал своих людей в ежовых рукавицах. Время от времени он устраивал показательные расправы над теми, кто осмеливался оспаривать его власть. Но мог быть и демонстративно снисходителен к тем, кто умудрялся вымолить прощение. Перепады в настроении атамана держали весь лагерь в постоянном страхе. Но эта неопределенность и была опорой его подлинной власти над своими людьми. Королёв был куда более скор на расправу, но такого непредсказуемого человека, как атаман Закольев, в лагере не было. Никто – ни мужчины, ни женщины, ни дети не знали, что взбредет ему в голову в следующую минуту.

Один из таких случаев произошел в лагере буквально накануне нового года. Как-то одного из лагерных старожилов по фамилии Бруковский по пьянке прорвало: не разбирая слов, он ревел, что такого психа, как их атаман, давно пора гнать поганой метлой. Разгорячившись, добавил, что из него получился бы вожак не хуже, если не лучше. Может быть, он надеялся, что его дружки поддержат его, но никто даже слова не проронил. Константин тоже был свидетелем этого разговора. Он только усмехнулся криво, когда те храбрецы-мужчины, которые только что похвалялись своим геройством, теперь молчали, опустив головы. Каждый делал вид, что ничего не слышит, в надежде, что гроза обойдет его стороной.

Как Закольеву удавалось узнавать все, что говорилось или делалось в лагере, для всех было загадкой. Не зря даже поговаривали, что атаман умеет читать чужие мысли. Не

стала исключением и пьяная похвальба Бруковского. Те, кто слышал ее, теперь места себе не находили от тревоги. И, как оказалось, не зря.

Вскоре после этого случая атаман назначил Константина помощником к патрульным – ему было поручено готовить лошадей и амуницию к выступлению. На вылазки подростка по-прежнему не брали, и все восприняли это как очередной знак благоволения и доверия к нему со стороны Закольева. Вот так и получилось, что и для Константина нашлось место в тот вечер, когда атаман и его бойцы, которых неожиданно оказалось двенадцать, уселись за огромный стол, чтобы отметить удачную вылазку. Каждый ел и пил от души. Неожиданно для всех Закольева, весь вечер остававшийся в приподнятом настроении, произнес, словно бы самому себе:

– Мы тут с вами обедаем, совсем как Христос с учениками на Тайной Вечере. Вот разве что на крест я не собираюсь, это точно.

И пристально посмотрел на собравшихся.

В ответ все дружно подняли чарки и выпили за многие атамановы лета. Закольева поднялся с места, пошел вокруг стола, кладя одобрительным жестом руки на плечи гулявшим. Дошла очередь и до Бруковского. Атаман как раз стал за его спиной, когда тот медленными глотками опустошал граненый стакан водки за атаманово здоровье. Никто не успел заметить, как в руках у Закольева оказался нож – в следующее мгновение он резанул Бруковского по горлу с такой силой, что у того водка хлынула из раны вместе с кровью.

Закольева молча обвел взглядом побелевшие лица своих собутыльников. Спихнув тело незадачливого «атамана» на пол, он хладнокровно взял его тарелку, вернулся на свое место и спокойно прикончил то, что не успел доесть Бруковский.

– Не годится нам разбрасываться харчами, – произнес он тоном рачительного хозяина.

Этот поступок в лагере только усилил и без того тревожные настроения, вызванные поведением атамана и его душевным состоянием. Но о том, чтобы сменить власть, никто с тех пор и не заикался. Больше того, даже пьяная ругань и драки, которыми прежде нередко заканчивались попойки у костра, тоже прекратились. Люди теперь все больше шушукались по углам, боясь, чтобы неосторожное словцо не долетело до атаманова слуха.

Тень атамановых подозрений упала даже на самого Королёва. Как-то раз, в феврале, атаман застал Королёва в конюшне. Тот как раз вернулся с охоты. Не говоря ни слова, Закольева медленно поднялся по лестнице и заглянул на чердак, потом обошел стойла, чтобы убедиться, что в конюшне никого нет. Королёв только следил за ним напряженным взглядом. Наконец Закольева подошел к нему, и Королёв заметил, как играли желваки на его бледном лице.

– Помнишь такого Сергея Иванова? Пару лет назад мы его того... в грязь лицом? Если запамятовал – напомню, ты еще его жене шею свернул...

За последние несколько лет однорукий гигант столько положил в грязь лицом, что их лица давно стерлись у него из памяти. Но как раз Иванова он запомнил и потому, что тогда в первый раз усомнился: в своем ли уме атаман – оставлять жизнь человеку, у которого они только что убили беременную жену и надругались над ее телом...

Атаман снова заговорил, и что-то в его голосе Королёву слышалось такое, что он враз вернулся от воспоминаний к действительности.

– Еще раз тебя спрашиваю, – прохрипел Закольева, – по-твоему, он был еще жив, когда мы бросили его?

– Это ты мне приказал его бросить, – отрезал Королёв, не спуская глаз с Закольева. – Ты сказал, я сделал. Да, как по мне, так он был еще живой – тогда живой. Так ить голову ему провалили, и вообще...

– Ты мне тут не рассуждай, ты мне прямо говори – жив он сейчас или нет?

Закольева всего затрясло, словно в лихорадке, и он пулей вылетел из конюшни. Сергей Иванов преследовал его повсюду, отравлял не только его сон, но и явь. Теперь Закольева жестоко раскаивался в том своем поспешном решении сохранить ему жизнь. Сомнения и прежде точили его, но теперь от одной лишь мысли об Иванове у него начинала раскалываться голова и желудок выворачивался наизнанку. Королёв был прав: надо, ох надо было добить его: придет время, и скорбь Иванова обратится в гнев, и он решит мстить.

Закольева уже давно понял: *зверюга*, что раньше терзал его во сне, но не хотел показывать своего лица, теперь решил не прятаться. Беловолосый человек идет по его следу, чтобы сделать его ночной кошмар явью.

32.

На смене веков в скиту на далеком Валааме, где братия молилась, чтобы ничто не потревожило мира в это беспокойное время, воцарилось удивительное спокойствие и праздничное настроение. Но сам день нового года ничем не отличался от остальных таких же дней в году – такой же холодный рассвет, службы и молитвы – а для Сергея еще и тренировки.

Весна пришла с разноцветием трав, с перелетными птицами, звоном капли и журчанием ручьев. Суровый остров словно возрождался к новой жизни. Та работа, которую Сергей продолжал делать в монастырском саду, в прачечной или на кухне, давала ему чувство сопричастности с жизнью монастырской общины и здоровое равновесие с его боевыми тренировками.

Таким вот образом и за этими занятиями пролетели четыре года на острове, где смену времен отсчитывали разве что по столетиям. Но даже до этих уединенных мест долетали новости из внешнего мира: и о «восстании боксеров» в Китае, где вооруженные лишь мечами и копьями, а то и просто кулаками бойцы поднялись против японцев и европейцев, и о том, что Россия отправила войска для оккупации Маньчжурии. Но если кто-то и заговаривал об этом в монастырском скиту, то ответом был разве что короткий кивок, чтобы затем вернуться к вещам более возвышенным.

Тем временем Сергей начинал делать успехи: Серафим обучил его, как двигать руками, ногами, бедрами и плечами независимо.

– Пусть твой ум будет сосредоточен на чем-то одном и одновременно – на всем сразу, – говорил он. – Расслабь тело и отпусти ум. Оставаясь текучим и открытым, ты можешь наносить удар рукой по противнику, что перед тобой, и в то же время ногой по

тому, кто сзади, даже если при этом твое тело движется или поворачивается. Твоим противникам будет казаться, что они бьются с осьминогом.

– Не важно, сколько человек выходят против тебя, – объяснял ему Серафим. – Даже если они тебя окружили, ты будешь биться только с одним человеком в один конкретный момент. И если даже нападают десять или двадцать человек, они просто будут путаться друг у друга под ногами и не смогут наброситься на тебя все сразу. Из трех или четырех, которые нападут на тебя скорее всего, ты двигайся к тому, кто к тебе ближе, – только не жди, когда он сам до тебя дотянется.

В тот же день Серафим научил его жонглировать двумя камешками, потом тремя.

– Работать одновременно с несколькими противниками очень похоже на то, как работает со своими предметами жонглер. Ты подбрасываешь в воздух по одному камешку за раз, но в быстрой последовательности. Если твое внимание тебя подведет в жонглировании, ты упустишь камень; если твоя концентрация подведет тебя в схватке, потеряешь жизнь. Поэтому оставайся все время расслабленным, сосредоточенным и постоянно двигайся, чтобы перед тобой был только один противник... потом следующий... и следующий... Сохраняй раскованность сознания и подвижность тела... мирное сердце и дух воина.

Хотя Сергей приехал на Валаам прежде всего для боевой подготовки, и у него, и у Серафима также были свои обязанности, без которых невозможно в монастырской и скитской жизни. Присутствие Серафима постоянно требовалось в самых разных местах. К нему не переставали приходить монахи за духовным руководством и наставлением, он также не прерывал своего целительства в монастырской лечебнице. Но вечера по большей части были посвящены обучению Сергея.

Из этих уроков Сергей часто выходил разбитым и физически, и духовно, постоянно сомневаясь, хватит ли ему сил дотянуть до конца учения. И все же он с нетерпением ждал каждого нового занятия, ибо невозможно было предугадать, чему в этот раз захочет научить его монах. В один из дней и потом еще целую неделю Серафим показывал ему как бросать ножи правой и левой рукой: над рукой, из-под руки, стоя, лежа, а еще на бегу и в подкате.

Затем они перешли к тому, как правильно прилагать силу для воздействия на болевые точки и жизненно важные центры. Такими ударами можно было парализовать ногу или руку. Серафим также показал ему, как хлестким вращательным движением наносить удар по двум и даже трем нападающим одновременно и перенацеливать удар противника, нанесенный рукой или ногой, чтобы он попадал не в цель, а в другого нападавшего.

Как-то раз на одной из тренировок Серафим подметил, что Сергей, не отрываясь, смотрит на жуткого вида топор, который он держал в руках.

– Не смотри так напряженно, – приказал он. – Вместо того чтобы сосредоточиваться на руках, ногах или глазах твоего противника, держи в поле внимания все, что происходит вокруг тебя. Открытый взгляд расширяет твое восприятие и передает в разум твоего противника мощное послание, что он всего лишь временная проблема, которую ты вот-вот устранишь. Так что смотри сквозь него, словно ты едва замечаешь его нападение, при этом не теряя сосредоточенности.

– Неужели такое возможно? – спросил Сергей.

– А вот скоро сам узнаешь, – заверил его Серафим.

Шли месяцы, и в один прекрасный день Сергей стал понимать, что его обязанности по скиту, часы, отведенные для службы и созерцания, не только не отвлекали его от тренировок, но стали неотъемлемой частью его подготовки. Боевые движения и созерцательная жизнь оказались взаимопроникающими, смешавшись в нераздельном сосуществовании. Почти не замечая этого, он переносил в повседневную жизнь навыки, полученные в боевой подготовке.

– А разве может быть иначе? – согласно кивнул Серафим. – Да и стал бы я тратить время, чтобы учить тебя только тому, как покончить с обидчиками. Мне хочется верить: за то время, что было нам отпущено, я скорей научил тебя, как жить с людьми, чем тому, как драться с ними. И я молюсь, чтобы жажда мщения оставила тебя.

Сергей только промолчал в ответ. Да и что он мог на это ответить?

К середине пятого года пребывания Сергея на Валааме его тренировки усилились, стали и шире, и глубже. Все это время Серафим продолжал держать его на пределе возможного. И однажды Сергей осознал, что постепенно меняется не только то, как он ведет бой. Он заметил за собой, что, подметая пол, открывая дверь, чистя на монастырской кухне горшки и миски, стал двигаться точнее и грациознее. Он чувствовал, что в его теле происходят перемены, оно стало чувствовать себя... другим, не тем, чем было прежде. Без всякого сомнения, стали заметно выше его бойцовские качества. Но и он в свою очередь стал частью скита, как те молодые деревья, что были частью самого острова. Тем более что внешнему миру не было никакого дела до того, что где-то некий молодой человек по имени Сергей Иванов учится двигаться, как ребенок.

Но разве это не Серафим напоминал ему, еще несколько недель назад:

– Дитя реагирует на каждый момент всякий раз по-новому, не строя планов или каких-то ожиданий. И это очень неплохой способ выживать... да и *жить тоже*.

Сергеево путешествие продолжалось, но теперь оно стало путешествием вспять, к невинности. Он даже не мог вспомнить теперь, какими были его разум или тело, когда он только ступил на Валаам, надеясь найти таинственного Мастера. И пусть пока он лишь копировал своего наставника – главное, он уже мог понимать, что и почему делает старый монах. И это завораживало его все больше и больше.

У него в голове постоянно вертелась поведенная Серафимом история о вечно усталом человеке, что каждый день молился о ниспослании сил. Но молитвы эти оставались без ответа. Наконец, в порыве отчаяния, он возопил: «О Господи, ну когда же ты наконец наполнишь меня силой?» И в этот момент услышал: «Я не перестаю наполнять тебя, это тебе давно пора заделать течь!»

Сергей тоже понемногу закрывал свои течи. Теперь он явственно ощущал, как каждый новый день приносит ему новые силы – для того, казалось ему, чтобы справиться с задачей, что еще ждала его впереди.

Несколько последующих недель Серафим продолжал отрабатывать с ним подсечки, уходы и удары, а также прикосновения к особым местам на теле, сопровождавшиеся потерей эмоционального равновесия.

– Обрати внимание, – говорил он, – когда я нажимаю здесь, ты чувствуешь страх, когда я ударяю сюда, ты ощущаешь грусть. Здесь нет двух одинаковых людей. И все же, когда эмоции возникают, дай им пройти сквозь тебя, оставаясь сосредоточенным на своей цели.

Время от времени старый монах отвечивал Сергею сильнейшие оплеухи. Поначалу ошеломленный Сергей невольно останавливался даже посередине отработки определенной техники. Но пришло время, когда он научился достаточно сосредоточиваться, чтобы не реагировать и продолжать работать через боль.

Как-то раз один из монахов подметил «здоровый румянец» на щеках Сергея, когда они работали на кухне.

– Да и как иначе, – заключил он. – Это твое общение с отцом Серафимом приносит благотворные плоды.

Сергей улыбнулся. «Если б вы только знали», – подумал он.

В один из вечеров отец Серафим позвал еще четверых монахов в трапезную, которая по вечерам превращалась в тренировочный зал. Без их участия было не обойтись в одном упражнении. Монахи, давшие обет ненасилия, тем более на острове с такими строгими правилами, не могли участвовать в боевых тренировках. И тем не менее они безропотно подчинились отцу Серафиму, полностью полагаясь на его мудрость. Поэтому они согласились исполнить то, что приказал им Серафим: крепко взяться за ноги, руки и голову Сергея, который лежал в этот момент спиной на полу, а потом тянуть его в разные стороны, тем самым причиняя ему боль. Задачей Сергея было оставаться расслабленным. Это упражнение оказалось на удивление трудным для него – может быть, по той причине, что пробудило в нем воспоминание о том ужасном дне, когда он, точно так же, словно пришпиленный, лежал на земле, не в силах даже пошевелиться. Но постепенно научившись расслабляться и пользуясь техникой, которую показал ему Серафим, он всякий раз освобождался от захвата.

– До тех пор пока ты будешь оставаться расслабленным и изменчивым, – подчеркнул Серафим, – тебя никогда никто не сможет обездвижить, сколько бы рук ни пытались прижать тебя к земле.

А Сергею вдруг вспомнился тот день, когда он наконец смог рассказать Серафиму о тех событиях, которые и заставили его отправиться в путь. Слушая его, старый монах только молча кивал, и Сергей никак не мог избавиться от мысли, что старому монаху уже все известно и его слова только подтверждают то, что тот видел и сам...

Страхнув задумчивость, он постарался сосредоточиться на том, что ему продолжал говорить Серафим:

–... вместо того чтобы пытаться немедленно вырваться из захвата, продолжай сохранять физический контакт. Это даст тебе возможность знать, где сейчас твой противник. Пусть он держит тебя – на самом деле это ты его не отпускаешь. Когда понадобится, ты сможешь сделать одно движение, чтобы сбросить его.

Наставления и тренировки шли бесконечной чередой, сменяя друг друга. Та зима прошла для Сергея в болезненно-остром осознании своей слабости, отсутствии равновесия и неумении сбросить напряжение. Когда он говорил Серафиму, что у него стало получаться даже хуже, тот только улыбнулся в ответ:

– Не хуже, нет. Ты делаешь прежние ошибки, просто в меньшей степени. Никто в этой жизни не совершенен; если тебе удалось стать лучше – это уже хорошо. А тебе – еще работать и работать над собой.

Не обходилось и без забавных моментов. Однажды вечером, когда Серафим продолжал с помощью кожаного кнута тренировку на преодоление боли, один из проходивших мимо монахов покачал головой и пробормотал:

– В Средние века за таким упражнением, наверное, целая очередь выстроилась бы.

Когда брат удалился, они оба рассмеялись. Затем, посерьезнев, Серафим сказал:

– Ни один человек в здравом рассудке не будет стремиться к боли, Сократес. Мне тоже не доставляет удовольствия причинять тебе боль. Но подобная тренировка, если проводить ее правильным образом, поможет тебе прийти в такое состояние, что боль, полученная в бою, уже не сможет напугать тебя или замедлить твои движения.

После этого каждый раз, когда Сергей чувствовал, как плеть рвет кожу на его спине, он думал о Закольеве.

Весной 1903 года Серафим на каждой тренировке завязывал ему глаза, чтобы усилить его восприимчивость и чувствительность. Бывало, он водил Сергея по лесу с завязанными глазами, говоря:

– В случае, если ты временно лишился зрения, тебе нужно продолжать биться, опираясь на те чувства, что у тебя еще остались.

Достаточно нападавшись и понабивав себе шишек, Сергей начал ощущать препятствия и обходить их. Его слух также стал значительно острее. Вдобавок, он научился чувствовать энергию предметов, что его окружали. И все это время Серафим не прекращал подталкивать его со спины, сбоку или спереди, и Сергею следовало постоянно расслабляться и уходить в сторону или откатываться. Если же ему не удавалось определить, где сейчас наставник, тот приводил его в чувство простым ударом своего посоха. По возвращении в скит Серафим заводил его в трапезную, заставляя отгадывать, есть ли в ней кто-то из братии и сколько их.

Время от времени Серафим также заставлял Сергея закрывать глаза и максимально подробно описывать все, что окружало его в этот момент. Это помогало ему лучше сосредоточиться на окружении, вместо того чтобы мысленно блуждать где-то еще.

– Ты учишься понимать, – приговаривал Серафим, – что значит думать *телом*, когда оставляют ум и полагаются на чувства.

Серафим привязывал тонкие веревки к лодыжке и локтю Сергея, чтобы лишить его равновесия в тот момент, когда он сражался с несколькими воображаемыми противниками. Он также связывал сначала одну, затем обе Сергеевы руки ему за спиной,

заставляя работать плечами, подбородком, бедрами, головой, ступнями, коленями и торсом.

– Ну а если нет возможности вообще ничего из этого пустить в ход, – настаивал Серафим, – тогда пускай в ход мозги. Ты еще не раз удивишься тому, сколько способностей заложено в тебе, особенно если выпадет неожиданная ситуация.

Сергей также учился новым для себя способам освобождаться от захватов и удержаний: от захватов головы рук и различных удушающих захватов – нанесением точно выверенных ударов в определенные точки на теле противника. Затем он изучил способы, как можно справиться с одним или несколькими противниками, лежа на спине, на боку, вставая на ноги, – для того, чтобы он мог драться, будучи раненным, или на неровной местности, или с неудобного положения.

Как-то раз, размышляя о той цели, которую он поставил перед собой, и о тех, с кем ему предстояло сразиться, он сказал Серафиму:

– Некоторые из моих противников выше ростом и сильнее меня физически. Один из них настоящий великан...

– Это не имеет значения, – ответил монах. – Большие люди могут хорошо драться на дистанции, но мягкость, текучесть и скорость превозмогут любые размеры и силу. Человек маленького роста может биться на близком расстоянии. Каждый тип сложения имеет свои сильные и слабые стороны, так что нужно работать над тем, чтобы слабые стороны были не так очевидны, и сосредоточиться на сильных. Даже того, кто быстрее тебя, ты можешь победить, если мгновенно среагируешь на атаку, а не будешь ждать, когда он успеет нанести удар.

В то лето, когда Серафим решил, что Сергей наконец готов к тому, чтобы «начать учиться», они встретились на лесной поляне, и Серафим показал ему несколько исключительно эффективных движений, как уходить от атаки и разоружить человека, вооруженного саблей или мечом. Держа в руках острую, как бритва, саблю, мягко скользя над землей и рубя саблей воздух, Серафим сказал:

– Если научишься, как работать саблей, легче будет научиться и тому, как от нее защищаться.

После того как Сергей несколько недель отрабатывал различные атаки и удары на манер японских самураев, Серафим предложил ему вынуть саблю из ножен как можно быстрее и ударить его.

Сергей стоял примерно в трех метрах от наставника. Он уже был готов вынуть саблю из ножен и, как можно быстрее сократив расстояние, нанести удар, как и приказал Серафим. Но как только он начал двигаться, Серафим оказался рядом, захватив Сергееву руку так, что он не в состоянии был вытащить саблю из ножен. Затем показал, как он мог отключить Сергея несколькими приемами.

– Никогда не бойся оружия, только человека, который работает им. Сосредоточься на своем противнике, пока тот сосредоточен на своем ноже, сабле или пистолете. Он вкладывает свою силу в оружие, но забывает об остальном теле. И в тот момент, когда ты захочешь уклониться от оружия, делай это без промедления, не раздумывая! Сократи

дистанцию и разоружи его до того, как он успеет им воспользоваться. Останови атаку до того, как она начнется.

Но понадобилась не одна неделя терпеливых тренировок, прежде чем Сергей научился преодолевать расстояние до противника за какие-то доли секунды.

Затем, на первый взгляд неожиданно, тренировки приняли совсем другой характер. Однажды, когда они возвращались обратно в скит после обычной прогулки на свежем воздухе позднего сентября, Серафим заговорил о выдержке и нравственности боя:

– Ты хорошо себя показал за эти годы, Сократес. Но тренировка навыков – это еще не все, это только начало. Движения великих воинов так раскованны и свободны потому, что они сражаются за дело, большее, чем они сами. Только подчинившись Божьей воле, можно добыть победу на поле боя и обрести мир в жизни.

Серафим стал жестикулировать, как он обычно делал, когда хотел выделить какой-то особо важный момент:

– Настоящий воин, Сократес, не теряет своего человеческого облика даже в бою. Если настроишься на то, чтобы одержать победу любой ценой, можешь незаметно и душу свою потерять. Тот, кто сражается с драконом, может и сам стать драконом.

Эти слова и глубокая духовность, которая за ними стояла, проникли не только в ум Сергея, но и в его сердце. Он не мог не смотреть на мирного воина-монаха с благодарностью. Тот согласился принять на себя роль его наставника и продолжал оставаться им последние семь лет. Сергей вдруг понял, насколько нелепым было то, что он перестал звать его «отцом», хотя именно это место, пустовавшее в душе еще с детских лет, Серафим как раз и занял.

В эту ночь, когда Сергей по обыкновению произносил молитву любви и памяти по Ане и своему сыну, он мысленно поблагодарил Серафима за его духовную щедрость и неподдельное человеколюбие.

Сергею было известно с самого начала, что Серафим не принимал той цели, которую он наметил перед собой. И все же каждый день, если его не отвлекали безотлагательные монастырские дела, этот отец острова продолжал дарить Сергею часть своей жизни и своего опыта, не получая взамен ничего, кроме Сергеевой признательности. Но для Серафима и это, очевидно, казалось щедрой наградой за то, что он мог служить непостижимой воле Творца.

Понимание этой истины наполнило сердце Сергея еще большей любовью к своему наставнику.

33.

Закончилась утренняя тренировка с Егорычем, и Павлина помчалась через лес к речке, радостно смеясь, дразня Константина и не давая заключить себя в объятия. Пока что ему не составляло труда догнать Павлину. Но ее сила и ловкость росли так стремительно, что чувствовалось: скоро ему придется изрядно постараться, чтобы догнать подружку.

Константин, превратившийся за эти годы в высокого и стройного подростка, оставался ее защитником и другом. Правда, Павлина уже больше не нуждалась в его защите – она с удивительной для одиннадцатилетней девочки силой вполне могла постоять за себя сама. Ну и конечно никто из старших в лагере и без того не осмелился бы хоть чем-то задеть закольевскую любимицу. Павлину, особенно в ее ранние годы, если и нужно было защищать, так разве что от самой себя. Она успела перепробовать все рискованные забавы, на которых другой бы свернул шею: влезала на самые верхушки деревьев, проходила по скользкому бревну над бурной речкой. Выносливая и неукротимая, как мальчишка, она запросто могла положить на обе лопатки любого из них.

Павлине удавалось справляться даже с некоторыми из старших по возрасту подростков-мальчишек. Егорыч тренировал ее в традиционном казацком стиле рукопашного боя, где главное внимание уделялось плавности движений, равновесию и скорости, а не грубой силе. Все в лагере были согласны с тем, что у Павлины, бесспорно, талант рукопашного бойца. Правда, никто даже не осмеливался поинтересоваться, а зачем, собственно, атаман Закольев надумал учить ее всему этому. Каждый из мужчин в лагере должен был показать ей всё из боевых техник, что только знал и умел сам. Один только Королёв не соглашался, как он говорил, «играть в песочнице».

Атаманова любовь к ней была поистине безмерной, но даже его сантименты уступали место отцовской строгости, когда дело доходило до ее бойцовой тренировки. Он требовал от нее, чтобы она выкладывалась на полную силу каждый день, на каждой тренировке – а их в течение дня бывало две, а то и три. Но Павлина и не думала жаловаться. Ей было не занимать ни сил, ни желания, и она гордилась своими успехами. На самом деле она занималась с такой самоотдачей, что изумляла всех, кто за ней наблюдал.

Константин же большую часть времени проводил наедине с собой, в мечтах и чтении. Еще ему полюбили рисовать – где угодно, на чем попало: прутиком в пыли или углем из костра на клочке бумаги, если ему вдруг попадалась в руки такая редкость, как клочок бумаги. И еще он думал о Павлине. Ему нужны были ее нежность, ее невинность – сам он уже растерял эти качества в сутолоке лагерной жизни. Ему казалось, в те минуты, что они были вместе, он словно выходил из неубранной хаты в лес, полный весенних ароматов. Если была возможность, он, устроившись в каком-нибудь укромном месте, всегда наблюдал, как Егорыч тренирует девочку.

Выше и сильнее Егорыча в лагере был разве что гигант Королёв. Своей массивной фигурой и тяжелой поступью старик напоминал Константину медведя. Это сходство только подчеркивалось густой каштановой бородой. Руки и грудь, поросшие рыжими курчавыми волосами, тоже были похожи на медвежьи лапы. И сила у него была медвежья, не меньше. Хотя он не мог двигаться так же проворно, как тот молодняк, что ему отдавали в науку, их потуги справиться с ним были ему нипочем.

В той, прежней жизни он был каменщиком. Затем судьба свела его с Закольевым. Как-то в кабачке коренастый старик что-то не поделил с Туморовым. Еще через минуту Туморов и те, кто поспешил ему на подмогу, уже лежали плашмя. Никто из них серьезно не пострадал, если не считать немного подмоченной репутации тех, кто привык считать себя непобедимым бойцом. Когда на шум зашел Закольев, Егорыч сказал ему: «Если прикажешь, могу поучить твоих щенят, как надо драться». Так он и пристал к закольевскому отряду, и у Закольева не было случая пожалеть об этом приобретении. Никто не мог справиться с ним. Единственный раз ему случилось упасть в драке под тяжелым кулаком Королёва. Гигант своим кулачищем едва не провалил старику голову,

но и сам пропустил несколько столь внушительных ударов, что проникся уважением к старому бойцу.

С тех пор к нему и прилипло дружески-почтительное прозвище «старик Егорыч». Был он послушным, верным и никогда не задавал вопросов – словом, идеальный учитель для Павлины. Егорыч считал великой честью для себя то, что атаман приставил его наставником к девочке. Старик радовался каждому ее успеху, каждому движению и приему, который его ученица от него переняла. Своих детей, да и семьи своей, у Егорыча никогда не было, и это еще сильнее сблизило его с Шурой, единственной женщиной в лагере постарше. На самом деле именно Егорыч и Шура стали девочке за родителей.

Егорыч ладил со всеми в отряде, кроме Королёва. Ему было не по нутру то, какими глазами гигант с некоторых пор стал смотреть на Павлину. Королёв был не настолько самоуверен, чтобы приставать к ребенку, но Егорыч, достаточно насмотревшись, какими нравами жил закольевский отряд, старался по возможности не оставлять девочку без присмотра.

Каждый день Егорыч гонял Павлину до изнеможения, изобретая для нее все новые и новые упражнения и нагрузки: бег, плаванье, лазанье по скалам. С некоторого времени он также обучал ее техникам, с которыми других своих подопечных предпочитал не знакомить. Он приберег кое-что про запас для своей любимицы.

– Случись дочке остаться одной, – бормотал он себе под нос, – а меня не будет рядом, она должна суметь самостоятельно дать отпор любому, в том числе и однорукому гиганту.

Егорыч решил посвятить этому свою жизнь.

Константин между тем рос как на дрожжах. Постоянно голодный, он все время вырастал из своей одежды и обуви. Одно время он даже ходил босиком, пока не подобрал для себя пару сапог, на которые никто не позарился, из кучи брошенных вещей, регулярно появляющихся в лагере после каждого набега. Порой он чувствовал себя смешным и неуклюжим. Привычно уже устраиваясь вместе с мужиками у костра, он слушал их рассказы о женщинах, но даже не осмеливался подумать о чем-то подобном между собой и Павлиной – ему становилось плохо только от одной мысли о чем-то подобном.

Его чувство к Павлине – вот то, что оставалось постоянным среди тех перемен, что принесла ему жизнь за эти годы. Павлина была единственной живой душой на свете, для которой он хоть что-то по-настоящему значил в этой жизни, несмотря ни на что. Привязанность к «папке» сменилась у Константина жгучей ревностью. Тот, кем Павлина так восхищалась, вызывал у него все большую неприязнь. Но ведь, в конце концов, она видела только одну сторону атамановой жизни. Для нее он был защитником, покровителем, отцом. К тому же он ни разу не дал Павлине повода усомниться в искренности его отцовской любви. Она не знала, кем на самом деле был Дмитрий Закольев, а Константин просто не находил в себе силы раскрыть ей глаза на то, какой страшный человек их атаман.

Константин старался скрывать свою растущую привязанность к Павлине. Когда-то он был ей как брат, но теперь его чувства изменились, став глубже, совсем иными. Он понимал, что в действительности должен испытывать благодарность к атаману. Ведь тот только приветствовал их дружбу – настолько, насколько она не мешала ее тренировкам.

Тем более что еще много лет назад атаман лично распорядился, что в отряде он будет только помощником, но не бойцом, и все свое время должен посвящать Павлине. Поэтому не было ничего удивительного в том, что никто из мужчин не приглашал его изучать боевые искусства.

По правде говоря, он был даже рад этому. Мысль о том, чтобы стремительно мчаться на лошадях с другими, «настоящими мужчинами», размахивая саблей, уже не привлекала его. У него были другие интересы и способности. Куча вещей, которые были отняты у убитых евреев, но никого в лагере не заинтересовали, становилась все больше. Однажды Константин нашел в ней настоящую драгоценность – набор кистей и красок. И пока Павлина совершенствовалась в своем искусстве, Константин тоже не сидел без дела. Когда не было бумаги, чтобы рисовать кистью, он рисовал углем на всем, что попадало под руку. Он мог часами сидеть, не замечая ничего вокруг, рисуя то, что видели его глаза: деревья, лошадей и птиц, а иногда и причудливые образы из своих снов.

Только мысль о своем будущем могла навести на Константина тоску. Неужели же, спрашивал он себя, так всю жизнь он и просидит здесь, вместе с женщинами и Егорычем, в ожидании, когда те самые «настоящие мужчины» вернутся с вылазки. А ведь в их числе уже были и многие из его сверстников. Для них Константин был просто чудачком.

Одна Павлина понимала его.

Но и с ней рядом он тоже чувствовал себя неловко. Непринужденности, что прежде наполняла их отношения, уже не было. Когда им случалось остаться наедине, он чувствовал себя ужасно неуклюжим, не решаясь сказать ей всего того, о чем раньше так легко говорилось. И он заводил разговор о тренировках, а она отвечала ему с таким жаром, что он понимал – в ее глазах он остался все тем же самым близким другом.

Константин не раз любовался, как развеваются волосы Павлины цвета густого чернозема, когда она бежала ему навстречу. Для него она была красавицей, даже в мальчишеской одежде. Однажды он не удержался и нарисовал ее лицо – потом оба они смеялись над этой попыткой. Но снова и снова Константин принимался рисовать ее, но ему так и не удавалось поймать той ее красоты, что поражала его. Если бы не защита атамана, эта красота принесла бы Павлине немало бед.

Атаман. Их «папка». От одной только мысли о нем кровь бросилась в лицо Константину. Лицемерие и обман, царившие в лагере, были ему невыносимы. Павлина же видела только то, что хотела видеть, – и то, что ей разрешалось видеть. Строгая, почти затворническая жизнь атамана, и еще отряд всадников, который зачем-то регулярно уезжал из поселка.

Константин понимал, что обязан рассказать ей обо всем, но с каждым днем молчания ему становилось все тяжелее заставить себя сказать ей правду. Да и она не поверит ей, этой правде. Скорее он потеряет ее доверие. Возможно, Павлина даже возненавидит его. Ну а если и она выступит против «папки», то это кончится катастрофой для них обоих.

Ему нужно было просто ждать момента, когда ее глаза раскроются сами на ту правду, которую он не решался ей открыть.

Павлина, с ее чистым умом и добрым сердцем, склонна была видеть те же качества во всех, кто окружал ее. Конечно, и ей случалось быть свидетельницей гневных

припадков и необъяснимой смены настроения, что все чаще случались у отца. Но, как и всякий любимый ребенок, она считала недостатки отца чем-то незначительным. Отгороженная от остальной жизни его непререкаемым авторитетом, полностью отдавшись тому занятию, которое он для нее придумал, Павлина просто не имела времени и возможности раздумывать о чем-то другом. Она считала само собой разумеющимся, что ей, как единственной и любимой атамановой дочке, положено и особое обучение, и особое отношение. Она не замечала покорного, незаметного положения остальных женщин, их жизни, состоявшей исключительно из стирки, стряпни и прислуживания мужчинам.

И лишь иногда, в те несколько спокойных минут, что у нее были перед сном, Павлина задумывалась о жизни, которой она могла бы жить среди других женщин, неторопливой и размеренной...

В конце концов, у меня есть мой старый медведь, вздыхала она. И еще рядом со мной всегда будет Контин.

34.

Прошло целое десятилетие после гибели его жены, и все эти годы слились для Сергея в единый миг подготовки к одному-единственному акту возмездия. Иногда это ему самому казалось каким-то безумием, в других же случаях – делом справедливым и благородным. Кто-то убил твою семью. Ты отправляешь его в ад. Все просто, и ни к чему все усложнять.

К этому времени он, сам того не осознавая, стал мощным воином, оставив далеко позади и Алексея-Казака, и даже Разина. Сила и мощь, растущие не по дням, а по часам, так и изливались из него, словно подтверждение его мастерства, непобедимости, смиряемые разве что периодическими взбучками Серафима.

Но с вместе с метаморфозой, которая произошла в Сергее, все сильнее становилось его беспокойство и нетерпение. Вопрос, который он уже не раз задавал себе, по-прежнему не давал ему покоя: сколько еще я буду позволять Дмитрию Закольеву ходить по этой земле? В мыслях он то и дело устремлялся на юг, к черте оседлости. Едва ли закольевская банда покончила со своим прошлым. Скорее всего, они и дальше продолжают проливать кровь невинных людей.

Сергей наконец принял решение. Пришло его время снова отправляться в путь. Но и расстаться со своим старым учителем, вдруг понял Сергей, ему будет непросто. Он восхищался Серафимом, и к этому восхищению, неожиданно понял он, было подмешано еще и чувство зависти, зависти к тому миру, который царил в этой уединенной обители, к чувству умиротворения и благодати, которых, возможно, Сергей никогда и нигде не найдет более. И все же ему хотелось верить, что однажды и ему удастся познать то, что так хотел открыть для него старый монах.

Он сообщил Серафиму о своем решении при следующей же встрече:

– Серафим, пришло время мне собираться в дорогу. Серафим только молча разгладил бороду и сказал:

– Что ж, может, и так... Но мне все-таки непонятно, Сократес, как ты собираешься победить столько людей зараз, когда ты не можешь даже старика-монаха поставить на место?

– Ты хочешь сказать, что, прежде чем уйти, я должен победить *тебя*?

– Ты ничего мне не должен. Это скит, а не тюрьма.

Двери открыты – можешь уйти, когда захочешь.

– Я хотел бы уйти с твоим благословением.

– Ты уже получил мое благословение, в тот день, когда мы только встретились. И даже раньше...

– Серафим, ты ведь понял, что я хотел сказать. Старый монах улыбнулся.

– Мы оба поняли, о чем идет речь. Я просто хотел сказать вот что: если ты победишь меня в спарринге, это будет хороший знак, что ты уже готов.

Несмотря на то что они уже не раз спарринговали в прошлом, этот поединок должен был стать совсем другим. Это уже больше не будет поединок мальчика против гиганта. На стороне Сергея теперь были не только скорость и молодость, но еще и опыт постоянных тренировок. Теперь он в уме не прекращал тренировок, даже когда ел, работал, даже когда спал. Да, он уже был готов к такому поединку.

Сергей кивнул, и Серафим ответил ему таким же кивком.

Они стали кружить один против другого. Сергей глубоко вдохнул и сделал прямой, но ложный выпад, стараясь провести финт. Не отвечая на его обманные движения, Серафим продолжал расслабленно стоять, пока Сергей танцевал вокруг него. Затем старый монах шагнул вперед и взмахнул рукой. Он едва заметным движением чуть не свалил Сергея с ног. Но его ученик выстоял – ему удалось сохранить равновесие. Наоборот, Сергею самому удалось схватить Серафима за край рясы, и он уже сделал подшаг, чтобы провести бросок...

Но учитель его, словно растворяясь в воздухе, в последний миг постоянно уходил от удара.

Сергей наносил удары руками, ногами, делал выпады, пытался ударить его локтем, а Серафим отражал его натиск так мягко, что Сергей нигде не чувствовал сопротивления. Никакого сцепления. Монах никогда не был там, где Сергей ожидал его застать. И Сергей просто перестал чего-то ждать. В этот момент, в этот неожиданный миг перед ним, перед его взором и чувствами оказалось открыто все: Серафим, небо, земля. Сергею удалось провести бросок, но Серафим в падении сам бросил Сергея, и они оба, словно в унисон, вскочили на ноги. Их бой продолжался, но в этом бою не было соперничества. Больше не было ни Сергея, ни Серафима. Было только движение энергии.

Затем Сергей сделал выпад. Прежде чем его нога коснулась земли, Серафим просто на глазах исчез, чтобы появиться уже в другом месте, рядом. Подсечка, и в следующее мгновение Сергей уже лежал, раскинув руки, на спине, а Серафим склонился над ним, готовый нанести завершающий удар. Поединок завершился.

Это уже было похоже на настоящий бой, а не на обучение. Серафим уже не поддавался Сергею. Да и не мог уже этого позволить. Но и Сергею наконец открылись качества его учителя, которые позволили тому взять верх и которых не доставало ему самому. Поединок завершился не его победой, но для Сергея он, тем не менее, стал огромным прорывом. В эти несколько минут он впитал все то, на что обычно ему требовалось несколько месяцев. И они оба знали это. Но это также означало, что он никуда не пойдет, по крайней мере скоро. Его тренировки будут продолжаться.

Но примут они такой вид, который он даже не мог себе представить.

Когда началось их следующее занятие, Серафим просто поставил его в известность:

– Вся твоя прошлая тренировка была только подготовкой к тому, что я собираюсь показать тебе. Сегодня день, когда тебе предстоит заново родиться. Я собираюсь обучить тебя той единственной технике, которой в первую очередь обязан теми скромными умениями, что я приобрел сам. Мы бы могли начать с ее отработки с первого же нашего занятия. Но тогда у тебя ушли бы на нее годы – лет двадцать. Проведя с тобой в подготовке эти несколько лет, мы смогли выйти на нее кратчайшим путем, чего ты так искренне желал. Но при твоём настоящем уровне подготовки, я думаю, мы сможем освоить эту технику не более, чем за год. А начнем вот с чего...

Это оказался самый радикальный метод боевой подготовки, с которым Сергей только сталкивался. И начался он со следующих слов.

– Приготовься, – сказал Серафим. – Сейчас я нанесу удар.

Сергей сбросил напряжение, уже привычно настраиваясь на расширенное состояние сознания. Он ждал, готовый отразить удар. Прошло какое-то время, но Серафим стоял неподвижно, словно статуя...

Сергей сделал глубокий вдох, еще один. Не вытерпев, он спросил:

– Так что же? Когда ты будешь нападать?

– Я уже нападаю, – ответил Серафим.

– Не понял...

– Тсс... Не шуми. Слова только притягивают твоё внимание к нижнему сознанию, и ты не замечаешь того, что происходит вокруг тебя.

В последовавшей тишине Сергей наконец увидел – рука Серафима и все его тело и в самом деле двигались в его сторону, но так медленно, что старый монах казался неподвижным.

Прошла еще минута.

– Что это, шутка? – переспросил Сергей. – В чем тут смысл?

– Подмечай каждый текущий момент, – сказал Серафим тихим и мягким голосом. – Почувствуй все свое тело, от пальцев на ногах до макушки и кончиков пальцев на руках.

И постарайся сделать так, чтобы скорость твоей реакции на мое движение соответствовала скорости моей атаки.

Сергей лишь вздохнул в ответ и постарался как можно лучше исполнить то, что велел ему Серафим, двигаясь как можно медленнее и сосредоточеннее. Все это казалось совершенно бессмысленной тратой времени. И все же он двигался в едином ритме с движениями старого мастера те несколько минут, которые понадобились Серафиму, чтобы завершить свой хук, начатый несколько минут назад.

И в эти минуты он стал подмечать, где в его теле еще сохранялось едва ощутимое напряжение, и усилием воли сбрасывал это напряжение с бедер, желудка, плеч...

Когда первое движение было закончено, Серафим начал еще одно, хотя сложно было так сразу угадать, какое именно. В этот момент Сергей снова нарушил тишину:

– Серафим, я прекрасно понимаю, что медленное движение отрабатывать тоже надо. Но настолько медленно? За это время я успею сходить кухню подмести, прежде чем ты окажешься рядом со мной.

– Расслабься... Дыши... Наблюдай... – повторил Серафим. – Делай, как я...

И они продолжили, в полной тишине, так медленно, что солнце незаметно стало клониться к закату.

Казалось, само время остановилось, пока они продолжали практиковать. Прошла не одна неделя до той поры, пока скорость движений Серафима заметно изменилась. Партнеры по-прежнему двигались медленно, словно в густой патоке, но по крайней мере само движение уже было явно ощутимо.

Сергей стал исправлять неточности в своих стойках, которые он раньше не замечал, и глубоко расслабляться по ходу движения. Что бы ни происходило в каждый отдельный миг, его тело реагировало естественно, не прилагая усилий. Каждый уголок его тела был теперь открыт внутреннему взгляду.

Сергей начал ощущать связь различных частей тела, даже внутренних органов, костей и суставов, с потоками энергии, что текли от земли вверх через ноги и руки, которые становились проводниками вихреподобных потоков, шедших от энергетических центров тела.

Время от времени Серафим шепотом напоминал ему:

– Двигайся как водоросль... Плыви... Поднимайся... Падай... Поворачивайся.

Но по большей части они хранили молчание, потому что в словах больше не было необходимости. Движение стало глубокой медитацией, и временами, когда энергия вливалась в сердце Сергея, оно становилось неотличимым от молитвы.

В последующие месяцы Серафим продолжал атаковать его медленными, текучими движениями, нанося удар кулаком... коленом... локтем, левой рукой... правой... джеб... хук... кросс... удар ногой... захват под всеми возможными углами... Солнце ползло по небу. Менялись тени. И времена года сменяли одно другое.

К середине лета, после тысяч атак, на каждый удар уходило не больше минуты. Постепенно в Сергее стало формироваться и расти новое чувство потока и ритма. Сергей уже давно перестал обдумывать то, что делает. Все теперь стало формой игры с энергией. Каждая реакция, ответ на каждое движение происходили сами по себе – бездумное движение, реакция без приложения усилий. Сергей мог часами пребывать в этом состоянии, похожем на сон. И все же это был не сон. Скорее нечто противоположное – это было чистое незамутненное восприятие, в котором не было разделения на отдельные «я», не было Серафима с Сократесом, а было одно целое, нераздельное, словно ветер, перелетавший из весны в лето.

К осени на каждое движение уходило уже всего пятнадцать секунд... затем десять... пять... Но Сергей уже почти не замечал своего прогресса. Его движение вперед перестало быть материальным. Какая бы сила ни входила в него, она впитывалась, распределялась в теле, смешиваясь с его энергетикой. Принципы новой техники он постигал словно бы костным мозгом. Он стал воплощением мастерства – притом что сам «он» ни к какому мастерству уже не стремился.

Пришла зима. Атаки теперь проходили молниеносно и хлестко, как удар кнута. Каждый удар парировался или отражался без приложения сил. Сергею не приходилось ничего делать, только удерживать свое восприятие.

В момент просветления Сергей наконец постиг, как двигается Серафим – с полнотой и грацией, которая прежде так восхищала его. Но, что казалось ему еще более удивительным, теперь и он сам мог так двигаться.

Оставив всякое сопротивление в уме и в теле, Сергей стал пустым, как незаполненный резервуар жизненной силы. Он уже давно приучился доверять Серафиму, затем доверять своему телу. И только теперь он смог прийти к доверию Тому, Что Есть.

Пришла весна, а с ней еще одна смена времен года. Теперь Серафим атаковал, как молния, – быстрее даже, чем видел глаз, – но для Сергея в этом не было никакой разницы. Движение оставляло лишь едва заметный след в воздухе, такой быстрый, что год назад Сергей едва ли смог бы различить его, не то чтобы среагировать или отразить. Но скорость и время больше ничего не значили.

Движение... движение...

И вот, без предупреждения, Серафим остановился. Сергей едва не упал. Все его тело вибрировало. Он чувствовал, как энергия, сгустившаяся, словно туман, водоворотом кружит вокруг них.

– Да, здорово мы с тобой закрутили, – сказал Серафим.

Сергей только кивнул, улыбаясь.

– Что дальше? – спросил он.

– На этом все, – ответил Серафим. – Наша совместная практика закончена.

Какое-то время Сергей слышал только, как шумит ветер в верхушках деревьев. Не уверенный в том, что правильно понял, он переспросил:

– Ты хочешь сказать, что мои тренировки закончены?

– Тренировки никогда не кончаются, – ответил Серафим. – Они только становятся сложнее, в зависимости от того, какую цель ты перед собой ставишь. Теперь ты осознал суть движения, взаимные связи, суть жизни, если угодно. Кое-что ты понял и в том, как надо вести поединок. Ты получил то, зачем прибыл сюда.

– Приглашаю тебя завтра просто пройтись. Но только никаких разговоров о кровопролитии. Давай лучше подумаем о более высоком призвании, которое может ждать тебя на этом пути.

– Серафим... ты же знаешь...

– Завтра, – прервал его старый монах. – Поговорим об этом завтра.

Когда они встретились на следующий день, Сергей заговорил первым:

– Ты же знаешь, Серафим, я дал клятву на могиле своих близких... – начал он.

– Твою клятву, Сократес, ты дал себе, а не Богу, – ответил Серафим, неторопливо ступая по узкой тропке. – В действительности, твой единственный враг – разве что ты сам. Примирись с самим собой, и тогда не будет никого, кто бы мог нанести тебе поражение. И ты тоже не будешь желать чьего-то поражения.

Какое-то время они шли в молчании, прежде чем Сергей нашелся что ответить.

– В прежние годы у меня тоже был учитель. Он сказал как-то, что верность слову – это делать то, что ты должен делать, любой ценой, – или погибнуть, пытаясь сделать это.

Сергей повернулся к Серафиму и глянул прямо ему в глаза не как наставнику в боевых искусствах, а как духовному проводнику.

– Я принял такое решение, отец Серафим, – я должен сразиться с ними.

Он вдруг заметил, какой утомленный вид у старого монаха.

– Не хочешь остаться здесь, с нами, как один из нас, хотя бы еще на несколько лет?

– А те люди тем временем будут сеять разрушение и смерть?

– Нет такого уголка на земле, Сократес, где бы люди не сеяли разрушение и смерть. Сама природа несет разрушение и смерть – ураганами и землетрясениями, голодом и болезнями. Даже в этот самый миг невинные люди умирают от насилия и от голода десятками тысяч, по всей земле. Так не возмнил ли ты о себе, Сократес? Кто наделил тебя такой мудростью, чтобы знать, кому жить, а кому умереть и какой смертью? Кто ты, чтобы знать, кому и что уготовано Богом?

Сергей не нашелся что ответить, поэтому он ответил вопросом на вопрос:

– О каком Боге ты говоришь, отец Серафим? Бог милосердия и справедливости, который в своей бесконечной мудрости счел нужным забрать мою семью? Этому ли Богу ты молишься?

Серафим в ответ только поднял свои кустистые седые брови в недоуменном, оценивающем взгляде:

– Ах, Сократес, это хорошо, что ты больше не прячешься перед лицом того, что преследовало тебя так долго. Хотел бы я, чтобы у меня был готовый ответ на твои слова – пара добрых слов, которые смогли бы исцелить твою душевную рану. Но пути Господни неисповедимы и для меня тоже. Был однажды такой мудрый человек по имени Гиллель, один из еврейских святых, который сказал: «Есть три загадки в этом мире: воздух для птиц, вода для рыб и человек для самого себя».

Я открыл для себя, что Бог – это загадка из загадок. И все же Он всегда с нами, как биение сердца, так близко, как наше следующий вдох... Окружает нас, словно воздух, словно вода... Ощутим везде и во всем. Но уму не по силам понять такое, только сердцу... Вот где ты можешь найти веру...

– Я перестал верить в Бога много лет назад.

– Даже неверующие ходят под Богом. Да и как может быть иначе? – Серафим пристально посмотрел на него. – Пребывай в этой тайне, Сократес. Доверься ей. Освободись от знания того, чему следует и чему не следует быть, и ты снова найдешь свою веру.

Сергей покачал головой.

– Все, что ты говоришь, отче, для меня было и остается истиной... Хотя я не совсем улавливаю смысл.

– Помнишь, было время, когда ты не мог меня поймать даже за край рясы? Но немного терпения – и смотри, что ты обрел теперь...

– И еще годы тренировок.

– Да. Возможно, пришло время учиться... но чему-то другому. – На мгновение монах умолк, подыскивая слова. – Твоя практика уже показала тебе, что наш ум имеет свои ограничения. Разум – это лестница в небо, спору нет, но до самого неба эта лестница немножечко не достает. Только мудрость сердца может незаблудно провести тебя по этому пути. Твой древний тезка, Сократес, напоминал афинской молодежи, что мудрость начинается со способности удивляться...

– И все же, Серафим, если оставить эти возвышенные слова, – что мне следует делать?

– А что все, по-твоему, делают? Нужно ставить одну ногу перед другой! Ты только актер по-настоящему великой драмы, смысл которой постичь может только Бог... временами мне кажется, что даже Бог не совсем понимает, что в действительности происходит! – сказал он, засмеявшись. – Мы можем только играть ту роль, которая нам

дана, понимаешь? Те, кто возникают в твоей жизни – не важно, на пользу или во вред, – все они посланы Богом. Встречай всех их с мирным сердцем, но с духом воина. На этом пути тебе не раз придется упасть, но в каждом падении тебе будет и наука. А научившись, ты найдешь свой путь. Пока что подчинись Божьей воле и живи жизнь, которая тебе дана, мгновение за мгновением.

– Как я могу узнать Божью волю, Серафим?

– Вера не в том, чтобы досконально знать что-то о чем-то, – ответил он. – Она заключается только в мужественном приятии всего того, что происходит – приносит ли это радость или страдание, – с верой, что все это ради высшего блага.

Они уже были совсем рядом со скитом.

35.

Годы оказались беспощадными к Дмитрию Закольеву. Когда-то высокий и жилистый, а теперь сгорбленный и высохший, с годами он превратился в бледное подобие себя прежнего. Глядя на его впалые щеки, каждый в лагере уже понимал, что их неукротимый прежде атаман стоит одной ногой в могиле. И лишь глаза безумным блеском горели на этом лице решимостью, превратившейся в одержимость. Словно бы весь его мир сузился до одной точки, и этой точкой была Павлина и ее тренировки.

Павлина к лету 1906 года была все такой же худощавой и подвижной, быстро прибавляя в ловкости, выносливости, да и возросла она не по дням, а по часам. Ее бойцовское мастерство тоже стремительно росло – к изумлению всех, кто наблюдал за ее тренировками.

Егорыч оказался хорошим наставником. Но Закольев больше не доверял старику. Он уже не доверял никому, кроме своей дочери. Даже Королёв был у него на подозрении. От его глаз не укрылось, как насмешливо ухмыляется или отворачивается гигант при появлении атамана. И не только Королёв. Остальные все тоже, слышалось атаману, шепчутся за его спиной.

Его дочь – в ней была теперь вся его надежда. Ей будет по силам вернуть и его власть, и прежнее почести, и уважение. Она подарит ему покой. Не было такого дня, чтобы он не наблюдал за ее тренировкой. Но даже тогда он уже не был хозяином своего ума. Невольно его взгляд обращался внутрь: и тогда белый свет мерк перед его глазами, распадаясь на отдельные фрагменты и образы: слова, стоны, крики и кровь.

Вздрагнув, он пробуждался, вспоминая, кто он и где находится, – усталый до мозга костей, не в силах оградиться от кошмара, что преследовал его теперь и при свете дня. *Зверюгаполосует* тело его матери на кровавые обрывки плоти. И с ее криком сливались крики евреев, что не прекращались ни на минуту.

Павлина. Девочка станет женщиной, женщина – бойцом. Павлина – его нож, его меч, его спасение. Она убьет *зверюгу*, и его предсмертный крик станет последним, чтобы потом пришла тишина.

36.

Следующие несколько дней Сергей провел в созерцательном уединении. Ему было о чем поразмыслить. Они с Серафимом уже немало троп исходили по острову – порой в полном молчании, порой беседуя. Но ни о чем, связанном с боевыми искусствами и поединками, они больше не говорили.

Сергея волновали теперь куда более глубокие вопросы. И ответов на них теперь следовало ждать не от Серафима, а от самого себя. Следует ли ему так неотступно придерживаться своей клятвы? И сама его решимость – происходит ли она от постоянства или от жесткости? И что ему все-таки выбрать – войну или мир? Возможно, и в самом деле его ждет какое-то более высокое призвание? И наконец все вопросы слились в один: принесет ли отдохновение Аниной душе, если он убьет этих людей – или сам погибнет, пытаясь убить их?

Сергей уже не был ни в чем уверен теперь и просто-таки истязал себя за отсутствие прежней решимости. Может, Закольев и в самом деле был прав, когда назвал его слабаком и трусом? И если Сергей не выступит против своего врага, что за смысл был тогда во всех этих тренировках, на которые ушли долгие годы? Сергей сам себе напоминал заряженное ружье, которое вот-вот должно выстрелить – или взорваться.

И все же ведь и ружье можно разрядить, и уже обнаженный меч вернуть обратно в ножны. Вот что сказал бы на это Серафим.

Ему припомнилась одна история – одна из тех, что рассказывал Серафим пару месяцев назад, очевидно предвидя этот самый момент. Говорилось в ней об одном горячем и высокомерном молодом самурае, у которого так было заведено для своих крестьян: за малейшую провинность голову с плеч долой. У самураев, которые были сами себе закон, подобное поведение принималось как само собой разумеющееся.

Но в один из дней, смывая кровь со своего меча после очередной расправы, молодой самурай вдруг забеспокоился. А вдруг его поступок не понравится богам и в наказание они отправят его в обитель ада? Желая побольше разузнать о духовных сферах, он решил посетить скромное жилище дзэнского мастера по имени Кандзаки.

С подобающим случаю почтением самурай отстегнул свою острую, как бритва, катану, положил ее подле себя. Отвесил почтительный поклон и сказал: «Прошу вас, поведайте мне о Небесах и аде!»

Мастер Кандзаки взглянул на молодого самурая и улыбнулся. Неожиданно его улыбка перешла в хриплый смех. Он показал пальцем на молодого воина, словно тот сказал нечто забавное. Все еще трясаясь от смеха, мастер хлопнул в ладоши и произнес: «Тупица! И ты еще хочешь, чтобы я, известный мудрец, тратил на тебя свое время? Куда тебе понять такие вещи, недоносок!»

Самурай тут же вспылил – еще бы, кого другого он бы вмиг зарубил и за малую долю подобного оскорбления. Ему стоило огромных усилий сдержаться и не схватиться за меч, хотя у него все кипело внутри. Но, оказывается, мастер Кандзаки еще не все сказал. «Да и что удивляться, что ты получился такой болван – ведь ты сын болвана, и все в твоём роду как один...»

Кровь застлала глаза молодому самураю. Он выхватил меч из ножен и, подскочив, как ужаленный, замахнулся, чтобы снести голову мастеру.

В тот же миг мастер Кандзаки направил на него указательный палец и ледяным тоном произнес: «Вот так открываются врата ада».

Воин застыл. Словно молния вспыхнула у него в мозгу. Он осознал, какова природа ада – ее не нужно было искать где-то *вне*. В эту самую минуту он сам был обитателем ада. Молодой самурай опустился на колени, положил меч рядом с собой и отвесил мастеру смиренный поклон: «Мастер, не знаю, как вас благодарить за тот необходимый урок, что вы мне только что преподали. Благодарю вас! Благодарю вас!»

Мастер дзэн улыбнулся в ответ, еще раз ткнул в него пальцем и сказал: «А вот так открываются врата рая».

«Может быть, тот самурай – это я и есть», – подумал Сергей, окапывая деревья в скитском саду.

На следующий день во время прогулки Сергей рассказал Серафиму историю своей жизни, от самых ранних дней, которые еще задержались в его памяти, до того времени, когда он прибыл на Валаам. Когда с рассказом было покончено, Серафим сказал:

– Твоя история, Сократес, только начинается. Ты запомни вот что: твое прошлое не определяет твое будущее – но ты, тем не менее, тащишь его за собой, как мешок с камнями.

– Ты хочешь сказать, что мне следует забыть о своем прошлом?

– Воспоминания – словно выцветшая картина. Некоторыми мы дорожим. Другие причиняют нам боль. Нет причины выбрасывать их все. Отложи в укромное место только те, что ты хотел бы сохранить, чтобы время от времени доставать их и любоваться. Прошлому не должно вторгаться в настоящее. Меня меньше волнует то, где ты был, чем то, куда тебе еще предстоит пойти.

– А куда меня зовет дорога? – спросил Сергей. – Может быть, тебе и это открыто?

Серафим только пристально посмотрел на него.

– Да, кое-что я действительно вижу... – наконец произнес он. – Но давай поговорим об этом в другой раз как-нибудь. Позволь мне еще раз напомнить тебе – нет такого места, которое можно было бы назвать «там». Куда бы ты ни шел, ты всегда будешь «здесь». Здесь – это все, что у тебя есть.

– Но даже здесь прошлое все равно остается частью меня.

– Это не более чем картины, о которых я тебе говорил, – повторил монах. – Пришло время тебе примириться с прошлым – так же, как и принять настоящее. Все, что было, – прошло. Все это лишь совершенная часть того, из чего складывается твоя жизнь...

– Совершенная? – слова старого монаха неожиданно разозлили Сергея. – Это ты про смерть моей жены и сына?

Серафим жестом остановил его.

– Возьми себя в руки. Ты понимаешь мои слова иначе, чем они были сказаны на другом уровне понимания. А я имею в виду высший смысл – все это было неизбежно, иначе мы бы с тобой не встретились. Это Творец зовет тебя вперед, к тому, что еще только ждет тебя в будущем.

– Как тебе может быть известно такое?

– Известно? – поднял брови Серафим. – Да мне не известно даже, встанет ли солнце завтра, проснусь ли я поутру. Мне не известно, дарует ли мне Господь мой следующий вздох. Поэтому я предпочитаю жить верой, а не знанием – и принимать все, что выпадает на мою долю, ожидаемое или нет, горькое или сладкое – все как одно, как дар Божий.

– И это тоже слова, Серафим. Что я, по-твоему, должен делать с ними?

– Ничего не делай. Оставь слова позади, когда пойдешь к месту внутри тебя, которое уже знает, что...

– Знает что именно?

– Что с каждым новым днем начинается новая жизнь. Что в каждый миг ты рождаешься заново. Это одно значение благодати, Сократес. Иногда все, что в твоих силах, – оставаться в осознании этого момента и делать лучшее, на что ты способен.

– Если послушать тебя, жизнь такая простая штука.

– Простая – да, но я не сказал, что легкая. И я могу тебе обещать – однажды наступит день, когда ты постигнешь ее во всей полноте и она будет такой ясной и простой, что тебе только и останется что рассмеяться от удовольствия. В моих силах пока что лишь заронить зерно. Все остальное – в руках Божьих.

Сергей задумался над смыслом Серафимовых слов, чувствуя, что они проникают в самую глубину его сознания. Но неожиданно у него появился еще один вопрос:

– Серафим... Тогда... Еще тогда, когда мы впервые встретились, – как ты мог так много знать обо мне?

Старый монах ответил не сразу. Наконец он нарушил молчание:

– Много лет назад, Сократес, еще до того, как я стал монахом, я был солдатом. Я сражался в самых ужасных боях и видел такое кровопролитие, какое и помыслить человеку не в силах. А потом... потом пришла другая скорбь...

И тогда я отправился на Восток в поисках смысла, и мира тоже. У меня почти не было надежды отыскать хоть что-то из этого. Я побывал во многих землях, узнал много путей, ведущих к Богу. Я узнал, что всякий путь хорош, если он ведет к возвышенной жизни. Я выбрал христианскую веру, но это не значит, что я отверг все те дары, что были получены мной, когда я знакомился с другими путями, различными тропами, что ведут к вершине одной горы...

Я обнаружил, что некоторые из этих даров всегда были со мной, но практика помогла мне открыть и взрастить их в себе. Один из таких даров – целительство. Даже

мальчишкой я ощущал в себе энергию, пульсировавшую в моих ладонях. Я верю, что энергия исходит из духовного источника. Другой мой дар – видение... и *предвидение*. Оно похоже на цветок, что раскрывает лепестки, когда на него падает луч света. И еще мне временами открывается, во снах или видениях, нечто о некоторых вещах, но никогда – всё обо всем.

– Знаешь, меня так часто поражала эта твоя способность...

– Чтобы понять ее, ты должен сам пережить нечто подобное. Когда ты открываешься для Бога, ты можешь знать всё, потому что ты и есть всё. Ты открываешь, что прошлое, настоящее и будущее – всё случается ни в какое иное время, как только сейчас. Вот так мне и удается временами видеть и знать.

– И ты видел то, что уготовано мне в моем будущем?

– Я вижу то, что *может быть*, а не то, что *должно быть*. Поступки, что ты совершаешь сейчас, облекут в форму твое будущее. А быть ли ему хуже или лучше – это уже дело твоего *выбора*.

– Но можешь ли ты мне хоть что-нибудь открыть из того, что ждет меня впереди?

Серафим умолк, задумавшись над Сергеевыми словами.

– От каждого духовного дара неотделима и ответственность за него. Мои видения даны мне для того, чтобы я помогал советом, а не предсказанием. Если я расскажу тебе о том, что видел, это может укрепить тебя или же ослабить – а я не настолько мудр, чтобы знать это в точности.

В любом случае, я не хочу идти наперекор твоей свободной воле. Ты пришел на эту землю не для того, чтобы всецело полагаться на меня. Полагайся на себя, верь в себя, иди своим путем. Что, если бы я увидел, как ты расправляешься со своими врагами, в тот самый день, когда ты только ступил на этот остров? Захотел бы ты посвятить все эти годы тренировкам? И если да-то благодаря моему видению или вопреки ему? А что, если бы я увидел тебя поверженным? Это заставило бы тебя отказаться от своего намерения?

Взгляд Серафима, как показалось Сергею, вдруг стал печальным:

– Да и не всегда я понимаю то, что вижу, Сократес. Не могу тебе с полной уверенностью сказать, убьешь ли ты этих людей... а то, может, простишь их...

– Простить? Да я сперва отправлю их в ад!

– Они и так в аду.

– Это не оправдание!

– Нет, конечно же нет... – ответил старец. – Такому и не может быть оправдания. Порой даже объяснить такое непросто. Но однажды может случиться так, что ты увидишь этих людей как часть некоего своего большего «я». Тогда, в это самое мгновение, все встанет на свое место. Даже если тебя призовут на бой, ты будешь знать, что ты всего лишь бьешься с самим собой.

Серафим неторопливо зашагал, очевидно, подбирая слова:

– То, что я собираюсь рассказать тебе, я никогда не открывал никому – но тебе, возможно, это поможет кое-что понять в самом себе...

Когда-то и я был женат. Я был молод, влюблен, у нас было трое детей. Затем я ушел на войну, а их убили разбойники.

Он замолчал, затем, все так же неторопливо, продолжил:

– Как и ты, Сократес, я поклялся найти тех, кто... И готовился к этому, совсем как ты.

– И ты нашел их? – Сергей напрягся, словно в ожидании некоего знака.

– Да, и убил – всех до одного.

Сергей невольно вздохнул. Он не ожидал, что у него с его наставником может оказаться и такая трагическая связь.

– Серафим... когда ты узнал, что сделали с твоей семьей... скажи – разве это был не самый черный день в твоей жизни?

Но Серафим только покачал головой.

– Поначалу – да, но самый черный день пришел вместе с моей так называемой «победой» – когда мои руки оказались обгажены кровью тех людей... Понимаешь теперь? С руками в крови я стал одним из них...

– Причем здесь они? Ведь ты же...

– Убив дракона, сам становишься драконом, – повторил Серафим. – До сих пор тот день тяжелым грузом лежит на моей совести. Однажды сделав что-то, мы уже не в силах это изменить. Понимаешь? Вот так-то... Это была одна из причин, почему я взялся учить тебя – в надежде, что ты не повторишь моей ошибки.

В действительности и сам Сергей уже готов был сойти со своей прежней стези. Но его клятва, такая глубокая, которой он посвятил почти треть своей жизни, чтобы выполнить ее, оставила следы в его жизни, за которые он до сих пор продолжал цепляться.

– Но даже если я решу больше не мстить, – сказал он, – все равно кто-то должен остановить их, Серафим. Так почему не я?

Серафим еще раз пристально взглянул на него, *словно стараясь* проникнуть в самую глубину его души:

– Может, ты и прав. Может, ты и в самом деле должен выследить и остановить их. Убить их. Заставить их страдать так, как страдал ты. И тогда – что тогда? По-твоему, на этом все и закончится? Тогда тебе не помешает убить и их детей, потому что они в свою очередь пойдут по твоему следу. Так что и их тоже убей, чтобы испытать ад, глубже которого ты никогда не видел. А может, ты ничего не почувствуешь. Возможно, их

страдания даже принесут тебе удовлетворение. Но знай, что в тот день дьявол будет радоваться, потому что ты сам станешь тем злом, которое стремился уничтожить.

Серафим умолк, потом взмолился:

– Те, кого ты любишь, Сократес, обретут мир, когда этот мир воцарится в твоей душе. Так что спроси у себя сам – каков путь к духовному миру? Нужно ли начинать войну, чтобы обрести его? Или ты можешь создать его здесь и сейчас? Те, кто враждуют сами собой, терпят поражение на каждом шагу. Так что примиришься с собой...

Помолчав, он добавил:

– Я понимаю, насколько болезненны твои воспоминания и как велика твоя решимость. Но не всякому чувству следует выливаться в действие. Независимо от того, какой путь ты выберешь – захочешь остаться здесь или продолжишь свой путь, я умоляю тебя посвятить свою жизнь высшей цели. Выдержи натиск своих эмоций так, как ты выдерживаешь натиск бури, – построй для себя укрытие веры и терпения, которое поможет тебе переждать непогоду. Освободи свою жизнь от тирании желаний, необдуманных поступков и импульсивных решений. Стань Божьим воином, Божьим слугой.

– Но... Как я могу узнать Божью волю? – спросил Сергей.

Серафим улыбнулся.

– Много мужчин и женщин куда мудрее, чем я, задавали это вопрос, Сократес. Мне ведомо лишь только то, что Бог говорит через твое сердце и что твое сердце укажет тебе путь... Как стать настоящим человеком. И *мирным воином*.

Слова Серафима, словно стрелы, вонзались в его сердце. И все же оставался один вопрос, который все не давал Сергею покоя:

– Но как же быть с теми людьми?

– Довольно о них! – воскликнул Серафим, – Похоже, это они тебя преследуют, а не ты их! Может, хватит позволять им направлять свою жизнь? И, набравшись смелости, показать им пример милосердия и сострадания, в котором они отказали тебе и твоей семье? Вот эти вопросы, если хочешь знать, исходят из самого сердца учения Христа. Мало кто к ним прислушивается. Но ты – ты хочешь их услышать?

Серафим снова зашагал, словно у него легче получалось говорить во время ходьбы:

– Мы оба с тобой знаем, что ты могучий воин. Но можешь ли ты быть воином мира? Ты знаешь, как умирать, но научился ли ты тому, как жить? Будешь ли ты разрушителем или созидателем? Твои поступки – будут ли они пропитаны ненавистью – или любовью? Вот тот выбор, который тебе следует сделать.

– А моя тренировка – что же, она пропала зря?

– Ничто не пропадает зря, – возразил Серафим. – Ты обучился пути воина – так бейся, как воин! Объяви войну ненависти, восстань против невежества, борись за

справедливость! Но вот что хочу тебе сказать: нельзя победить тьму еще большей тьмой. Только свет обладает силой изгнать тьму из этого мира.

Сергей услышал, как глубоко дышит старый монах, – он понял, что в этот миг его взгляд обращен внутрь. Затем Серафим сказал:

– К тому же... Эти люди умрут и без твоей помощи.

– Ты увидел это... в своем видении? – спросил взволнованно Сергей.

– При чем тут видение? Для этого достаточно понимать, что в конечном счете пожнет человек от разрушения, что он же и посеял. Они все умрут, как суждено умереть каждому человеку. Это несколько не уменьшает важности вопроса, который по-прежнему стоит перед тобой: какую дорогу выбрать? Подумай над этим хорошенько. Твоя Аня – какой бы она хотела видеть твою жизнь?

На этом они расстались, и дальше Сергей зашагал один по узкой тропке, в молчании обдумывая все только что услышанное от Серафима и примеряя его слова к своим собственным рассуждениям и выводам. Все эти годы он жаждал пролить кровь злодеев, но в итоге увидел темноту, что притаилась внутри него самого. Сергею наконец стало понятно, что заставляет и людей, и целые народы восставать друг на друга. Как каждый акт возмездия, отчаяния и невежества только подливает масла в огонь, питая все то, что неизбежно следует за каждым насилием.

Он тихо шел по лесу в глубоком раздумье. И его ненависть, как и всякий пожар, загасила сама себя. И когда он с трудом, скрепя сердце, сказал себе, что отпускает этих людей с миром, такой же мир, пусть едва различимый, открылся и для него.

Но, освободившись от своего прошлого, Сергей в то же время утратил и часть своего будущего. Прежде он знал, куда лежит его путь и зачем. Теперь его миссия – поквитаться с врагами, убить их – она была закончена.

Никаких других целей или задач в жизни у него просто не казалось.

Сергей плыл между адом и раем, не зная, к какому берегу пристать.

37.

Свои вечерние часы все эти годы он привычно проводил в тренировках. Теперь же Сергей обнаружил что открылась зияющая пустота и в его времени, и в его сознании, и в жизни тоже. Огромное количество высвободившейся энергии пульсировало в нем, требуя выхода. Он буквально кожей чувствовал, как ускоряется его мышление, интуиция и восприятие. Теперь, когда его внимание освободилось от всего, что довлело так долго над его совестью, и эта глава в его жизни теперь была закрыта, перед ним открылись совершенно новые, неведомые прежде возможности.

В этот переломный момент Сергей снова оказался на распутье. Отказавшись от мести, он смог и себя простить тоже. Тогда, на лугу, он сделал все в пределах возможного, на что тогда был способен. Да, он не смог спасти свою семью – но его поражение по-человечески вполне объяснимо. Эта мысль помогла ему примириться с тенями своего прошлого. Впервые с того самого дня, как он потерял семью, Сергей почувствовал, что эта жизнь еще кое-что приберегла для него.

Было самое время написать письмо Валерии. Он тут же принялся за дело – в той же самой трапезной, где прежде проводил бесчисленные часы в тренировках, и написал слова, которые шли из самого сердца:

Дорогая Валерия, я знаю, что у меня больше нет права звать вас матерью. И все же для меня вы по-прежнему остаетесь матерью, – так же как Аня всегда будет моей любимой женой. Надеюсь, что за это время раны вашего сердца успели достаточно затянуться и это письмо не заставит их снова кровоточить, но, наоборот, сможет пробудить более светлые воспоминания о той семье, что однажды у нас была. В вашем доме я нашел свою настоящую семью. Потеряв Аню, ослепленный своим горем, не сразу я понял, что без вас с Андреем эта утрата оказалась тяжелой вдвойне.

Я пишу это письмо не для того, чтобы просить вашего прощения. Хочу лишь, чтобы вы знали: я по-прежнему благодарен вам за ту любовь и доброту, которую я получил от вас в наши счастливые годы.

Продолжаю любить вас и молиться за ваше здоровье.

Сергей

Это было слишком запоздалое письмо, да Сергей и не ждал на него ответа. Довольно было и того, что он смог его написать. Ему хотелось лишь надеяться, что настанет день, когда Валерия простит его настолько, чтобы взять это письмо в руки и прочитать его.

38.

В следующий раз, когда Сергей увидел Серафима, тот снова застал его врасплох. Но теперь это был не пинок и не затрещина, как вполне могло случиться в прошлые дни или годы. Первое, что сказал Серафим ему, было:

– Тебе следует покинуть остров, Сергей, и как можно скорее.

Сергей застыл как громом пораженный, не зная, что и думать.

– Покинуть? – переспросил он, думая, что ослышался. – И куда потом?

– Идем, по дороге объясню. Времени мало, так что, не откладывая, начинай собираться в дорогу.

Словно замороженный, Сергей решил больше ни о чем не спрашивать и только слушать.

– Помнишь, пару дней назад ты спрашивал моего мнения, когда тебе можно будет покинуть остров? Я еще сказал тогда, что дам ответ позже.

– Помню, да.

– Что ж, теперь я могу тебе ответить. Время пришло. Я только что получил письмо. Они собираются на крыше мира.

Много времени на сборы не понадобилось. Прощание с монахами тоже было коротким – пара добрых слов, теплые улыбки. Братья тоже не стали задерживаться и разошлись по своим делам.

Прежде чем встретиться с Серафимом в условленном месте, на ферме, Сергей несколько минут просидел в полной тишине, которую короткое прощание сделало еще более осмысленной. В этой тишине Сергей еще раз задумался обо всем том, чем Серафим поделился с ним...

– Все, что мы должны были сделать вместе с тобой, – сделано, – сказал старый монах. – Но есть и другие, которые тоже могут быть полезны... Это собрание мастеров, все они – *мои* надежные и доверенные друзья. Представители самых разных религиозных традиций... они не менее привержены своему пути, чем я – своему. Но им удалось стать выше рамок только своего учения и обратиться к эзотерической, скрытой истине и внутренним практикам. Они исследуют переплетенные между собой корни разных религий, тот единый поток, что питает много источников.

Я не знаю точно, кто из них будет присутствовать. Но ты вполне можешь встретиться с мастером суфийской традиции... дзэн-буддистским *роши*...йогом из Индии... раввином еврейской веры... женщиной-кахуной из Гавайев, монахиней и христианским мистиком из Италии, мастером-сикхом... – тут Серафим улыбнулся, прибавив:

– и, скорее всего, с ними еще будет один человек по имени Джордж, который принадлежит не к какой-то одной, но ко все этим традициям. Он-то и собрал всех этих людей вместе.

У членов этого союза в ходу поговорка: «Один Свет – много светильников, одно Путешествие – много путей». Каждого из этих мастеров можно сравнить с подобным светильником. Каждый привнес в этот союз свой принцип, свое видение и практики, чтобы открыть дверь в мир духа – внутренний путь к пробуждению.

– Пробуждению – к чему?

– К Единому, – ответил Серафим. – И для того, чтобы служить этой великой цели, они собираются для дружеского диспута, чтобы сравнивать и противопоставлять, испытывать и еще – делиться друг с другом тем, что каждый постиг в свободном и открытом исследовании. Их цель, по моему убеждению, – открыть самые сердцевинные, стержневые практики для тела, ума и духа – стать зачинателями нового универсального пути, свободного от догм и культурных ловушек.

Не буду перегружать твою память их именами – ты и сам их узнаешь в свое время. Главное, что все они соберутся вскоре – в следующее три месяца, так что медлить тебе нельзя.

– Путешествие твое будет не из легких, – добавил он.

– Но тебе ведь не привыкать к нелегким путешествиям.

– Ты не сказал мне, куда будет лежать мой путь, – ответил Сергей.

– Конечно... само собой. Вот, смотри сюда, – Серафим вытащил из кармана рясы сложенную карту. – Я отметил твой путь. Тебе предстоит добраться до места, к северу от Гиндукуша – к Памиру, который еще принято называть «Крышей мира». Это высокогорье можно считать перекрестком дорог из Индии и Тибета, Китая и Персии. И туда-то я и направляю тебя – от своего имени. Это Ферганская долина, и город, который называется Маргилан.

Серафим подал ему письмо.

– Это краткая рекомендация. Отправляйся, чтобы служить им... и еще слушать и учиться. Считай, что это мой тебе прощальный подарок.

– То, что окончание твоей подготовки столь удивительным образом совпало со временем их встречи, кажется мне чем-то большим, чем просто случайность, – продолжал старец. – Но времени на дорогу так мало, что воплотиться эта возможность сможет лишь в том случае, если ты примешь решение свободно, а не под понуждением отказаться от своих планов возмездия.

Твое решение следовать более высоким путем станет и оправданием того, чему я учил тебя все эти годы. Сделав такой выбор, Сократес, – и не повторив моей печальной истории, – ты сделаешь мне подарок, ценность которого я просто не смогу переоценить.

Но Сергей получил и еще один подарок в придачу – выносливую кобылу из тех, что обитали в стойлах Валааме. С одобрения монастырского начальства Серафим также обеспечил его на дорогу припасами и сотней рублей – на всякий случай.

– Вот твоя лошадь, – сказал он, – по крайней мере, она повезет тебя, куда тебе будет нужно.

Сергей дал ей имя Тайна, в честь предстоящего путешествия.

Серафим, не сводя глаз, наблюдал за тем, как Сергей положил на нее седло, которое принес один из братьев. Глаза старого монаха сияли, и все его лицо светилось, словно он состоял не из плоти и крови, а из света.

Сергей уже готов был сесть в седло и повернулся, чтобы проститься, но отец Серафим жестом остановил его:

– Для нас с тобой, Сократес, уже больше не будет никаких прощаний.

Обменявшись напоследок молчаливым взглядом с наставником, Сергей Иванов съехал к пристани, затем взошел на корабль и исчез из мира людей.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Надвигающийся шторм

*Таланты лучше возвращаются в уединении, А характеры куются на вздыбленных
валах мира.*

Иоганн Вольфганг фон Гете

Минуло с той поры два года, и в один прекрасный весенний день 1908 года Сергей Иванов объявился вновь, на пути, что вел к Петербургу. И хотя его имя осталось прежним, в его жизни, в его внутреннем мире произошли глубокие изменения. Этот *мирный воиндышал* глубже, выглядел стройнее и смеялся беззаботнее. Его глаза сияли внутренним светом. Кроме этих внешних признаков, сторонний наблюдатель мог подумать, что пребывание в Маргилане мало что изменило в этом человеке. Подумай так, он бы глубоко ошибся.

Теперь ему были открыты и их имена, и их сердца: Кандза-ки... Чен... Чиа... Йешовиц... Бен Мусавир... Приа Сингх... На-радж... Мария... и Джордж, собравший их всех вместе.

Преодолев тогда нелегкий путь на восток, Сергей стал служить им как помощник и, позднее, как своего рода ученик. Он наблюдал за всем, что они делали, и прислушивался ко всему, что они обсуждали: медитацию на образах и внутренних звуках, песнопение... способы дыхания и концентрации для усиления внутренней энергии... внутреннюю работу для открытия интуитивного прозрения... гипноз и работу с высшим и низшим разумом... три личности... от *киртаныдо* Каббалы... глубокую истинность и общепринятой, и трансцендентной духовности.

Члены братства также практиковали движения, взятые из различных традиций боевых искусств, например медленные движения тайцзи, но подобная практика была нацелена на эффективное движение ради здоровья и жизненной силы – на восстановление, а не разрушение.

Однажды, когда Йешовиц и Нарадж обсуждали один вопрос, Сергей неожиданно для *себявступил* в беседу. Они оба немедленно попросили его удалиться и больше не появляться в течение дня – за его дерзость, решил Сергей. Но когда он вернулся на следующий день, оказалось, они решили использовать его в качестве объекта эксперимента: Сергей должен был практиковать каждую из дисциплин, о которых шла речь, и потом сообщать о том, что он испытал. Так и получилось, что он пришел к переживанию и пониманию результатов этих практик.

Через несколько месяцев он уже сам не узнавал себя. Его лицо изменилось – морщины его прежних переживаний сменились ясным юношеским сиянием. Старый рубец на руке стал едва различим. Тело его теперь ему казалось телом ребенка. Только его белые волосы остались, чтобы напоминать ему о прошлом. Но и прошлое, и само время стало теперь не более чем полезной условностью, неким иллюзорным представлением – его внимание теперь целиком пребывало в настоящем. В то время как его голова касалась облаков, ноги прочно стояли на земле.

Там, в Маргилане, на крыше мира, Сергей прошел свое посвящение – цепь из девяти испытаний, которые даровали ему право быть принятым в братство на правах одного из своих.

Затем пришло время расставаться. Каждый из членов братства уходил с новым пониманием и с надеждой для человечества. Они уезжали с уверенностью, что для каждого, кто истинно заинтересован, так называемые мистические состояния могут стать нормальной частью человеческого существования.

Это понимание вело Сергея всю обратную дорогу, пока Тайна неспешно ступала по дороге в Петербург. Теперь он знал, что должен предпринять, в том числе и в ближайшем будущем: он посетит еще раз отца Серафима, чтобы выразить ему свою благодарность и поделиться теми духовными дарами и благословениями, что были им получены. После этого он найдет работу, скопит денег и совершит свою так долго откладываемую поездку за океан.

Но первым делом он сходит на могилу к Ане.

Стоя там, окруженный тишиной луга, с которого он ушел, казалось, целую вечность назад, он глядел на цветы, что росли теперь прямо из могильного холмика. Теплый ветер ласкал его лицо, пока он стоял в молчаливом единении с любовью всей его жизни.

Неожиданно ему захотелось сделать кое-что еще: навестить Валерию и Андрея. Шестнадцать лет прошло с той поры, как он видел их в последний раз. Если ему удалось примириться со своим прошлым, возможно, это удалось и им тоже.

Поздно вечером Сергей нашел место в конюшне для Тайны и давно необходимый ей уход, отдых и корм. Как и много лет до того, он посетил цирюльника, долго мылся в бане и, совершенно открытый тому, что могло ожидать его, снова появился у дверей Валерии.

– Сергей! Сергей! Господь услышал мои молитвы! А мы и не думали увидеть тебя больше. После того как пришло твое письмо, наверное два или три года назад, я даже отправляла Андрея на Валаам, чтобы найти тебя. Но тебя уже там не было. Сергей, ты не можешь представить себе, как я горевала... и по Ане, и потом по тебе тоже, из-за того, как мы с тобой расстались. Ты не можешь представить себе, как бы я хотела забрать назад свои слова, которые сказала тогда. И все же, все же ты вернулся к нам! Но захочешь ли ты простить меня, Сергей? Сколько страданий тебе, должно быть, довелось претерпеть...

Валерия разрыдалась. Сергей обнял ее опущенные по-стариковски плечи и стал утешать ее. Он понял, что былые раны затянулись.

Затем, внезапно, глаза Валерии широко раскрылись:

– Так ведь Андрей не знает, что ты здесь. То-то он удивится! Не говоря уже о Кате... ах, я ведь тебе не сказала. Он женат, и у нас есть внук, маленький Авраам, и еще один на подходе...

Валерия задыхалась от волнения, и все же продолжала сбивчиво тараторить:

– Они должны вот-вот вернуться домой. Так что я возьмусь готовить обед, что-нибудь особенное, по такому случаю. Ах, Сергей, ты уж прости меня – я не дала тебе и рта открыть. Ты должен мне все рассказать. Не сейчас, когда мы все соберемся вместе. Знаешь, а ведь и мне есть чем тебя удивить, – окликнула она его уже из кухни.

Когда Андрей вернулся со своей семьей и увидел Сергея, он не удержался от радостных восклицаний, заключив его в братские объятия. Он тоже сильно изменился за эти годы. Сергей догадался, что не последняя причина этих изменений

– Катя, строгого вида черноволосая женщина с округлившимся животом, ждавшая второго ребенка. Андрей представил их друг другу, а затем Катя отнесла Авраама в другую комнату, чтобы перепеленать, дав возможность бабушке закончить с ужином, а мужчинам – поговорить о своем.

Андрей стал рассказывать *Сергею* *отом*, что ему уже не раз доводилось бывать в Персии и что он начал успешную торговлю персидскими коврами.

– Но ничего этого не было бы, если б не твои... Ну да мы поговорим об этом потом.

За обедом Андрей сказал Сергею:

– Тебя так долго не было, так что ты, возможно, не знаешь – при царе Николае погромы продолжают. А вокруг царит страшная нищета и всеобщее недовольство. Сейчас золотой век для тех, у кого есть золото, но бедные начинают все более открыто проявлять недовольство, и теперь что ни разговор-то все о революции. Можно только представить, какая судьба ждет тех, кто сейчас так спокойно и уютно живет здесь, в Петербурге.

– Тем более есть смысл тебе подумать о том, чтобы эмигрировать со мной в Америку.

Валерия взяла ладонь Сергея в свою и сказала:

– В этом мое мнение не изменилось. Слишком многое меня связывает с землей, на которой я родилась, где похоронены мой муж и дочь.

После этих слов в комнате воцарилась тишина. Сергей подумал, что сейчас самое время ему спросить:

– Я должен, наверное, показать вам, где могила дочери?

– Да, давно нора, – со вздохом сказала Валерия. – После стольких лет...

Когда тарелки опустели, Валерия села и сказала:

– А теперь, Сергей, твой черед рассказывать – обо всем, что произошло с тобой после нашего такого печального прощания.

Но как можно было вместить целые годы, вместить страсть, ненависть и прошение в несколько слов, сказанных после обеда? Сергей, как мог, постарался поведать им о том, как он дал клятву отомстить за смерть жены, и обо всех годах, посвященных поиску и подготовке, что закончились на острове Валаам, но тут вмешалась Валерия...

– Ах, Сергей! Ты должен простить меня... Во всей этой суматохе... ведь тебя ждет письмо с Валаама. Мы получили его полгода назад, и я храню его. Как знала, что ты вернешься к нам... Сейчас принесу!

Валерия бросилась в свою комнату, затем вернулась и подала ему конверт. Он открыл его и прочитал:

Милостивый государь Сергей Сергеевич, молюсь, чтобы это письмо нашло вас по тому адресу, который вы оставили у отца Серафима. Он хотел, чтобы вы знали, что он ушел из этой жизни прошлым декабрем, тихо и в мире с Господом. Думаю, вам будет важно узнать, что до последних дней он вспоминал о вас с особенной теплотой.

Иеромонах Евгений, Валаамский монастырь

Значит, на Валаам он теперь не поедет.

Глубоко вдохнув, он молча попрощался со своим духовным отцом, другом и наставником. Пусть земля будет тебе пухом, Серафим, мысленно произнес он. Я – лишь песчинка из того множества, которое ты привел ко спасению.

Он решил, что у него еще будет возможность в уединении вспомнить то время, что он провел вместе со своим старым мастером. Пока же он, подняв глаза от письма, сказал только:

– Добрый друг отошел в мир иной.

Андрей, молча кивнув головой в ответ, вдруг спросил:

– А каковы твои планы на будущее?

– Оставайся у нас, – тут же вмешалась Валерия. – Мы можем освободить для тебя комнату...

Сергей улыбнулся,

– Ну разве что ненадолго, мама. Насчет Америки мои планы не поменялись. Так что мне нужно искать работу, что – бы отложить на дорогу...

– В этом-то как раз нет необходимости, – ответил Андрей с широкой улыбкой. – Извини меня, я на минутку отлучусь...

Он вышел в свою комнату и, вернувшись, положил на стол перед Сергеем три бриллианта со словами:

– Этого тебе с лихвой хватит и на билет, и не только... но не подумай, что мы тебя торопим с отъездом!

Сергей взглянул на сияющие драгоценные камни.

– Андрей... они, должно быть, стоят целое состояние... Я их просто не могу взять...

Андрей засмеялся, Катя восхищенно улыбнулась, а Валерия только возбужденно всплеснула руками. Склонившись к нему, она сказала:

– Сергей, эти камни не принадлежат Андрею. Они твои.

– То есть? Что-то я вас не пойму.

– Они были в часах, – сказала она так, словно это объясняло все. Но удивленное выражение на Сергеевом лице заставило и ее тоже возбужденно засмеяться. Затем, уже серьезно, она объяснила:

– В тот ужасный день... после того, как я тебя прогнала... Гершлевы часы упали с камина и разбились. Но я была в таком состоянии, что ничего не заметила.

Тут вмешался Андрей:

– Когда я пришел домой и увидел, что повсюду валяются детали от часов, то решил, что у нас побывали грабители. Я бросился к матери в комнату, увидел ее, и тогда уже узнал, что у вас произошло.

Только потом я вернулся в прихожую, чтобы убрать там все. Вот тогда-то я и нашел их: на полу, вперемешку со всякими шестеренками, были драгоценные камни, разных размеров и цветов. Я собрал их в чашечку и поставил на буфете. То есть я понимал, конечно, что они стоят огромных денег, но никто из нас даже помыслить не мог, сколько именно.

Сергей понемногу начал понимать, о чем речь:

– Значит, мой дед спрятал бриллианты... внутри часов?

Андрей кивнул.

– Именно так. Двадцать четыре камня, если точно. Никто не проронил ни слова, пока Сергей впитывал сказанное. В мыслях он вернулся к тому времени, когда впервые нашел часы и прочитал записку. Там ведь было сказано, вспомнил он, что подлинное сокровище внутри. Сергей улыбнулся, представив, с каким удовольствием дедуля Гершль, должно быть, писал эти слова, смакуя их двойной смысл.

Словно издалека до него донеслись слова Андрея:

– Эти камни и есть твое настоящее наследство, Сергей. И ты не можешь себе представить, с каким удовольствием мы передаем их тебе.

Андрей посмотрел на мать, на Катю и произнес, преодолевая неловкость:

– Должен тебе сказать, Сергей, что мы все эти годы не прикасались к ним, но потом... Прошло столько лет, а мы даже не знали, жив ли ты... Так что мы продали два самых маленьких камешка, чтобы у меня была возможность начать собственное дело. Ну... на первоначальные расходы. Теперь у нас достаточно денег, и я могу тебе все возместить...

Сергей поднял руку, чтобы остановить его.

– Прошу тебя. Не надо об этом.

Андрей только покачал головой, но тут вмешалась Валерия:

– Сергей, мой сын слишком горд, чтобы просить. Но если бы ты мог подарить еще пару камней, ведь мы ожидаем прибавление в семье...

– Договорились, – сказал Сергей.

Валерия принесла маленький бархатный мешочек, который она сшила сама, и высыпала драгоценности на стол. Полуденное солнце отражалось в их гранях, заставляя одни из них светиться прозрачным зеленым светом, другие насыщенным красным, а прозрачные бриллианты отбрасывали радуги.

Зная, что Андрей взял в свое время только два самых маленьких камня, Сергей выбрал пару камней покрупнее размером и подвинул их к Андрею, затем еще два камня.

– Это для твоей семьи.

И на том они окончательно порешили.

Валерия ссыпала оставшиеся восемнадцать камней назад в бархатный мешочек и положила их перед Сергеем, который спросил ее:

– Сколько они вообще, по-вашему, могут стоить?

– Мы продали те два камня ювелиру Яблоновичу, другу твоего деда, которому он во всем доверял, – ответил Андрей, – и он дал нам тысячу шестьсот рублей за один камень и две тысячи за другой. А ведь то были самые маленькие из всех. Остальные камни он оценил – я помню это как сейчас.

Когда я спросил его, сколько за эти камни можно взять денег, Яблонович вынул лупу из кармана жилетки, вставил ее в глаз и осмотрел все камни один за другим – вертел их, обнюхивал со всех сторон, взвешивал, и затем сказал: «Я не могу сказать вам, сколько за них дадут – это должен решать сам покупатель. Но могу сказать, какова их рыночная стоимость. Лучше я вам вот как это растолкую: сегодня вы можете купить прекрасный обед в хорошем заведении за двадцать копеек. За этот камень, – сказал он, показывая на самый маленький рубин, – вы можете столоваться трижды в день несколько лет кряду. А вот этот камень, – он взял двумя пальцами изумруд, – потянет на большее. Что же касается камней-александритов, то они куда дороже бриллиантов, так что если вы не настроены роскошествовать, а жить себе, как люди живут, то их вам хватит, хоть здесь, хоть в Америке, до конца ваших дней».

– Так что ты богач, Сергей, – закончил рассказ Андрей.

Когда Валерия и Катя унесли тарелки на кухню, Андрей отвел Сергея в сторону и сказал уже серьезным тоном.

– Возможно, сейчас не самое подходящее время, но... ты можешь мне рассказать, как все на самом деле произошло... там, в тот день... на лугу?... Мне все эти годы хотелось узнать... если это не причинит слишком сильном боли...

– Это всегда будет причинять боль... – ответил Сергей. – Но ты имеешь право узнать, как все было. – И он рассказал Андрею, как умерла его сестра и что Закольева

сделал после того. Увидев, как побледнело лицо Андрея, он пожалел, что не опустил подробностей.

– Что ж, хорошо, что рассказал, – наконец промолвил Андрей, не поднимая глаз. – А то бы так жизнь прожил и не узнал... – Он взглянул на Сергея и добавил:

– Матери, конечно, тоже придется однажды рассказать... только без подробностей, конечно...

Сергей только кивнул.

Когда Катя вернулась, они с Андреем ушли к себе, оставив Сергея в распоряжении Валерии. Они провели вместе весь вечер, словно стараясь наговориться за все те годы, что разделяли их.

40.

На следующий день Сергей взял с собой Валерию и Андрея, чтобы показать им то место, где была Анина могила. Они тихонько присели рядом с могильным холмиком и так и сидели в молчании, каждый наедине со своими мыслями. Только весенний ветер тихо нес облака по небу, и, словно ветер, менялись их чувства.

Для Сергея Аня по-прежнему была так близка, что он видел ее перед собой, стоило лишь закрыть глаза. Он видел ее такой, какой она была тогда и какой навсегда осталась в его памяти, вечно молодой. Он слышал ее голос, слышал ее звонкий смех. Она словно касалась его сейчас. И он знал, что она с ним неотлучно, пока он жив, – чтобы снова соединиться, когда эта земная жизнь будет для него закончена.

Почти всю дорогу назад в город они промолчали, только Валерия положила на Сергееву ладонь свою – затем прошептала что-то так тихо, что он едва разобрал ее слова:

– Ах, бедные младенцы...

– Что? – переспросил он. – Что ты говоришь, мама? Она ответила задумчивым и печальным голосом:

– Я никак не могу перестать думать о наших младенцах... умерли со своей матерью, еще не успев родиться... каково им теперь лежать там, на лугу...

– Младенцы? – не дал ей договорить Сергей. – Ты о чем?.

– А разве?. Разве ты не знаешь? Я думала, что тебе было известно... Прости, Сергей, я не хотела...

– Валерия, немедленно расскажи мне все!

– Аня поделилась со мной... по секрету. Понимаешь, она хотела тебя уберечь от разочарования, если вдруг повитуха ошиблась. Та женщина была уверена, что Аня носит двойню. Я знала, что она собиралась и тебе об этом рассказать... Я была уверена, что ты знаешь...

Но Сергей смотрел на нее невидящим взглядом. Младенцы. Две жизни были в Анином чреве. Мысленно Сергей метнулся в прошлое, стараясь увязать воедино слова и образы: вот *Валерия*, она что-то говорит по поводу Аниного большого живота, вот Аня шутит: «Так брыкаются, наверное, пляшут там сейчас у меня внутри». Затем ужасная картина, разверстая кровавая рана и...

Сергей видел смерть одного ребенка, затем его ударили, и он потерял сознание. Нашел *онтоже* только *одного... если быбыл* второй ребенок, он бы увидел его...

Но не только он. Дмитрий Закольева тоже.

В единый миг перед Сергеем открылась ужасная и все же удивительная весть: еще один ребенок, мальчик-близнец, мог остаться в живых. И где-то живет... все эти годы... на глазах Закольева, у него под рукой. И хотя это нельзя было утверждать с уверенностью, но оставалась возможность – и даже уверенность, – что у них был второй ребенок, мальчик, который мог остаться в живых.

Эти откровения открылись перед ним в несколько ударов сердца. Валерия была убеждена, что оба ребенка умерли с их матерью. Он не станет ее разубеждать – до той поры, пока не найдет сына и не приведет его с собой, к ним домой.

– Сергей... Сергей? – голос Валерии вернул его к реальности.

– Извини... – сказал он. – Я просто задумался... об Ане. Не ожидал я узнать, что у нас было бы два ребенка. Трудно такое узнавать... даже сейчас... думать о том, что могло бы у нас быть...

– Да, – вздохнула она. – Было да сплыло.

Но Сергей понял: сейчас не он делает выбор, выбор делается за него, и все то, что случилось с ним до этого момента, было лишь преддверием к тому, что он должен сделать дальше. Сергей чувствовал – перед ним появился новый смысл: если его сын жив, он найдет его. Для этого ему нужно найти Закольева.

Но как объяснить Валерии, что он должен уйти?

По правде говоря, он больше не испытывал той прежней ненависти, что была движущей силой его миссии. Он понял, что можно лишь плодить насилие, пытаясь насилием остановить все зло этого мира. Как не раз напоминал Серафим, у Сергея нет ни сил, ни права играть роль карающей длани Творца. И все же ему понадобится благовидный предлог, чтобы объяснить свой неожиданный отъезд. Причем такой, что не пробуждал бы в Валерии неоправданных надежд – их крушение оказалось бы вдвойне болезненным. Поэтому он сказал ей правду, что он отправляется на поиски Закольева и его людей. И этот мотив, желание остановить Закольева и его банду, не дать им еще пролить невинную кровь должно было удовлетворить Валерию, несмотря на все ее беспокойство о Сергеевой безопасности.

Когда Сергей сказал ей, что его планы изменились, она начала было протестовать, но затем только кивнула в ответ:

– Пожалуйста, береги себя, сынок.

Она понимала, что они, вполне возможно, расстанутся на месяцы и даже на годы, – и хотя никто из них не упомянул об этом, они оба знали, что он может вообще не вернуться.

И пока Тайна несла его через горы и доли, он принялся вспоминать и прорабатывать свои прежние планы. Было маловероятно, что один человек, пусть даже конный, сможет найти банду грабителей, которая совершала налеты быстро и так же быстро и бесследно исчезала в своем укрытии где-то в бескрайних украинских степях. Теперь он больше полагался на то, что его чувства, отточенные жизнью на дикой природе, годами созерцания и его интуитивными силами, смогут вывести его на правильный путь. Он двинется на юг, чтобы идти по следу, отмеченному слухами, дымом пожарищ и слезами.

И когда он найдет их, то пустит в ход все свои хитрости и уловки, наблюдая с расстояния за их количеством и передвижениями. Он постарается рассмотреть среди них своего сына – и если он жив и находится у них, то выждать подходящий момент, чтобы поговорить с ним наедине. Этот план был не из легких, но все же лучше, чем просто въехать в их лагерь и затеять резню, в которой может пострадать и его дитя.

Так выглядел его план в общих чертах. В остальном он решил следовать тому, как будут разворачиваться события. Только глупец может недооценивать своих противников. И как однажды сказал Серафим, «всякий замысел – это только набросок того, что произойдет в действительности».

41.

Той весной 1908 года пятнадцатилетняя Павлина впервые в своей жизни ослушалась отцовского приказа. Своим секретом, который хранила так долго, она поделилась лишь с Константином – единственным, от кого у нее не было тайн. Может быть, надеялась она, хоть он поможет ей рассеять тьму, что постепенно сгущалась вокруг нее.

Идя на утреннюю тренировку и словно невзначай поравнявшись с Константином, Павлина незаметно сунула ему в руку записку, написанную печатными буквами, которым он недавно ее научил: «Встретимся на нашем месте. Перед вечерней тренировкой».

Константин быстро пробежал глазами записку. Несколько минут наедине с ней – так мало и так много для него. Он уже не раз пытался представить, каким могло быть их будущее, его и Павлины. Но даже в мыслях он не мог вообразить ничего более или менее правдоподобного. Да и какая у них могла быть жизнь? Что он мог предложить ей – у него и у самого ничего не было, кроме тех лохмотьев, что едва прикрывали его тело. Да и то эти обноски достались ему лишь потому, что их не захотел никто другой в лагере.

Во время перерыва между тренировками, когда Закольеv отлучился, чтобы переговорить с мужчинами в лагере, Павлина со всех ног бросилась к их пещерке, куда в последнее время ей случалось приходиться так редко. словно перелетев через перекинутый над стремительным потоком мостик, она в считанные минуты была на месте. Константин уже ждал ее там.

У нее в запасе было всего несколько минут, пока ее не хватились. Едва переводя дыхание, она попросила Константина подвинуться ближе. Его сердце забилося учащеннее, когда Павлина положила руку ему на плечо и горячо прошептала на ухо:

– Отец взял с меня слово, что я буду молчать и никому не выдам этого... Это секрет. Однажды он рассказал мне, что Елена не моя мать... Она умолкла, чтобы он смог осознать всю важность того, что она решилась открыть ему, даже не подозревая, что для Константина это была совсем не новость. Не дождавшись его ответа, заговорила снова:

– Мою настоящую мать убил зверюга с белыми волосами, и с тех пор... Словом, он каждый день теперь преследует меня в кошмарах, этот беловолосый человек, ласково заговаривает со мной, чтобы усыпить своим голосом и потом убить. Я пытаюсь убить его первой, прежде чем он заговорит, но он всегда успевает произнести одно слово. Мне никак не удается запомнить это слово, но каждый такой сон кончается моей смертью.

Ее голос дрожал – эти слова явно давались ей с трудом.

Едва ли кто-то мог подслушать их здесь, но Павлина придвинулась совсем близко к юноше – ей не просто была приятна их близость. Сейчас она была ей необходима.

– Могу поспорить, что беловолосый тебе стал сниться после того, как папка понарасказывал тебе на ночь всякой ерунды, – хмыкнул Константин.

Павлина отчаянно закрутила головой:

– Папка сказал, что он настоящий. То есть что такой человек действительно есть, его зовут Сергей Иванов.

Она отстранилась и встревоженно смотрела на Константина, словно ожидая, какой будет его реакция на эти слова. Она ожидала увидеть в его глазах все: удивление, любопытство, даже недоверие – чтобы увериться самой, что не зря рискнула поделиться с ним секретом.

Но он только нахмурился.

– Ты что, Контин?

Константин, который на мгновение задумался о чем-то своем, поднял на нее взгляд:

– Нет, ничего... Просто не ожидал услышать, что твоя настоящая мать умерла... Причем такой смертью...

Павлина вдруг поняла, что он чего-то недоговаривает. Вернее, не хочет поделиться с ней тем, что уже было известно. Она стала тормозить его, вопросительно заглядывая в глаза, но вдруг вскочила, тревожно вскрикнув:

– Я совсем забыла! Мне же надо бежать...

Павлина поспешно выползла на четвереньках из пещеры. Егорыч станет ее ругать – он ждать не любит. Самто он не доложит о том, что она отлучилась без спросу, но вот если вернулся отец...

Напуганная, Павлина перелетела мост и помчалась обратно в лагерь.

Константин же остался в пещере, раздумывая над именем, которое только что назвала ему Павлина. Сергей Иванов. Нельзя сказать, чтобы оно было ему незнакомо. Он уже слышал это имя, давно, в случайно подслушанной беседе. И запомнил его не просто так – этот человек вполне мог быть его отцом.

Константин уже давно догадывался, что он тоже один из тех сирот, которых забирали в лагерь от убитых родителей. Как-то раз он случайно услышал, как Шура тайком перешептывалась со своим сыном – разговор был о каком-то Сергее Иванове. Константин напряг слух, и ему удалось выхватить из разговора пару слов: «Одного младенца убил... Мальчика... Другого забрал в лагерь...» Константину вдруг показалось, что разговор шел не о ком ином, как о нем, поскольку он всего пару минут назад расстался с Шурой и Туморовым.

Но тот секрет, которым неожиданно решила поделиться с ним Павлина, не оставлял ему выбора. Ему следовало что-то придумать, чтобы Павлина окончательно не утвердилась в мысли, что Сергей Иванов – ее смертельный враг. Но как сказать ей об этом? Если она хоть словом обмолвится атаману о том, что Константин тоже знает тайну своего рождения, последствия могли быть непредсказуемыми и смертельно опасными. К тому же Константин не был до конца уверен, что этот человек, этот самый Сергей Иванов, и есть его отец. Так что он просто не мог допустить, чтобы все в их с Павлиной жизни пошло наперекосяк из-за одной неправильно понятой фразы.

Поделиться своими сомнениями, даже с Павлиной, было слишком опасно для них обоих. Но и молчать – разве он вправе был молчать?

В тот вечер, когда Павлина уже почти уснула, атаман вошел в ее комнату, присел на край кровати и посмотрел на нее долгим взглядом, прежде чем разбудить.

– Павлина... ты была доброй и послушной дочерью... И я горжусь, что у меня такая дочь. Ты не похожа на остальных, на обычных девчонок – и все потому, что ты и есть необычная. У тебя особые дарования и особая судьба. Как и у твоего отца.

Он умолк, чтобы его слова, произнесенные мягким тоном, каким он обычно разговаривал с Павлиной, лучше отпечатались у нее в голове. Затем он поднес руки к своей шее и вытащил что-то, чего Павлина никогда не видела у него прежде. Закольев подал ей серебряный медальон на цепочке. Она приняла его, не зная, что делать.

– Этот медальон – твой ровесник, – сказал он. – Я подарил его твоей матери в тот самый день, когда она подарила мне тебя.

Слеза скатилась у Павлины по щеке. Она отвернулась и вытерла ладонью щеку, а Закольев тем временем продолжал.

– Открой его, – сказал он, указав на маленькую защелку.

Внутри медальона Павлина увидела две маленькие выцветшие фотографии: мужчину с черной бородой и бледную женщину. Она, не отрываясь, смотрела на фотографии, внимательно слушая своего отца:

– Это мои мать и отец – а твои дедушка и бабушка. Помнишь, я рассказывал тебе про колдуна, который убил твою мать? Про человека, которого зовут Сергей Иванов?

Она кивнула.

– Он убил и моих родителей тоже – это на их лица ты сейчас смотришь. Все случилось в один день.

Он сделал глубокий вдох, и Павлина поняла, что даже сейчас он скорбит об этой утрате. Она погладила его по руке:

– Отец!...

Он убрал свою руку и быстро заговорил:

– Мы жили все вместе, счастливо, в маленькой казацкой станице. Мне приходилось то и дело отлучаться с различными поручениями, так что тебя я оставлял на попечении дедушки с бабушкой. Ты у нас с матерью была единственным ребенком. Мне казалось, что в станине, среди своих, вам ничто не угрожает.

Со своего задания я вернулся рано, а ты как раз была тогда у Шуры. Она рассказала, что твои дедушка с бабушкой оставили тебя у нее, чтобы она присмотрела за тобой, а сами поехали покататься на лужок, возле реки. Я решил поехать туда, к ним. Но как только я выехал на луг, меня окружили вооруженные люди, и они тут же набросились на меня...

С голосом, дрожавшим от гнева, он продолжал:

– Пока я пытался вырваться, Сергей Иванов изнасиловал и убил твою мать. Затем повернулся к твоим дедушке с бабушкой и зарубил их насмерть. Прежде я не мог тебе рассказать все до конца, но теперь – теперь тебе нужно знать все, как было, потому что... Потому что я хочу тебя просить об одном поручении.

Много лет назад я дал клятву найти и убить этого *зверюгу*, который отнял жизнь у твоей матери... Который отнял жизни у них всех...

Павлина никогда прежде не видела, чтобы отец плакал и теперь, глядя на его слезы, она была потрясена до глубины души.

– У меня есть свои люди, – с трудом продолжил он сквозь рыдания. – Закаленные, такие, как Королёв. Но негоже, чтобы я перекладывал на их плечи такое дело, как месть за своих родителей и жену. Это всецело мой долг, моя кровная месть, дело моей чести.

Он пристально посмотрел на нее и добавил:

– Но я старею... да и никто из нас не вечен... так что позволь мне передать этот факел, эти право и честь тебе.

Он пристально глядел на нее, стараясь прочесть ее чувства, затем пояснил:

– Сергей Иванов знает меня в лицо...

Закольев помолчал, чтобы Павлина могла уловить смысл того, что он хотел сказать ей: молодая женщина, к тому же совершенно незнакомая этому человеку, будет обладать решающим преимуществом. Мое дитя, мое будущее, думал он в этот момент, сама пойдет по следу *зверюги*, который преследовал меня все эти годы...

Затем он добавил:

– Если бы у меня был сын, я бы возложил на него этот долг. Сына у меня нет, зато у меня есть такая способная дочь. *Теперь ты* знаешь, ради чего тебе пришлось все эти годы провести в изнурительных тренировках, почему я возлагаю такие надежды на тебя. И почему я передаю тебе этот медальон – чтобы ты не забыла, кто виновен в смерти твоей матери и моих родителей.

– Я не забуду, – сказала Павлина, и ее глаза стали холодными и жесткими – совсем такими, как у ее отца, Дмитрия Закольева.

На следующее утро Павлина проснулась чуть свет, чтобы сразу же начать тренироваться. Направляясь к овину, где они обычно встречались со стариком Егорычем, она увидела, как Шура с коромыслом в руках вышла из своей хижины. Вспомнив, что Шура тоже должна знать правду о том, как умерли ее близкие, она тут же окликнула старуху.

Шура поставила ведра на землю и пошла навстречу Павлине – она всегда была рада перемолвиться словечком со своей любимицей. Но, заметив, что улыбка вдруг сползла с ее лица, Павлина проследила ее взгляд и увидела, что Шура смотрит на Закольева, показавшегося на пороге своей избы. Он молча наблюдал за ними, потом жестом показал Павлине, что ей следует немедленно идти тренироваться. Когда Павлина снова повернулась к Шуре, та уже успела подхватить ведра и, не оглядываясь, поспешила прочь.

В тот день у Павлины все выходило лучше, чем когда-либо прежде. Она отбивала нападение нескольких противников. В прошлые годы мужчины, которых ставили с ней в спарринг, работали с ней вполсилы, как с новичком. Сейчас они работали против нее так же жестко, как и против друг друга. Она тоже получила несколько ушибов и ссадин, но быстро о них забыла.

Эти мужчины были выше и сильнее ее, но даже Егорыч, который мог подсесть под небольшую лошадь и поднять брыкающееся животное в воздух, был не в силах сбить ее с линии атаки. Павлина была гораздо ловчее и куда как быстрее, чем все остальные. Казалось, она видит их насквозь, чувствует каждую слабинку в их теле, в их стратегии, чтобы снова и сном сбивать их с ног. Что поражало ее противников больше всего, так это ее недетская и неженская сила. Павлина могла брыкаться, как лошадь. Мощь, которая исходила из нее, была невероятной для женщины ее размеров. Казалось, словно она притягивает силу из самой земли.

Ее ладони, ступни и локти словно сами находили уязвимые точки на теле соперника, обездвиживая даже самого сильного мужчину. Если противник пытался захватить ее или нанести удар кулаком, она била по нерву на его руке. Раньше, чем противник бил ее правой ногой, она успевала подбить под ним левую ногу.

В действительности у Павлины не было никакого желания кого-то убивать – даже беловолосого *зверюгу*, который неотступно преследовал ее в кошмарах. Она была совсем не уверена, что сможет заставить себя сломать ему шею, перебить кадык или вонзить нож ему в сердце. Но эта цель была всем для ее отца, поэтому она будет стараться изо всех сил, чтобы исполнить его волю и подготовиться к этому заданию как можно лучше.

Когда же она спросила у Закольева, почему он не воспользуется ружьем или пистолетом, тот ответил:

– Ружье может дать осечку, а стрелок промахнуться. Тем более пистолет. Руки или нож – это самое надежное оружие, если с близкого расстояния... и самое подходящее тоже.

«Подходящее» – что за странное словцо, еще подумала она тогда. Да и сам папка временами тоже вел себя странно, поймала она себя на мысли. Но ведь, в конце концов, он был главным в казацком отряде и специалистом в подобного рода вещах. И все же сомнения понемногу начинали закрадываться ей в душу. Жизнь ее, прежде такая простая и понятная, начинала превращаться в загадку... Однако и она понемногу начала замечать, каких именно звеньев недостает, чтобы разгадать эту загадку.

Наконец и сам Закольев убедился, что его дочери в лагере равных не было – разве если не считать Королёва, который по-прежнему отказывался «впадать в детство» и спарринговать с ней. Но это было даже к лучшему – одорукий гигант, если его завести, мог запросто и убить, под горячую руку. Закольеву было достаточно и того, что он не лез к ней с другими целями, кроме поединка. По этой причине Закольев смотрел на такое своеволие сквозь пальцы, хотя это было явное неподчинение его приказу, по которому каждый из мужчин в лагере должен был спарринговать с атамановой дочерью. Но, в конце концов, он все это делал для Павлины. Он делал ради нее все.

И снова атаман Дмитрий Закольев проснулся в холодном поту после очередного кошмара. Крики умолкли только тогда, когда его глаза резко открылись. Но вместо кошмарного сна накатила холодный шепоток воспоминаний, чтобы тоже исчезнуть. Он потерял лоб, словно стараясь стереть из памяти остатки образов, нарисованных кошмаром... голос старого соученика... лицо девушки, той девушки в казацкой станице... все тычут в него пальцем... день на луку... появляется ребенок... вспышки, что наплывают одна на одну... и все из-за Сергея Иванова, *зверюги*, который убил его жену.

Он громко застонал, затем огляделся, в страхе, что его стон был услышан.

– Это сон, всего лишь сон, – пробормотал он и встал с постели, стараясь расходиться.

Скоро, уже скоро Сергей Иванов умрет от руки Павлины. Ах, скорее бы, скорее.

Стоя одна, в лесной темноте, и раздумывая над смыслом сказанных отцом слов, Павлина невольно теребила рукой медальон. Печально взглянув на ночное небо, она со вздохом подумала, что лучше бы отец не рассказывал ей про смерть ее матери или про ее задание. С этим заданием пришел конец и ее прежней, по-детски невинной жизни, вместе с которой исчезла и вера в то, что миром правят любовь и доброта. Да и Константин в последнее время как-то отдалился от нее, а тут еще это задание... оно, словно темное облако, закрыло прежде светлый горизонт ее будущего.

После того разговора с отцом редкие улыбки на ее лице лишь подчеркивали растущую меланхолию и решимость, что становилась все тверже – раз она приняла тот факел, что передал ей отец, она сделает дело отца своим собственным. Павлина знала, какими ужасными были ночи ее отца, его стоны и бормотание не раз будили ее среди ночи. Но теперь и она страдала от непонятных видений, которыми наполнились ее сны. Там, во сне, ей все виделась незнакомая и загадочная местность, то ли лес, то ли луг... печальное лицо женщины, которой могла быть она сама, только старше... губы этой женщины шевелились, но Павлина не могла разобрать ее слов. Иногда во сне она встречала и беловолосого человека, но всегда – спиной к себе, так ни разу и не увидев его лица.

Просыпаясь, она оказывалась в столь же непонятном мире. Теперь, когда ее тело стало наливаясь, мужчины уже смотрели на нее другими глазами – в особенности Королёв. Из-за его взглядов у нее порой мурашки по коже бегали. Она с трудом выносила его присутствие, делая вид, что просто не замечает однорукого великана. До тех пор пока ее отец оставался главным в лагере, ей ничего не угрожает, в том числе и со стороны Королёва. С любым другим мужчиной она может справиться без особых сложностей, благо по бойцовскому мастерству в лагере ей не было равных.

Однажды, через несколько дней после того памятного разговора с отцом, Павлина уже было переступила порог своего дома, но случайно услышала, как Оксана в приглушенных тонах разговаривает с Еленой. Павлина остановилась и прислушалась.

– Да, атаман стал какой-то не такой... задумчивый, что ли... а тут еще одного из наших, Леонтьева, убили во время последнего набега... Ах, неужели эти набеги никогда не прекратятся? – сказав это, Оксана быстро добавила:

– Поверь, я все это говорю потому, что беспокоюсь за нашего атамана.

– Да я-то что... – понурилась Елена.

Когда Павлина вошла, женщины быстро сменили тему, а вскоре Оксана заторопилась и поспешила уйти. Все в лагере изменилось – это Павлина и сама уже давно заметила. Люди сновали, словно тени, переговаривались шепотом, при встречах с ней притворялись любезными. Елена была особенно осторожна. Все чаще Павлина спрашивала себя: а действительно ли все они изменились или это просто у меня начинают на все открываться глаза?

Как-то давно, когда Павлина была младше, она спросила у Елены, зачем мужчины регулярно выезжают из лагеря. Ответ Елены был краток:

– Они несут патрульную службу по приказу царя.

Она хотела побольше расспросить об этом Шуру, но возможность для этого все никак не выпадала. Шура лишь почтительно кивала, когда ей случалось пройти рядом, но редко заговаривала с Павлиной, да и то обходилась парой слов. Тем больше было удивление Павлины, когда в один из дней старуха остановила ее с таким видом, словно ей самой хотелось поговорить с Павлиной.

– Что случилось? – спросила удивленно Павлина, но Шура только молчала и лишь просительно смотрела на нее, не решаясь заговорить. – Шура, что с тобой? – переспросила Павлина.

Старуха медленно огляделась, направо, потом налево. Затем с трудом произнесла:

– Я была здесь... вскоре после того, как ты родилась. Это я тебя вынянчила.

Несколько ошарашенная этим вступлением, Павлина в нетерпении оборвала ее:

– Да, я знаю – ты мне столько раз рассказывала. Шура еще раз боязливо огляделась, затем прошептала:

– Павлина, ты ведь не выдашь меня, скажи? Не выдашь свою старую няньку?

– Ну о чем ты говоришь, Шура? Я не пойму, к чему...

Теперь уже Шура перебила ее:

– Ах, хочу тебе рассказать что-то, да как бы не накликать беду на свою старую голову. Но ты ведь меня не выдашь, особенно нашему атаману? Все, что я тебе скажу, – только для твоих ушей, договорились?

– Даже папке Дмитрию ни слова?

– Особенно ему, – ответила Шура. Ее била нервная дрожь, но неожиданно ее словно прорвало:

– Все на самом деле не так, как тебе кажется, дочка. Эта родинка на твоей шее...

Павлина невольно прикоснулась к своей шее, где у нее краснело багровое пятно.

– Эта родинка? Такая же, как и у моего отца?

– Да... То есть нет! – в сердцах воскликнула Шура. – Никакое это не родимое пятно! Это ожог, от пламени – твои крики и до сих пор у меня в ушах...

– Что ты такое говоришь? – воскликнула Павлина громче, чем хотела бы сама. Но, когда она увидела перепуганное лицо Шуры, которое совсем побледнело от страха, ее голос смягчился. – Шура, ты говоришь что-то совсем непонятное...

Но Шура только бессвязно лепетала:

– Такая крошка... ты была такой маленькой, когда они принесли тебя. Такое милое дитяtko... Ты совсем не такая, как он. Ведь он столько душ невинных загубил...

Шура не договорила – заметив, что к ним приближается один из мужчин, она заковыляла прочь, оставив потрясенную Павлину саму разбираться в том, что она только что услышала.

42.

К лету 1909-го прошло уже больше года, как Сергей начал свои поиски, не найдя никаких сколько-нибудь надежных примет того, где мог скрываться Закольеv. Ему не раз попадались обугленные развалины отдельных изб или хуторов, что вполне могло быть

делом рук закольцеванной банды. Каждое такое место он наносил на карту, но никакого строго очерченного маршрута, которым он мог бы следовать, у него не получалось.

В одну из ночей ему даже приснилось, что они с Тайной, словно два маленьких пятнышка, не больше комара, перемещаются по огромной карте Малороссии, гоняясь за другим пятнышком, которое постоянно ускользало от них. Сергей проснулся в замешательстве. Он уже готов был поверить, что Закольев мог перенести свой лагерь в Сибирь или ближе к северным губерниям.

Нет, возразил себе Сергей, они непременно должны быть здесь, в этих краях, где продолжали свирепствовать гонения против еврейского народа. И все же Малороссия, протянувшаяся на тысячи верст с севера на юг и с запада на восток, устроила ему серьезный экзамен на выдержку и силу воли. С тем же успехом он мог пытаться отыскать монету, зарытую в лесу.

Сергей двигался зигзагами, с запада на восток, продвигаясь в сторону Киева, к самому сердцу этого края. Он шел по следу слухов, которые вились по всей украинской земле, но ловил лишь слабый запах дыма, который тут же рассеивался на ветру.

Стараясь держаться в стороне от крупных городов, Сергей не пропускал небольших хуторов, деревень и маленьких местечек, на которые скорей бы положил глаз Закольев. Неподалеку от одного из таких местечек ему случилось разговориться с пожилым евреем. Старик, который сам вместо лошади впрягся в свою повозку, предложил Сергею краюху хлеба из своих скудных запасов.

– Спасибо, но мне, пожалуй, не хлеб сейчас нужен. – Сергей был рад поговорить с неожиданным попутчиком. – Лучше расскажите мне – что там слышно о недавних погромах?

– А что, разве есть кто-то такой, кто о них не слышал? – ответил старик. – В местечках вокруг Киева, Минска, Полтавы, да и повсюду, словно из-под земли появляются всадники. Из преисподней, слышите меня? Не щадят никого, ни мужчин, ни женщин, ни детей. А за что? Скажите мне, за что?

Но когда Сергей принялся расспрашивать его, где в последний раз видели этих бандитов, старик опустил глаза, не зная, что ответить, или не желая продолжать разговор. Он лишь устало покачал головой и принялся дальше толкать свою тележку.

Пришла зима, и Сергей понял, что его терпение вот-вот иссякнет. Завернувшись в бурку, он продолжал свой путь по промерзшей земле, под порывами ветра, которые грозились сдуть его с коня. Изможденный, полный мрачных предчувствий, он упорно гнал Тайну вперед, но его все сильнее терзали сомнения.

Какими бы ни были его умения, угрюмо поддакивал он своим невеселым мыслям, он еще не научился брать след по запаху или, как лозоходец, находить нужное место с лозой в руках. Ему все равно нужны были осязаемые, а не воображаемые приметы: свежие следы, точные указания – одним словом, четкое направление, в котором ему следовал двигаться. До тех пор пока ему не попалось ничего такого, оставалось только гнаться за слухами от одного местечка к другому, чтобы на свои расспросы получать в ответ удивленные взгляды – и еще пальцы, указующие в самые разные стороны.

Он стал поститься, молить о том, чтобы ему была указана ясная дорога к его сыну, но по-прежнему необходимого знака не получал. Может быть, однажды решил он, я задаю неправильный вопрос. Задержав дыхание, он вошел в глубокий транс, отгородившись от всяких телесных ощущений. В таком состоянии он задал вопрос: где Дмитрий Закольеv?

Ответ пришел к нему совершенно не в том виде, каким он его ожидал. Откуда-то из пустоты вынырнуло лицо Дмитрия Закольева – все та же землистая кожа, белесые волосы и мертвенно-пустые глаза. Сергей не представлял себе это лицо – он его на самом деле видел. И на самом деле почувствовал, какие безумные страдания терзают сейчас его врага. В этот миг закольеvские страдания стали его собственными.

43.

В этот же самый миг перед спавшим Дмитрием Закольевым неожиданно возникло лицо Сергея Иванова. Закольеv в панике вскочил на кровати и увидел *Зверюгу* – Сергея прямо перед собой. Судорожно хватая ртом воздух, Закольеv расширенными от ужаса глазами всматривался в темноту. Но на лице его врага не было гнева, скорее то была... жалость. Затем лицо исчезло, Закольеv быстро поднялся и лихорадочно зашагал по комнате, стуча себя по голове кулаком. Первым его побуждением было пойти к дочери и рассказать ей правду. Но что, что это была за правда? Если бы только он мог вспомнить!

Детьми Константин и Павлина были почти неразлучны. Теперь же он дорожил всякой минутой, любой возможностью встретиться с ней. Как-то раз он увидел ее, когда Павлина в перерыве между тренировками сидела на берегу реки чуть выше водопада, совсем рядом с их тайным местом. Опустив ноги в реку, она беззаботно болтала босыми ступнями в холодной воде. Константин молча сел рядом, разулся и опустил ноги в воду, касаясь ее ступней своими. В этот миг он едва не предложил ей бежать из лагеря вместе. Он уже открыл было рот, но нужные слова так и не появились. И он не сказал ей ничего, решив молчать дальше и браня себя за трусость.

Павлина тоже поглядывала порой на своего Константина так, что ее щеки временами вспыхивали румянцем. Ей как-то случилось увидеть одного из мужчин за овином с Оксаной. Тогда ей это все показалось отвратительным, особенно звуки, которые они издавали. Но теперь она не была настолько в этом уверена. Ее ум и тело словно спорили между собой. Павлине не с кем было поделиться сомнениями, что не давали ей покоя. Даже Константину она не могла об этом сказать. Особенно Константину.

Как-то утром, когда Елена вышла из избы, а Павлина, открыв медальон, рассматривала лица своих дедушки с бабушкой, Закольеv подошел к дверям ее комнаты и сказал:

– Живей ступай тренироваться. Егорыч тебя уже заждался.

Павлина только вздохнула в ответ. Старый медведь Егорыч... Он всегда рядом, всегда готов ждать ее. Однажды она проснется пораньше и придет к овину первой, чтобы не заставлять его ждать. Но не сегодня. Сегодня она чувствовала себя слишком уставшей... во всем теле была какая-то слабость и дрожь... И что-то еще, чему она не могла придумать названия.

Закольеv уже повернулся, чтобы идти, когда Павлина, не отрывая взгляда от фотографий, окликнула его:

– Отец, все хотела тебя спросить... Ты совсем не похож на своего отца – у тебя светлые волосы, а у него темные, и еще...

– Отстань от меня с этой ерундой! – отрезал он. – Тебе главное знать, кто убил их, и еще упорнее тренироваться!

Закольеv выбежал из избы, хлопнув дверью так, что стены задрожали.

Обиженная этой неожиданной грубостью, Павлина в тот день тренировалась так яростно, что, отработывая бросок, растянула мышцу на руке. Она даже застонала от боли, что с ней случалось крайне редко.

– Что стряслось, моя маленькая? – взволнованно спросил Егорыч.

– Все в порядке, Медведь, – растяжение, наверное. Скоро все пройдет, отцу только не говори.

Она попробовала поднять руку, но даже закусила губу от боли.

– Нет, это непорядок, – ответил Егорыч. – Иди поддержи руку и холодной воде, пока не занемет. Затем сделаем перерыв.

– Никаких перерывов! – крикнула она. – Разве ты не знаешь, что я ленивая! Мне нужно усерднее тренироваться!

– Сначала приведи свою руку в порядок, а потом посмотрим.

– Сначала приведи свою голову в порядок! – в сердцах воскликнула она и рванула со всех ног, чтобы Медведь не смог удержать ее.

Павлина сидела одна в своей комнате. Никогда прежде, сколько себя помнила, ей еще не было так беспокойно на душе. Растирая поврежденную руку, она решила, что все-таки следует опустить ее в холодную речную воду. Это поможет ей не думать больше о необъяснимом гневе отца. Что в ее словах могло так задеть его? – терзалась она. Ведь это он сам подарил ей этот медальон. И не было ничего необычного в том, что она задала ему свой вопрос – но, очевидно, не тот вопрос, который он хотел от нее услышать...

Она вздрогнула – оказалось, отец появился в дверях их простой избушки. Он выглядел взъерошенным и словно не в себе. Павлина молча отругала себя за то, что утратила контроль над собой. Она уже поднялась и хотела было извиниться, но что-то удержало ее от этого. Почему она должна извиняться, за что?

Она так и стояла, глядя себе под ноги, пока он не заговорил первым:

– Павлина, прости меня за резкие слова. Я не хотел говорить о своих родителях, потому что слишком много ужасного приходит вместе с воспоминаниями о них.

Он подошел ближе и сел на ее кровати. Его руки дрожали. Наконец ему удалось справиться с волнением:

– Я знаю, что мало похож на своего отца. Но совсем не каждый ребенок похож на своих родителей. И твое счастье, что ты не похожа на меня. Тебе повезло, что ты похожа на мать. Но вот, и у тебя, и у меня, одинаковое родимое пятно.

Он откинул свои соломенные волосы, обнажив багровое пятно на своей шее, совсем такое, какое было и у Павлины.

– В нас с тобой течет одна кровь, – сказал он, глядя ее по волосам. – Вот почему я и доверил тебе... Словом, вот почему тебе нужно тренироваться еще упорнее. Хочу напомнить тебе, что Сергей Иванов не просто опытный и тренированный боец. Он также умело пользуется своим голосом, чтобы обманывать и завораживать... Чтобы ты поверила, что белое – это черное, а правый – он же и виноватый. Так что, когда встретишь его, не дай ему возможности заговорить, ввести себя в замешательство, чтобы потом убить.

Павлина, которая еще не совсем остыла от обиды, лишь подумала, что он повторял это уже столько раз, что она все это успела запомнить наизусть.

Когда он повернулся и вышел из избы, Павлина потрогала родимое пятно на своей шее. Она ненавидела *зверюгу* Сергея Иванова за то, что он причинил столько страданий ее отцу. Придет день, и они встретятся. И тогда он заплатит за все.

На следующий день Павлина не смогла встать с постели из-за лихорадки. Все ее тело ломило, она даже не смогла опустить ноги. Голова кружилась. Никогда прежде она не ощущала такого нездоровья. Елена старалась держаться подальше от нее, но зато Шура пришла, чтобы поухаживать за ней. Она прикладывала влажную холодную тряпицу ей на лоб, гладила по щеке и отпаивала ее настоем из трав, которые готовила сама, – Павлина едва могла их проглотить, так отвратительны они были на вкус.

Бессвязные мысли, обрывки образов врывались в ее сознание из сумеречного мира между бодрствованием и сном. О чем-то важном ей нужно было расспросить Шуру, но о чем? Она никак не могла вспомнить... Затем сами собой в голове стали складываться другие вопросы, над которыми она прежде и не задумывалась... о себе, о мире, что окружал ее. Что меня ждет в будущем? Сколько лет я проведу в погоне за человеком, которого, может быть, даже нет в живых?

Ее видения разлетелись от резкого голоса:

– Немедленно поднимайся! – прикрикнул на нее Закольева, на нетвердых ногах стоявший в дверях. – Тебе нужно тренироваться – пусть не в полную силу, но все равно не валяться в постели!

Павлина изо всех сил постаралась подняться, но лишь откинулась на подушку и моментально уснула.

Когда она снова открыла глаза, на ее горячем лбу лежала холодная влажная тряпица. Она увидела, что Константин сидит у ее постели и гладит ее волосы.

– Контин! – прошептала она. – Смотри, отец застанет тебя здесь!

– Ш-ш-ш, – прошептал он, – его нет... он уехал в патруль

Вот он рядом с ней, и от его улыбки ей и самой стало легче – пусть даже же это была и грустная улыбка. Она закрыла глаза, чтобы его образ отпечтался перед ее глазами, а ее Контин тем временем заговорил с ней так нежно, как не говорил с ней никто прежде.

– Павлина, – нагнувшись над ней, начал он приглушенным голосом. Он шептал ей на ухо, продолжая гладить ее волосы. – Однажды ты поделилась со мной секретом. Теперь и я тебе скажу нечто, чтобы ты знала, что я верю тебе... и что ты мне не безразлична. – Он глубоко вдохнул, глядя куда-то вдаль. – Но если ты проболтаешься, выдашь кому-то мой секрет, это будет означать мою верную смерть...

Павлина, все еще в горячке, пробормотала:

– Ты никогда не умрешь... ты всегда будешь здесь... рядом со мной...

– Нет, Павлина, ты меня не слушаешь! Мне так нужно все рассказать тебе сейчас – другого времени у нас может и не быть! Только ты мне верь, слышишь? От тебя столько всего скрывают... столько всего, что я даже и не знаю, с чего начать... но главное – ты не должна убивать Сергея Иванова...

Константин обернулся и пристально взглянул на Павлину. Она судорожно дышала в глубоком забытии.

Ему ничего не оставалось, как оставить Павлину наедине с ее беспокойными видениями.

Тем временем Закольева и его люди обрушились на маленький, одиноко стоявший хутор. Не раз уже товарищи советовали его владельцу, молодому арендатору Ицхаку, переехать поближе к городу, где они могли бы выручить его, случись прийти беде, но тот только недоуменно пожимал плечами. «А смысл? – все повторял он. – Черта оседлости большая. Пока что они не появлялись в наших краях. Да и к тому же разве наше местечко можно считать безопасным местом?» Его друзья только сокрушенно качали головами в ответ. Действительно, Ицхак был прав – если нагрянут эти кровопийцы, никто из них не будет в безопасности.

Банда Закольева убила Ицхака, его жену и детей. И Королёв, как всегда, не забыл взять свое, прежде чем женщина умерла. Люди Закольева подожгли хутор. Давно уже лишившись прежнего рвення, они двигались как заводные куклы. Ни у кого уже не было иллюзий, будто они служат матери-церкви или царю. Все понимали, что они лишь послушные исполнители воли атамана.

Спор вспыхнул только из-за того, что кое-кто из людей хотел забрать детей с собой, а другие не хотели. Но Закольева быстро положил конец спору.

– Убить их, всех убить. И поживей!

Таким было его милосердие в этот раз, и тем ничего не оставалось, как подчиниться.

Но прежде, чем швырнуть факел на тесовую крышу избы, закольевская банда вынесла из нее все сколько-нибудь ценное. Позже сам атаман внимательно, вещицу за

вещицей переберет все, что не было брошено в огонь: фотографии, старые письма и другие личные вещи. Но сегодня ему досталась особая добыча – это была одна из самых лучших лошадей, которых ему доводилось видеть, каурый жеребец с дикими глазами. Одним словом, не конь, а просто сказка.

Когда же языки пламени, освещая вечернее небо, взвились над хутором, атаман Закольева разразился безумным смехом. Трясаясь, словно в припадке, он накинул узду на перепуганного жеребца и закричал:

– Как же мне тебя назвать? Только Вождь – и никак иначе!

На том бы все и закончилось, если бы не один из его людей, скорый на язык лагерный дурачок Гумлинов, не сдержался и не выпалил:

– Кто спорит, атаман, – славный тебе достался коник. Но если ты запомнил – напомню, моего коня вот уже три года зовут Вождь. Само собой, не может у нас быть двух коней с одинаковыми кличками...

Слова застряли у Гумлинова во рту, когда он увидел выражение лица Закольева. Тот внезапно затих и почти с умиротворенным видом подошел к гумлиновской лошади, приветливо улыбаясь своему проверенному товарищу:

– Хорошо еще, что тебя зовут не Закольева, а Гумлинов, а то как бы нас с тобой различали?

Эти слова разрядили возникшую напряженность, и все, кто был вокруг, включая и самого Гумлинова, нервно рассмеялись.

Но смех стих так же внезапно, когда Закольева выхватил саблю и одним ударом перерубил бабку гумлиновской лошади, совсем отхватив нижнюю часть ноги. Несчастный жеребец, заржав от боли, взвился было на дыбы, но не удержал равновесия и рухнул набок. Из обрубка ноги не останавливаясь хлестала кровь. Похолодевший от ужаса Гумлинов застыл на месте, переводя глаза с бившейся в агонии лошади на Закольева.

Все остальные с открытыми ртами наблюдали за этой ужасающей сценой, не в силах вымолвить ни слова. Они немало всякого видели и знали за атаманом, но эта необъяснимая жестокость к лошади в их представлении была святотатством – и их казацкая кровь понемногу начинала закипать.

Теперь уже ни у кого не оставалось сомнений, что их атаман полностью лишился рассудка. А Закольева тем временем продолжал спокойным, даже игривым тоном:

– Вот теперь мы сможем с тобой различить, где чья лошадь.

Подобрав обрубок ноги, атаман перекинул его через плечо, словно это была какая-то деревяшка, подошел и погладил по шее своего нового скакуна. Затем, смерив Гумлинова взглядом, еще раз окликнул его:

– Но лучше ты все-таки придумай новое имя для своей лошади – хотя, похоже, тебе понадобится новая лошадь, которой ты сможешь дать имя.

Вскочив в седло, он резко завернул коня и поскакал прочь, а остальные последовали за ним, оставив Гумлинова самого решать, как облегчить участь несчастному животному. Вскоре окровавленный труп лошади лежал у ног Гумлинова. А в двадцати шагах – дымившееся пожарище того, что еще несколько часов назад было домом еще одной еврейской семьи. Гумлинов перекинул седло через плечо и пошел за старой клячей, которую они незадолго перед тем вывели из стойла.

Гумлинов верой и правдой служил своему атаману пятнадцать лет и не осмелился бы поднять на него руку. Но теперь он не поднял бы руки и на его защиту.

Он решил не ехать вслед за остальными – те поскакали на очередной налет, севернее от сожженного хутора. Тем более что теперь у него была лишь хромая кляча. Хотя и дальше людей резать, решил он, – пусть режут, но уже без него.

«С меня достаточно, – сказал он себе, – и порубленных лошадей, и загубленных еврейских душ тоже».

За время отсутствия отца Павлина успела достаточно окрепнуть, чтобы встать с постели и сделать разминку. Ей всегда нравилось растягиваться – в такие моменты она чувствовала себя кошкой.

Она скучала по Константину. Ей хотелось, чтобы он снова провел рукой по ее волосам – или это ей только приснилось? Наверное, это был всего лишь сон, подумала она. Но ведь что-то он еще и говорил ей на ухо, она запомнила его дыхание на своей щеке. Наверное, снова что-то хотел сказать об ее отце? Она вдруг разозлилась, сама не зная почему.

На следующий день она спросила Елену:

– А ты видела Константина с кем-нибудь из девушек в нашем поселке?

– Никогда не видела, – отрывисто бросила Елена. – Не думаю, чтобы у него кто-то был.

Павлина облегченно вздохнула, но ее тревога не исчезла. Она уже давно перестала доверять Елене – эта женщина, в конце концов, всего лишь служанка ее отца. С Еленой их отношения никогда не были сердечными, как бы Павлина ни старалась сократить ту дистанцию, которую между ними создала сама Елена, всегда безразлично-внимательная к атамановой дочке, словно это была еще одна ее обязанность, как стряпня или уборка. Она была безразлична Елене, это было ясно. Но зачем тогда она притворялась внимательной? Зачем все они притворяются?

Павлина чувствовала, что живет в доме, полном загадок, в лагере, полном лжи.

44.

В апреле 1910 года, переходя в своих поисках от деревни к деревне, Сергей поднялся на холм и заметил на расстоянии все еще дымящиеся развалины маленького хуторка. Дым пожарища мгновенно пробудил в нем давние воспоминания об избушке Абрамовичей. На какой-то миг почувствовав приступ физической слабости, он лишь склонил голову в знак скорби за тех, кто был похоронен под этим новым пожарищем.

Подъехав ближе, он заметил человека, стоявшего возле руин. Сергей спешился и оставил коня, решив пешком подойти к этому человеку, чтобы не напугать его. В такой момент всадник, особенно похожий на казака, едва ли мог ожидать теплого приема. По ходу Сергей внимательно осматривал землю, стараясь не пропустить следов, которые должны были оставить нападавшие.

Сергей остановился в почтительном молчании, дожидаясь, когда незнакомец, старик, шевеливший губами в беззвучной молитве, поднимет голову и сам заметит его.

– Простите, что беспокою вас в такую минуту, – обратился он к старику. – Это была ваша родня?

– А разве мы все не родня друг другу?

– Не стану спорить, – ответил Сергей. Этот старик чем-то напомнил ему его Гершля.

– Это были мои друзья. А теперь от них остался только один пепел.

– А вы видели, как это произошло? Людей, которые это сделали?

– Я как раз ехал, чтобы навестить Ицхака, его славную женушку... И его троих детей.

Он вздохнул и после долгого молчания продолжил:

– Уже было недалеко, когда я заметил дым. Я прибавил ходу, решил, что должно быть, загорелся стог сена или амбар. Потом... Еще до того, как показался сам хутор, я слышал крики мужчин, потом... вопль женщины... и еще детей...

Он невольно обхватил голову руками.

– Мужчин, вы говорите? А сколько их было? – спросил Сергей, стараясь разговорить старика.

– Сколько? Я не знаю... наверное, десять или около того. Я ведь видел их с расстояния. Спрятался... как трус...

– Как разумный человек, – возразил Сергей. – Вы заметили, в какую сторону они ускакали?

– Да, – старик вздрогнул, затем горестно покачал головой.

– Куда, в какую сторону они направились? Прошу вас, скажите мне. Мне это очень важно знать!

Старик задумался, затем показал на юго-запад.

Сергей взял Тайну под уздцы и прошел около двадцати шагов в том направлении. Его сердце забилось учащеннее, когда перед его глазами открылись следы копыт – лошадей было не меньше десятка. Это был самый свежий след с тех пор, как началось его

путешествие. Если сожженный хутор был делом рук банды Закольева, то сейчас их разделял лишь час, самое большее – два.

Но прежде, чем броситься в погоню, Сергей обернулся к старику:

– Можете хоть кого-нибудь из них описать?

– Нет. Я же прятался. Хотя погодите, один из них был значительно выше остальных – настоящий великан. Вот все, что я могу вас сказать.

– Спасибо. Хотите верьте, хотите нет, но я тоже скорблю о ваших друзьях. Вам нужна моя помощь?

– Увы, ничем вы уже не поможете. Я вернусь с такой печальной вестью. Приведу с собой остальных наших. Мы живем неподалеку, в местечке, в двадцати верстах. Если будете у нас, спросите старого Герцика.

Старик кивнул и уже было повернулся, чтобы идти, но вдруг его колени подогнулись, он судорожно прижал руки к груди и упал.

Сергей бросился к нему.

– Ничего... сейчас... сейчас все пройдет, – сказал Герцик, стараясь подняться, но ноги никак не хотели держать его. – Это все... Сами понимаете, увидеть такое...

– Давайте, я отвезу вас домой, – предложил Сергей.

– Давайте, вы доведете меня до повозки, – Герцик медленно, с болезненным стоном поднялся, затем попробовал сделать шаг, но не сдвинулся с места. Сергей легко подхватил его на руки и понес. – Спасибо вам. И не беспокойтесь за меня. Лошадка у меня тоже старенькая, как и я, – так что дорогу домой найдет сама.

Тем временем небо затянуло тучами, обещая обложной весенний дождь. А у Сергея теперь был свежий след, и ему не терпелось броситься скорей на поиски. Он мог даже перехватить их до того, как они скроются в лесу. Он впервые был по-настоящему рядом со своим сыном...

Лицо Герцика исказила гримаса боли, но он вымученно улыбнулся:

– Не обращайтесь внимания, – твердил он, – ступайте... куда вам надо. – Но его руки едва могли держать поводья.

Сергей лишь вздохнул, но решение было принято

– Еще чего! Бросить вас тут – нет уж, показывайте дорогу к вашему местечку.

Герцик кивнул, и Сергей увидел, что его лицо посветлело. Сергей же сел на своего коня и быстро объехал еще раз вокруг руин хутора. Он нашел труп лошади с отрубленной ногой и перерезанным горлом. Вокруг спекшейся раны, уже крутился густой рой мух. Сергей даже дернул головой, стараясь понять, как и зачем такое могло случиться, но так и не смог найти объяснения.

Следы вели на юг. Все в нем кричало от желания немедленно пуститься в погоню, по свежему следу. Он оглянулся на Герцика, сгорбившегося в своей повозке. Вздыхнув, Сергей медленно подъехал к нему, привязал своего коня к задку повозки, сел на козлы и взял поводья в руки:

– Ну, что ж, лошадка, – сказал он. – Давай, вези нас домой!

– Чтоб вы знали, его зовут Цадик, – кивая головой, проговорил старик. – Скажете, надо же было таким именем назвать, и кого? Коня... Так ведь я никому об этом и не говорю – только друзьям, вот...

Задумавшись, он умолк.

К тому времени, когда они добрались до местечка, в котором жил Герцик, солнце успело закатиться. Небо, что целый день затягивалось дождевыми тучами, наконец пролилось первыми каплями. Навстречу им выбежала женщина и, подхватив Герцика под руки, повела в дом. А когда и Сергей стал перед порогом дома, вдруг стало совсем темно, а первые капли превратились в настоящий ливень.

И если еще возле хутора оставался какой-то след, то сможет ли он найти его завтра, тем более – после дождя? Тот след, который он столько искал...

Укладывая мужа в постель, Дебора, жена Герцика, уговаривала Сергея, словно бы он был членом их семьи:

– Уже темно, дождь, не стоит тебе ехать никуда в такую погоду. Коня своего можешь оставить в конюшне через улицу, а сам ночуй у нас. Утром смачно с нами позавтракаешь, а на полный желудок и дорога покажется веселее. А не то – оставайся у нас, сколько душа пожелает. – Не дождавшись ответа, она поспешила к расстонавшемуся Герцику.

Но Сергей услышал и то, что она хотела сказать ему: спасибо, и Бог да благословит тебя за твою доброту. Теперь ты свой в этом доме.

Было время, когда Серафим учил его: «Характер человека отчетливей всего проявляется тогда, когда ему приходится делать выбор в сложных обстоятельствах». Сергей сделал свой выбор, и ему хотелось надеяться, что это был правильный выбор. Все внутри него стонало от желания немедленно броситься на поиски сына. Впрочем, куда теперь ехать, успокаивал он себя, – едва ли удастся разобрать следы ночью, да еще и под дождем. Оставалось только принять гостеприимство этих милый людей из того же народа, что и его дедуля Гершль. Народа его матери. Его народа.

45.

Ранним утром, едва только рассвело, в закольевском лагере ни с того ни с сего злобно залаяли собаки. Неожиданно из леса выбежал незнакомец – почти голый, в изодранных лохмотьях, он изрыгал проклятия, бешено размахивая в воздухе саблей. Длинные спутанные волосы и борода сбились комками, словно это был не человек, а порождение лесной чащобы. Одна из рычавших собак не решалась броситься на незнакомца, другая, попытавшаяся хватануть его за ногу, в мгновение ока осталась без головы.

И Закольев, и остальные мужчины в этот момент были на вылазке, а почти вся лагерная молодежь, включая Константина, ушла в лес собирать хворост. Охранять лагерь остался один только старик Егорыч.

Увидев чужака, который продолжал угрожающе махать саблей, кто-то из детей заревел и с плачем пустился наутек. Павлина выглянула из дверей своей избы как раз в тот момент, когда показался и Егорыч, который вышел узнать, что стряслось.

И Егорыч, и Павлина увидели чужака почти одновременно, но оба они были слишком далеко, чтобы прийти на выручку Шуру, которая неожиданно для себя столкнулась с чужаком нос к носу. Она в этот час по обыкновению ходила к реке, и завидев того, даже выпустила коромысло из рук. Вздвогнув от неожиданности, пришелец, не раздумывая, полоснул Шуру саблей, едва не сняв ей голову с плеч. Взбешенный Егорыч бросился, чтобы скрутить незваного гостя, но сделал роковую ошибку. Он решил, что перед ним один из тех дурачков-бродяг, которых в те времена немало ходило по проселочным дорогам. С устрашающим ревом, надеясь взять его на испуг, не ожидавший подвоха Егорыч двинулся прямо на пришельца.

Но когда Егорыч приблизился, человек неожиданно сделал выпад, и сабля, блеснув сверкающей дугой, пронзила сердце старого Медведя – наставника Павлины. Пошатнувшись, он еще успел удивленно посмотреть на безумца, но свет померк в его глазах, и он рухнул на землю.

Потрясенная Павлина застыла в дверях. Поначалу ей показалось, что этот незнакомец с безумными глазами и есть тот *зверюга*, Сергей Иванов, которого так боялся ее отец. Но она быстро поняла, что этот бородатый, обросший волосами, бормотавший какую-то невнятицу человек – скорее всего, одержимый, решивший убивать все и вся. Нужно было срочно увести подальше от него женщин и детей...

Она не помнила, что произошло потом, но Оксана, которая перепуганно выглядывала в щелку в дверях, все видела и все потом рассказала.

Спустя несколько минут вернулась молодежь с охапками дров. Когда они увидели тела Шуры и Егорыча и еще незнакомца, который неподвижно, лицом вниз, лежал на земле, они бросили сучья и кинулись выяснять, что произошло. Константин первым оказался рядом с Павлиной – та, прислонившись к стене, плакала навзрыд. Константин присел рядом с ней, обнял за плечи и прижал к себе.

Еще не успело стемнеть, как в лагерь вернулись Дмитрий Закольев, Королёв с остальными – но не все. Как только атаман увидел трупы Егорыча, Шуры и лежавшего поодаль мертвого незнакомца, он закричал:

– Что произошло? Где Павлина?

– Я все видела своими глазами, атаман, – выпалила Оксана. – Это чокнутый, он утром ворвался в поселок. – Но Закольев, соскочивший с лошади, лишь остервенело тряс ее за плечи с криком: «Где Павлина?» – и перепуганная Оксана затараторила еще быстрее, словно испугавшись за свою жизнь. – После того как он убил Шуру, он замахнулся саблей и убил старого Егорыча... но Павлина спасла всех нас! Она подошла к этому дикарю и подняла руку, словно хотела сказать «А ну стой!» – а тот вытащил саблю из тела Егорыча и с криком – совсем ненормальный, я вам говорю! – кинулся на Павлину. И, представляете, ни разу не попал! – так быстро она двигалась. То она перед ним, то,

глядишь, уже сбоку, так что тот махал-махал саблей, а попасть – не попал. А она – лупцевала его, лупцевала, пока тот не упал и не сдох, вот!

Закольев рукавом утер пот со лба – он уже начинал успокаиваться. Не выпуская Оксану из рук, он мягко сказал:

– Оксана, последний раз спрашиваю – где Павлина?

Она указала в сторону атаманова жилища:

– Кажись... Константин повел ее в вашу избу, атаман...

Закольев оттолкнул Оксану и со всех ног бросился в избу.

Но Константина и след простыл. Павлина упростила его уйти в тот самый миг, когда они услышали стук копыт. Когда Закольев нашел ее, она сидела одна, все еще в полумраке, глядя в никуда. Она отомстила за смерть Шуры, которая вынянчила ее, и за смерть близкого человека, который учил ее всему лучшему, что только знал сам. Как, оказывается, легко было отобрать жизнь у человека – ужасающе легко, а ведь ей самой, казнила она себя, хотелось убить того человека. Но не только в его смерти было дело... еще и в том, что он успел сказать...

Поначалу он кричал что-то невразумительное, из чего она не могла разобрать и слова, но потом наконец она поняла – он говорил не по-русски. Поняла тогда, когда он наконец взвыл: «Убийцы!. вы убили мою жену... моих детей!. За что – только за то, что мы еврей?» На его глазах блестели слезы. Тут-то Павлина поняла, что это не дурачок, который где-то раздобыл саблю и случайно набрел на их лагерь. Он искал их, и на свою беду нашел. Он продолжал кричать что-то, но Павлина больше его не понимала, да и не хотела понимать. Уже по одному его голосу было ясно, что он говорит правду.

Слова безумца открыли наконец Павлине все то, чего она так долго не хотела замечать, о чем не позволяла себе задуматься. Теперь она знала, откуда в их поселке берутся лошади, овцы, одежда, утварь, книги, да и много чего еще. И еще она поняла, что они были за люди...

И в этот миг в избу с перепутанным лицом влетел Закольев:

– Павлина... дочка... с тобой все в порядке? Она ответила медленно, с безразличием в голосе:

– Я в порядке, не ранена, если именно это тебя интересует.

Она подняла глаза и впервые заметила то, чего не замечали ее прежде детские глаза, – отец осунулся, спал с лица, его глаза были затравленные и холодные, как у того сумасшедшего. Нет, куда холоднее.

Закольев же, не почувствовав того, что творится с его дочерью, облегченно вздохнул:

– Ну, хорошо, раз так. Ты была молодцом, справилась как надо – Оксана мне все рассказала. Так что еще немного – и ты будешь готова.

Он протянул руку, чтобы погладить ее волосы, но Павлина отодвинулась в сторону.

Он сделал вид, что не заметил ее жеста.

– Отдохни, – сказал он. – А завтра я найду тебе нового наставника.

Глядя себе под ноги, Павлина ответила все так же безразлично:

– Ты же не думаешь, в самом деле, что мне и дальше необходимо тренироваться?

Не дождавшись ответа, она подняла голову, но увидела, что в дверях пусто.

Закольеву необходимо было в этот момент обмыться в реке, чтобы соскрести грязь со своего тела и очистить разум. После он постарается уснуть. Он жалел о потере Егорыча и Шуры. Они оба были полезны и могли еще пригодиться. Но при мысли, что их лагерь в конце концов обнаружили, он в бешенстве заскрежетал зубами. И все же этот странный поворот судьбы оказался не без пользы. Его дочь-таки прошла проверку в поединке не на жизнь, а на смерть. Так что все к лучшему, твердил он себе, все получилось как нельзя лучше.

Теперь она готова.

Недолго, подумала она. Он сказал, что осталось недолго. Что ж, так даже лучше – она и сама теперь хотела разделаться с этим поскорее. Справиться с тем заданием, которое возложил на нее отец, чтобы побыстрее освободиться от него. Вся ее жизнь, как выяснилось, была сведена к одной только этой цели – поединку с Сергеем Ивановым, и ей оставалось лишь мечтать, какой может быть жизнь после их встречи. Павлина даже вздрогнула, почувствовав, что эта другая жизнь может начаться для нее лишь после того, как она справится с задачей и убьет противника своего отца. Теперь она знала, что может драться и может убивать. Но в самом ли деле она была готова убить Сергея Иванова? Павлина сжала в ладони медальон, словно в нем были заключены души ее предков. Она попробовала представить, что творилось в душе ее матери перед тем, как белоголовый демон убил ее.

Да, она может убить, и она убьет его. От этого теперь зависело все – и ее жизнь тоже. Неудача будет равносильна ее собственной гибели – даже если она останется жива, она не сможет жить с таким позором. Почему, ну почему отец возложил именно на нее такую трудную миссию? – вздыхала она. Но что сделано, то сделано. И она не подведет его. Семнадцатилетней Павлине оставалось только мечтать о том, что за жизнь у нее может быть после этого поединка.

Что случилось со мной? – спрашивала она себя. Прежде мне так часто снились счастливые сны. Теперь же все мои мысли только об одном этом зловещем задании. Павлина вздохнула. Нет, не все. Ведь у меня есть еще Контин...

На следующий день атаман завел разговор о том, чтобы снова сниматься с места и переместиться всем лагерем куда-нибудь подальше от этих краев. Словно тигр в клетке, он ходил взад-вперед, говоря сам с собой:

– Мы размякли тут, разнежились, привыкли спать на жидовских перинах! – злился он. – Помните, что я вам говорил, – нужно быть как движущаяся мишень? Так что будем двигаться!

Всем, кто видел его, было ясно, что он сейчас снова соскользнул в тот свой темный мир, который был закрыт для всех остальных. Некоторым еще хотелось надеяться на то, что он забудет о переезде на новое место. Другие шептали себе под нос, что не станут даже ждать атаманова приказа и сбегут сами.

Закольева уже утратил способность явственно отличать реальный мир от тех ночных кошмаров, которые, словно клубы черного дыма, поднимались в ночное небо его снов.

Единственное, что его могло утешить, – мысль, что однажды, уже очень скоро, навстречу Сергею Иванову выйдет Павлина, и она будет последней, кого он увидит в своей жизни. Если вообще увидит, как она приблизится. И тогда справедливость будет восстановлена.

Тем временем чем очевидней становилось безумие Закольева, тем презрительней относился к нему Королёв. И всякий раз, когда Павлина проходила мимо, холодные синие глаза Королёва неотступно следили за ней.

46.

На следующее утро Сергей, едва рассвело, расстался с Герциком и его семьей после короткого, но теплого прощания. Дебора нагрузила его припасами и благословила в дорогу. Холодный весенний дождь закончился и воздух был чист и прозрачен. Это был прекрасный день, чтобы идти по следу, – если остался хоть какой-то след.

Он вернулся к уже остывшим развалинам хутора, на то место, где еще вчера видел следы копыт. Но теперь перед ним была только раскисшая под вчерашним ливнем земля. И все же на сей раз ему было известно, в каком направлении двинулись всадники. Но в самом ли деле они ускакали именно в ту сторону, на юго-запад? Думай, приказал себе он, думай! Могло ли быть так, чтобы банда под предводительством Закольева с места преступления двинулась напрямик к своему лагерю? Сомнительно – ведь чтобы выжить, им, прежде всего, нужно было заботиться о своей незаметности. Да и тот край, куда вели вчерашние следы, – Подолье, а дальше Бессарабия были не самым лучшим местом, где они могли укрыться.

Но, предположим, они двигались кругами, путая возможных преследователей, – куда? На север, подсказывал ему инстинкт. К лесистой местности под Киевом, туда, где он однажды уже нашел подобные следы, оборвавшиеся в русле реки. Теперь он успел лучше изучить эти края, так что на месте Закольева он направился бы именно туда.

Он коленями подтолкнул Тайну в бока, чтобы она не спеша шла вдоль цепочки старых следов. Там, впереди, куда он не успел пройти вчера, земля еще могла сохранить для него какой-то знак. Он проехал пятьдесят шагов... сто... Ничего. Двести шагов... и уже в трехстах шагах от хутора он увидел слабый след множества подков. Он продолжал ехать за следом, пока тот не исчез.

Затем он повернул вспять и вернулся к тому месту, где нашел следы. Тут он сделал поворот на девяносто градусов вправо и поехал вкруговую, пока и в самом деле не обнаружались новые следы подков. Новые следы теперь шли напрямиком на северо-запад. Сергей проехал немного в этом направлении, но ничего не обнаружил и вернулся еще раз. Весь остаток дня он кружил вокруг этого места, захватывая все большее и большее пространство возле того места, где ему впервые открылись следы подков.

Солнце уже стало клониться к закату – еще короткий весенний день быстро догорал. Сергей уже готов был отказаться от дальнейших поисков, как вдруг что-то на земле словно само бросилось ему в глаза. След, один-единственный след подковы. Он снова стал кружить вокруг этого места и нашел еще следы, много следов. Всадники – это было очевидно – ехали на северо-восток. Теперь он знал, где их искать.

Время от времени след обрывался, но у него перед глазами было достаточно примет, чтобы определить, где и когда прошли всадники, – даже по высокой траве или кустарнику. То и дело он видел сломанные ветки на высоте головы или плеча всадника, точнее, карабина, висевшего у всадника за спиной, подмечал те места, где лошади на ходу щипали траву, и пучки травы, вывернутой копытами. Он лишь молча поблагодарил Алексея-Казака за то, что тот не жалел сил, натаскивая молодых следопытов.

Сергей втайне надеялся, что следы приведут его прямо к закольцеванному лагерю, но прямо на околице Нежина они резко исчезли среди подобных следов копыт и еще множества следов колес телег, направлявшихся в город.

Вряд ли они решились бы надолго задерживаться в городе. Но оставалась слабая надежда, что ему все-таки удастся что-то разведать. Поэтому Сергей тоже въехал в город, решив провести здесь вечер. Время было уже совсем позднее. Раз есть такая возможность, сказал он себе, ночлег и горячий обед тоже не помешают.

Он остановился на постоялом дворе, где нашлось место на конюшне для Тайны и комната для него. Хозяйка, средних лет женщина с пучком седых волос на затылке, провела его в комнату, пробурчав, чтобы он спускался к обеду через двадцать минут.

Сергей решил пока зайти в трактир через дорогу, расспросить местных о всадниках, которые могли проезжать по этой улице. Он заказал штоф водки, чтобы согреться и чтобы ничем не выделяться среди остальных посетителей трактира. Какое-то время он молчал, прислушиваясь к обрывкам разговоров за соседними столами. И уже было поднес стакан к губам, как неожиданно человек, сидевший за столом прямо за его спиной, прохрипел:

–... Нет, хватит с меня и Закольева, и крови... опозорился, до конца дней... хватит...

Невольно напрягшись, Сергей поставил стакан. Он сидел, не шелохнувшись, прислушиваясь, но больше ничего не услышал, кроме тяжелого дыхания незнакомца. Осторожно взяв свою бутылку, Сергей как ни в чем не бывало пересел за другой стол. Незнакомец даже не поднял на него глаз – он дрожащей рукой налил стакан водки и осушил его в несколько глотков. Несмотря на то что прошло уже столько лет, Сергей не мог не узнать его. Это был один из тех, с кем он уже встречался – тогда, в тот страшный день.

Вскоре человек поднялся и неверными шагами, продолжая что-то бормотать себе под нос, пошел через улицу. Сергей следил за ним взглядом, пока тот не вошел в тот же постоянный двор, где остановился Сергей. Быстро перейдя через улицу, Сергей заметил, как тот, спотыкаясь, стал подниматься по лестнице. Сергей же решил остаться в прихожей и провел там ночь, даже не помышляя о еде или постели.

Вполне может быть, подумал он, что утром этот человек, сам того не зная, приведет его к остальным.

47.

Поведение атамана вызывало беспокойство в лагере еще до случая с лошадью Гумлинова. Теперь же весь прежний, годами отлаженный порядок стал разваливаться на глазах. Не прячась, все в открытую говорили, что Закольев рехнулся и добра теперь не жди.

Они совершили еще один набег, и снова в лагерь вернулись не все. Один из евреев встретил их в дверях с вилами, пока его жена выводила детей через задний ход. И, прежде чем его самого удалось положить, он успел пробить вилами грудь одному из лагерных старожилов, Чертосскому. Еще одного из закольевской банды убил ударом ножа в спину какой-то мальчишка, выскочивший неожиданно, словно из – под земли.

Уже на обратном пути в лагерь многие из бандитов, не прячась, переговаривались о том, а не завернуть ли своих лошадей и ехать куда глаза глядят, вместо того чтобы возвращаться в опустылевший поселок. Один из них тихо сказал тому, кто ехал с ним рядом:

–... Как думаешь, если пойти в монахи – сможем замолить грехи? За все то, что совершили?.

Тот только покачал головой:

– Слишком много мы с тобой, брат, кровей пролили... Хоть и жидовская, а все кровь невинная. Ой, не знаю, не знаю... Слишком поздно. Потеряли мы свои души...

Перед самой вечерней тренировкой, которую она теперь выполняла в одиночестве и больше по привычке, Павлина решила повидаться с Константином. Нужно было успеть до того времени, когда отец вернется с патруля. Она обшарила весь лагерь и нашла его на скалистом утесе, нависавшем прямо над водопадом, – Константин сидел, глядя на воду, что белыми брызгами разлеталась вниз. Устроившись рядом с ним, Павлина рассказала ему: скоро ей придется покинуть лагерь, чтобы довести до конца то дело, к которому приставил ее отец.

– Не каждой девушке по силам такая задача, – говорила она, словно стараясь убедить саму себя. – Теперь понимаешь, для чего были нужны все мои тренировки? Поэтому-то я и жила не так, как все остальные женщины в поселке... на особых правах, можно сказать...

Павлина пристально взглянула на своего друга. Она отчаянно нуждалась в его поддержке, в тех теплых словах, которые он всегда умел находить для нее. Но сейчас она ничего не могла прочесть на его лице, которое прежде всегда было открыто для нее.

– Он мне сам так и сказал: это твое предназначение в этой жизни. Понимаешь? Предназначение, вот как! – почти умоляющим тоном закончила она.

Не в силах терпеть его молчания, она схватила его за руку:

– Ах, Контин! Так хочется верить, что я для этого готова! Мне так нужна эта победа... и моему отцу тоже, чтобы у него... чтобы рассудок вернулся к нему...

В этот миг она запустила руку за пазуху, и у Константина перехватило дыхание. Вытащив медальон, она показала ему лица на выцветших фото, что неразрывно связывали ее с ее прошлым, которого сама она не могла помнить.

– Я делаю это и для них тоже, – сказала она. – Отец настаивает, чтобы со мной пошел Туморов. Ах, если бы вместо него пошел ты...

Он уже было открыл рот, чтобы рассказать ей все, всю ту правду, которую хотел открыть ей так давно и так долго не решался заговорить, – но что было известно ему наверняка? Только догадки, которые он строил из обрывков подслушанных разговоров? И даже если бы он заговорил – поверила бы она ему? Или его откровенность стала бы катастрофой для них обоих?

Павлина надеялась, что Константин поддержит ее, согласится с тем, что это ее судьба, порадует, что она готова выполнить такое сложное задание, – но смятение, отразившееся на его лице, как бы он ни пытался скрыть его, наполнило ее сердце еще большей тоской.

В тот же вечер, когда Павлина ушла, Константин наконец решился: он уйдет из лагеря, навсегда, бесповоротно – и, рассказав ей обо всем, постарается убедить ее уйти вместе с ним. Он еще и еще раз прокручивал в голове все, что могло ожидать его в жизни после побега. И какую бы дорогу он ни представлял для себя, Константин приходил к одному и тому же решению: они должны уйти вместе. Это была их единственная возможность найти свое счастье. Они должны бежать отсюда, ради своего будущего, ради своих молодых жизней. Бежать – этой же ночью.

Константин прекрасно понимал, какой непростой выбор предстоит сделать Павлине – между привычной ложью или горькой правдой. Ему оставалось только верить и надеяться, что ее чувство к нему было достаточно сильно и она сможет оставить свою привычную жизнь ради него и его правды.

Но если она не сможет пересилить себя и не пойдет с ним, он все равно не изменит своего решения и уйдет один. Уйдет с надеждой, что в один прекрасный день у него получится заработать достаточно денег и вернуться за ней. Ему даже думать не хотелось, что придется расстаться с единственным человеком, который служил ему постоянным напоминанием о том, что любовь возможна в этом мрачном мире.

Константин бросился к овину, где тренировалась Павлина, торопливо огляделся и, убедившись, что никто их не слышит, быстро заговорил:

– Павлина, сегодня вечером жди меня у водопада! Только никому не говори, куда идешь!

Затем, прежде чем она смогла ответить, бросился прочь. Если они уйдут ночью, думал он, никто не хватится их до самого утра.

И все могло бы так и выйти, если бы не Елена, – она как раз возвращалась к себе в избу и случайно услышала сказанное Константином. Она остановилась, стараясь, чтобы молодой человек, припустившийся бежать, не заметил ее. Затем, как ни в чем не бывало, пошла дальше.

Позже, когда уже почти стемнело, Константин устроился в укромном месте среди зарослей папоротника возле самой вершины водопада. У него было достаточно времени подумать о многом. Он и прежде поражался, как это «папка» до сих пор не обнаружил это место. Возможно, все-таки обнаружил, да виду не подал, подумалось ему, и от этой мысли он, сам не зная почему, разволновался.

Он вдруг подумал о том, чтобы помолиться. Он слышал, как кое-кто в поселке опять и опять заговаривал о Боге, о рае и аде, но сам он мало что смыслил в религии, а научить его этому, как и многому другому, никто не помышлял. Прежде он никогда не молился, хотя видел, как молятся другие. Но теперь он и сам встал на колени, слабо представляя, к кому надо обращаться. Но если есть где-то всемогущее существо, сказал он себе, то его молитва – о безопасности Павлины. Ах, как бы он хотел просить о ее любви – но эту любовь она могла подарить ему только сама.

Темные облака тем временем затянули небо, и Константин с надеждой посмотрел в вечеревшее небо. Еще час, не больше, и Павлина будет здесь – если придет, конечно.

Начал накрапывать легкий дождик, и Константин с надеждой подумал, что может начаться ливень. Тогда их следы будет найти куда сложнее. Словно мышка, он проскользнет незамеченным мимо лисы-Закольева.

Нас будет двое, напомнил он себе. Двое.

48.

Поутру Сергей, как он и представлял, выехал с постоялого двора вслед за закольевским человеком, держась чуть поодаль, чтобы всадник его не заметил. Хотя Сергей не видел закольевского бандита, след копыт был достаточно четкий и ехать за ним было легко, несмотря на начинавшийся дождь. В конце концов следы привели его к краю леса. Сергей прищипорил коня – он вполне мог теперь сократить расстояние, не рискуя оказаться замеченным.

Прошло около часа. Временами следы смешивались с такими же точно следами подков. Наконец Сергей оказался у бурного потока, где обрывался всякий след. Но следы не исчезают просто так, сказал себе Сергей, и лошади не летают, как мухи. Значит, человек этот въехал в воду и направил свою лошадь вверх по течению. Сергей решил поступить точно так же. Он завел Тайну в реку, пока вода не достигла его колен, затем и седла. Впереди поток будет еще быстрее, а река – глубже, подумал он. Вскоре Сергей увидел впереди белые буруны, шумевшие на камнях. По такой реке на лодке не пройдешь, подумал он, – подходящее место, чтобы разбить лагерь подалее от сторонних глаз.

Сергей прислушался, стараясь не упустить ни одного звука, но услышал только размеренный гул водопада прямо перед собой.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ

В поисках мира

Все, что имеет начало, имеет и конец.

Примиись с этим, и все будет хорошо.

Будда

49.

Когда наконец ближе к полудню мужчины вернулись в лагерь, женщины и дети по обыкновению выбежали им навстречу и были не на шутку испуганы мрачным выражением грязных и измученных лиц. Они не только вернулись все в крови и копоти, при них снова были лошади без седоков. Но в этот раз тела погибших не были, как прежде, переброшены поперек спин лошадей – их просто бросили в огонь – вместе с жертвами, чтобы поскорей скрыться с места преступления.

– Евреи убили Чертосского и Лаврентьева, – процедил, завидев Оксану, один из мужчин сквозь зубы, и та протяжно заголосила в ответ на его слова. Оксана жила с Олегом Чертосским. Но в ее плаче не было ненависти к его убийцам – в конце концов, они, безоружные, только отбивались от вооруженных бандитов.

Атаман же был совсем плох. Во время набега он убил женщину как раз перед тем, как Королёв положил на нее глаз, и они погрызлись прямо там же, на глазах у своих людей. По возвращении в лагерь Закольева демонстративно перестал замечать Королёва, словно того и вовсе не существовало. Затем он повел своего нового коня в стойло, снял седло и занес его в овин, намереваясь понаблюдать за тренировкой Павлины.

Она как раз заканчивала разминочный комплекс, когда увидела, что отец стоит в дверях, глядя на нее невидящими глазами. Все так же, словно сам не зная зачем пришел, Закольева повернулся и, не сказав ни слова, ушел.

Зайдя в свой дом, Закольева без сил рухнул на лавку, даже не заметив Елену, которая, заметив его, испуганно улыбнулась.

Атаман не только потерял голову, сердито убеждал себя Королёв, скоро он растеряет и всех своих людей. Они едва не сцепились во время набега, и однорукий гигант сказал себе, что он сыт по горло и Закольевым, и его приказами. С него довольно, решил он, пора уходить.

Но прежде, чем ускакать, он возьмет силой девчонку – Павлину, и это будет прощальным подарком ополоумевшему атаману, который так долго тянул из него жилы. Он и так заждался, когда наступит этот час. Сейчас было самое время

– тем более, увидел он, что Закольева на нетвердых ногах пошел из овина в сторону своей избы.

Павлина только что закончила свой последний комплекс и на секунду остановилась, чтобы утереть заливавший глаза пот. Она собралась уже было бежать к себе, чтобы переодеться и идти на условленное место к Контину, – всю тренировку у нее

из головы не шло, что ж такого он хотел сказать или предложить ей. И в этот момент с ножом в руках в овин зашел Королёв.

– Становись на колени, – приказал он, закрывая дверь.

Павлина поняла, что этот момент все-таки настал – сейчас Королёв набросится на нее... и отец не сможет защитить ее в этот раз.

Неспешно приближаясь к ней, Королёв нанес резкий удар ногой ей в живот, но не попал. Он и не надеялся, что свалит ее с одного удара. За первым ударом мгновенно последовал круговой удар тыльной стороной ладони – туда, где она должна была находиться после первого удара. Он угадал, и этот удар Павлина пропустила, но, приняв на себя его силу, она как на пружинах, упала, перекатилась и тут же оказалась на ногах.

Они оба знали, что все так или иначе закончится в считанные секунды. За Королёвым была ужасающая сила, безжалостная и не знающая никаких правил. Павлина могла полагаться на скорость, решительность – но, кроме того, у нее в запасе была и парочка собственных приемов, которыми она могли удивить кого угодно.

Когда он снова бросился на нее, Павлина в один прыжок отскочила в сторону и, с разворота резко выбросив ногу, ударила его подошвой ступни в пах. Воздух с шумом вырвался у Королёва из легких, и он невольно упал на колени. Но когда она шагнула в его сторону, чтобы прикончить его, Королёв неожиданно единственной рукой, словно молотом, ударил ее по колену.

Колено хрустнуло, и Павлина, как подрубленная, рухнула на спину. Королёв, все так же на четвереньках, схватил ее одной рукой за ногу и потянул к себе – он уже отбросил всякую тактику. Краем глаза Павлина заметила, как оскалился в злорадной ухмылке его рот. На секунду он отпустил ее ногу, чтобы опереться ладонью единственной руки и приподняться прямо над ней. И Павлина вдруг инстинктивно поняла, что он собирается убить ее и потом изнасиловать – с Королёва вполне могло стать и такое.

На секунду он навис над ней, опершись на своей единственной руке, чтобы через мгновение всей массой рухнуть на нее. Но это мгновение задержки оказалось для него фатальным. Костяшками пальцев Павлина изо всех сил врезала ему по кадыку. Королёв, все так же стоя на коленях, инстинктивно выпрямился, схватившись рукой за горло и судорожно хватая ртом воздух. А Павлина, сжавшись, обеими ступнями ударила его в пах. Удар получился такой силы, что Королёв отлетел в угол овина. Он завыл, скорчившись на земле от боли, изо рта у него пошла пена – вдруг начались конвульсии, и он умер, – его смерть была такой же жестокой, какой была его жизнь.

Начал накрапывать дождь, когда Павлина, едва держась на ногах, выбралась из овина и, хромя, бросилась к своей избе. Там никого не было, и она, уже не сдерживая душивших ее рыданий, упала на лавку возле нетопленной печки. Что скажет или сделает отец, когда узнает, что она убила того, кто был вторым после него в лагере? Об этом она даже подумать боялась. Вдруг Павлина поняла, что ей на самом деле безразлично, как воспримет отец смерть Королёва. Собаке собачья смерть, вспомнила она Шурину сказку.

И все же Павлина никак не могла отойти от потрясения. Ей просто необходимо было сейчас увидеться с Константином. И тут она вспомнила – ведь он же сейчас ждет ее! Ах, если бы он еще был там и не ушел! Павлина вскочила на ноги и бросилась к двери, но,

закричав от боли, упала. От злости она даже стукнула кулаком по дощатому полу – от злости на отца, на свою ногу, на весь мир. Усилием воли заставив себя снова подняться, она, отчаянно хромая, бросилась к реке, к водопаду, к своему Контину.

50.

Прислушиваясь к шуму дождя, Константин зябко поежился – вот уже час он сидел здесь, в надежде, что вот-вот услышит ее шаги. Если она придет, все хорошо, – они будут вместе. Если не придет... он постарался представить себе, что будет тогда.

Я могу читать, писать и рисовать, сказал он себе, и еще я умею считать – значит, смогу найти работу где-нибудь подальше отсюда. Может, и в Америке. Выучу новый язык, а еще заработаю много денег. А потом обязательно придет такой день, и я вернусь сюда, въеду в лагерь на вороном коне, при сабле и ружье... И не один – со мной будет мой отряд бойцов, ведь у меня будет столько денег, чтобы нанять кого угодно... И тогда я скажу Дмитрию Закольеву: «Я приехал из Америки, понятно? А ты – ты отдавай мне Павлину!»... И не просто так скажу, а по-английски. А если ему будет непонятно – что ж, пусть пеняет на себя!

И в этот миг Константину показалось, что за тихим лесным шумом, за стрекотом сверчков и дождевой каплей он слышит приближающийся звук шагов. Не помня себя от радости, что она все-таки пришла, Константин вышел из своего лесного укрытия, улыбаясь во весь рот в предвкушении встречи...

...Но вместо Павлины перед ним, не далее как в трех шагах, стоял атаман, собственной персоной.

Панический страх холодной волной прокатился по его телу. Первым его порывом было бежать без оглядки. Но Константин, несмотря на растерянность, тут же сообразил, что бежать – значит обречь себя на верную смерть. Не двигаясь с места, он стоял и ждал, чтобы атаман заговорил первым.

А Закольева, похоже, даже не думал бросаться на него. Вместо этого он спокойно стоял, с насмешливой полуулыбкой рассматривая Константина. А когда заговорил, Константин даже моргнул от удивления.

– Не думай, что я слепой и не замечаю, какими глазами ты смотришь на Павлину, – неторопливо начал атаман. – И она тоже равнодушна к тебе – вижу, все вижу. Ну и что? Я не против – ты парень смывленный, не такой, как остальные наши.

– Может быть, тебе покажется странным, что это я сам пришел сюда, – продолжал он:

– Что ж, некоторые вещи приходится делать самому, а не пускать на самотек, тем более что я все хорошо обдумал. Ты-то как раз знаешь, что я всегда хорошо относился к тебе, Константин... – Закольева уселся на большой камень и жестом пригласил Константина присесть рядом с собой. – Павлина уже взрослая, не сомневаюсь, что скоро ей будет нужен мужчина. Мне не хочется, чтобы она выбрала для себя кого-то из нашего поселка. Тем более я не допущу, чтобы она пошла по рукам. Так что выйти ей за тебя – это, может быть, даже лучшее решение. Но нам с тобой вот что надо понять...

Константин не мог поверить своим ушам. Он, конечно же, был не настолько прост, чтобы принять слова атамана за чистую монету – и все же сейчас тот говорил разумно и его слова звучали искренне. Как бы то ни было, Константин понимал, что выбирать ему не из чего: или атаман говорит правду и сейчас ему не только ничто не угрожает, но его жизнь может устроиться куда лучше, чем он даже мог себе представить. Или же атаман лжет – тогда он одной ногой в могиле. Ясно было одно – если он не захочет сесть рядом с атаманом, а повернется и побежит, тогда пиши пропало.

Он осторожно приблизился. Заколье подвинулся, похлопав ладонью по влажному от дождя камню. Константину ничего не оставалось делать, как сесть с ним рядом. Заколье лишь улыбнулся и дружески обнял его за плечо, сказав с неподдельной привязанностью:

– Ты уже взрослый, Константин, а на вид – совсем ровесник Павлине.

Дождь перестал, и лучи предзакатного солнца прорвались сквозь тяжелые облака. Это показалось Константину хорошим предзнаменованием, и он вымученно улыбнулся в ответ. Ему так сильно захотелось верить атаману, что он, обычно такой осторожный, даже не подумал вот о чем: во-первых, если «папка» так искренне желал счастья своей дочери, зачем он натаскивал ее все это время на убийство, чтобы убивать или самой быть убитой? Во-вторых, и это было куда важнее, – откуда атаман узнал, что он ждет ее здесь? И, самое главное, где сейчас сама Павлина?

Сергей, потерявший следы всадника, тем временем продолжал ехать вверх по течению реки наугад, пока не добрался до небольшого пруда, со всех сторон окруженного могучими валунами. Совсем рядом грохотал водопад – это его шум он услышал, когда добрался до реки. Здесь же он обнаружил и извилистую тропу наверх – тропу, вырубленную в камнях рукой человека. Он стреножил Тайну – дальше ей пастись одной на свежей травке. Откинув со лба намокшие на дожде волосы, Сергей стал взбираться вверх по скользким неровным камням...

Когда он добрался до вершины водопада, дождь прекратился. С неба падали лишь редкие капли. Несмотря на шум воды, он услышал, что неподалеку разговаривают – судя по голосам, двое.

Павлина ковыляла как могла быстро, хотя ее разбитая нога ужасно болела и она даже раз упала. Она видела перед собой темные глаза, печальную улыбку Константина – нет, он дождется ее, он не может уйти, не сказав того, зачем позвал ее. Сейчас, говорила она себе, сейчас они встретятся, и тогда все будет хорошо. Она шла вперед по липкой грязи, стараясь больше не оступиться на раскисшей под дождем земле. Когда до водопада ей оставалось не больше двадцати шагов, дождь внезапно прекратился, и в туманной дымке она смогла разглядеть две фигуры, сидевшие рядом на камне возле самой кромки водопада.

Она остановилась, чтобы рассмотреть, кто это. Константин... а рядом с ним – ее отец. Они вдруг вместе встали и повернулись в сторону еще одного человека, который только что появился из леса.

Когда Сергей вышел из-за деревьев, ему на мгновение показалось, будто он вдруг заснул и видит сон. Заколье тоже сначала не поверил своим глазам – он смотрел на Сергея, словно на привидение. Затем на его лице снова появилась такая знакомая Сергею ухмылка.

Сергей почувствовал, как все его тело напряглось: впервые со дня гибели Ани он видел этого человека. Он сделал глубокий вдох и велел себе расслабиться, при этом внимательно изучая место в непосредственной близости к водопаду.

Они были одни здесь, только они трое: Сергей, Закольеv и какой-то молодой человек, по годам вполне...

Закольеv, не отрываясь, смотрел на него, и Сергей не стал тратить слов зря:

– Я пришел за моим сыном, – сказал он.

Закольеv деланно вздохнул, словно внутренне решался сделать что-то неприятное, но неизбежное. Он понял, что миг расплаты настал.

– Сергей Иванов, – сказал он, деланно улыбаясь. – Вот мы снова встретились. И ты говоришь, что пришел забрать своего сына? А поздороваться для начала не хочешь? Что ж, ты всегда был дурно воспитан... ну да что теперь... тем более в такой день – тебе, получается, и в самом деле везет. Вот он, видишь, стоит прямо перед тобой. Его зовут Константин, и я отдаю его тебе.

Потрясенный тем, что судьба так нежданно-негаданно свела его с отцом, Константин уже было открыл рот, чтобы позвать Сергея, не заметив, как Закольеv завел руку за спину...

Сергей увидел, как блеснуло лезвие, в тот самый миг, когда Закольеv схватил молодого человека за волосы, рванул его голову назад и приставил нож к горлу...

В следующее мгновение Сергей, словно по волшебству, перенесся на три шага вперед – он шлепком успел отбить нож от горла Константина и сломал руку Закольеvu, выбив у того нож. Другой рукой он схватил Закольеva за волосы и дернул его голову назад с такой силой, что чуть не сломал ему шею. Затем, оттолкнув Константина на безопасное расстояние, он оглушил Закольеva ударом локтя, и тот упал на землю, где так и остался лежать без чувств.

Павлина в смятенных чувствах наблюдала за всем происходящим. Она только что своими глазами видела – или это ей показалось? – как отец хотел перерезать горло ее Контину, а беловолосый человек спас его.

Но в этот момент Закольеv пришел в себя и увидел Павлину.

– Убей его! Убей *зверюгу!* – что было сил заверещал он, вкладывая в этот приказ всю свою волю.

– Нет! – закричал Константин. – Павлина, нет! Не делай этого – он мой отец!

Эти слова показались ей полной бессмыслицей. Все, что творилось сейчас перед ее глазами, было бессмыслицей. Но тело Павлины послушно отозвалось на годы тренировок и подчинилось воле человека, который воспитал ее. Забыв о своей больной ноге, она в несколько прыжков сократила расстояние, отделявшее ее от беловолосого, и яростно набросилась на того, кто убил ее мать, кто все эти годы преследовал ее в ночных кошмарах...

Со всего разбегу она плюхнулась в реку над водопадом – вынырнув и стряхнув волосы с глаз, она заметила, что беловолосого не было там, где она ожидала его застать. Выплюнув воду, она выскочила из воды – вот он, как ни в чем не бывало, смотрит на нее. Она попробовала сбить его круговым ударом ноги, но и в этот раз промахнулась. Не раздумывая, словно автомат, она запустила в него длинную серию ударов, но ни один из них даже близко не задел Сергея Иванова.

Что-то здесь было не так. За все долгие годы подготовки к этой решающей схватке такого поворота ни она, ни ее наставник предвидеть не могли. И это тоже казалось бессмыслицей – *зверюгане* нанес ей ни одного удара в ответ. Может, он и в самом деле был колдуном и просто играл с нею?

Она снова бросилась на него – и снова этот человек увернулся, но не нанес в ответ ни одного удара. Они оба застыли, стоя на мелководе у самого края водопада, – Павлина на мгновение прекратила бой, чтобы собраться с мыслями.

И в этот момент облака расступились, открыв путь для последних лучей заходящего солнца. И когда солнечный луч осветил ее лицо, Сергей наконец-то смог явственно рассмотреть этого удивительного закольевского защитника. Несмотря на мужскую одежду, он видел перед собой лицо девушки – и не просто девушки, *лицо Ани!* В этот миг узнавания солнечный луч высветил и медальон на ее шее. И теперь у него исчезли последние сомнения.

Его поиск наконец-то завершился. И снова Закольева закричал ей:

– Убей его! Пользуйся моментом! – но его голос уже утратил былую властность.

И еще послышался отчаянный крик Константина:

– Нет, Павлина, умоляю! Ведь это же мой отец!

– Нет, – ответил Сергей парню, не сводя глаз с девушки, которую звали Павлина. – Я бы хотел быть твоим отцом – но у меня нет сына. У меня есть дочь, и сейчас она стоит передо мной.

Павлина стояла, как замороженная, не зная, что ей делать дальше.

Закольева продолжал неподвижно лежать, лишь взглядом следя за схваткой в ожидании, каким будет ее исход. Затем он приказал ей еще раз.

– Убей его, Павлина! – застонал он, и в его голосе послышался отчаянный хрип. – Прикончи его – ведь это убийца твоей матери! Сделай то, что обязана сделать!

Она, сжавшись пружиной, стала кружить вокруг беловолосого. Но тот продолжал стоять, не шелохнувшись. Его лицо было словно вырублено из камня, и лишь слезы текли по щекам.

В смятении, не зная, что делать, кому верить, она указала на Закольева, обратившись к беловолосому:

– Но... Вот ведь мой отец...

– Нет!

Обернувшись, Павлина увидела, что к ней медленно приближался Константин, и только тут она разглядела свежий порез, который шел через всю его рубашку, мокрую от крови.

– Прости меня, Павлина, что я так и не смог сказать тебе об этом... Да, я тогда был мальчишкой, но помню, как они привезли тебя... Тебя, как и других, тоже привезли в лагерь...

И тут Закольеv вскочил на ноги – в его левой руке был еще один нож. Остатки рассудка оставили его в это мгновение – ненависть гнала его, и он мчался в облаках брызг, чтобы в один безумный прыжок...

Сергей заметил через плечо Павлины, что Закольеv вот – вот налетит на них обоих – и непонятно было, кого из двоих он собирался убить. Движением более быстрым, чем смогла заметить Павлина, он оттолкнул ее...

Она упала и сделала моментальный переворот через спину, думая, что это была атака. Но, вскочив на ноги, она увидела, что ее отец, Дмитрий Закольеv, с ножом в руках, налетел на Сергея Иванова.

Словно время остановилось в эти несколько мгновений для Сергея – он видел, как Закольеv, движение за движением, становился все ближе и ближе. Казалось, весь мир замер в ожидании. И Сергей тоже ждал, расслабившись, спокойно дыша, опустив руки. Это был тот миг, к которому он так долго шел, ради которого так упорно тренировался.

И вот Закольеv обрушился на него, и лезвие ножа, казалось, вот-вот пробьет куртку и вонзится в тело... И вдруг Сергей исчез. Непостижимым образом он ушел с линии атаки, легко развернул тело и мягким движением рук швырнул Закольева вперед, по воздуху – туда, где река обрывалась за краем водопада.

Закольеv так и не понял, куда делся Сергей. Но, пролетев мимо своего заклятого врага, он инстинктивно вытянул руку и схватился за Сергееву куртку.

Отчаянный рывок Закольева – и Сергей тоже покачнулся, не устояв на скользком каменистом дне...

Застыв от ужаса, Павлина и Константин увидели, как Дмитрий Закольеv и Сергей Иванов оба соскользнули за край пропасти и исчезли.

51.

Сумерки. Закатное небо, на котором уже почти не осталось туч. Морщась от боли, опирающаяся на руку Константина Павлина подходит к самой кромке водопада и смотрит на каменные валуны, – там, внизу, их взгляду открылось изувеченное, безжизненное тело Дмитрия Закольева.

И никаких следов Сергея Иванова.

Она все еще не может ни осознать того, что случилось, ни тем более принять всего этого. И все же, какими бы ни были потрясения этого дня, завеса тайны и лжи с ее жизни

была сорвана. Та жизнь, которую она знала, та ложь, в которую верила, в единый миг разлетелись вдребезги здесь, у основания водопада. Она даже представить себе не могла, что ждет ее в будущем, но впервые по-настоящему готова была поверить, что оно будет другим, что ее мир будет другим и в этом мире Константин будет всегда рядом.

Она судорожно цеплялась за его руку, пока они медленно спускались по извилистой тропе к подножью водопада. Атаман Дмитрий Закольева, человек, которого она звала отцом, умер. Тело Сергея Иванова, того, кто спас жизнь Константину, смыло вниз потоком. Но если этот человек все же остался жив, он поможет ей понять тот новый мир, в котором ей предстояло жить.

Потрясенный тем, каким чудом ему удалось спастись, все еще ощущая на себе это благодатное состояние, Сергей выбрался на берег реки где-то в двадцати шагах ниже водопада. Первое, что увидели его глаза, была мирно шипавшая травку Тайна, – откуда ей было знать, какая драма только что развернулась в мире людей.

Тело Сергея было покрыто множеством ушибов и ссадин, он дрожал от холода – и все же, все же он остался жив и даже не был ранен. Он тоже направился к подножию водопада, нашел тело Закольева и вытащил его из бушевавшей воды на берег. На какое-то мгновение перед его глазами пронеслась сцена, которая однажды уже была в их общем с Закольевым прошлом: бушующий поток, белые буруны воды, скользкие камни. Он подошел к своей лошади и вынул лопатку из седельного чехла. Получилось так, что и могилу для Дмитрия Закольева суждено было рыть тоже ему.

– Я не собирался убивать тебя, – вздохнул Сергей, забрасывая его тело влажной землей. – Но не стану скрывать – хорошо, что тебя больше нет...

Подходящего камня, чтобы отметить место могилы, под рукой не оказалось, да и слов больше не нашлось, но, глядя на свежий холмик земли, Сергей неожиданно для себя подумал, что его худший враг стал приемным отцом его дочери, приютил ее, научил и подготовил к жизни в том единственном мире, который знал. По-своему, Закольева стал ей настоящим отцом. Сергей склонил голову и поблагодарил небо за то, что его дочь жива. Подумалось ему и об Ане, которая так и не дождалась встречи с желанной дочерью...

В этот момент к нему присоединились Павлина и Константин. Глядя на могилу, они тоже молчаливо простились с тем, кто нашел в этой лесной глуши свое последнее пристанище.

И пока люди в закольевском лагере продолжали заниматься своими делами, даже не подозревая, какие перемены случились в эти несколько минут, они втроем поднялись наверх по тропе – Сергей с Тайной под уздцы, и Павлина с Константином, что крепко держали друг друга за руки.

Пока они поднимались, Сергей рассказал Павлине историю медальона – откуда он взялся и каким образом он наконец оказался у нее в руках. Даже опуская некоторые подробности, он все же рассказал ей достаточно, чтобы Павлина сама могла сделать выводы.

Ко времени, когда они вернулись к началу водопада,

Сергей закончил свой рассказ. Пурпурный закат все еще догорал в вечернем небе, когда они слышали тревожные крики в лагере, хорошо слышные в прозрачном вечернем воздухе.

– Королёв убит! – кричал кто-то.

– Атаман исчез! – вторил ему другой голос. – На нас напали!

И вот уже Туморов и с ним еще пятеро человек с саблями и ножами, заметив этих троих, бросились на них, чтобы убить незваного беловолосого гостя.

Но Сергей продолжал спокойно стоять, ничего не предпринимая. Не ожидая ничего, он был готов ко всему, что могло произойти...

Но, когда те подбежали поближе, Павлина закрыла собой Сергея и пронзительным криком остановила их:

– Вы все там, а ну ни с места! – В этот миг голос атамановой дочки властно зазвенел. Она подняла руку – и все шестеро тут же остановились, в недоумении глядя на нее.

– Все кончено! – сказала она. – Атамана Дмитрия Закольева больше нет в живых – он сорвался со скал и утонул в водопаде. И держитесь подальше от этого человека – нападете на него, будете иметь дело и со мной тоже!

Люди, оставшиеся без предводителя, теперь не знали, что делать, и только переминались с ноги на ногу. Они не привыкли получать приказы от женщины – даже от Павлины. Но в этом человеке было что-то знакомое...

Первым, кто пришел в себя, был Туморов – у него, как у лазутчика, была крепкая память. Он узнал этого беловолосого – вот тот человек, которого так боялся Закольев, которого они однажды сами избили, убили его жену и ребенка. Этого было достаточно, чтобы Туморов принял решение за всех.

– Уходим, – сказал он остальным. – Нам тут больше нечего делать.

Они попятились и, словно слепые, спотыкаясь, побрели назад в лагерь, чтобы собрать свои вещи и седлать лошадей. Над этим местом витал явственный запах смерти, так что они сами были рады убраться отсюда подобру-поздорову.

А Сергей тем временем осмотрел рану на Константиновой груди:

– Она неглубокая, и скоро затянется, – сказал он.

– Хорошо, хоть по груди чикнул, а не по... Спасибо за то, что спасли мне жизнь, – сказал Константин. – Жаль вот только, что вы не мой отец... Я давно уже про вас слышал, и мне так хотелось верить...

Сергей взглянул на свою дочь и, увидев, как она жалась к этому молодому человеку, улыбнулся и сказал:

– Мне кажется, мы придумаем способ, как справиться с этой незадачей...

События этого дня – смерть Королёва, Контин, который едва не лишился жизни у нее на глазах, и смерть человека, которого она всегда считала своим отцом, – все это вдруг разом навалилось на Павлину. Слезы вдруг хлынули у нее из глаз, и Константин мог только крепче прижать ее к себе, надеясь, что с этими слезами для нее придет и облегчение...

Какое-то время спустя, когда она снова могла говорить, Павлина подняла глаза на Сергея Иванова.

– Меня приучили ненавидеть вас... всю мою жизнь приучали... Откуда мне знать, что вы и в самом деле мой отец? Откуда мне знать, что и вы не лжете тоже?

И Сергей не нашелся, чем подтвердить правоту своих слов. Поэтому он сказал:

– Сегодня у тебя, Павлина, да и у нас у всех был такой день, что лучше не будем ни о чем говорить. Давай поскорее убираться отсюда, устроим привал где-нибудь в лесу. А завтра уже обо всем поговорим – утро вечера мудренее.

Пожалуй, это действительно было лучшее, что можно было сделать в такой ситуации, и Павлина впервые почувствовала, что словам этого человека можно верить.

Сергей, Константин и Павлина выехали из лагеря вместе. Никто не встал у них на пути, да и внимания особого не обратили тоже. Все в лагере сами поспешно собирались, кто-то даже успел поджечь овин. Оглянувшись, Павлина устало сказала Константину:

– Ты меня ждал... а я опоздала... я хотела прийти вовремя, как и договаривались, к водопаду... где ты меня ждал... Королёв напал на меня... мы дрались, и я... я его убила, одним словом.

Сергей повернулся к ней:

– Королёва? Это того великана, однорукого? Она кивнула, прикусив губу:

– Его самого... Вы его тоже знаете?

Какое-то мгновение он решал, стоит ли ей знать об этом, но все же ответил:

– Королёв – тот, кто убил твою мать.

Павлина отвернулась, чтобы скрыть от всех свои слезы. И так, она все-таки справилась с заданием – убила *зверюгу*, который отнял жизнь у ее матери. Все эти годы тренировок не прошли напрасно.

В ту ночь Сергей долго не мог уснуть, все думая, как он может заслужить доверие своей дочери.

На следующее утро он уже успел встать и занимался костром, когда проснулся Константин, затем Павлина. Поначалу они не знали, о чем говорить, но Сергей чувствовал, что сейчас у нее на уме – доказательство его правоты, о чем вчера она сама завела разговор. А сегодня утром, в первый миг пробуждения, у него появилась идея, чем он мог ответить на ее сомнения. Правда, идея была довольно рискованная... спустя столько лет и столько потрясений...

Предложив молодежи ягод – он успел набрать их, пока они спали, Сергей обратился к Павлине:

– Ты обратила внимание, как мы похожи с твоим дедушкой... на фото в медальоне?

Ей даже не нужно было открывать медальон – она прекрасно помнила лица на фотографии.

– Да, вы похожи, – ответила Павлина. – Но мало ли на свете похожих людей...

– В медальоне есть не только фото, – сказал он. – Хотя и не уверен, на месте ли то, что я имею в виду. Когда мы с твоей матерью поженились, я отрезал несколько волосков с ее локона, скрутил их колечком и засунул за фотографию моей матери – твоей бабушки.

Глаза Павлины широко раскрылись. Она столько вертела этот медальон в руках и даже не догадалась заглянуть за фотографии! Она быстро открыла замочек, осторожно вынула маленькую круглую фотокарточку со своего места – и у Сергея перехватило дыхание. Колечка не было. Павлина подняла глаза и в них снова мелькнуло недоверие.

– Пойдите! – воскликнул Константин. – Там что-то прилипло к тыльной стороне фотографии. – Павлина повернула фотографию. И там, прижатое к выцветшей бумаге, действительно было маленькое колечко – пять медно – рыжих волосков. Это были волосы ее матери.

Сергей улыбнулся.

– Ее звали Аня, и она была такой же красавицей, как и ты.

Загасив костер, они быстро собрались и стали седлать лошадей.

Павлина взяла с собой из лагеря только медальон и кое-что из одежды. Константин бросил в лагере все, кроме своих рисунков, аккуратно сложенных в его любимую книжку.

– Что это у тебя за книга? – спросил Сергей. – О чем?

– Об Америке, – ответил тот. – О том, как один человек совершал путешествие за океан, в Америку. Его звали Абрам Чудоминский.

Сергей удивленно кивнул:

– Надо же – я ведь тоже туда собираюсь... надеюсь, и вас обоих с собой туда...

Павлина лишь спросила:

– А куда мы сейчас?

– Сейчас – знакомиться с твоей другой бабушкой и с твоим дядей, которые ждут не дождутся, когда ты к ним вернешься...

Какое-то время после этого они ехали молча – не потому, что им не о чем было говорить. Слишком много у каждого из них было такого, о чем хотелось спросить и чем поделиться, и Сергей видел, что молодые просто не знали, с чего начать. Что ж,

улыбнулся Сергей, у нас еще будет время для всего. Он готов был ждать, когда Павлина сможет сама завести разговор.

Прошло еще несколько часов – и Павлина засыпала его вопросами, и он ответил на все, рассказав историю своей жизни, рассказав все, что только знал о своей родне и предках, пока она удовлетворенно кивала головой в ответ.

И лишь на второй день их езды на север Павлина заговорила сама – поначалу медленно, затем все уверенней, словно все время сверяясь со своей памятью. Было ясно, что рядом с Константином она говорила и чувствовала себя увереннее. Она рассказала Сергею Иванову все, что помнила о себе и своей жизни. Константин, где мог, расцветчивал ее рассказ живописными подробностями и рассказал о себе и своих планах тоже.

А Сергей молча слушал свою дочь. Ему оставалось лишь сожалеть о ее странном детстве, о тех годах, что были отняты у него, – о годах, которые они могли бы провести вместе.

Шли дни, и их рассказы становились все короче, а паузы – длиннее. И все же в этом молчании лишь явственнее чувствовалась та связь, что за эти несколько дней возникла между ними. И когда Павлина украдкой бросала взгляды на Сергея, она уже готова была увидеть в нем близкого человека. А возможно, это была лишь благодарность за то, что он так долго шел этим путем, который наконец привел их друг к другу.

52.

После прибытия в Петербург и восторженной встречи, после того, как все раззнакомились, Павлина и Константин впервые в своей жизни встретили Шабат. В первый раз они сидели за праздничным столом вместе с Сергеем, Валерией, Андреем, Катей и их детьми, Авраамом и Лией. Бабушка Валерия Панова произнесла за столом благодарственную речь и, расчувствовавшись, даже пустила слезу в этот особенный для всех вечер.

Сергею снова стало казаться, что он видит сон наяву. Он смотрел и не мог насмотреться на их лица, которые потом будет вспоминать всю жизнь. Понимая, что вместе им осталось быть недолго, он еще сильнее наслаждался этим мгновением.

Раз за разом Сергей бросал взгляды на дочь. Его не могло не тешить, как она похожа на Аню: ее глаза, волосы, форма щек, линия рта – все было таким похожим, и все же другим.

Павлина только начинала познавать этот большой мир. Несколько дней Валерия и Андрей водили ее с Константином по городу. Константин живо интересовался всем, что видел, засыпая их вопросами о том, чем и как живут горожане, чем зарабатывают на жизнь, что едят и куда ездят. Павлина говорила меньше, но внимательно ко всему приглядывалась и прислушивалась.

Затем, вечером – и это был их второй Шабат вместе, – когда в беседе наступил перерыв, Сергей тихо объявил, что у него есть подарок для Павлины. Он положил три самоцвета на стол перед ней.

– Эти камни, – сказал он, – достались тебе от твоего прадедушки Гершля Рабиновича, а ему – от его отца. Теперь я отдаю их тебе. Они стоят достаточно для того, чтобы у вас было с чего начать новую жизнь вместе.

Павлина взглянула на драгоценные камни, сверкавшие разноцветными огоньками в свете свечей. Она бросила смущенный взгляд на Константина, затем повернулась к Сергею:

– Я... очень вам благодарна... Сергей.

Она все еще не могла себя пересилить и назвать его отцом – теперь само это слово, отец, давалось ей с трудом.

Остаток вечера Павлина не проронила ни слова, поглощенная мыслями о своем будущем. Она понимала: все эти люди, что собрались за праздничным столом, были ее родственники. Отец, бабушка, дядя, тетя и маленькие двоюродные брат с сестрой. И все же ей понадобится время, чтобы привыкнуть к ним, даже к такому смелому и щедрому Сергею Иванову, которого она по-настоящему узнала всего несколько недель назад.

После того как все поели, Сергей снова с жаром заговорил об Америке – он собирался отправиться туда, на этот раз не откладывая, вместе с Павлиной и Константином. Он снова умолял Валерию, Андрея и Катю присоединиться к ним, но напрасно.

И пока Сергей говорил об их будущем на новой земле, Павлина приняла твердое решение навсегда проститься со своим прошлым – расстаться и даже никогда не упоминать о нем впредь. Даже эта ночь была частью ее прошлого. А будущее – ему еще только предстояло начаться.

А накануне вечером Павлина и Константин приняли еще одно решение, не менее сложное для них обоих...

На следующей неделе Сергей обзавелся всеми необходимыми бумагами для Павлины и Константина.

– Немного денег, да в нужные руки – и сказка станет былью, – улыбаясь, объяснил он. Он также показал им билеты – второй класс, пароход «Кайзер Фридрих» – из Германии напрямик до Америки.

Еще пять дней – и пришла пора Сергею, Павлине и Константину прощаться со своими близкими, остававшимися в Петербурге. Их путь теперь лежал в Финляндию, потом, через Балтийское море, – в портовый город Гамбург.

С самых первых дней путешествия их общение как-то не заладилось, и всякий разговор умолкал сам по себе, не успев начаться. Сергей понимал: пусть даже Павлина смогла принять его как отца и женщину по имени Аня как свою мать, в ее сердце нашлось место только для Константина.

За время путешествия Павлина и Константин держались по большей части особняком. Лишь через две недели, когда океанский лайнер уже приближался к берегам Америки, Павлина с видимым усилием пригласила Сергея присоединиться к их разговору за обедом. Она уже почти решилась что-то сообщить ему, но снова умолкла, словно бы не

зная, с чего начать. Она взглянула на Константина, который ободряюще кивнул ей, затем сказал:

– Давай сейчас, лучшего времени все равно не будет. Павлина обернулась к Сергею:

– Сергей... отец... давай выйдем на палубу?

Они вышли на корму, стараясь укрыться от соленого океанского ветра. Павлина отвела Сергея к поручню и, сделав глубокий вдох, сказала:

– Я... Прежде всего мне нужно поблагодарить тебя за все, что ты сделал для нас... Спас жизнь Константину... За все, что тебе пришлось пережить ради меня... За всю твою доброту и щедрость...

Сергей хотел было сказать ей что-то ободряющее, но она оборвала его и настойчиво продолжала:

– Я рада, что моим отцом оказался такой достойный человек... возможно, и я однажды смогу стать достойной дочерью...

Павлина задумалась. Тревожно глянув ему в глаза, она добавила:

– Теперь же, когда все позади, когда исполнилось все, что ты задумал... Словом, мы с Константином должны уйти. Пойти своей дорогой в жизни... Только мы вдвоем.

Ее голос теперь звучал решительнее:

– Мы будем искать свою жизнь, а ты должен найти свою. И я желаю, чтобы твоя жизнь, Сергей Иванов, была такой, какой ты ее видишь для себя... И куда бы ты ни шел, я буду всегда с благодарностью вспоминать тебя... даже несмотря на то, что так многое мне хотелось бы забыть...

Тут появился Константин, обнял одной рукой Павлину, а другой накрыл Сергееву ладонь и сказал:

– Когда мы устроимся и нам будет о чем написать вам, мы обязательно вам напишем – на тот адрес, который нам дала бабушка Павлины.

Сказав это, он извинился и оставил их одних. Павлина заговорила было снова, но сказала лишь:

– Верю, что моя мать... Что она гордилась бы тобой... и всем, что ты смог сделать.

Затем, в первый и последний раз, Павлина приблизилась к нему, обняла и поцеловала его в щеку. И этот первый поцелуй дочери такой нежностью отозвался в сердце Сергея, что он едва не заплакал. Он даже не протестовал, когда она сняла медальон со своей шеи, вложила в его ладонь и решительно сжала пальцы.

Оставшись один, Сергей молча смотрел на белую волну за кормой, вспоминая то, чему его учил Серафим еще много лет назад, – ничего не ждать и быть готовым ко всему.

Сергей понимал, что расставание будет неизбежным, но не думал, что оно случится так скоро...

...Когда они достигнут берегов Америки, Павлина и Константин исчезнут из его жизни так же внезапно, как и появились...

Так много чувств бушевало сейчас в его душе, и ему оставалось, как уже не раз бывало в последние годы, лишь склонить голову и предать себя и свое будущее в руки Всевышнего.

И все же, несмотря ни на что, все закончилось хорошо. Сергей нашел свою дочь живой и здоровой и помог ей начать новую жизнь. И только что она сделала то же самое для него. Она открыла ему свою правду, чтобы он тоже мог найти для себя новую жизнь – здесь, на этой земле.

Уже показались берега Америки, и Сергей вдруг стал пристально всматриваться в свое новое окружение. Его глаза впитывали каждую деталь – блики солнца на океанской волне, свежий ветер, спешивший к новому берегу. Он с любопытством рассматривал пассажиров, заметно оживившихся к прибытию. Может быть, думал он, однажды люди построят такие корабли, чтобы лететь на них к самим звездам, – но и тогда наши приключения здесь, на этой Земле, будут не менее захватывающими.

И вдруг ветер неожиданно стих, и весь мир застыл в молчании: перед Сергеем появилось три лица, одно за другим, настолько отчетливо, что, казалось, они парили в воздухе перед ним. Первым он увидел своего отца. Его лицо в этот раз не было суровым, как на фотографии. Мягкий взгляд его темных глаз, казалось, проникал в самое сердце Сергея. Затем было лицо Серафима, и у Сергея по щекам потекли слезы благодарности – а мгновение спустя Сергей уже смотрел на обветренное лицо и глубоко посаженные глаза грека Сократа – того, кто уже появлялся в видении перед ним в далеком детстве... И эти три образа слились воедино в уме и памяти Сергея, и следующие слова, из далекой древности, пришли к нему: «Мы умираем, чтобы из одной жизни перейти в другую, но можем также родиться заново и в этой жизни... и наша песня, наше путешествие будет продолжаться и продолжаться...»

Сергей несколько минут стоял недвижим, пока не пришел в себя, почувствовав, как ветер шевелит его снежно – белые волосы. Уйдя с наветренной стороны, он вытащил из кармана пальто серебряный медальон, с которым решила расстаться Павлина. Осторожно открыв замочек, он молча смотрел на лица матери и отца, затем вытащил карточку матери, чтобы еще раз прикоснуться к колечку Аниных волос.

На какой-то миг он забыл обо всем на свете, и слезы на его лице смешались с соленым морским воздухом. За фотографией было не одно, а два колечка – медно-рыжее и еще одно, темное, словно земля его родины, что осталась теперь так далеко позади...

Сергей молча помолился за свою дочь, и ему казалось, что Анин голос сейчас вторит его неслышным словам, – голос, который уже не раз обращался к нему в его самый темный час: «Имей веру, любимый. Нашей дочери ничего не угрожает под неусыпным оком Всевышнего».

– Я знаю, – ответил он ей. – И не только ей – всем нам.

И еще немного о том, что было дальше...

Мои бабушки и дедушки, все четверо – выходцы из Украины, но я был особенно близок с родней с материнской стороны. Мой дедушка Эйб был мастер рассказывать всякие истории. Сколько их я еще мальчишкой наслушался от него, пока мы с ним кололи орехи, сидя под могучим деревом, что росло у них на заднем дворе. Как и многие выходцы с тех краев, он мало говорил об Украине или России, предпочитая рассказывать пусть о менее значимом, зато о личном – о том, как ему хотелось в детстве, чтобы его посадили на лошадь, как он научился плавать, решившись прыгнуть с лодки в холодную прозрачную речку.

В моем воображении долго еще жили образы и тех историй, что он сочинял для меня, и народных сказок тоже, например о жар-птице, которая никому не давалась в руки, кроме одного мальчика, такого же доброго и послушного, как я...

Дедуля Эйб умер, когда мне было четыре года.

Бабушка, которую мы все звали Бабу, сказок не рассказывала, зато она делала самые вкусные на свете пироги с повидлом, и еще строго следила, чтобы у меня, пятилетнего мальчишки, всегда было чисто за ушами. Я до сих пор с теплотой вспоминаю мою Бабу, старую седую женщину, любившую носить цветастые платья.

Когда я подросток и уехал учиться в колледж, мы перестали видеться с Бабу, пока наконец в начале семидесятых я на какое-то время вернулся назад в Южную Калифорнию. К тому времени ей было почти восемьдесят, большую часть времени она не вставала с кровати. Ее зрение тоже стало быстро сдавать, так что я нередко читал ей вслух из своих рукописей, над которыми в тот момент работал.

Как-то раз, это было воскресенье, я решил ей почитать кое-что из черновых набросков этой книги, частично составленной из отрывков дневника Сократеса, который он передал мне перед своим исчезновением. Поскольку действие происходило в России, откуда она была родом, я подумал, что Бабу должно понравиться. Поначалу мне показалось, что она не очень-то обращает внимание на то, что я читаю, – до того момента, пока я не назвал имени Сергея Иванова. Услышав это имя, Бабу неожиданно наклонилась и ее глаза широко раскрылись.

– Ты в порядке, Бабу? – спросил я.

– Да, да – читай дальше, – сказала она, глядя куда-то мимо меня.

Сергей Иванов – достаточно распространенное имя в России. Наверное, подумалось мне, у нее был там кто-то, кого так звали.

И лишь когда я упомянул о мальчике, которого звали Константин, Бабу протянула руки и прервала меня:

– Все, хватит читать! – сказала она.

Я никогда раньше не слышал, чтобы она говорила так взволнованно. Но не только ее голос встревожил меня – у нее из глаз неожиданно покатились слезы. Утирая слезы носовым платком, Бабу сама стала рассказывать мне о своем детстве и о своей жизни...

То, чем она решила поделиться со мной, открыло передо мной больше семейных тайн о моих предках, чем я надеялся когда-либо узнать.

Еще на борту парохода, не добравшись до Америки, Константин познакомился с франко-канадским эмигрантом, господином Гогэ. Этот элегантно одетый человек оказался владельцем компании, производившей готовое платье. Просмотрев несколько набросков Константина, Гогэ тут же предложил ему работу в своей компании – иллюстрировать каталог последних новинок модной одежды.

Так что сразу по прибытии в Нью-Йорк Константин и Павлина перебрались в Торонто, где сняли маленькую квартирку.

В Канаде Павлина родила двух дочерей. В 1916 году их семья, проделав путешествие через всю Канаду, поселилась в Ванкувере, а оттуда они в конце концов переехали на Западное побережье Соединенных Штатов.

Что же касается Сергея, то он первые несколько лет посвятил странствиям по Америке – пешком, на лошади, поездом, и те письма, которые время от времени получали Валерия и Андрей, пестрели почтовыми штемпелями самых разных мест Америки. Позже он связался с одним из Мастеров, с которым встречался на Памире, и еще раз проделал путешествие через море по делу особой важности. Вся переписка с ним прервалась на продолжительное время.

В 1918 году, после смерти Валерии, Андрею удалось увезти свою семью из коммунистической России, как раз перед тем, как опустился железный занавес. После этого, как часто случается с семьями эмигрантов, все утратили связь друг с другом.

Со временем Сергей вернулся в Америку и поселился в Окленде, штат Калифорния, в пяти сотнях миль от своей дочери, хотя никто из них не знал о местожительстве друг друга.

Иногда ему казалось, что он видел Павлину среди базарной толчеи – и даже как-то окликнул ее. Нередко он задавался вопросом, где они с Константином и как устроились. Он был бы рад узнать, что Павлина и ее муж живы, здоровы и полностью посвятили себя своей семье и будущему. Но их дочери так и не узнали ничего о прошлом родителей – лишь самые приблизительные детали. Павлина не хотела говорить об этом, а Константин уважал волю жены.

Однако история на этом не заканчивается.

За много лет до этого, еще когда Павлина и Константин только ступили на американскую землю, чиновник эмиграционной службы попросил Константина назвать свое полное имя. Не зная своей фамилии, Константин решил взять себе совершенно новое имя для этой новой страны. Единственное имя, что пришло ему на ум в этот момент, было Абрам Чудоминский, автор его первой и самой любимой книги. Вот так и получилось, что чиновник, толком не разобравшись, как оно пишется, записал его как Эбрахама Чудома. Это новое имя и было занесено в иммиграционные документы, а фамилия стала и фамилией Павлины, изменившей свое имя на Полин.

Полин и Эбрахам назвали своих двух дочерей Вивиан и Эдит. Обе девочки выросли уже в Южной Калифорнии. Одна из этих дочерей, Вивиан, вышла замуж за

хорошего парня по имени Герман Миллмэн, которому родила двоих детей – дочь по имени Дайяна и сына Дэниэла...

И лишь после того, как моя бабушка Бабу, полное имя которой было Полин Чудом, рассказала мне свою историю – начиная со времени, как она выросла в лагере Дмитрия Закольева, и до того, как стала матерью на Новой Земле, – я по-настоящему понял, какие страсти, какие невзгоды выпали на долю моей бабушки – чтобы увенчаться в конечном счете ее личной победой.

Вот так и получилось, что моим наставником стал мой собственный прадед, Сергей Иванов, когда мы наконец познакомились с ним в 1967 году в Беркли, – прадед, которого моя мать так и не встретила.

Теперь я понимаю, почему он так улыбался в тот вечер, когда я совершенно неожиданно для себя, повинувшись внутреннему порыву, назвал его Сократесом, как того греческого мудреца, которым так восхищались мой прапрапрадед Гершль Рабинович и его прекрасная дочь Наталья.

Мой прадед Сергей Иванов, которого я знал как Сократеса, был человеком изобретательным – более, чем я мог себе представить. Те из вас, кто читал мою книгу «Путь мирного воина», могут вспомнить, как в 1968 году Сократес сказал мне: «Я уже много лет наблюдаю за тобой».

Несколько лет спустя, в первый раз открыв его дневник, я обратил внимание, что первая запись была сделана 22 февраля 1946 года – точно в день моего рождения, за двадцать два года до того, как мы с ним встретились.

За то время, что мы провели вместе, Сократес так и не открылся, что мы родственники, – может быть, по той же причине, по которой он предпочел не вмешиваться в жизнь моей бабушки Полин и ее семьи. В его дневнике также нет ни слова о родственных связях с нашей семьей. Правду я узнал только от самой Бабу. Это она сказала мне, что много-много лет назад как-то писала Валерии, чтобы рассказать ей о новых именах, о своих детях и новом местонахождении.

Бабу лишь однажды, да и то очень ненадолго, встречалась с Сергеем, обменявшись с ним всего несколькими словами, – на похоронах моего деда Эбрахама (Константина). Позже, сосредоточившись на самых ранних своих воспоминаниях, я вспомнил один момент: похороны деда, мне четыре года, я стою рядом с матерью и чувствую себя ужасно неловко в своем темном костюмчике. Опускают гроб с телом моего деда Эйба, и мама плачет.

Я поднял глаза, и среди лиц, собравшихся на кладбище, заметил беловолосого человека, смотревшего прямо на меня. Чем-то он отличался от остальных людей, которые пришли проводить моего деда в последний путь. Не отрываясь, он смотрел прямо на меня и кивнул, прежде чем его лицо затерялось среди других лиц.

Теперь я понимаю, что Сократес знал о моем рождении и решил вести свой дневник начиная с того дня, чтобы однажды передать его мне. Этот самый дневник, вместе с историей жизни Бабу и позволил мне рассказать вам его историю – их историю.

Я верю, что мой прадед Сергей Иванов, словно ангел – хранитель, наблюдал за мной все те годы, ожидая подходящего времени. Сократес умел ждать. У него было

немало времени, чтобы выучиться терпению во время своих многочисленных одиссей на своем долгом пути к свету.

Далеко полночь, почти предрассветный час.

Древний беловолосый старик тихо сидит на пороге заправочной станции.

Прислонив кресло к стене, он дремлет, прикрыв глаза.

Эта заправка принадлежит ему, и он же работает здесь в ночную смену.

Его зовут Сергей Иванов.

Дэн Миллмэн, молодой атлет, студент колледжа, возвращается домой, но внезапно останавливается и, подчиняясь внутреннему порыву, подходит к заправке.

Он пока и сам не знает, что он хочет там найти...

Может быть, бутылку софт-дринка, или гамбургер – ведь он сегодня даже не обедал...

Сократес только улыбается самому себе, не открывая глаз...

Он здесь. Значит, настал час. Время начинать последнюю главу.

Эта история принимает факел от «Пути мирного воина».

Благодарности:

Одна голова хорошо – две лучше. Эта книга увидела свет благодаря многим людям – и живым, и тем, кого уже нет с нами.

Кендис Фурман, мой литературный агент, первой предложила мне написать «книгу о Сократесе» и взяла на себя руководство проектом с самого начала.

На ранних стадиях работы неоценимую редакторскую работу над этой книгой проделали Сьерра Прасада Миллмэн, Джой Миллмэн и Нэнси Гримли Карлтон – от самых первых набросков до окончательного варианта. Редактура чернового варианта, которую проделала моя дочь, помогла мне увидеть свежим глазом эту историю, пересказать отдельные места и сделать ее логическим продолжением следующей книги.

Издатель Стивен Гансельман приобрел права на эту книгу, еще когда она была скорее замыслом, чем готовым проектом, скорее полагаясь на свою интуицию, смелость, щедрость и безупречный вкус. Гидеон Вайль, мой редактор, поддерживал мое начинание на каждой стадии издательского процесса. Довести рукопись до ее окончательного вида, а затем вывести в свет – целиком заслуга Гидеона, а еще неподражаемой команды издательства «Харпер Сан-Франциско».

Вам тоже моя благодарность: Джефф Хоббс, Сэм Барри, Линда Волленбергер, Клодиа Бутот, Марджори Бученен, Терри Леонард, Присцилла Стаки, Микки Модлин, Марк Таубер, Джим Уорнер, Энни Коннолли и Джули-Рей Митчелл.

Особая благодарность Терри Лэму за прекрасное художественное оформление обложки.

Джон Гайдук, основатель Тренировочного Центра Русских Боевых Искусств в Голдене, штат Колорадо, щедро делился своим временем и опытом, не скупился на детальные проработки боевых сцен в книге и бесценные подсказки.

Огромную помощь в этом также оказала книга «Русская система», написанная Владимиром Васильевым, одним из самых известных в мире учителей русского боевого искусства.

И особая благодарность Валери Васильевой – несмотря на огромную занятость, она ответила на многие вопросы, которые помогли сохранить аутентичность в том, что касается русских традиций.

Другие эксперты, каждый в своей области, также помогли мне не выбиться из фактажа: Ровэн Бич, д-р Элисса Бемпорад; Давид Фишман, профессор еврейской истории из Еврейской Теологической Семинарии в Америке; Лоренс Г. Оффисер, профессор экономики в университете штата Иллинойс в Чикаго, профессор Гарлан Штельмах и Мэри Леспье, факультет гуманитарных наук, Калифорнийский Доминиканский университет; Четыре Стрелы (Дон Трент Джейкобе) из университета Северной Аризоны и Института Филдинга; Уильям Харрис; Дэвид Галланд; отец Владимир из собора Святой Троицы Русской Православной Церкви в Торонто, Канада, и Джо Бейн из кооперативной библиотечной системы Норе Бэй. Какие-либо погрешности против фактов в этой книге сделаны мной, не ими.

Все мои дочери – Холли, Сьерра и Чайна – не остались в стороне от моей работы, помогая всем, чем только возможно, и невозможно тоже. Они помогли создать атмосферу творчества вокруг моей работы и напоминали мне о многих важных вещах.

Моей жене и ангелу-хранителю Джой, на протяжении трех десятилетий укреплявшей и обогащавшей мою жизнь своей любящей поддержкой и житейской мудростью. Всегда моя первая и последняя читательница, она никогда не отказывала мне в мудром совете, укрепляя меня и в писательстве, и в жизни.

Наконец, я не могу не упомянуть моих покойных родителей Германа и Вивиан Миллмэн, их духовную щедрость и постоянную готовность к самопожертвованию. Благодаря им стало возможным продолжение этой истории, а также благодаря моим дедушкам и бабушкам, Полине и Эбрахаму Чудомам, Розе и Гарри Миллмэнам – все, как один, эмигранты из Украины. Благодаря их смелости выжили наши семьи.